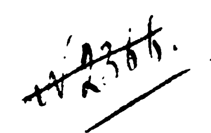
ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ

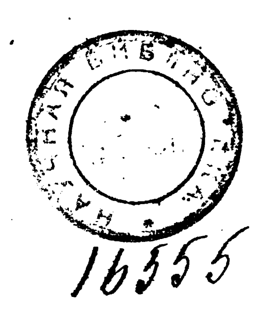
сочинение

А. БРИКНЕРА.

ЧАСТЬ I.

ПОСОШКОВЪ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., д. № 49—2).
1876.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

Исторія общества въ эпоху Петра Великаго мало разработана. О томъ, какъ относились современники къ дѣятельности великаго преобразователя, мы знаемъ почти исключительно изъ дѣлъ Преображенскаго тайнаго приказа. Намъ извѣстны главнымъ образомъ отзывы противниковъ реформы, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Такихъ противниковъ было много, какъ мы узнаемъ изъ исторіи стрѣлецкаго бунта, изъ исторіи раскола, изъ исторіи царевича Алексѣя Петровича и т. д. Иванъ Посошковъ говоритъ: „Нашъ монархъ на гору аще самъдесять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?" [1]). Множество данныхъ, сообщенныхъ г. Соловьевымъ въ „Исторіи Россіи", показываетъ намъ, какъ многимъ „становилось тѣсно отъ государя", какъ многіе жаловались, что со времени вступленія на престолъ Петра „свѣтлыхъ дней не видали", что „отдыху нѣтъ", что „тягота на міръ" и т. д. Называли Петра „міроѣдомъ", „антихристомъ", удивлялись тому, „что его по ся мѣсть не уходятъ", „нигдѣ его не убьютъ" и пр.

Петръ, какъ представитель эпохи просвѣщеннаго деспотизма, не могъ быть останавливаемъ подобными знаками общаго и повсемѣстнаго неудовольствія. Онъ былъ правъ, утверждая, „что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ объ общемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе" [2]). Онъ считалъ себя въ правѣ по случаю казни стрѣльцовъ возразить патріарху, желавшему остановить страшныя мѣры Петра:

---

[1]) Соч. I, 95.

[2]) *Соловьевъ*, XV, 96 и 97.

„Я исполняю свою обязанность и дѣлаю благоугодное дѣло, защищая народъ“ [1]). Не даромъ Фридрихъ Великій замѣтилъ о Петрѣ: „Il travaillait sur sa nation comme de l'eau forte sur le fer“.

Въ то время общество, слѣдившее за образомъ дѣйствій правительства, еще не имѣло возможности высказывать своего мнѣнія о современныхъ событіяхъ въ печати. Литература вообще, а публицистика въ особенности, не имѣли простора. При изученіи эпохи Петра, мы, къ сожалѣнію, лишены почти вовсе того важнаго пособія, которое заключается въ памятникахъ словесности. По крайней мѣрѣ сіи послѣдніе лишь рѣдко имѣютъ предметомъ вопросы государственнаго и общественнаго состоянія и развитія. Понынѣ, впрочемъ, исторіографія, имѣвшая главнымъ предметомъ политическія событія и развѣ только въ видѣ исключенія обращавшая вниманіе на состояніе и развитіе общества, мало нуждалась въ такого рода источникахъ. При новѣйшемъ направленіи исторической науки однако исторія общества, исторія народа, исторія умственной и нравственной атмосферы все болѣе и болѣе становятся важнѣйшимъ предметомъ вниманія историковъ. Мы не только желаемъ узнавать о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ законодателей, администраторовъ, полководцевъ; намъ кажется, по крайней мѣрѣ, столько же любопытнымъ отношеніе къ нимъ общества. Кромѣ немногихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ политической исторіи, наше вниманіе обращаетъ на себя и сцена, на которой происходятъ событія. Кромѣ иниціативы правительства, оказывается важною и почва, на которой оно дѣйствуетъ болѣе или менѣе успѣшно. Понынѣ при разборѣ исторіи эпохи Петра гораздо бо̀льшимъ вниманіемъ пользовался молотъ: наковальня же оставалась на заднемъ планѣ.

Ничто столько не содѣйствовало приведенію въ ясность главныхъ вопросовъ исторіи дореволюціонной Франціи какъ изученіе состоянія французскаго общества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, оппозиціонной литературы, публицистики вообще; изученіе писемъ Юніуса вводитъ насъ во всѣ существенные вопросы политической исторіи Англіи въ эпоху царствованія Георга III; „Epistolae obscurorum virorum“ и пасквили противъ средневѣковой церкви можно отнести къ самымъ важнымъ матеріаламъ для исторіи періода реформаціи въ Германіи; комедіи Аристофана служатъ важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи пелопоннесской войны. Отсутствіе подобныхъ памятниковъ сло-

---

[1]) *Устрялов*, III, 216.

вѣсности при изученіи исторіи эпохи Петра Великаго затрудняетъ занятія историческаго изслѣдователя. Между тѣмъ какъ государи и министры-преобразователи на западѣ могутъ считаться учениками современной имъ литературы просвѣщенія, Петръ не могъ находиться подъ вліяніемъ какой-либо партіи прогрессистовъ-писателей въ Россіи. Направленіе общественнаго мнѣнія доходило до свѣдѣнія правительства, главнымъ образомъ, въ застѣнкахъ Преображенскаго тайнаго приказа, публицистики не было; общимъ правиломъ было глубокое молчаніе.

При всемъ томъ однако общество въ Россіи не переставало слѣдить за дѣйствіями правительства, разсуждать о нихъ, хотя и не громко. Рѣдко масса народа одобряла мѣры Петра; чаще, гораздо чаще, она осуждала ихъ. Заговоры и бунты, неосторожныя рѣчи недовольныхъ, революціонныя движенія въ различныхъ классахъ общества, безпрестанныя полицейскія распоряженія начальства для подавленія мятежнаго духа доказываютъ, каково было броженіе умовъ. Посошковъ былъ правъ: милліоны тянули подъ гору.

Чѣмъ болѣе становились мало по малу извѣстными данныя, относящіяся къ этому движенію массы противъ Петра, тѣмъ болѣе любопытнымъ должно считать историческій матеріалъ, доставляющій намъ возможность ознакомиться съ взглядами того меньшинства въ народѣ, которое вполнѣ сочувствовало Петру и его преобразовательной дѣятельности. Вотъ почему изученіе литературной дѣятельности Ивана Посошкова можетъ служить значительнымъ пополненіемъ историческаго матеріала, относящагося къ исторіи Петра.

Посошковъ можетъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ представителемъ литературы просвѣщенія XVIII вѣка. Онъ заслуживаетъ нѣкоторымъ образомъ названіе энциклопедиста, потому что его сочиненія затрогиваютъ множество наукъ, мѣстами заключаютъ въ себѣ столь же любопытныя обобщенія и тезисы, какъ сочиненія знаменитыхъ публицистовъ запада. Исходною точкою для Руссо и для Монтескьё, какъ и для Посошкова, служатъ основныя понятія о человѣколюбіи, о правдѣ и о нравственности вообще. Обсуждая вопросы законодательства, администраціи, школы, церкви, народнаго хозяйства, общественной нравственности и т. д., онъ соединяетъ понятія объ общихъ началахъ съ техническимъ знаніемъ дѣла. Не будучи литераторомъ, онъ можетъ быть названъ публицистомъ; не бывши философомъ, онъ былъ столь опытенъ въ дѣлахъ общежитія, что имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ право повторить изреченіе: „Nihil humani

a me alienum puto". Его начитанность ограничивалась знакомствомъ со Священнымъ Писаніемъ и нѣкоторыми произведеніями духовной литературы, но дѣла, приключенія обыденной жизни, путешествія въ различныя области Россіи, отношенія къ различнымъ сословіямъ и къ органамъ правительства служили ему полезною школою. Главнымъ наставникомъ его былъ Петръ Великій, который, подобно Посошкову, былъ самоучкою, котораго, также какъ Посошкова, воспитывала жизнь, и который, какъ и крестьянинъ села Покровскаго, былъ горячимъ патріотомъ, предпріимчивымъ и смѣлымъ преобразователемъ и подъ часъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Оба любили не только учить, но и учиться. Оба сознавали необходимость крутыхъ реформъ. Оба предлагали сильныя мѣры, для исцѣленія язвъ въ общественномъ организмѣ Россіи. А между тѣмъ Петръ и Посошковъ едва знали другъ друга лично. Мы увидимъ, что сначала между ними существовали кое-какія офиціальныя сношенія; но попытки Посошкова сблизиться съ Петромъ въ послѣднее время жизни обоихъ не увѣнчались успѣхомъ. Вѣроятно, Петръ и не подозрѣвалъ, что въ скромномъ крестьянинѣ онъ имѣлъ ревностнаго сотрудника въ дѣлѣ реформы, что „мизирнѣйшій и всенижайшій рабичишь" во всю свою жизнь трудился на пользу Россіи и государя, и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые „самъ-десятъ съ монархомъ тянули на гору".

Другіе публицисты XVIII вѣка, богатые теоріями и предлагавшіе важныя реформы, находили гораздо легче способы обращенія на себя вниманія публики и правительствъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже занимали высокія мѣста въ обществѣ или въ государствѣ. Тюрго былъ министромъ, Адамъ Смитъ имѣлъ прямое и сильное вліяніе на законодательство не только Англіи, но и другихъ государствъ. Они, разумѣется, гораздо лучше Посошкова были приготовлены къ практической политической дѣятельности; да и почва, на которой они дѣйствовали, была лучше приготовлена для приведенія въ исполненіе широкихъ преобразовательныхъ мыслей и смѣлыхъ проектовъ реформы. Хотя однако Посошковъ образованіемъ, начитанностью, опытностью въ политическихъ дѣлахъ далеко уступаетъ корифеямъ западно-европейской литературы просвѣщенія, многія высказанныя имъ мысли и соображенія, многія общія положенія и выводы отличаются тою ясностью и мѣткостью, которыя встрѣчаются въ знаменитѣйшихъ произведеніяхъ публицистики въ западной Европѣ.

Разумѣется, во многихъ отношеніяхъ Посошковъ оказывается отсталымъ сторонникомъ старины, ограниченнымъ борцомъ за предраз-

судки и суевѣріе; чаще однако онъ является смѣлымъ прогрессистомъ, радикальнымъ преобразователемъ, мѣстами даже, по крайней мѣрѣ по тогдашнимъ понятіямъ, отчаяннымъ проводникомъ новыхъ революціонныхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ и на самаго Петра, и на всю эпоху Петра, соединявшихъ въ себѣ въ странной смѣси старое и новое, кнутъ и пытку XVII столѣтія и либерализмъ XIX вѣка, грубость нравовъ прежнихъ временъ и утонченность послѣдняго времени, восточный деспотизмъ, отчасти даже китаизмъ до-Петровской Россіи и зачатки коренныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Такъ, и Посошковъ, съ одной стороны, отстаиваетъ самые сложные пріемы полиціи и бюрократіи, а съ другой — является ревностнымъ поборникомъ свободы личности. Въ одно и то же время онъ, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Домостроя", ратуетъ противъ новыхъ идей въ области педагогики и религіи и — признаетъ результаты новаго просвѣщенія и требуетъ коренныхъ измѣненій относительно быта духовенства. Въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ могъ казаться слишкомъ ревностнымъ защитникомъ казенныхъ интересовъ; другіе съ удивленіемъ могли прислушиваться къ его предложеніямъ устроить что-то въ родѣ законодательнаго собранія. Съ одной стороны, Посошковъ, хотя и самъ крестьянинъ, осуждаетъ рѣзко испорченность крестьянскаго сословія и можетъ казаться противникомъ крестьянской реформы; съ другой— онъ за полтораста лѣтъ до этой реформы предлагаетъ важныя мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Съ одной стороны, ему и въ голову не приходитъ, что пытка есть безсмысленное, варварское и нисколько не цѣлесообразное учрежденіе, а съ другой — онъ относительно судопроизводства высказываетъ понятія, достойныя создателей закона „Habeas corpus".

Нѣтъ основанія видѣть во всемъ этомъ противорѣчіе, отсутствіе послѣдовательности или логичности мыслей. Онъ былъ произведеніемъ этой эпохи; сильная, упорная борьба противоположныхъ мнѣній должна была и въ умныхъ, просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ людяхъ, любившихъ отечество и стремившихся къ истинѣ, породить такую смѣсь различныхъ мнѣній. Въ отношеніи ко многимъ вопросамъ Посошковъ далеко предупредилъ своихъ современниковъ, въ отношеніи къ другимъ онъ раздѣлялъ всецѣло понятія и убѣжденія большинства послѣднихъ. Увлекаться слишкомъ далеко, выдумывать утопіи было для него невозможно уже потому, что онъ и по своему образованію, и по своему общественному положенію былъ

чуждъ всякому доктринерству и схематизму. Практика воспитывала его. Вся его литературная дѣятельность имѣла лишь однѣ практическія цѣли.

Цѣлью нашего разсужденія служитъ разборъ жизни и публицистической дѣятельности Ивана Посошкова. Прежде всего мы указываемъ на то вниманіе, которымъ пользовался Посошковъ у потомства, на то мѣсто, которое принадлежитъ ему въ русской исторической литературѣ. Затѣмъ мы предлагаемъ очеркъ біографіи Посошкова. Наконецъ, мы надѣемся подвергнуть разбору взгляды Посошкова на главные вопросы общежитія, на религію и церковь, на правосудіе и полицію, на финансы и войско, на торговлю, промышленность и земледѣліе.

Историческая литература объ Иванѣ Посошковѣ.

Полторасто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Посошковъ. Не ранѣе однако какъ сто почти лѣтъ тому назадъ имя Посошкова впервые является въ печати. Значитъ, въ продолженіе полувѣка послѣ кончины извѣстнаго весьма лишь немногимъ лицамъ сотрудника Петра Великаго не было со стороны исторической науки обращено почти никакого вниманія на личность и дѣятельность Посошкова. Нѣкоторыя изъ его сочиненій и понынѣ остаются не открытыми, другія были найдены случайно и постепенно въ продолженіе послѣдняго столѣтія.

Нельзя однако сказать, чтобы Посошковъ въ первыя десятилѣтія, слѣдующія за его кончиной, оставался совершенно неизвѣстнымъ русской публикѣ. Существовало нѣсколько списковъ главнѣйшихъ его сочиненій. Здѣсь и тамъ встрѣчаются намеки, изъ которыхъ видно, что эти сочиненія читались, переписывались и могли имѣть нѣкоторое вліяніе на современниковъ императрицъ Елизаветы и Екатерины.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки Императорской Академіи Наукъ были найдены списки нѣкоторыхъ сочиненій Посошкова. На послѣдней страницѣ списка главнаго изъ нихъ — „О скудости и богатствѣ“, писецъ отъ себя или по указанію академическаго библіотекаря прибавилъ: „Списана 1752 года, а для списанія получена отъ г. совѣтника Михаила Васильевича Ломоносова“. Гдѣ взялъ Ломоносовъ свой списокъ, съ котораго велѣно было снять копію, неизвѣстно. Въ журналѣ канцеляріи Ака-

демін Наукъ, 11-го февраля 1752 года, говорится только: „Книгу, называемую о скудости и богатствѣ, въ вѣдомствѣ асессора и унтеръ-библіотекаря г. Тауберта, на чисто переписать и по переписаніи... оригиналъ внесть въ канцелярію“.

Съ почину Ломоносова дѣло пошло, какъ видно, дальше. Въ академической библіотекѣ есть рукопись подъ заглавіемъ: „Книга о размѣреніи земли пашенной по росписанію крестьянскаго тягла десятинъ, пятинъ, четвертей, получетвертей и полъ-получетвертей и меньши, описанное какъ государевыхъ селъ, такъ и черныхъ волостей, помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по качеству въ плодоносію доброй, средней и худой земли“. Въ концѣ (стр. 61) писецъ замѣтилъ: „Списана при Академіи Наукъ 1755 года“. На какомъ основаніи и когда въ первый разъ рукопись академической библіотеки приписана была Посошкову—остается покуда неизвѣстнымъ. Но касательно одного небольшаго сборника in-fol. въ академической библіотекѣ это не подлежитъ сомнѣнію: не только въ каталогѣ академическихъ рукописей, составленномъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, сочинителемъ значится Посошковъ, но тоже выходитъ и изъ другихъ обстоятельствъ, такъ что нѣтъ болѣе надобности и доказывать это. Въ концѣ сборника присовокуплено: „Съписана изъ книгъ бывшаго при синодѣ оберъ-секретаря Леванидова 1756 году маія 18 дня“. Въ концѣ первой статьи, имѣющей заглавіе: „Проэктъ о школахъ“, подписано „Убогій земледѣлецъ, Московскій уроженецъ Иванъ Посошковъ“ [1]). Изъ этихъ данныхъ видно, что въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка занимались уже Посошковымъ. Между владѣльцами списковъ или рукописей его сочиненій встрѣчаются членъ Академіи Наукъ, знаменитый Ломоносовъ, и оберъ-секретарь синода.

Изъ другихъ данныхъ видно, что другое сочиненіе Ивана Посошкова, „Отеческое завѣщаніе къ сыну“ пользовалось вниманіемъ частныхъ лицъ, а именно купцовъ и крестьянъ. На рукописи этого сочиненія, открытой и изданной недавно г. Андр. Поповымъ, сохранились позднія разныхъ почерковъ записи прежнихъ владѣльцевъ: 1) „Сия книга дому Московской второй гильдии купца Якима Петрова 1760 г. ноября дня“. 2) „Сия книга кресьянина Финогена Степановича Давыдова“. На оборотѣ послѣдняго листа дѣтскимъ почеркомъ написано:

[1]) См. *Записки Импер. Академіи Наукъ*, V, 62—63: Извѣстіе о неизданныхъ сочиненіяхъ Ивана Посошкова, акад. *А. Куника*.

„Милостивому моему государю и братцу“, и затѣмъ повторена запись: „Сия книга Московской второй гильдии купца Іоакима Петрова“ [1]).

Отсюда видно, что это сочиненіе Посошкова въ то время служило чтеніемъ для людей скромнаго состоянія. Въ кругахъ крестьянъ и купцовъ, быть можетъ, встрѣчались еще другіе списки этого труда. Содержаніе „Отеческаго завѣщанія“ было общедоступно; оно имѣло общій нравоучительный характеръ. Поэтому такое сочиненіе весьма удобно могло служить подаркомъ въ семействахъ.

Однако не ранѣе 1772 года имя Посошкова какъ писателя было упомянуто въ печати, а именно въ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Николая Новикова (С.-Пб. 1772). Вотъ отзывъ его: „Посошковъ Иванъ. Изъ сочиненій его осталась только книга о скудости и богатствѣ, хранящаяся рукописною въ Императорской библіотекѣ“.

Немногимъ позже, а именно въ 1793 году, впервые явилось въ печати одно изъ мелкихъ сочиненій Посошкова. Въ Москвѣ было открыто письмо Посошкова къ Головину и издано въ 1793 г. Ѳ. Розановымъ подъ заглавіемъ: „Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отеческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писано въ 1708 году. Иждивеніемъ Ѳ. Розанова“ (въ 16-ю долю, 123 стр.). Въ этой брошюрѣ, значитъ, были напечатаны двѣ рукописи, изъ которыхъ только первая и обширнѣйшая была сочиненіемъ Посошкова. Имя автора втораго сочиненія — письма къ сыну въ Голландію — осталось неизвѣстнымъ. Напрасно это послѣднее сочиненіе г. Погодинымъ, а вслѣдъ за нимъ нѣкоторыми другими учеными было считаемо также за сочиненіе Ивана Посошкова. Въ особенномъ изслѣдованіи мы старались доказать, что нѣтъ основанія приписывать Посошкову этотъ трудъ, и что, напротивъ, нѣкоторые довольно сильные поводы заставляютъ думать, что письмо къ сыну было писано какимъ-либо дворяниномъ и богатымъ человѣкомъ [2]).

Ѳ. Розановъ не приложилъ никакого комментарія къ своему изданію, не занялся разборомъ содержанія издаваемаго имъ сочи-

---

[1]) См. Завѣщаніе отеческое къ сыну. Соч. *Ив. Посошкова*, откр. и издано *Андр. Поповымъ*. Москва, 1873, стр. III.

[2]) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1874 августъ, стр. 779—826: «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову».

ненія Посошкова и ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Сіе старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно, ибо показываетъ образъ мыслей, какой имѣли Русскіе минувшаго столѣтія о новыхъ въ государствѣ нашемъ европейскихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предразсудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Посошкова, до тактики касающіяся, не смотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Разчисленія его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ снарядамъ. Въ похвалу сочинителя служитъ то, что онъ писалъ отъ добраго сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, отъ государевыхъ предначинаній происходившую, но не въ силахъ былъ, по непросвѣщенію своему, проникать далѣе“.

Митрополитъ Евгеній, въ своемъ „О русскихъ свѣтскихъ писателяхъ“ называя два сочиненія Посошкова: 1) „О скудости и богатствѣ“ и 2) донесеніе Головину, изданное Розановымъ, замѣчаетъ при этомъ, что первое сочиненіе, писанное въ 1724 году, хранится рукописнымъ въ Императорской библіотекѣ, что сочинитель въ припискѣ говоритъ, что писалъ эту книгу три года, и что она посвящена государю Петру Великому.

Вѣроятно, и Евгеній и Новиковъ, говоря о рукописи сочиненія „О скудости и богатствѣ“, хранящейся въ Императорской библіотекѣ, имѣли въ виду ту самую рукопись академической библіотеки, о которой было упомянуто выше.

Въ 1815 году, въ первой части *Русскихъ достопамятностей*, издаваемыхъ Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, было помѣщено К. Ѳ. Калайдовичемъ открытое имъ между рукописями Московской типографской синодальной библіотеки „Донесеніе Ивана Посошкова“, писанное къ митрополиту Стефану Яворскому, тогдашнему блюстителю патріаршескаго престола. Калайдовичъ не упомянулъ при этомъ случаѣ о главномъ сочиненіи Посошкова „О скудости и богатствѣ“, на которое указывали Новиковъ и Болховитиновъ. Онъ замѣчаетъ въ предувѣдомленіи: „Имя Посошкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предложенію, поданному боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину, относяще-

муся въ военной наукѣ (изданному г-мъ Розановымъ)". Кажется, Калайдовичъ не сдѣлалъ той ошибки, которую, какъ мы видѣли, дѣлали другіе ученые, приписывая письмо къ сыну, находившемуся въ Голландіи, также Посошкову. Онъ упоминаетъ лишь о донесеніи Головину.

Калайдовичъ также не сопровождаетъ своего изданія замѣчаніями или комментаріемъ. Онъ говоритъ только: „Должно дивиться изяществу мыслей, не весьма обыкновенныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образовать своихъ врожденныхъ способностей".

Въ продолженіе слѣдующихъ десятилѣтій никто не обращалъ вниманія на жизнь и сочиненія Посошкова, пока наконецъ въ 1842 г. не явилось въ печати приготовленное М. П. Погодинымъ изданіе: „Сочиненія Ивана Посошкова, изданы на иждивеніи Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ".

Г. Погодину посчастливилось найдти списокъ сочиненія „О скудости и богатствѣ" между разными книгами, купленными Т. Ѳ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ, въ 1840 г., послѣ покойнаго И. И. Лаптева, извѣстнаго собирателя отечественныхъ древностей. Въ введеніи къ своему изданію г. Погодинъ сообщаетъ намъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело на него чтеніе этой драгоцѣнной рукописи. Его поразила полнота содержащагося въ этомъ сочиненіи изслѣдованія о состояніи Россіи во время Петра I, многосторонность, съ которою Посошковъ обсуждалъ разные государственные вопросы, смѣлость и мѣткость, съ которыми онъ предлагалъ важныя политическія мѣры, подобныя тѣмъ, коими прославились царствованія Екатерины II и Александра I. Г. Погодинъ называетъ Посошкова геніальнымъ, великимъ русскимъ политикомъ-самоучкою, удивляется тому, что Посошковъ „лѣтъ за патьдесятъ до политической экономіи въ Европѣ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями системы, а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни".

Г. Погодинъ къ изданію дотолѣ неизвѣстнаго сочиненія „О скудости и богатствѣ" присоединилъ второе изданіе уже извѣстныхъ вышеупомянутыхъ сочиненій Посошкова, изданныхъ Розановымъ и Калайдовичемъ, и при этомъ случаѣ, введенный въ заблужденіе неясностью заглавія въ изданіи Розанова, считалъ и письмо къ сыну, находившемуся въ Голландіи, сочиненіемъ Посошкова. Въ предисло-

віи г. Погодинъ предложилъ составленный по содержанію сочиненій Посошкова біографическій очеркъ и нѣкоторыя замѣчанія о неизданныхъ трудахъ Посошкова, о слогѣ и характерѣ его сочиненій и о спискахъ, употребленныхъ имъ при изданіи сочиненій Посошкова.

Чрезвычайно любопытно сообщеніе г. Погодина, что главное сочиненіе Посошкова даже до своего обнародованія возбудило сомнѣнія. Разнеслись слухи, что оно принадлежало не крестьянину Ивану Посошкову, но князю Борису Алексѣевичу Голицыну, боярину Головину, какому-то Новгородскому дворянину, наконецъ, что оно было писано только въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ эпоху созванія его депутатовъ. Узнавъ объ этихъ слухахъ, г. Погодинъ въ *Москвитянинѣ* предложилъ вопросъ о доказательствахъ, но никто не представилъ отвѣта [1]). Однако долго не прекращались сомнѣнія, отрицанія и даже насмѣшки. Самое существованіе Посошкова было заподозрѣно, не смотря на изданія Розанова и Калайдовича, на замѣчанія въ словаряхъ Новикова и митрополита Евгенія. Г. Погодинъ разказываетъ, во введеніи къ изданію второй части сочиненій Посошкова [2]), какъ нѣкоторые его пріятели, изъ самыхъ образованныхъ людей вознегодовали на него и на Посошкова за его мысли о крестьянахъ, объ отношеніи ихъ къ помѣщикамъ и о необходимости опредѣлить ихъ судьбу, какъ другіе завидовали открытію и старались уменьшить его достоинства, съ какими усиліями онъ долженъ былъ отстаивать своего героя, и съ какими затрудненіями долженъ былъ бороться при изданіи въ 1842 году сочиненія „О скудости и богатствѣ“ между прочимъ и со стороны цензуры. Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и неудачъ, министръ С. С. Уваровъ принялъ Посошкова подъ свое покровительство и чрезъ нѣсколько времени прислалъ г. Погодину рукопись, подписанную тогдашнимъ лучшимъ цензоромъ Корсаковымъ. Очевидно, слухи о томъ, что Посошкова никогда не существовало, дошли до Уварова, который, 8-го октября 1841 г., писалъ къ г. Погодину: „О Посошковѣ постараюсь доставить вамъ въ скоромъ времени разрѣшеніе; множество (sic) между тѣмъ списковъ встрѣчаются въ библіотекахъ и архивахъ. *Желательно бы опредѣлить, не псевдонимъ ли?* [3])“.

Г. Погодинъ вслѣдствіе этого счелъ нужнымъ доказывать, что никто

---

[1]) См. Соч. Пос. I. XXI.

[2]) Соч. Пос., II Москва, 1863, стр. XI.

[3]) См. *Русскій архивъ* 1871 г., стр. 2100. Для біографіи графа Уварова.

изъ вышеупомянутыхъ лицъ не могъ быть авторомъ сочиненій, подъ которыми была подпись Посошкова. Такъ, напримѣръ, онъ указывалъ на то обстоятельство, что князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, человѣкъ самый приближенный къ Петру, едва ли имѣлъ бы нужду скрывать свое имя предъ бывшимъ своимъ воспитанникомъ, и что его не было въ живыхъ съ 1713 года, между тѣмъ какъ подъ сочиненіемъ „О скудости и богатствѣ" подписанъ 1724 г., и въ немъ говорится объ указахъ и мѣрахъ 1718 и 1719 гг.; боярину Θеодору Алексѣевичу Головину не могло оно принадлежать, ибо ему представлено Посошковымъ сочиненіе „О ратномъ поведеніи", которое повторено съ прибавленіями въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ"; дворяниномъ вообще это сочиненіе не могло быть написано, ибо проникнуто все плебейскимъ духомъ противъ притѣсненій и злоупотребленій дворянства того времени. Далѣе, изъ рукописей каждый могъ заключить, что онѣ были писаны прежде царствованія Екатерины II. Иностранныя слова, разсѣянныя въ сочиненіи, могли быть извѣстны и человѣку скромнаго происхожденія, потому что эти слова встрѣчались въ печатныхъ книгахъ, при Петрѣ изданныхъ[1]). Въ то время различіе между образованіемъ бояръ и простыхъ людей не было такъ разительно, какъ нынѣ, ибо происходило изъ одного и того же источника. Сочинитель къ тому же слишкомъ коротко знакомъ съ простонароднымъ бытомъ, и судя по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ низшему сословію. Ясный взглядъ на вещи, умъ творческій—все это явленіе естественное и возможное и между простолюдинами.

Вотъ каковы были доводы г. Погодина, имѣвшіе цѣлью доказать, что Посошковъ не былъ псевдонимомъ. Разумѣется, можно было бы представить еще гораздо болѣе основательную аргументацію въ пользу авторства Посошкова. Но самое обнародованіе перваго тома сочиненій Посошкова, біографическій очеркъ, составленный г. Погодинымъ, и многія частности, относящіяся къ жизни и литературной дѣятельности Посошкова, открытыя въ продолженіе слѣдующаго времени, сдѣлали невозможнымъ такое сомнѣніе.

Нельзя сказать однако, чтобъ изданіе сочиненій Посошкова г. По-

---

[1]) Г. Погодинъ еще прибавилъ къ этому, что Посошковъ могъ узнать о такихъ терминахъ чрезъ сына, путешествовавшаго за границею. Такъ какъ мы знаемъ, что «письмо къ сыну» не можетъ считаться произведеніемъ Посошкова, этотъ аргументъ для насъ не существуетъ.

динымъ произвело глубокое впечатлѣніе на публику вообще и на историковъ въ особенности, или вызвало какія-либо изслѣдованія по части бытовой исторіи эпохи Петра Великаго. Въ то время еще не столь успѣшно, какъ въ шестидесятыхъ годахъ и въ нынѣшнее время, занимались новою русскою исторіей. Останавливались скорѣе на разборѣ вопросовъ исторіи древней Руси. Къ тому же исторія хозяйства почти вовсе не существовала, между тѣмъ какъ Посошковъ можетъ быть названъ первымъ русскимъ экономистомъ, если не считать таковымъ Юрія Крижанича, получившаго однако свое образованіе главнымъ образомъ за границею.

Вообще бытовая исторія, исторія культуры была тогда весьма мало разработана, между тѣмъ какъ сочиненія Посошкова заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ именно для этой отрасли исторической науки. Наконецъ, и публицистика вообще въ началѣ сороковыхъ годовъ была менѣе оживленною; существовало сравнительно немного періодическихъ изданій, которыя могли бы съ сочувствіемъ встрѣтить обнародованіе столь драгоцѣннаго памятника. Появленіе въ свѣтъ сочиненія „О скудости и богатствѣ" было встрѣчено довольно холодно. Въ *Москвитянинѣ* явилось составленное самимъ же г. Погодинымъ извлеченіе изъ сочиненій Посошкова [1]). Другихъ подробныхъ разборовъ сочиненій Посошкова, обширныхъ статей объ этомъ предметѣ не явилось вовсе. Г. Погодинъ предоставлялъ профессорамъ политической экономіи и юриспруденціи заняться вопросомъ о значеніи Посошкова въ исторіи этихъ наукъ. Никто не брался за эту задачу. Лишь изрѣдка въ сочиненіяхъ экономическаго или историческаго содержанія и то лишь въ видѣ украшенія или съ риторическимъ оттѣнкомъ, встрѣчались ссылки на Посошкова, выписки изъ его сочиненій; полною разработкою сочиненій Посошкова никто не занялся. Поэтому намъ кажется, что услуга, оказанная г. Погодинымъ наукѣ русской исторіи чрезъ изданіе сочиненія „О скудости и богатствѣ", далеко недостаточно была оцѣнена современными учеными. Тѣмъ не менѣе, хотя и не ранѣе какъ почти двадцать лѣтъ спустя, нѣкоторыя открытія въ архивахъ, относившіяся къ Посошкову, снова обратили на него вниманіе науки.

Чрезвычайно любопытно было открытіе одного довольно мрачнаго эпизода изъ исторіи Посошкова, относящагося къ 1697 году. Открытіе это было сдѣлано г. Соловьевымъ и сообщено имъ въ статьѣ

---

[1]) 1842, № 3.

„Школа Посошкова“ въ *Библіографическихъ запискахъ* 1861 г. № 5. Чрезъ эту статью сдѣлались извѣстными нѣкоторыя весьма важныя черты въ первыхъ фазисахъ жизни Посошкова.

Около того же времени было сдѣлано г. Есиповымъ еще важнѣйшее открытіе, пролившее яркій свѣтъ на конецъ жизни и дѣятельности Посошкова. Въ государственномъ архивѣ оказались собственноручныя бумаги Посошкова, и между прочимъ, полусгнившая черновая просьба Петру, при которой онъ представилъ свое главнѣйшее произведеніе „Книгу о скудости и богатствѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ были найдены бумаги, относящіяся къ послѣднимъ страданіямъ Посошкова, находившагося подъ судомъ и скончавшагося въ крѣпости, множество данныхъ о его денежныхъ дѣлахъ, промышленныхъ предпріятіяхъ, отношеніяхъ къ родственникамъ и пр. [1]).

Въ сенатскомъ архивѣ и въ кабинетныхъ дѣлахъ академикъ Устряловъ, занимавшійся исторіей Петра, нашелъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ экономическому положенію Посошкова и къ его родственникамъ. Напрасно только Устряловъ, сообщая нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, черты изъ жизни его въ введеніи въ исторію Петра [2]), замѣчаетъ: „Вотъ все, что̀ извѣстно о жизни сего перваго русскаго политико-эконома, занявшаго не послѣднее мѣсто между нашими писателями своимъ сочиненіемъ о скудости и богатствѣ“— тогда какъ въ предисловіи къ своему изданію въ 1842 году, значитъ, за 16 лѣтъ до изданія перваго тома „Исторіи Петра Великаго“, г. Погодинъ уже собралъ довольно много данныхъ о жизни Посошкова, заимствованныхъ, впрочемъ, исключительно изъ его сочиненій.

Г. Погодинъ имѣлъ два списка другаго и весьма обширнаго сочиненія Посошкова, а именно „Зерцала“, но не обращалъ на нихъ вниманія, потому что имя автора этихъ рукописей ему не было извѣстно. Въ пятидесятыхъ годахъ однако Ю. Ѳ. Самарину въ Костромскомъ Бѣлбажскомъ монастырѣ попалось это сочиненіе съ надписью въ концѣ: *Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, творецъ книжицы сея 1709 года*. Г. Самаринъ сообщилъ это извѣстіе г. Погодину, который по этому поводу тотчасъ же принялся за изученіе рукописей, до тѣхъ поръ остававшихся у него въ пренебреженіи, и на первыхъ же страницахъ увидѣлъ тотъ же здравый смыслъ, тотъ же ясный взглядъ, тотъ же твердый убѣдительный языкъ, которые встрѣчаются въ

---

[1]) См. статью г. *Есипова* въ *Русскомъ Словѣ* 1861, іюль, стр. 1—23.
[2]) Стр. LX.

извѣстныхъ уже сочиненіяхъ Посошкова. Къ тому же нельзя было не удивляться начитанности Посошкова, его живому участію въ вопросѣ о расколѣ. Мѣстами въ этомъ сочиненіи встрѣчались слишкомъ рѣзкія выраженія, обнаружившія безусловную нетерпимость.

Въ то время, когда сдѣлано было это открытіе, нельзя было не усомніаить цензуры и подумать печатать это сочиненіе Посошкова. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1863 г., оказалось возможнымъ издать эту *вторую часть* Сочиненій Посошкова (Москва, 1863). Здѣсь издатель помѣстилъ „Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ“ въ дополненіе къ сообщеннымъ въ предисловіи первой части и перечислилъ и частію перепечаталъ нѣкоторые изъ тѣхъ новыхъ документовъ о Посошковѣ, которые были открыты въ промежутокъ между 1842 и 1863 годами.

Сочиненіе „Зерцало“ значеніемъ своимъ далеко уступаетъ сочиненію „О скудости и богатствѣ“; оно имѣетъ исключительно богословскій характеръ и не заключаетъ въ себѣ столь богатаго матеріала для бытовой исторіи Россіи въ эпоху Петра. Однако занятія этимъ сочиненіемъ освѣжили въ г. Погодинѣ память о замѣчательномъ современникѣ Петра Великаго. Архивныя данныя, открывшія жалкій конецъ жизни Посошкова [1]), произвели на издателя его сочиненій потрясающее впечатлѣніе. Узнавъ, что Посошковъ похороненъ у церкви Самсонія страннопріимца [2]) въ Петербургѣ, г. Погодинъ, въ 1869 г., отправился къ „Самсонію“; но при церкви не оказалось никакихъ свѣдѣній о Посошковѣ. Онъ отслужилъ панихиду „по рабѣ Божіѣ Иванѣ“ и попросилъ священника совершить литургію заупокойную въ день кончины Посошкова, 1-го февраля. Краснорѣчиво сообщаетъ г. Погодинъ о чувствахъ, наполнившихъ его душу во время службы. Тутъ выражается и глубокое сожалѣніе о томъ, что ни современники, ни потомство не умѣли цѣнить заслугъ Посошкова, и нѣкоторая вполнѣ справедливая гордость, что ему, М. П. Погодину, выпало на долю „помянуть добромъ страдальца, исторгнуть славное русское имя изъ забвенія“.

Въ первомъ томѣ сочиненій Посошкова было напечатано „Отече-

[1]) О кончинѣ И. Посошкова въ Петропавловской крѣпости г. Погодинъ узналъ лишь случайно чрезъ оттискъ моей статьи, напечатанной въ журналѣ *Baltische Monatsschrift*, т. VI, кн. 2, см. предисловіе ко второму тому Сочиненій Посошкова, стр. XVI.

[2]) Г. Погодинъ говоритъ: «на Васильевскомъ островѣ» между тѣмъ какъ эта церковь находится на такъ называемой Выборгской сторонѣ.

свое завѣщательное поученіе „посланному для обученія въ дальнія страны юному сыну", о которомъ въ послѣднее время было доказано, что оно не можетъ быть сочиненіемъ Посошкова. Точно также и во второмъ томѣ сочиненій Посошкова явилось сочиненіе, принадлежавшее не Посошкову, а другому лицу.

Въ 1854 г. г. Купріяновъ нашелъ въ Новгородской Софійской библіотекѣ рукопись сочиненія, которое и имъ и г. Погодинымъ было признано за произведеніе Посошкова. Оно явилось въ печати въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1856 г. (т. CV) подъ заглавіемъ „Два неизвѣстные проекта Посошкова". Въ концѣ статьи о жизни и литературной дѣятельности Посошкова въ журналѣ *Baltische Monatsschrift* мною было выражено сомнѣніе въ томъ, можно ли считать Посошкова авторомъ проектовъ, изданныхъ г. Купріяновымъ, и потому, говоря въ этой статьѣ о содержаніи всѣхъ извѣстныхъ дотолѣ сочиненій Посошкова, я не считалъ возможнымъ вмѣстить сюда разборъ и этихъ двухъ проектовъ, при чемъ замѣтилъ, что вопросъ объ авторѣ ихъ долженъ быть изслѣдованъ критически. Тѣмъ не менѣе г. Погодинъ, въ своей статьѣ о Посошковѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1863, іюнь), назвалъ Посошкова авторомъ этихъ проектовъ, которые и напечаталъ во второй части сочиненій Посошкова подъ заглавіемъ „Записка 1725 г." Случайно, однако еще до выхода въ свѣтъ этой второй части, г. Погодинъ узналъ, что авторомъ двухъ проектовъ былъ не Посошковъ, а Аврамовъ. Объ этомъ и сообщена замѣтка въ предисловіи во второй части [1]). Такимъ образомъ эта попытка открыть новыя, до того неизвѣстныя сочиненія Ивана Посошкова, не увѣнчалась успѣхомъ. Между тѣмъ случайно были найдены еще кое-какія замѣтки, относящіяся къ біографіи Посошкова. Въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ 4-го марта 1864 года академикъ Куникъ представилъ записку о неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова, о которыхъ мы упомянули выше, съ цѣлью показать, что уже въ царствованіе императрицы Елисаветы рукописи сочиненій Посошкова ходили по рукамъ и списывались для различныхъ цѣлей. Въ томъ же 1864 году академикомъ Пекарскимъ были сообщены нѣкоторыя данныя для біографіи Посошкова, заимствованныя изъ архивовъ; эти матеріалы, между которыми встрѣчается собственноручное представленіе Посошкова къ неизвѣстному лицу о необхо-

[1]) См. мое мнѣніе о томъ, къ какому времени должно отнести записку Аврамова, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1874 г. августъ, стр. 781—783.

димости распространенія въ русскомъ народѣ свѣдѣній о благочестивой вѣрѣ, г. Пекарскій былъ намѣренъ препроводить къ профессору Московскаго университета Н. С. Тихонравову для напечатанія ихъ въ его изданіи *Лѣтописи русской литературы и древности* [1]). Въ пятнадцатомъ томѣ своей „Исторіи Россіи“ [2]) г. Соловьевъ сообщилъ замѣтку о Посошковѣ, изъ которой видно, что послѣдній состоялъ въ нѣкоторой связи съ знаменитымъ прибыльщикомъ Курбатовымъ. Въ шестнадцатомъ томѣ [3]) встрѣчается краткая оцѣнка литературной дѣятельности Посошкова, заключающая въ себѣ, впрочемъ, почти исключительно нѣкоторыя выписки изъ его сочиненій. Г. Соловьевъ называетъ Посошкова живымъ, талантливымъ, умнымъ русскимъ человѣкомъ, ясно понимавшимъ необходимость для Россіи выйдти изъ прежняго положенія и сочувствовавшимъ преобразователю, его благонамѣренности, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяготившимся тѣмъ, что преобразованіе идетъ не такъ скоро и что мѣры Петра встрѣчаютъ повсюду страшныя препятствія.

Въ продолженіе всего времени, начиная съ изданія г. Погодинымъ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ до изданія г. Андр. Поповымъ въ 1873 г. „Отеческаго завѣщанія“, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, исторіографія не особенно часто обращала вниманіе на Посошкова. Такъ, напримѣръ, можно считать весьма страннымъ упущеніемъ со стороны Пекарскаго, что въ его прекрасномъ трудѣ „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“ ни слова не сказано о Посошковѣ, который былъ столь достойнымъ представителемъ науки и литературы при Петрѣ. Это молчаніе можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что почтенный авторъ обращалъ, главнымъ образомъ, вниманіе на печатные труды того времени, на сочиненія, имѣвшія вліяніе, извѣстныя современникамъ, тогда какъ Посошковъ писалъ не для публики, а для отдѣльныхъ лицъ, не дожилъ до напечатанія своихъ трудовъ и оставался неизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе Пекарскому слѣдовало бы упомянуть о Посошковѣ.

Не особенно важными по содержанію могутъ считаться разбросанныя въ различныхъ журналахъ и газетахъ статьи о Посошковѣ, заключающія въ себѣ отчасти оцѣнку литературной дѣятельности его, отчасти выписки изъ его сочиненій. Таковы, напримѣръ, статьи:

---

[1]) *Записки Имп. Акад. Наукъ* V, 243—244.
[2]) Въ 1865 г. XV, стр. 95.
[3]) XVI, стр. 297.

г. *Орлова* въ журналѣ *Производитель и промышленникъ* 1859 № 60: „Посошковъ какъ экономистъ XVIII вѣка"; г. *Е. М—ва* въ *Запискахъ Императорскаго Казанскаго Общества Сельскаго Хозяйства* 1859 № 7: „Нѣсколько мыслей о Посошковѣ, какъ экономистѣ XVIII вѣка"; г. *Щапова* „Русскіе самородки" въ журналѣ *Вѣкъ* 1862 № 9—10; г. *Боброва* „Историческія воспоминанія о Посошковѣ" въ газетѣ *Народное Богатство* 1863, приложеніе 6; въ журналѣ *Народное Чтеніе* 1861 № 4 (стр. 59—72) и № 5 (19—45) „Иванъ Посошковъ и его сочиненія"; въ *Мірскомъ Вѣстникѣ* 1863 № 8; въ *Библіотекѣ для чтенія* 1864 № 2; въ *Воскресномъ досугѣ* 1864 № 65 и 66; статья „Посошковъ, современникъ Петра, о крестьянствѣ" въ журналѣ *Русскій*, 1868 № 35; и т. п. Нѣсколько болѣе подробный разборъ нѣкоторыхъ главъ изъ сочиненій Посошкова заключается въ нашихъ статьяхъ о Посошковѣ, помѣщенныхъ въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ, а именно въ журналѣ *Baltische Monatsschrift* 1862 (пять статей), въ журналѣ *Russische Revue*, изд. *Вольфзономъ* 1864 I, 2: „Zur Geschichte der Nationalökonomie in Russland"; въ журналѣ *Palmblatt*: „Industriepolizeiliches aus früherer Zeit" [1]), и въ нашемъ трудѣ „Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen". (S.-Petersburg 1867, стр. 141—146).

Вотъ въ какомъ положеніи находилась литература о Посошковѣ, когда въ 1873 году почитатели Посошкова были обрадованы изданіемъ неизвѣстнаго до тѣхъ поръ и весьма важнаго сочиненія Посошкова: „Отеческое завѣщаніе къ сыну". Сочиненіе это было открыто и издано г. Андреемъ Поповымъ (Москва, 1873, XV и 246 стр.). Оно было пріобрѣтено г. издателемъ отъ одного изъ случайныхъ продавцевъ старинныхъ книгъ. Такъ какъ имени автора не было названо въ рукописи, то г. издатель долженъ былъ доказывать принадлежность завѣщанія перу Посошкова. Далѣе г. Поповъ сдѣлалъ попытку опредѣлить время составленія этого труда, который и отнесенъ г. Поповымъ ко времени до 1706 года. Въ статьѣ „О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову" въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (августъ, 1874 г.), мы высказали мнѣніе о времени составленія „Отеческаго завѣщанія", не согласное съ мнѣніемъ г. Попова. Изслѣдуя этотъ вопросъ, мы

---

[1]) Чрезъ эти статьи Посошковъ сдѣлался извѣстнымъ за границею; см. замѣтку въ журналѣ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, изд. профессоромъ *Гильдебрандомъ* въ Іенѣ, 1864, и статью *Рошера* въ *Verhandlungen der Königl. Sächs. Ges.* 1871, въ декабрѣ.

пришли къ тому результату, что „Отеческое завѣщаніе“ было писано не до 1706 г., а между 1715 и 1719 годами. Что же касается до принадлежности его перу Посошкова, то мы не только не отрицали этого, но даже подтвердили новыми доказательствами мнѣніе г. Попова, что авторомъ „Отеческаго завѣщанія“ былъ никто иной, какъ Иванъ Посошковъ, и для этой цѣли указали на совершенное сходство мыслей, предложеній, мѣстами даже и редакціи въ „Отеческомъ завѣщаніи“ и въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова, преимущественно въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“. Г. Поповъ ограничился самыми общими замѣчаніями о значеніи открытой имъ рукописи; объ отношеніи этого труда къ прочимъ ужь извѣстнымъ сочиненіямъ Посошкова онъ не говоритъ вовсе. Хотя и это сочиненіе Посошкова значительно уступаетъ богатствомъ содержанія сочиненію „О скудости и богатствѣ“, г. Поповъ тѣмъ не менѣе оказалъ наукѣ весьма важную услугу чрезъ это изданіе.

Что же касается до обнародованія еще не напечатанныхъ сочиненій Посошкова, то нельзя не изъявить сожалѣнія о томъ, что Академія Наукъ, съ тѣхъ поръ какъ (десять лѣтъ тому назадъ) г. Куникъ сдѣлалъ сообщеніе о находящихся въ академической библіотекѣ рукописяхъ Посошкова, не занялась печатаніемъ этихъ сочиненій о школахъ, о кадастрѣ и о ереси, и сравненіемъ списка книги „О скудости и богатствѣ“ съ Погодинскимъ изданіемъ. Быть можетъ, откроются еще гдѣ-нибудь тѣ неизвѣстныя пока сочиненія Посошкова, о существованіи которыхъ мы знаемъ изъ ссылокъ на оныя въ доступныхъ намъ его произведеніяхъ, а именно „Денежное письмо“, о которомъ говорится въ донесеніи о ротномъ поведеніи боярину Головину [1]), и „Донесеніе о деньгахъ“ 1718 года, о которомъ упомянуто въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“ [2]). Быть можетъ, откроются еще и біографическія данныя, которыя прольютъ свѣтъ на отношенія Посошкова къ правительству и вообще объяснятъ нѣкоторые темные вопросы въ его біографіи. Важнѣе, однако, такихъ архивныхъ открытій должно считать изученіе сочиненій Посошкова спеціалистами-историками, юристами, богословами, экономистами, ибо они хоть и изданы, но мало извѣстны публикѣ. Оцѣнка этихъ сочиненій возможна

[1]) Соч. Пос. I, 291.

[2]) Соч. Пос. I, 250. Не знаемъ, откуда г. Погодинъ (I, XVI), заимствовалъ предположеніе, что Посошковъ писалъ также особо о винной продажѣ и питейномъ сборѣ.

лишь при помощи весьма основательнаго знанія исторіи церкви, права, хозяйства, военнаго устройства и т. д. въ эпоху Петра. Поэтому разработка сочиненій Посошкова принадлежитъ не одному ученому, а нѣсколькимъ. Въ слѣдующихъ очеркахъ мы предлагаемъ сводъ нѣкоторыхъ данныхъ о жизни Посошкова и обзоръ содержанія его сочиненій, преимущественно по скольку онѣ относятся къ вопросамъ экономическаго быта.

Свѣдѣнія о жизни Посошкова.

Годъ рожденія Посошкова неизвѣстенъ. Такъ какъ первое хронологическое извѣстіе о Посошковѣ относится къ девяностымъ годамъ XVII вѣка, и какъ въ это время онъ уже былъ опытнымъ техникомъ, то мы имѣемъ основаніе думать, что въ девяностыхъ годахъ ему было приблизительно не менѣе 20 или 30 лѣтъ [1]).

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ встрѣчается замѣтка, заставляющая насъ думать, что Посошковъ родился не позже какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. На стр. 194 сказано: „Азъ извѣстно зналъ въ Шепелеве полку солдата, прозваніемъ Кулнова“; объ этомъ солдатѣ Посошковъ разказываетъ, что онъ отличался мягкостью нрава во время мира, былъ чрезвычайно храбръ на войнѣ и былъ убитъ Турками въ Чигиринскомъ походѣ. Чигиринскіе походы относятся къ 1676 и 1677 годамъ. Если Посошковъ чрезъ 40 лѣтъ послѣ этого еще помнилъ лично знакомаго ему Кулнова, погибшаго въ этой войнѣ, то ему въ то время, когда онъ зналъ Кулнова, могло быть не менѣе 10—12 лѣтъ; значитъ, онъ родился не позже 1665 года.

Родиною Посошкова было подмосковное село Покровское. Въ *доношеніи* къ Стефану Яворскому онъ называетъ себя крестьяниномъ

---

[1]) При этомъ случаѣ оказывается опять, какъ важенъ вопросъ о приписываемомъ Посошкову письмѣ къ сыну въ Голландію. Г. Погодинъ именно на этомъ письмѣ основываетъ слѣдующую аргументацію относительно времени рожденія Посошкова, см. Соч., I, X. Принимая въ помощь для соображеній 1708 годъ, когда сынъ его будто бы былъ отправленъ въ путешествіе, г. Погодинъ считаетъ вѣроятнымъ, что сыну тогда было около 20 лѣтъ, по крайней мѣрѣ не болѣе; слѣдовательно, онъ родился около 1690 года, слѣдовательно, Посошкову отцу, должно быть, тогда было не менѣе 20 лѣтъ, слѣдовательно, онъ родился около 1670 года, и никакъ не послѣ, а можетъ быть ранѣе. Съ этимъ числомъ сходятся и другія и пр. Такъ какъ мы знаемъ, что письмо къ сыну писано не Посошковымъ, то и вся эта аргументація не можетъ имѣть для насъ никакого значенія.

села Покровскаго [1]). Г. Погодинъ полагаетъ, что это вѣрно есть то Покровское, которое подъ этимъ именемъ составляетъ нынѣ часть Москвы, называлось прежде Рубцовымъ, и принадлежало царю Михаилу Θеодоровичу. Объ немъ есть еще пѣсня, которая до сихъ поръ поется:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ
Среди улицы большой.

Доказательствомъ, что родиною Посошкова было именно это село Покровское, служитъ документъ [2]), изъ котораго видно, что у Ивана Посошкова, его брата Романа и ихъ матери Улиты Михайловой, былъ дворъ за Яузою въ приходѣ у церкви Николая Чудотворца въ Котельникахъ. Яуза протекаетъ по селу Покровскому. Въ сосѣдствѣ за Яузою и былъ домъ дѣда Ивана Посошкова, доставшійся по наслѣдству его матери.

О молодости Посошкова мы почти ничего не знаемъ. Онъ, разумѣется, не получилъ школьнаго образованія. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" онъ говоритъ о себѣ; „еже азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и какъ по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь" [3]).

Объ одномъ эпизодѣ, случившемся съ нимъ въ его молодости, онъ разказываетъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ". Какъ кажется, Посошковъ, впослѣдствіи весьма часто бывшій въ разъѣздахъ, и во время своего юношества имѣлъ случай иногда путешествовать по Россіи. Объ одной изъ этихъ поѣздокъ онъ сообщаетъ слѣдующее: „Былъ я еще въ молодыхъ лѣтѣхъ на Пензѣ, и тамошніе жители, служивые люди, усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то истинно я не лгу, что говорили мнѣ: останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татаръ не будемъ бояться; и я сталъ говорить, еже одному мнѣ съ ними нечего дѣлать. И они сказали: видимъ де мы, что скоръ стрѣлять, и пулей даромъ не теряешь, а Татары де напорчиво напираютъ, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь... а еслибы де человѣкъ дву-трехъ убилъ, то бы де и всѣ исчезли" [4]).

Значитъ, Посошковъ довольно рано научился обращаться съ огне-

---

[1]) См. соч. Пос. I, 317.
[2]) Напечатанный г. *Погодинымъ* II, XXII.
[3]) I, 46.
[4]) I, 39.

стрѣльнымъ оружіемъ и удивлялъ жителей Пензы своимъ мастерствомъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Онъ впослѣдствіи не сдѣлался военнымъ, и сколько намъ извѣстно, никогда не участвовалъ въ какомъ-либо походѣ; за то онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за военными событіями, составлялъ себѣ довольно точныя понятія о причинахъ неудачъ Россіи въ войнахъ съ Турками, Татарами и Шведами, которыя видѣлъ въ недостаткахъ военной организаціи, и для правительства исполнялъ порученія при сооруженіи военнаго снаряда, кажется, имъ же самимъ изобрѣтеннаго.

Весьма важно для насъ извѣстіе, что Посошковъ, который впослѣдствіи былъ ревностнымъ защитникомъ церкви и самымъ ожесточеннымъ противникомъ раскола, нѣкоторое время самъ былъ раскольникомъ. Въ то время расколъ былъ сильно распространенъ именно въ томъ классѣ общества, къ которому принадлежалъ Посошковъ. Простолюдины тогда фанатически занимались вопросами богословія. Вѣроятно, и Посошковъ, какъ другіе, получилъ въ дѣтствѣ чисто внѣшнее мертво-обрядное воспитаніе. Сообразно съ духомъ „Домостроя", тогда учащимся не объясняли духа христіанства, а преподавали подробныя правила о земныхъ поклонахъ и двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, о томъ, какъ вкушать просфоры и т. д. Мертвая внѣшность, фарисейство господствовали въ духовной жизни народа. Такимъ образомъ было много ревнителей буквы. Посошковъ былъ современникомъ, вѣроятно, даже и очевидцемъ раскольническихъ движеній въ началѣ правленія царевны Софіи. Въ 1682 году ему было по крайней мѣрѣ 17 лѣтъ. Не мудрено, что способный, грамотный, и по всей вѣроятности, уже тогда знакомый съ духовными книгами, Посошковъ подвергался вліянію того сильнаго движенія, которое было направлено противъ исправленія книгъ, противъ новизны вообще и въ области церкви, и въ области государства. На этомъ поприщѣ находили умственную пищу и тѣ классы общества, которые не принимали ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, касавшихся общества и государства, и должны были довольствоваться скромною ролью молчаливыхъ и покорныхъ зрителей при энергичныхъ мѣрахъ правительства, стремившагося впередъ и не обращавшаго вниманія на настроеніе умовъ въ народѣ. Посошковъ, столь горячо относившійся впослѣдствіи ко всѣмъ дѣламъ общественнымъ и государственнымъ, искавшій постоянно случая дѣйствовать, быть полезнымъ, высказывать свое мнѣніе, критиковать существующее, не могъ оставаться равнодушнымъ при чисто народномъ раскольниче-

своихъ движеніи. Врѣменіе умовъ вовлекло и его въ борьбу между реакціей и реформою въ области духовной. Изъ его сочиненія „Зерцало“ мы видимъ, какъ тогда въ тѣхъ слояхъ общества, къ которымъ принадлежалъ Посошковъ, любили обсуждать вопросы религіи, какъ въ этихъ кругахъ спорили о двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, и какъ все это оставалось совершенно чуждымъ истинной религіозности.

Въ сочиненіи „Зерцало“ Посошковъ разказываетъ, что онъ самъ „изначала хромалъ недугомъ раскольничьимъ; и крестихся двуперстнымъ сложеніемъ, и мнѣхъ то древнее преданіе быти“. Но вотъ какимъ образомъ Посошковъ освободился отъ этого недуга. Нѣкто Сергій Патрикѣевъ, Вологжанинъ, родившійся двадцать лѣтъ и болѣе до мороваго повѣтрія (1655 года), значитъ около 1630—1635 годахъ, и еще другой старецъ, посадскій человѣкъ, Новгородецъ Ѳедоръ Ташлыковъ, убѣдили молодаго Посошкова въ превосходствѣ трехперстнаго сложенія. Посошковъ заключаетъ свой разказъ слѣдующими словами: „И я наипаче увѣрихся, яко то есть самая правда, а по Господню словеси двумъ свидѣтелямъ нельзя не вѣрить а бесѣда съ ними была у меня не нынѣ, потому больше пятинадесяти лѣтъ“ [1]).

Эта послѣдняя замѣтка даетъ намъ возможность опредѣлить слѣдующія хронологическія данныя. Сочиненіе „Зерцало“ писано было въ 1706—1708 годахъ. Бесѣды Посошкова съ Патрикѣевымъ и Ташлыковымъ происходили 15-ю годами раньше, значитъ въ 1691—1693 годахъ, то-есть, тогда, когда Посошкову, по нашему вышеупомянутому предположенію было 25 до 30 лѣтъ.

Всѣ религіозныя убѣжденія, вся борьба между расколомъ и церковію, какъ видно изъ разсказа Посошкова, заключались въ подобнаго рода внѣшностяхъ, въ спорѣ о двуперстномъ или трехперстномъ сложеніи. Какъ бы то ни было, Посошковъ до начала девяностыхъ годовъ нѣсколько времени, а можетъ быть, и съ самаго ранняго возраста (такъ какъ онъ говоритъ: „*я изъ начала* хромалъ недугомъ раскольничьимъ“) былъ раскольникомъ. Тѣмъ болѣе фанатически обращенный въ правовѣріе, Посошковъ впослѣдствіи отстаивалъ церковь противъ раскольниковъ, осыпая послѣднихъ бранью и преслѣдуя ихъ самою безпощадною хулою.

Помирившись въ 1691—1693 гг. съ православною церковью, По-

[1]) Соч. Пос., ч. II, 216 и 216.

сошковъ не многимъ позже столкнулся съ свѣтскимъ правительствомъ, и едва не сдѣлался жертвою нѣкоторой неосторожности въ бесѣдахъ о современныхъ государственныхъ событіяхъ.

Въ то время образъ дѣйствій молодаго царя вызывалъ разные толки въ народѣ. Было много недовольныхъ. Потѣхи царя, Кожуховскій походъ, Азовскіе походы не нравились массѣ. Все это требовало силъ и средствъ; молодой царь требовалъ усиленныхъ жертвъ со стороны подданныхъ. Крестьяне жаловались: „Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьѣ крестьянству нѣтъ". Говорили, что онъ раззоритъ крестьянъ, многихъ беретъ въ солдаты, напрасно знается съ Нѣмцами и т. д. Неизвѣстно, откуда распространился слухъ, будто царь Иванъ Алексѣевичъ извѣщалъ всему народу: „Братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ Нѣмцами". На кружечномъ дворѣ разказывали, что государь непрестанно бываетъ у нихъ въ слободѣ; бывшій тутъ иконникъ замѣтилъ: „Не честь онъ государь дѣлаетъ, безчестье себѣ" [1]). Многимъ, далѣе, не нравилось холодное отношеніе Петра къ женѣ.

И вотъ въ этомъ кругѣ недовольныхъ, разсуждавшихъ о недостаткахъ и порокахъ государя, роптавшихъ на Петра и его образъ дѣйствій, не согласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями и интересами народа, мы встрѣчаемъ Посошкова.

Въ концѣ 1696 или въ началѣ 1697 года у монаха Аврамія, бывшаго прежде келаремъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, а потомъ строителемъ въ Московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, бывали часто, какъ „друзья и хлѣбоядцы давны", подъячіе Никифоръ Креневъ и Игнатій Бубновъ, стряпчій Кузьма Рудневъ, „да села Покровскаго крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы". Содержаніе бесѣдъ, происходившихъ въ этомъ кружкѣ и относящихся къ современнымъ политическимъ событіямъ, составляло предметъ тетрадей, которыя монахъ Аврамій осмѣлился подать самому государю, Петру.

Въ этихъ тетрадяхъ было сказано, что именно поведеніе Петра соблазняло народъ. „Въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ; на кого надѣялися и ждали, какъ великій государь возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все

---

[1]) См. напримѣръ, *Соловьева*, Ист. Росс. XIV, 242.

исправить на лучшее; но возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное".

Трудно понять, какимъ образомъ монахъ Аврамій могъ отважиться на подвигъ, который при тогдашнихъ пріемахъ уголовнаго права, не могъ не вовлечь всѣхъ участвовавшихъ въ подобныхъ бесѣдахъ въ страшную бѣду. Аврамія взяли, разумѣется, тотчасъ же. На пыткѣ онъ назвалъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ, которые, „бывая у него въ Андреевскомъ монастырѣ, такія слова, что въ тетрадяхъ написано, говаривали". Арестовали всѣхъ друзей Аврамія, въ томъ числѣ и братьевъ Посошковыхъ.

Креневъ сказалъ, что говорили о потѣхахъ царя подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ, про судей, что безъ мзды дѣла не дѣлаютъ; далѣе сознался, что самъ говорилъ: еслибъ посажены были и судьи и дано бъ имъ жалованье, чѣмъ имъ сытыми быть, а мзды не брать, и тобъ было добре; а такихъ словъ не говорилъ, что, покинувъ всякое правленіе, царь приказалъ государствомъ править похотникамъ чадоимцамъ, неимущимъ страха Божія, и будто государь про тѣхъ судей, что они почести берутъ и для того въ приказы посажены, чтобъ имъ покориться, самъ вѣдаетъ: а про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ много предъ прежнимъ, говаривали.

Рудневъ показалъ, что говорили: государь не изволитъ жить въ своихъ государскихъ чертогахъ на Москвѣ, и мнится имъ, что отъ того на Москвѣ небытія у него въ законномъ супружествѣ чадородіе престало быть, и о томъ въ народѣ вельми тужатъ.

Бубновъ показалъ, что говорили о потѣхахъ непотребныхъ подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховомъ для того, что многіе были биты, а иные и ограблены, да въ тѣхъ же потѣхахъ князь Иванъ Долгоруковъ застрѣленъ, и тѣ потѣхи людямъ не въ радость; говорили про дьяковъ и подъячихъ, что умножились; говорили про упрямство великаго государя, что не изволитъ никого слушаться и про нововзысканныхъ и непородныхъ людей, и что великій государь въ Преображенскомъ приказѣ самъ пытаетъ и казнитъ; говорили про то, „что чинилось пророчествомъ Василія Соковнина и въ комедіяхъ въ Измайловѣ", про морскія ѣзды, которыя также не нравились народу.

Аврамій считалъ не пригожимъ, что въ тріумфальномъ входѣ въ Москву послѣ взятія Азову, царь шелъ пѣшкомъ, а Шеинъ и Лефортъ ѣхали.

Допрашивали и Ивана Посошкова; онъ сказалъ, что Аврамій

знакомцемъ ему учинился третій годъ; призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ поднос великому государю; а онъ, Ивашка никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано, не говорилъ". Аврамій потвердилъ это послѣднее показаніе, объявляя, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ.

Этотъ эпизодъ кончился обыкновеннымъ образомъ: Вубновъ, Креневъ и Рудневъ биты кнутомъ и сосланы въ Азовъ, чтобы быть тамъ имъ подъячими. Аврамій сосланъ въ Голутвинъ монастырь. Посошковы остались безъ наказанія [1].

Вотъ какова обстановка, въ которой мы застаемъ Посошкова въ 1697 году не за долго до заговора Цыклера, Соковнина, Пушкина и др., такъ сказать, наканунѣ знаменитой поѣздки Петра за границу, усилившей въ народѣ неудовольствіе, подавшей поводъ къ стрѣлецкому бунту и давшей дальнѣйшему царствованію Петра то направленіе, которое въ главныхъ основаніяхъ возбудило сочувствіе Посошкова. Тогда однако, въ девяностыхъ годахъ, онъ еще не принадлежалъ къ тому меньшинству, о которомъ онъ говорилъ, выражаясь, что „царь самъдесятъ въ гору тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ". Тогда Посошковъ вмѣстѣ съ большинствомъ участвовалъ въ бесѣдахъ, въ которыхъ выражались жалобы на молодаго царя.

И дѣйствительно, мы не можемъ удивляться тому, что потѣхи Петра, его несчастный бракъ съ Евдокіей Лопухиной и т. п. вызывали негодованіе массы народа. Мы знаемъ, какую роль игралъ въ то время въ царскихъ потѣхахъ „Ивашка Хмѣльницкій", какъ походы Семеновскіе и Кожуховскіе дѣйствительно были сопряжены съ значительными пожертвованіями со стороны народа. Князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій дѣйствительно въ октябрѣ 1691 г. подъ Семеновскимъ былъ жестоко раненъ и умеръ отъ раны, послѣ чего Петръ, какъ-бы продолжая и тутъ еще потѣху, писалъ къ Апраксину: „Князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти" [2]). Въ Кожуховскомъ походѣ участвовало около 15.000 человѣкъ. Для него требовалось

---

[1]) См. *Сол.* XIV, 243. Дѣла секретнаго Преображенскаго приказа. Уже прежде г. Соловьевъ напечаталъ объ этомъ эпизодѣ статью въ *Библіографич. Запискахъ*, 1861 № 5: «Школа Посошкова».

[2]) *Устряловъ*, II. 141.

для подъема обоза, перевозки орудій, военныхъ снарядовъ, провіанта нѣсколько сотенъ подводъ. При всѣхъ схваткахъ было довольно много раненыхъ и обожженныхъ порохомъ; много несчастій случилось оттого, что самопалы разрывались въ рукахъ стрѣлковъ. Ручныя гранаты и начиненные горючими веществами горшки, длинные шесты съ зажженными на концѣ ихъ пуками смоленой пеньки, оказались далеко не безопасными. Въ дневникѣ Гордона говорится объ одномъ солдатѣ, убитомъ на приступѣ, и о другомъ, который умеръ отъ раны.

Что касается до упрека, сдѣланнаго Петру, что онъ самъ пыталъ и казнилъ людей, то онъ повторяется неоднократно и впослѣдствіи, особенно послѣ возвращенія Петра изъ-за границы и страшнаго стрѣлецкаго розыска. И Талицкій говорилъ о Петрѣ: „Какой онъ царь? самъ людей мучитъ“ [1]), и иностранцы, какъ напримѣръ Корбъ и Фокеротъ, обвиняли Петра въ жестокости [2]), и разумѣется, не безъ основанія [3]).

Въ глазахъ потомства именно скромность Петра при торжественномъ вшествіи въ Москву осенью 1696 года, достойна похвалы. Между тѣмъ какъ Зотовъ, Головинъ, Нарышкинъ, Шеинъ ѣхали въ каретахъ и колясках, а Лефортъ—даже въ золотыхъ государскихъ саняхъ въ шесть лошадей, самъ царь въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана, „съ протазаномъ“ въ рукѣ, шелъ пѣшкомъ передъ морскимъ региментомъ, за великолѣпною колесницею адмирала отъ Серпуховскихъ воротъ до самаго Преображенскаго [4]).

Русскіе, до Петра, привыкли видѣть своего государя на первомъ мѣстѣ, окруженнымъ всѣмъ великолѣпіемъ, всею пышностью царскаго сана. Теперь же, когда Петръ медленно дослуживался до высшихъ чиновъ, опредѣляя этимъ самымъ совсѣмъ новыя, неслыханныя до того отношенія личности государя къ рѣшаемымъ имъ задачамъ, народъ гнушался такимъ униженіемъ царя.

Вотъ каковы были, между прочимъ, отзывы товарищей Посошкова. Хотя онъ самъ еще счастливо вывернулся изъ этого опаснаго положенія, благодаря показаніямъ его и Аврамія, что не позволялъ себѣ никакихъ разсужденій противъ царя, подъячихъ и т. д., мы едва ли

---

1) *Соловьевъ* XV.

2) *Herrmann*, Zeitgenössische Berichte, 29.

3) Какъ видно, напримѣръ, у *Соловьева* XIV. 281.

4) *Устряловъ* II, 303.

можемъ вѣрить этимъ показаніямъ. Посошкову тогда было около тридцати лѣтъ; впослѣдствіи онъ постоянно оказывается строгимъ критикомъ во всѣхъ отношеніяхъ, смѣлымъ обличителемъ всевозможныхъ пороковъ и недостатковъ, безпощадно порицающимъ все, что не заслуживало одобренія. Поэтому едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы Посошковъ, при такомъ волненіи его друга Аврамія и прочихъ собесѣдниковъ, оставался спокойнымъ и безмолвнымъ слушателемъ подобныхъ бесѣдъ. Немногимъ позже въ донесеніяхъ къ Головину и Яворскому онъ, обращаясь къ вліятельнымъ вельможнымъ лицамъ, чрезвычайно откровенно и въ сильныхъ выраженіяхъ подвергаетъ строгой критикѣ военный и церковный строй Россіи.

Дѣло Аврамія и его друзей, открытое въ архивѣ Преображенскаго приказа, интересно еще въ другомъ отношеніи. Мы узнаемъ изъ него не только объ обществѣ, въ которомъ находился Посошковъ, объ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ той среды, къ которой онъ принадлежалъ, но также и о его занятіяхъ. Въ протоколѣ допроса Посошкова сказано, что „Аврамій знакомцемъ ему учинился третій годъ: призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ великому государю“ [1]).

Посошковъ былъ крестьяниномъ. Онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называетъ себя земледѣльцемъ [2]). Однако, какъ кажется, въ продолженіе всей своей жизни Посошковъ менѣе всего занимался земледѣліемъ. За то онъ часто былъ занятъ техническими, механическими работами. Монахъ Аврамій составлялъ станокъ для чеканенія денегъ и хотѣлъ поднести этотъ станокъ царю Петру. Онъ призываетъ на помощь Посошкова для совершенія этого дѣла. Мы можемъ полагать, что Посошковъ, при этомъ лишь случаѣ познакомившійся съ Авраміемъ, тогда уже былъ опытнымъ, можетъ быть, даже нѣсколько извѣстнымъ механикомъ. Очевидно, его рекомендовали Аврамію какъ полезнаго мастера въ такихъ работахъ.

Немногимъ позже мы застаемъ Посошкова въ сношеніяхъ съ правительствомъ, даже съ самимъ государемъ, именно опять-таки вслѣдствіе его механическихъ способностей. Въ донесеніи Головину Посошковъ разказываетъ [3]), что въ „прошломъ“, значитъ, въ 1700 году, такъ

---

[1]) См. *Соловьева*, Ист. Россіи, XIV, 243.

[2]) Напр. I ч. Соч. Пос., стр. I. 291, а также въ рукописи, принадлежащей Академіи Наукъ.

[3]) См. соч. Пос. I, 270.

какъ донесеніе Головину написано въ 1701 году,—великій государь въ Преображенскомъ, на сержантскомъ дворѣ, „изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ, чтобы сдѣлать рогатки огнестрѣльныя въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пищалѣ, обращающейся на всѣ стороны, самыя цѣльныя съ замками, чтобъ непріятеля встрѣтить мочно было саженъ за сто и больши, или въ погоню за ними стрѣлять“.

Жаль, что мы не знаемъ, какимъ образомъ Петръ познакомился съ Посошковымъ, который этимъ путемъ могъ легко сдѣлаться важнымъ и вліятельнымъ лицомъ, занять мѣсто, подобное тому, которое въ это время, въ началѣ Шведской войны, занималъ Виніусъ. Можно считать вѣроятнымъ, что Посошковъ, изобрѣвъ „огнестрѣльныя рогатки“, изъявилъ готовность поднести царю модель своего изобрѣтенія, что Петръ, котораго интересовали металлическія и механическія работы вообще, какъ знатока дѣла, и который въ это время готовился къ войнѣ съ Швеціей, пожелалъ видѣть скромнаго крестьянина; поэтому, можетъ быть, Посошковъ и былъ представленъ государю въ Преображенскомъ на сержантскомъ дворѣ. Теперь же, послѣ того, какъ уже началась война съ Карломъ XII, послѣ страшнаго пораженія при Нарвѣ, Посошковъ обратился къ боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину съ просьбою: „И по тому его государскому словеси, нынѣ для примѣру маленькую деревянную рогатку я сдѣлалъ. И буде изволишь тотъ образчикъ Великому Государю объявить, и если тѣмъ образцомъ Великій Государь укажетъ рогатки двѣ-три сдѣлать совершенные, какъ имъ доведется быть, и на тѣ рогатки зря мочно всю силу въ нихъ познать, коль онѣ скороспѣшны въ стрѣльбѣ, и коль тяжелы на походѣ, и что за ними дѣла, то всѣмъ будетъ явно“.

О томъ, каковы были эти рогатки, трудно себѣ составить понятіе. Мѣстами встрѣчающіяся замѣтки у Посошкова не особенно ясно опредѣляютъ ихъ устройство [1]). Кажется, и двадцатью годами позже Посошковъ еще занимался этою мыслью о „рогаточной стрѣльбѣ“.

---

[1]) Въ письмѣ къ Головину, I, 270: «Дѣло жъ въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть: заправить стволы пулями или желѣзными жеребьями и поставить ихъ на причинныхъ мѣстахъ и устроить ихъ, чтобы стояли стволы къ груди человѣку и запалить верхній рядъ, въ то время, какъ непріятель будетъ въ 30 или 40 саженяхъ отъ рогатокъ... и буде непріятель будетъ напоренъ, и чрезъ побитыхъ передовыхъ людей станетъ выправливаться, и въ то время запалить другой запасъ. И буде заупрямиться и начнутъ справливаться, и тогда запалить изъ третьяго ряду; и въ то время поспѣютъ первой рядъ паки заправить и къ стрѣльбѣ уготовить и пр.».

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ сказано: „а если таковымъ бойцамъ (умѣющимъ стрѣлять въ цѣль) да состроить рогатки огнестрѣльныя съ запальными пищальми, то изъ таковыхъ пищалей встрѣтилъ бы непріятелей саженей во стѣ“ и пр.[1]).

Мы не знаемъ, представилъ ли бояринъ Головинъ государю модель снаряда Посошкова, и было ли заказано у изобрѣтателя нѣсколько „совершенныхъ“, то есть, настоящихъ рогатокъ. Во всякомъ случаѣ изъ письма Посошкова къ Головину и изъ прочихъ сочиненій видно, что Посошковъ обладалъ техникою при такихъ работахъ. Онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми условіями успѣшнаго приготовленія военныхъ снарядовъ, съ свойствомъ матеріала, который надлежитъ брать для дѣланія, напримѣръ, бомбъ [2]); о киркахъ, употребляемыхъ солдатами для земляныхъ работъ онъ говоритъ подробно и дѣльно, также о сабляхъ, копьяхъ и пр. [3]).

Такіе механики-самоучки изъ простолюдиновъ изстари встрѣчались на Руси. Иногда они обращаютъ на себя вниманіе правительства. Довольно часто ихъ изобрѣтенія оказываются нецѣлесообразными, довольно часто даже такія изобрѣтенія имѣютъ жалкія для изобрѣтателей послѣдствія. Такой примѣръ встрѣчается между прочимъ еще при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, когда въ 1629 году Тверской попъ Нестеръ подалъ царю челобитную, въ которой вызвался сдѣлать *походный городокъ называемый Рѣдкодубъ*, и ему, какъ впослѣдствіи Посошкову, велѣли сдѣлать образецъ деревянный или на бумагѣ начертить. Попа Нестера тогда за то, что онъ, не довѣряя боярамъ, хотѣлъ лично переговорить о своемъ изобрѣтеніи съ царемъ, отправили въ монастырь, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ цѣпяхъ; неизвѣстно, чѣмъ кончилась судьба Нестера, потому что конецъ „дѣла“ его сгнилъ [4]). При Петрѣ, за нѣсколько лѣтъ до рогатокъ Посошкова, одинъ мужикъ „сказалъ за собою государево слово“ и въ распросѣ объявилъ, что онъ, сдѣлавъ крылья, станетъ летать, какъ журавль; крылья были сдѣланы и стоили казнѣ 18 рублей. На нихъ мужикъ хотѣлъ летѣть, но не поднялся. Мужикъ сдѣлалъ другія крылья, которыя обошлись казнѣ 5 рублей, но и новый механизмъ не дѣйствовалъ. „За это“, какъ разказываетъ современ-

---

[1]) I, 39.
[2]) I. 283.
[3]) I. 284, 285, 286.
[4]) *Соловьевъ* IX, 391—392.

какъ, „ему учинено наказаніе: бить батоги снемъ рубашку, и тѣ деньги велѣно доправить на немъ, и продать животъ и остатки“ [1]). При Екатеринѣ уже гораздо болѣе успѣшно дѣйствуетъ Кулибинъ, который въ 1767 году былъ представленъ Екатеринѣ, сдѣлалъ часы съ весьма сложнымъ механизмомъ, открылъ особенный составъ металла, изъ коего были сдѣланы зеркала въ телескопѣ, сдѣлалъ электрическую машину, микроскопъ и пр. [2]).

Вѣроятно, встрѣча Посошкова съ Петромъ Великимъ въ 1700 г. въ Преображенскомъ, при заказѣ огнестрѣльныхъ рогатокъ, была единственною во всей жизни Посошкова. Нигдѣ болѣе онъ не упоминаетъ о дальнѣйшемъ знакомствѣ своемъ съ царемъ. Между тѣмъ Посошковъ, по видимому, былъ зажиточнымъ человѣкомъ, пускался въ разныя предпріятія и не переставалъ составлять разнаго рода проекты. Между бумагами, найденными Пекарскимъ, есть хозяйственная бумага, въ которой заключается подробный счетъ, во сколько Посошкову обошлась въ 1700 году постройка „горницы на аптекарскомъ дворѣ на старой шиловской свѣтлицѣ“ [3]). Не имѣла ли эта горница назначенія служить мастерскою при сооруженіи рогатокъ?

Ко времени до 1701 года относится составленіе „денежнаго письма“, о которомъ Посошковъ говоритъ въ донесеніи Головину, и которое, къ сожалѣнію, пока нигдѣ не было найдено [4]). Мы видимъ, что одновременно Посошкова занимали вопросы военной техники и финансоваго управленія. Первое изъ сочиненій Посошкова „денежное письмо“ потеряно. О содержаніи его мы знаемъ только, что Посошковъ предлагалъ чеканить монету „съ мелкою дробью“. Такъ какъ Посошковъ въ 1701 году выражаетъ надежду, что государь при устройствѣ денежной системы будетъ руководствоваться указаніями, заключающимися въ этомъ „денежномъ письмѣ“, то мы можемъ считать вѣроятнымъ, что Посошковъ и этотъ проектъ старался довести до

---

[1]) Записки Желябужскаго, стр. 47.

[2]) *Вейдемейеръ*, Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во 2-й половинѣ XVIII вѣка, Спб. 1846. I. 69.

[3]) См. *Зап. Имп. Акад. Наукъ* V, 243.

[4]) См. стр. 291: «и есть ли бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма...» «и буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мѣлкою дробью, якожъ прежде явихъ въ денежномъ письмѣ». Кстати замѣтимъ, что ссылки у г. Погодина — стр. XI: о рогаткахъ стр. 268, о денежномъ письмѣ 282—не вѣрны; слѣдовало бы обозначить стр. 270 и 291.

свѣдѣнія или самого царя, или приближенныхъ къ нему лицъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, Посошковъ не разъ въ запискахъ, назначенныхъ для самаго Петра, обсуждалъ вопросы о денежной системѣ. Такъ въ 1718 году, послѣ выпуска новыхъ монетъ, Посошковъ написалъ „доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что деньги вельми къ воровству способны и т. д.“ [1]), а въ сочиненіи „о скудости и богатствѣ“ заключается большой проектъ о радикальномъ преобразованіи денежной системы [2]).

Въ письмѣ къ Головину „о ратномъ поведеніи“ говорится о различныхъ родахъ войска, объ оружіи, о необходимости ученія стрѣльбѣ въ цѣль и о содержаніи солдатъ. Далѣе упоминается о походахъ Голицына въ Крымъ, объ Азовскихъ походахъ, о Нарвской битвѣ, и затѣмъ Посошковъ предлагаетъ довольно подробную роспись расходамъ при содержаніи войска. Наконецъ, онъ выражаетъ надежду, что Петру сдѣлаются извѣстными его предположенія о преобразованіи войска. Во введеніи къ письму Посошковъ извиняется, что пишетъ „о дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ“, но что онъ не могъ умолчать, искренно желая „учинить ему Великому Государю нѣчто полезное и прохладительное“. Оканчивается это доношеніе слѣдующимъ образомъ: „Паки прошу твою преблагую и всещедрую милость, Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ, Господи ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и разсмотрѣть, и буде что зришь угодно, то пожалуй Великому Государю объяви отъ своего лица; о мнѣ же пожалуй умолчи. А что написахъ отъ недознанія своего, и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй отставь. Истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писахъ сіе, а не отъ достовѣрства, понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ, и сего ради елико могохъ, толико и написахъ. Ещежъ прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зритъ моего письма трудъ, но да будетъ онъ въ сохраненіи для потребныхъ статей. — Писавый Ивашко Посошковъ, главу свою подъ ноги твоя подноситъ и о всѣхъ погрѣшеніяхъ не дознанныхъ и сумнительныхъ, прощенія проситъ, и

---

[1]) Объ этомъ доношеніи Посошковъ говоритъ въ книгѣ «о скудости и богатствѣ», значитъ, послѣ принятія Петромъ Императорскаго титула.

[2]) Опять ошибочная ссылка у г. Погодина, который на стр. XVI говоритъ о доношеніи о новыхъ деньгахъ *1719 г.* (*с. 256*), тогда какъ на *стр. 250* Посошковъ говоритъ о *718* годѣ.

желаетъ подъ кровомъ твоимъ благоприкровеннымъ жити и за то вѣрне предъ всѣми людьми достойнѣ тя блажити" [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Посошковъ хотѣлъ оказать услугу государю, не желая притомъ, чтобы Петръ узналъ о немъ какъ объ авторѣ этого сочинения, и чтобы вообще этотъ трудъ сдѣлался извѣстнымъ другимъ лицамъ. Въ этомъ желаніи оставаться на заднемъ планѣ, соблюдать строго инкогнито, какъ намъ кажется, заключается доказательство самоотверженія, истинной любви къ отечеству со стороны Посошкова.

Мы уже говорили выше объ изданіи этого труда Посошкова Розановымъ [2]). О рукописи, по которой было тогда напечатано это сочиненіе, Розановъ не сообщилъ ничего. Г. Погодинъ издалъ этотъ трудъ Посошкова по рукописи, хранившейся въ его собраніи рукописей. Устряловъ, которому однажды г. Погодинъ показалъ эту тетрадку. въ осьмушку на простой сѣрой бумагѣ, узналъ въ помѣткѣ на тетради „*подалъ Посошковъ въ 1701 году*" руку самаго Головина, такъ что изъ этого обстоятельства оба ученые заключили, что эта рукопись—автографъ Посошкова. Г. Погодинъ разказываетъ подробно, какъ онъ пріобрѣлъ случайно эту тетрадку, какъ она лежала у него десять лѣтъ въ небреженіи, и какъ вдругъ случайно оказалось, что это есть драгоцѣннѣйшій автографъ. Рукопись эта въ настоящее время находится въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ [3]).

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣло предложеніе Посошкова. Выборъ лица, къ которому онъ обратился, могъ считаться удачнымъ. Бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, генералъ и адмиралъ и графъ Римской имперіи, былъ важнымъ государственнымъ человѣкомъ, былъ близокъ государю и игралъ именно въ то время, когда было писано „доношеніе" Посошкова, какъ-бы роль Мецената въ Россіи. Онъ былъ, между прочимъ, покровителемъ драматическаго искусства и приказывалъ списывать комедіи [4]); къ нему обращались иностранцы, напримѣръ, типографщики Копіевскій и Тессингъ [5]), заис-

[1]) См. I ч. соч. Пос , стр. 291 и 292.

[2]) Г. Погодинъ, замѣчая справедливо въ I томѣ, стр. VII, что Розановъ напечаталъ донесеніе къ Головину въ 1793 году, во II т., стр. XII, дѣлаетъ ошибку, относя это изданіе Розанова къ 1801 году.

[3]) Соч. Пос. II, стр. XIII.

[4]) См. *Пекарскаго*, Наука и лит. I. 425.

[5]) Тамъ же I, IX и II. IX.

кивая его протекціи; ему посвящались разныя сочиненія [1]), съ нимъ находились иногда въ перепискѣ Русскіе, учившіеся за границею [2]).

Мы однако не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, какъ относился Головинъ къ просьбѣ Посошкова сообщить о его предположеніяхъ государю. Вѣроятно, старанія Посошкова не имѣли никакого успѣха. Нѣкоторыя изъ своихъ предложеній онъ двадцатью годами позже повторяетъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ". Еслибъ письмо къ Головину, справедливо замѣчаетъ г. Погодинъ, имѣло успѣхъ, то Посошковъ не преминулъ бы упомянуть въ своемъ послѣднемъ сочиненіи объ этомъ, къ чему имѣлъ много поводовъ. Молчаніе его убѣждаетъ въ противномъ [3]).

Немногимъ позже, а именно въ 1703 году, Посошковъ обратился къ Стефану Яворскому съ запискою о духовныхъ дѣлахъ. Она издана Калайдовичемъ въ 1815 году въ *Достопамятностяхъ* Московскаго общества исторіи и древностей по рукописи, найденной въ типографской Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ. Нигдѣ не сказано въ „доношеніи", что оно было писано къ Яворскому; Калайдовичъ замѣчаетъ лишь: „Безъ сомнѣнія, оно написано къ извѣстному блюстителю патріаршаго престола, ибо сочинитель ясно говоритъ объ извѣстной его книгѣ „Знаменія пришествія Антихристова". Дѣйствительно, въ концѣ „доношенія" сказано: „О Антихристѣ и вельми многотрудно въ изъявленіе учинить, обаче егда потъщался еси, и Богъ помогъ ти объяснить явно яко въ зерцалѣ" [4]). Сочиненіе Яворскаго явилось въ 1703 году. Изъ этого можно заключить, что Посошковъ написалъ свое доношеніе не ранѣе этого года. И выраженія „Великій архипастырю Христовы церкве и нашъ великій свѣтильниче Всероссійскій", „Великій архіерею Божій" и т. п. указываютъ на Яворскаго, какъ на то лицо, къ которому обращался Посошковъ со своею запиской.

Содержаніемъ ея служатъ жалобы на невѣжество духовенства, которое большею частью никакъ не въ состояніи разумѣть начала христіанскаго ученія; а вслѣдствіе невѣжества духовенства, какъ полагаетъ Посошковъ, и народъ коснѣетъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ и не имѣетъ никакихъ религіозныхъ понятій. Затѣмъ Посошковъ предлагаетъ Яворскому принять мѣры для распространенія просвѣщенія

[1]) Тамъ же I, 16.
[2]) Тамъ же I. 248.
[3]) Соч. Пос. I. XII.
[4]) Объ этомъ сочиненіи см. *Пекарскаго*, Наука и лит. II, 77 и слѣд.

въ духовенствѣ; онъ требуетъ, чтобы церковное начальство имѣло бы строжайшій надворъ надъ всѣми духовными лицами, предписывало имъ подробно исполненіе всѣхъ обязанностей, составляло точныя правила о томъ, какъ должно исповѣдывать и учить народъ, и пр. Довольно подробно Посошковъ говоритъ о неразумномъ образѣ дѣйствій родителей при воспитаніи дѣтей. Въ заключеніе Посошковъ говоритъ: „Молю же тя, великаго архіерея Божія, паки Господа ради, не отрини сего моего доношенія за необычное мое дерзновеніе или за несложность письма... Ей неученый есмь человѣкъ, къ сему же еще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенные ми отъ Бога ревности возжелахъ о сіихъ статьяхъ донести; понеже вижу, что отвсюда погибаемъ, а помощи и спасенія ни откуду не знаемъ... И естли, государь, изволишь ради всенародныя пользы означенные статьи по благоразумію своему состроити, то многіе люди спасутся, вси бо яко отъ сна пробудятся. Писавый убогій крестьянинъ села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ“ [1]).

Намъ извѣстны еще двѣ записки Посошкова, въ которыхъ онъ обращается также къ Стефану Яворскому. Рукописи этихъ сочиненій, хотя и не подлинники, но списки ихъ находятся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Онѣ, также какъ и только что приведенное доношеніе, заключаютъ въ себѣ разсужденія о вѣрѣ. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить время ихъ составленія. По всей вѣроятности, онѣ относятся къ первымъ годамъ восемнадцатаго вѣка. Такъ какъ онѣ содержаніемъ довольно сходны съ доношеніемъ 1703 года, то мы въ этомъ мѣстѣ вкратцѣ укажемъ на мысли Посошкова, выраженныя въ этихъ запискахъ. Впрочемъ и въ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ доношеніи, не упомянуто имени Стефана Яворскаго. Но такъ какъ во многихъ мѣстахъ то лицо, къ которому обращается Посошковъ, названо „ваше святительство“, „государь святый архіерею Божій“, „святость твоя“ и т. п. то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Посошковъ писалъ такъ къ блюстителю патріаршаго престола.

Очевидно—къ нему, какъ въ главѣ духовенства, Посошковъ обращается съ предложеніями принять самыя крутыя мѣры противъ раскола, дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу распро-

[1]) См. соч. Пос. I. 316 и 316. Списокъ этого сочиненія, въ частностяхъ несогласный съ изданіемъ Калайдовича, хранится въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

страненія духовнаго просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, въ заключеніи одной изъ этихъ записокъ сказано: „И естьли Государь благоволишь сію пресвѣтлую свѣщу у насъ въ Россіи воспалить и исподспуда ее изнести и на высоту возвести, то отъ Бога пріимешь вечное наслажденіе, отъ Великаго Государя чести повышеніе, а отъ народа Россійскаго благодареніе до скончанія вѣка". Въ одной изъ этихъ записокъ встрѣчаются подобныя вышеупомянутымъ выраженія о „простоуміи" и „дерзновеніи" автора. Онъ даже ссылается на какое-то другое письмо, вѣроятно—именно на изданное Калайдовичемъ, замѣчая, что онъ пожелалъ „къ прежнему своему письму предложити второе писаніе къ вящшему искорененію раскола и къ созиданію святыя восточныя церкви, и къ соединенію развратившіяся нашея христіанскія вѣры".

Одно изъ этихъ сочиненій въ заключеніи прямо представляетъ доказательство, что Посошковъ былъ авторомъ: „Писавый сіе писаніе благословенія и прощенія проситъ того ради и главу свою убогую къ ногамъ твоимъ честнымъ подноситъ убогій земледѣлецъ Московскій уроженецъ Іванъ Посошкофъ". Тутъ говорится о невѣжествѣ духовенства, объ учрежденіи школъ, объ испытаніяхъ, которыя необходимо устроить для желающихъ сдѣлаться священниками, объ учрежденіи академій въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и пр. — Въ другомъ сочиненіи, не имѣющемъ подписи и начинающемся словами „Много у насъ въ Руси раскольниковъ и ратниковъ на святую церковь христову и пр." предлагается довольно сложная система веденія книгъ для лучшаго контроля надъ всѣми христіанами. Тутъ соединены самые строгіе пріемы бюрократіи съ крайнею религіозною нетерпимостью. Самымъ тщательнымъ записываніемъ въ разныя книги (крестильныя, причащальныя, погребальныя и пр.) авторъ надѣется устроить крѣпкій надзоръ надъ всѣмъ населеніемъ и обличить раскольниковъ.

Въ библіотекѣ Академіи Наукъ всѣ три сочиненія, писанныя для Стефана Яворскаго, составляютъ одинъ сборникъ; тамъ хранятся два экземпляра этого сборника. На обоихъ показано: „Списана изъ книгъ бывшаго при синодѣ оберъ-секретаря Леванидова, 1756". Впереди сказано „Книга Ивана Посошкова". Прежде всего помѣщено второе посланіе къ „архіерею Божію", затѣмъ слѣдуетъ доношеніе, изданное въ первый разъ Калайдовичемъ, и во второй — Погодинымъ; наконецъ помѣщена записка о разныхъ записяхъ для искорененія раскола. Пока мы не считаемъ вполнѣ ясно доказаннымъ, что послѣдняя записка принадлежитъ также Посошкову. Содержаніе ея однако вполнѣ сходно

съ образомъ мыслей Посошкова, и то обстоятельство, что списокъ этого сочиненія соединенъ въ этомъ сборникѣ съ сочиненіями Посошкова, говоритъ въ пользу авторства послѣдняго.

Мы видимъ, что и въ донесеніяхъ къ Стефану Яворскому, и въ донесеніи къ Головину Посошковъ ласкалъ себя надеждою, что его предложенія будутъ не только благосклонно приняты, но и приведены въ исполненіе. Въ такой надеждѣ проглядываетъ, съ одной стороны, искреннее желаніе оказать услугу современникамъ, обществу, правительству, съ другой—нѣкоторое самолюбіе, заставлявшее его считать себя авторитетомъ не только въ дѣлахъ финансовыхъ или военныхъ, но и въ дѣлахъ церковныхъ. Ожиданіе, что приведеніе въ исполненіе его предложеній должно имѣть огромный успѣхъ, коренное измѣненіе къ лучшему денежной системы, военнаго устройства, духовнаго просвѣщенія показываетъ въ Посошковѣ диллетанта, незнакомаго еще съ затрудненіями, встрѣчающимися на каждомъ шагу въ области практической политики. Хотя, однако, оптимизмъ Посошкова кажется нѣсколько наивнымъ, мы не можемъ отрицать, что главныя мысли его обнаруживаютъ вѣрный взглядъ на вещи и нѣкоторую опытность въ разсмотрѣніи вышеупомянутыхъ вопросовъ, что его критика существовавшихъ тогда недостатковъ въ области церкви и военной организаціи была справедлива, что мѣры, предлагаемыя имъ для устраненія недостатковъ, были цѣлесообразны.

Однако, литературная дѣятельность Посошкова была лишь эпизодическою. Онъ не былъ писателемъ по призванію; его занимали промышленныя предпріятія. Онъ состоялъ въ связи съ разными предпріимчивыми людьми, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго факта, относящагося къ 1704 году.

Къ этому времени относится дѣятельность знаменитаго прибыльщика Курбатова, доносившаго на разныхъ лицъ, виновныхъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, казнокрадствѣ и т. п. Такъ, напримѣръ, купецъ гостиной сотни Нѣмчиновъ донесъ на другихъ купцовъ Шустовыхъ, спрятавшихъ большую сумму умершихъ ихъ дѣдовъ въ селѣ Дѣдиновѣ въ нежилыхъ палатахъ между половъ и сводовъ и утаившихъ такое богатство отъ правительства, очевидно, чтобы не платить соотвѣтственныхъ торговыхъ пошлинъ. Эти деньги по доносу Нѣмчинова найдены и конфискованы. Изъ нихъ и Нѣмчиновъ, и Курбатовъ должны были получить весьма щедрую награду за доносъ, однако оказалось, что Нѣмчиновъ былъ приличенъ къ дѣлу о „воровскомъ“ серебрѣ, и деньги ему не были выданы. Онъ занимался

вымѣномъ старыхъ тяжеловѣсныхъ серебряныхъ денегъ, что̀ было весьма выгодно [1]). На долю Нѣмчинова старыхъ денегъ вымѣнено безъ малаго шесть тысячъ рублей, и пошли онѣ на разные расходы, напримѣръ, выдано изъ нихъ 200 рублей Родіону Исаеву, *Ивану Посошкову* и Ивану Фирсову на новозаводство картнаго промысла [2]).

О томъ, что̀ это за „картный промыселъ", мы узнаемъ изъ письма Алексѣя Курбатова къ Меншикову, отъ 2-го августа 1704 года, слѣдующее: „Иванъ Посошковъ проситъ милости у великаго государя, чтобъ ему повелѣно было дѣлать карты самому и что̀ сдѣлаетъ отдавать въ откупъ по опредѣленной цѣнѣ, а за то повелѣніе обѣщаетъ давать въ годъ по двѣ тысячи рублевъ денегъ, и образцовые ко мнѣ принесъ, которые я съ симъ письмомъ послалъ къ милости твоей, а сказывалъ, что онъ вырѣзалъ ихъ родъ образца на деревѣ. А естьли повелѣно будетъ, то вырѣзывать станетъ на оловѣ и будутъ-де чистотою много лучше" [3]).

Состоялась ли „картная" фабрика Посошкова — мы не знаемъ. Едва ли, такъ какъ о ней нигдѣ послѣ не упомянуто. Однако, изъ этого случая мы узнаемъ, вопервыхъ, что Посошковъ, опытный во многихъ дѣлахъ техники, какъ кажется, былъ знатокомъ и той части техники, о которой упомянуто въ письмѣ знаменитаго прибыльщика; вовторыхъ, узнаемъ изъ этого письма, что денежныя средства, которыми располагалъ въ то время Посошковъ, были довольно значительны, и что предпріятіе, которое имѣлъ онъ въ виду, считалось имъ весьма выгоднымъ. Иначе онъ не могъ бы предложить ежегодной платы 2.000 руб. за дозволеніе заняться этимъ промысломъ.

Въ девяностыхъ годахъ мы встрѣтили Посошкова въ обществѣ

---

[1]) См. П. С. З. XII, 8948. Въ запискѣ Демидова объ отмѣнѣ мѣдныхъ пятикопѣечниковъ сказано, что «съ 1700 г. въ рядахъ и торговыхъ лавкахъ почали деньги разбирать, и старыя отъ новыхъ отдѣлять, сдѣланными деревянными нарочно для того маленькими машинами». Новыя деньги были легковѣснѣе: до 1700 г. изъ 1 фунта серебра чеканено 10 1/4 рублей, послѣ этого 15 1/3 р. (см. мое сочиненіе: Finanzgeschichtliche Studien, S.-Petersburg. 1867, стр. 83). Не мудрено поэтому, что правительство строго запрещало заниматься извлеченіемъ тяжеловѣсныхъ серебряныхъ денегъ съ наддачею 10%; см. П. С. З. IV, №№ 1855, 2351, 2371, 2713.

[2]) См. *Соловьева*, Ист. Рос. XV, 95.

[3]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ кн. 2, стр. 463. Сообщено г. Есиповымъ г. Погодину. Послѣднему я обязанъ сообщеніемъ мнѣ этой любопытной замѣтки.

людей недовольныхъ, порицавшихъ Петра и строго наказанныхъ правительствомъ за дерзостное осужденіе правительственныхъ мѣръ; теперь же, послѣ того, какъ онъ былъ представленъ самому Петру и старался дѣйствовать на вельможъ для проведенія коренныхъ преобразованій, мы встрѣчаемъ его имя тѣсно связаннымъ съ людьми нѣсколько компрометированными, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ правительства. Онъ получилъ нѣкоторую, хотя и весьма небольшую долю „воровскихъ" денегъ, то-есть, денегъ, которыя Нѣмчиновъ нажилъ себѣ чрезъ вышеупомянутую операцію вымѣна старыхъ серебряныхъ монетъ на новыя.

Разумѣется, хотя и по мнѣнію правительства такой фактъ могъ легко испортить нѣкоторымъ образомъ репутацію Посошкова, едва ли есть для насъ основаніе сомнѣваться въ честности его. Мы не знаемъ, за что онъ получилъ отъ Нѣмчинова деньги. Быть можетъ, слова: „на новозаводство картнаго промысла" относятся ко всѣмъ тремъ лицамъ: Исаеву, Посошкову, Фирсову, и послѣ того уже Посошковъ занялся нѣкоторое время „картнымъ промысломъ". Во всякомъ случаѣ, незаконныя дѣйствія Нѣмчинова, нажившаго эти деньги, не могутъ запятнать репутаціи Посошкова.

Изъ одного документа 1708 года мы узнаемъ, что Посошковъ до этого года былъ „у водочнаго строенія въ Москвѣ на Каменномъ мосту". Къ сожалѣнію, въ этомъ документѣ заключается извѣстіе гораздо сильнѣе компрометирующее Посошкова, чѣмъ вышеупомянутый случай. Въ докладныхъ пунктахъ князя Меншикова съ высочайшими резолюціями 21-го марта 1708 года сказано [1]): „Для строенія въ С.-Петербургѣ и въ прочихъ Ингерманландской губерніи городахъ водокъ, желаетъ служить изъ жалованья Москвичъ Иванъ Посошковъ, который до нынѣшняго года былъ у такого строенія на Москвѣ на Каменномъ мосту, а нынѣ свободенъ: онаго брать ли? И буде онъ тѣхъ дѣлъ быть годенъ, какое жалованье учинить, или изъ другихъ кому, понеже безъ такого человѣка быть невозможно?" Резолюція: „*Посошковъ приличился въ ратушѣ въ воровствѣ*; того ради выбрать къ тому иного, кого пристойно".

Г. Устряловъ [2]) нашелъ въ сенатскомъ архивѣ докладные пункты ландрихтера Корсакова, рекомендовавшаго Посошкова Меншикову, какъ опытнаго въ устройствѣ питейныхъ домовъ человѣка, и отказъ

---

[1]) П. С. З. IV, № 2194, стр. 406.
[2]) Ист. Петра Великаго I, стр. LX.

Меншикова, напечатанный въ „Полномъ собраніи законовъ". Г. Погодинъ, которому было тяжело упомянуть объ этомъ фактѣ, бросающемъ тѣнь на любезное для него имя Посошкова, объяснилъ себѣ резолюцію навѣтами зложелательныхъ лицъ, „которыхъ всегда бываетъ много, которые терпѣть не могутъ такъ называемыхъ ими выскочекъ и стараются вредить имъ на всѣхъ путяхъ ихъ" [1]. То обстоятельство, что въ „Полномъ собраніи законовъ" резолюція, вѣроятно, по ошибкѣ приписывается Петру вмѣсто Меншикова, по мнѣнію г. Погодина, усложняетъ дѣло. Г. Погодинъ пишетъ: „Къ безпристрастію Меншикова можно не имѣть такой довѣренности, какъ къ Петру I: самъ онъ былъ на руку не чистъ; притомъ могъ не любить Посошкова, какъ человѣка безпокойнаго, за его проекты, которыми, можетъ быть, былъ задѣваемъ, или вслѣдствіе какихъ-нибудь столкновеній, можетъ быть, не хотѣлъ допустить его до встрѣчи съ Петромъ I въ Петербургѣ и пр.".

Мы не имѣемъ данныхъ для разъясненія вопроса: правъ ли Меншиковъ, утверждавшій, что Посошковъ приличился въ ратушѣ въ воровствѣ, или правъ г. Погодинъ, считающій весьма вѣроятнымъ, что это обвиненіе лишено всякаго основанія. Быть можетъ, откроются новыя архивныя данныя, которыя могутъ содѣйствовать рѣшенію этого вопроса. Пока онъ долженъ оставаться открытымъ.

Чтó происходило съ Посошковымъ въ промежутокъ отъ 1708 до 1713 года [3]) мы не знаемъ. За то къ сему послѣднему году относится

---

[1]) Соч. Пос. II, стр. XVII.

[2]) Г. Погодинъ продолжаетъ: «Вѣроятно, Меншиковъ участвовалъ и въ конечномъ заключеніи Посошкова, по смерти Петра I, потому что онъ всегда былъ всемогущъ, и безъ его вѣдома не дѣлалось ничего. Г. Есиповъ предполагаетъ также нерасположеніе Меншикова къ Посошкову. Наконецъ, въ отстраненіе обвиненія Меншикова можно привести то, что Посошковъ былъ вскорѣ опредѣленъ на службу и по документамъ оказывается въ Новѣгородѣ водочныхъ дѣлъ мастеромъ... Сочиненіе свое «О скудости и богатствѣ» онъ представлялъ государю въ 1724 году, и въ заключительномъ его обращеніи нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, чтобъ онъ былъ у государя на дурномъ счету. Вѣроятно, въ такомъ случаѣ онъ и не осмѣлился бы къ нему обращаться». Соч. Пос. II, стр. XVIII—XIX. Дѣйствительно, Посошковъ былъ впослѣдствіи водочнымъ мастеромъ, но можно ли изъ этого заключить, что онъ «былъ опредѣленъ на службу?»

[3]) Понынѣ во всѣхъ біографическихъ очеркахъ Посошкова къ этому времени относили поѣздку сына Посошкова за границу и письмо, писанное сыну будто Посошковымъ. Мы доказали (*Русскій Вѣстникъ*, 1874, августъ), что это письмо не есть сочиненіе Посошкова.

письмо Новгородскаго митрополита Іова, который писалъ къ князю Я. Ѳ. Долгорукому, рекомендуя ему Посошкова. Какъ видно изъ содержанія этого письма [1]), самъ Посошковъ долженъ былъ передать князю оное. Послѣ обычныхъ вступительныхъ фразъ, въ этомъ письмѣ говорится о благородствѣ души князя, „отъ которой яко отъ источника истекаютъ премногія благодати". Іовъ продолжаетъ: „Сего ради и нынѣ моляща пречестнѣйше господское лицо ваше о явленіи милости ко вручителю сего писанія, господину Посошкову, въ требованіяхъ его, просимъ усердно, за которыя твоя къ намъ милостивыи добродѣтели даруетъ вашему благородству Вседержитель Богъ противодостойную мзду, здѣ многолѣтно, а тамо въ небесныхъ безконечно".

Въ этомъ письмѣ г. Погодинъ видитъ что-то въ родѣ оправданія Посошкова въ отношеніи къ обвиненію его въ воровствѣ. Г. Погодинъ замѣчаетъ: „Іовъ, сколько мы знаемъ, былъ человѣкъ въ высшей степени достопочтенный: онъ не сталъ бы похвалять человѣка сомнительной нравственности, и кому? князю Якову Ѳеодоровичу Долгорукову! Да и Посошковъ, зная за собою что-либо нехорошее, не осмѣлился бы искать случаевъ, чтобы представиться къ такому строгому блюстителю справедливости, какъ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукой [2]).

Противъ такого взгляда можно замѣтить, что съ того времени какъ Посошкова обвинили въ воровствѣ, до письма митрополита Іова прошло, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ, и что Іовъ могъ и не знать объ этомъ неблагопріятномъ случаѣ въ жизни Посошкова. Что же касается до совѣсти Посошкова, которая, по мнѣнію г. Погодина, удержала бы его представиться Долгорукому въ случаѣ справедливости обвиненія, то нельзя не вспомнить, что казнокрадство въ то время было общимъ зломъ, на которое тогда, развѣ за исключеніемъ самаго Петра, общество смотрѣло весьма снисходительно. То, что̀ Петръ называлъ воровствомъ, считалось даже такими людьми, какъ Курбатовъ или Татищевъ, поступкомъ нисколько не предосудительнымъ [3]). Нельзя не вспомнить о продѣлкахъ самого Меншикова, которыя со стороны Петра вызвали угрозу: „Если онъ не испра-

---

[1]) Оно издано г. Погодинымъ въ *Москвитянинѣ* въ 1855 г., V, стр. 8 и 9.

[2]) Соч. Пос. II, стр. XIX.

[3]) См. между прочимъ отзывъ Курбатова о взятіи посулъ судьями. *Соловьевъ*, XVI, стр. 258.

вится, то быть ему безъ головы“, а также о слѣдующемъ эпизодѣ: когда Петръ однажды въ сенатѣ слушалъ дѣло о казнокрадствѣ, онъ сказалъ Ягужинскому: „Напишите указъ, что если кто и на столько укралъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“; генералъ-прокуроръ отвѣчалъ на это: „Государь, неужели вы хотите остаться императоромъ одинъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой“ [1]). Петръ имѣлъ основаніе жаловаться на это зло, говоря: „Нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“ [2]). Вся дѣятельность прибыльщиковъ и генералъ-прокуроровъ при Петрѣ показываетъ намъ, что нечестность была общимъ зломъ. Доносовъ было много. Между ними могли быть и злостные, лишенные основанія. Очень возможно, что Посошкова въ 1708 году оклеветали понапрасну; но возможно также, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ. Впослѣдствіи онъ самъ ратовалъ противъ казнокрадства въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, замѣчая, между прочимъ: „что у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ и то на часъ“ [3]).

Какъ бы то ни было, изъ вышеупомянутаго документа мы узнаемъ, что Посошковъ до 1708 года былъ при винной продажѣ. Онъ впослѣдствіи именно вопросу о контролѣ надъ цѣловальниками и бурмистрами посвящаетъ значительную часть главы „о царскомъ интересѣ“ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Изъ этихъ разсужденій видно, что онъ совершенно обладалъ техникою по этой части казенныхъ сборовъ.

О мѣстопребываніи Посошкова въ это время, то-есть, послѣ 1708 г., о его занятіяхъ и предпріятіяхъ мы имѣемъ лишь весьма скудныя данныя. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ часто былъ въ разъѣздахъ; бывалъ то въ Москвѣ, то въ Новгородѣ, то въ С.-Петербургѣ. Изъ письма митрополита Іова, находившагося въ Новгородѣ, видно, что Посошковъ въ 1713 году предпринялъ путешествіе изъ Новгорода въ С.-Петербургъ, и что это путешествіе, по всей вѣроятности, можно отнести къ февралю этого года.

---

[1]) *Соловьевъ* XVIII, 137.

[2]) *Соловьевъ* XVIII, 137.

[3]) Сочиненія Посошкова I, 71.

Хотя мы и весьма немного знаемъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Посошкова въ эти годы, но сочиненія его, относящіяся къ первымъ двумъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка, даютъ намъ возможность составить подробное понятіе о внутренней его жизни, о томъ, что особенно интересовало его, на что были направлены его умственныя способности, его нравственное настроеніе. Онъ создалъ два большіе труда: „Зерцало" и „Отеческое Завѣщаніе". Хотя эти сочиненія по богатству содержанія и уступаютъ далеко послѣднему изъ его сочиненій — „Книгѣ о скудости и богатствѣ", тѣмъ не менѣе обширностью своею они даже нѣсколько превосходятъ это послѣднее и важнѣйшее изъ сочиненій Ивана Посошкова.

„Зерцало" было писано во всякомъ случаѣ не позже 1709 года. Къ этому году относится извѣстіе объ этомъ сочиненіи въ письмѣ Димитрія, митрополита Ростовскаго, къ монаху Ѳеологу [1]). До сихъ поръ было открыто нѣсколько списковъ „Зерцала"; два списка находились въ распоряженіи г. Погодина, одинъ найденъ Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Костромѣ. На послѣднемъ показано имя автора „Иванъ Тихоновичъ Посошковъ творецъ книжицы сея, 1709 года" [2]); на одномъ изъ списковъ г. Погодина, а именно на Строевскомъ: „Іоаннъ Тихоновичъ Посошковъ Москвитинъ, творецъ книжицы сея, о лѣтѣ 1708"; на другомъ изъ списковъ г. Погодина, на Большаковскомъ, заглавіе такое: „Зерцало безименнаго творца", значитъ — нѣтъ подписи [3]). Послѣднее заглавіе согласуется съ выраженіемъ Димитрія Ростовскаго въ письмѣ къ Ѳеологу, отъ 1709 года: „Книжицу безыменнаго

---

[1]) На одномъ изъ списковъ этого сочиненія, находящемся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи, прибавлено: «Свидѣтельствованное достоблаженныя памяти преосвященнымъ господиномъ Димитріемъ митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ во градѣ Ростовѣ и міру чрезъ списаніе нера подать судженное, о немъ же свидѣтельствѣ, мудролюбія его пастырскаго метросочиненныя стихи десницею его написанныя 1709 лѣта». См. статью *И. Ѳ. Нильскаго* въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1875 г. январь, стр. 55—76.

[2]) См. предисловіе г. Попова къ изданію «Отеческаго завѣщанія» стр. XI и его ссылку на *Московскія Вѣдомости* 1861. № 57.

[3]) Очень жаль, что г. Погодинъ, сравнивая довольно обстоятельно оба списка, находившіеся въ его древнехранилищѣ, не сообщаетъ ничего объ этомъ обстоятельствѣ въ своемъ предисловіи къ «Зерцалу». Что списки г. Погодина относительно подписи различны, видно изъ того обстоятельства, что въ его изданіи въ заглавіи говорится, очевидно, по одному изъ списковъ (см. стр. VI) о *безыменномъ* творцѣ, а въ концѣ сочиненія, на основаніи, вѣроятно, другаго списка, названъ Посошковъ.

творца, именуемую „Зерцало“, отъ честности твоей къ намъ присланную“ и пр. [1]).

Мы видѣли, что Посошковъ когда-то былъ раскольникомъ. Теперь же въ „Зерцалѣ“, также какъ и въ посланіи къ Стефану Яворскому, онъ ратуетъ противъ раскола. „Зерцало“ заключаетъ въ себѣ множество возраженій противъ раскола, основанныхъ на Священномъ Писаніи и на сочиненіяхъ отцевъ церкви. „Этимъ сочиненіемъ Посошковъ надѣется снабдить священниковъ, оружіемъ для борьбы съ расколомъ. Мы видѣли, что въ своихъ донесеніяхъ къ Стефану Яворскому Посошковъ жаловался на невѣжество духовенства, не имѣвшаго возможности излагать начала христіанской религіи ни „ученымъ иновѣрцамъ“, ни даже „послѣднему земледѣльцу“. Посошковъ смотрѣлъ на свое сочиненіе „Зерцало“ какъ на одно изъ лучшихъ пособій при занятіяхъ богословіемъ. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ онъ предлагалъ напечатать сочиненіе „Зерцало“ и разослать оное вмѣстѣ съ „Розыскомъ“ и „Пращицею“, по пяти или шести экземпляровъ, „въ школу“ [2]). Этимъ самымъ Посошковъ ставитъ свой трудъ въ уровень съ весьма извѣстными и въ то время распространенными сочиненіями знаменитыхъ авторовъ.

Подъ „Розыскомъ“ здѣсь, очевидно, разумѣется „Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ“, Димитрія Ростовскаго, написанный въ 1709 г., а изданный въ 1745, разосланный авторомъ въ спискахъ по его епархіи незадолго до его смерти въ 1709 году [3]). Что касается „Пращицы“, то это — сочиненіе архимандрита Успенскаго монастыря Питирима, которое заключаетъ въ себѣ вопросы старовѣровъ раскольниковъ съ изложеніемъ, въ чемъ именно касательно внѣшности они не согласны съ ученіемъ православной церкви. „Пращица“ и донынѣ имѣетъ значеніе въ полемикѣ противъ раскола. Она была напечатана въ 1721 г.

Сочиненіе Посошкова „Зерцало“, которое авторъ его считалъ

---

[1]) Въ спискѣ, сообщенномъ Ѳеологомъ митрополиту Димитрію, имя автора было показано только цифрами. Г. Нильскій въ вышеупомянутой статьѣ въ *Христіанскомъ Чтеніи*, составленной по поводу моего изслѣдованія «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову», доказываетъ, что списокъ «Зерцала» находился въ рукахъ Димитрія весною 1709 года, а не въ 1706 году, какъ сказано въ «Обзорѣ р. дух. лит.» *Филарета*.

[2]) Соч. Пос. I. 16.

[3]) Словарь о писателяхъ духовнаго чина, митроп. *Евгенія*, изд. 2-е, I, стр. 127.

столько же важнымъ, какъ труды Димитрія и Питирима, не было напечатано до изданія его г. Погодинымъ въ 1863 году. Желаніе автора принести этимъ сочиненіемъ пользу церкви и обществу не было исполнено. По содержанію своему „Зерцало“ довольно сходно съ Питиримовою „Пращицею“. Тутъ авторъ предлагаетъ опроверженіе заблужденій раскольниковъ и при этомъ случаѣ, какъ бывшій раскольникъ, оказывается вполнѣ хорошо знакомымъ съ преданіями, правилами, письменностью и православной церкви и раскола. О характерѣ этого сочиненія съ указаніемъ на нѣкоторыя черты его г. Погодинъ говоритъ слѣдующее:

«Ревность увлекаетъ Посошкова часто за предѣлы спокойствія. Нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія выраженія и предлагаемыя крутыя мѣры отнесемъ вообще къ грубости и жестокости нравовъ, къ той непреклонной буквѣ и нетерпимости, которая не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ или уступовъ, не терпитъ никакой пощады и взыскиваетъ строго. Въ горячей его брани слышится современникъ, желающій исторгнуть плевелы, только что возникающія изъ земли предъ его глазами. Такъ называетъ онъ новую несогласныхъ вѣру проклятою, запрещаетъ молиться съ ними вмѣстѣ, велитъ гнушаться ими паче мертваго пса и согнившаго, одобряетъ самыя строгія мѣры Никона патріарха: «добрѣ учини, еже развращающихъ Церковь повеле огнемъ пожигати».

«Противники впрочемъ были не разборчивѣе, не мягче, не вѣжливѣе въ отношеніи къ православнымъ, и даже къ ихъ истинной вѣрѣ. Теперь страсти утихли, и никто не позволитъ себѣ выраженій и дѣйствій этого рода.

«Языкъ въ сочиненіи церковный, въ коемъ иногда слышатся обороты и формы языка живаго, простонароднаго, встрѣчаются даже и пословицы: подлѣ воды умочишься, а подлѣ огня ожжешься; подлѣ пчелы медъ, а подлѣ жука дермо; по коей рѣкѣ плыть, та и слава чинить.

«Изъ свойствъ слога замѣтимъ русскую иронію и остроуміе. Такъ, напримѣръ, раскольниковъ, отпадшихъ отъ Церкви и разошедшихся по разнымъ толкамъ, Посошковъ сравниваетъ съ слѣпыми щенятами, которые расползаются въ разныя стороны, съ кротами, потому что не могутъ видѣть свѣта, съ летучими мышами, которыя кроются днемъ въ своихъ дуплинахъ; изъ птицъ же предпочитаетъ имъ и гусей, потому что гуси егда узрятъ свѣтъ дневной, или испущены изъ темныхъ мѣстъ на свѣтъ, радующеся съ велiимъ крикомъ восклицаютъ; совѣтуетъ раскольникамъ вмѣсто: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, молиться: Отче нашъ, иже еси подъ землею.

«Замѣтимъ еще сравненіе людей правовѣрныхъ съ дщицами, истесаными правильно: аще ихъ едину съ другою сложиши, то будутъ толь во илотности согласны, что ни малыя скважины между ними не узриши. А не правильно аще стешутъ—и тіи дщицы не токмо къ тѣмъ правильнымъ дщицамъ (не) будутъ согласны, но и между собою вси будутъ не согласны».

Что̀ могло заставить автора сначала не называть своего имени? Онъ далъ своему сочиненію заглавіе „Зерцало безыменнаго творца“,

затѣмъ въ изданіи г. Погодина помѣщены стихи „на неизъявленіе книжицы“, „на книжицу, Зерцаломъ названную“ и „на малую книжицу“ [1]). Въ этихъ стихахъ восхваляется эта книжка:

Мала книжица сія, но разумъ въ ней многій.
Малъ ларчикъ, но скарбъ въ себѣ хранитъ не убогій,
Малъ источникъ, но многихъ жадныхъ напояетъ,
Малъ славій, но пѣснь сладка всѣхъ увеселяетъ.
И Давидъ малъ велика оуби Голіада,
Сице и та книжица рожденныхъ отъ ада
Раскольниковъ нынѣшнихъ сильна побѣждати,
Вся же провѣрныя пользы исполняти.

Авторъ объявляетъ, что называетъ свою книжицу „Зерцаломъ“, „ибо въ ней зрится противныхъ душа окаянна“. Онъ жалѣетъ о заблужденіи тѣхъ, которые „не хотятъ душевнаго лица си омыти“ и спрашиваетъ: „Кто можетъ Эѳіопа черна убѣлити?“

Въ „предисловіи“ авторъ развиваетъ мысль о выгодахъ смотрѣнія въ зеркало, говоритъ о раскольникахъ, которые сами „познати не могутъ“, что „ратуютъ противу самого Бога“, и приходитъ къ заключенію, что если кто „отпалъ отъ матери своея, отъ святыя церкви, то тѣми людьми царствуетъ діаволъ“. Затѣмъ, въ изданіи г. Погодина, въ 26-ти главахъ говорится о разнихъ вопросахъ православной вѣры и раскола, „о хулѣ“, „о ругателехъ“, „о причащеніи тѣла Христова“, „о мерзости“, „о лжеучителяхъ и лжепророкахъ“, „о символѣ еже Госнода животворящаго“, „объ антихристѣ“, „о сложеніи перстовъ“ „о седмочисліи“ и пр.

Существовала болѣе пространная редакція „Зерцала“. Въ ней была еще статья „о лютеранахъ“, на которую Посошковъ ссылается въ „Отеческомъ завѣщаніи“, и которая не нашлась въ тѣхъ спискахъ, которые находились въ распоряженіи г. Погодина. Вообще ссылки на „Зерцало“, встрѣчающіяся въ „Отеческомъ завѣщаніи“, не совсѣмъ подходятъ къ сочиненію, изданному г. Погодинымъ. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сказано, что „о символѣ“ говорится въ 15-й главѣ „Зерцала“, между тѣмъ какъ объ этомъ предметѣ говорится въ 16-й главѣ. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сказано, что 18-я глава „Зерцала“ посвящена вопросу о перстномъ сложеніи, тогда какъ въ изданіи г. Погодина объ этомъ предметѣ говорится въ 20-й главѣ. Нѣсколько разъ въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ встрѣчаются ссылки на

[1]) Стихи на безыменнаго творца г. Нильскимъ приписываются Димитрію Ростовскому, см. *Христіанское Чтеніе*, январь 1875. стр. 61.

23-ю главу, въ которой будто говорится о лютеранахъ, между тѣмъ какъ такой главы въ сочиненіи „Зерцало“ вовсе не встрѣчается, а въ 23-й главѣ говорится вообще лишь „объ отвергшихся отъ святыя церкве“ [1]).

Итакъ, г. Погодинымъ издана нѣсколько сокращенная, не первоначальная редакція „Зерцала“. Кѣмъ она составлена — неизвѣстно. Быть можетъ, самимъ Посошковымъ. Димитрій Ростовскій въ письмѣ къ Ѳеологу совѣтовалъ „мало нѣчто мѣстами прочистити и поисправити“. Если самъ Посошковъ сократилъ первоначальную обширную редакцію своего „Зерцала“, то онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, послѣ составленія имъ „Отеческаго завѣщанія“, то-есть, послѣ 1715—1719 гг., какъ можно замѣтить изъ того обстоятельства, что Посошковъ цитуетъ въ „Отеческомъ завѣщаніи“ „Зерцало“ по обширной редакціи [2]).

Этотъ трудъ Посошкова свидѣтельствуетъ о значительной степени начитанности автора. Онъ владѣетъ вполнѣ духовною литературою того времени. Читая „Зерцало“, легко можно бы подумать, что авторомъ этого сочиненія былъ не „земледѣлецъ“, а какое-нибудь духовное лицо. Посошкова, очевидно, въ это время занимали, главнымъ образомъ, сложные вопросы богословской догматики. Часто путешествуя по Россіи, посвящая себя промышленнымъ предпріятіямъ, онъ находитъ досугъ для чтенія духовныхъ книгъ и для составленія обширныхъ сочиненій духовнаго содержанія. Вопросами свѣтской политики онъ, какъ кажется, въ это время почти вовсе не занимался.

„Зерцало“ есть исключительно богословское сочиненіе. Почти такой же характеръ имѣетъ сочиненіе „Отеческое завѣщаніе“, которое также можно отнести въ назидательной литературѣ.

„Отеческое завѣщаніе“ писано позже „Зерцала“, какъ видно уже изъ того обстоятельства, что въ немъ встрѣчаются ссылки на „Зерцало“. Оно писано для сына Посошкова, Николая, какъ мы знаемъ изъ „Книги о скудости и богатствѣ“ [3]).

При этомъ случаѣ мы должны коснуться семейныхъ отношеній Посошкова. Мы видѣли выше, что у Посошкова была мать Улита и

---

[1]) Мы объ этомъ предметѣ говорили уже въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1874 г., августъ стр. 785 и 786. Г. Нильскій въ *Христіанскомъ Чтеніи*, январь 1875, указалъ послѣ этого на списокъ, находящійся въ Казанской духовной академіи.

[2]) См. разборъ этого вопроса въ статьѣ г. *Нильскаго* l. c. стр. 69.

[3]) I, 18—20.

былъ братъ Романъ. Когда женился Посошковъ—мы не знаемъ; намъ извѣстно только, что жену его звали Софьею, и что онъ съ нею взялъ приданнаго триста рублей [1]). Мы знаемъ только о двухъ дѣтяхъ Посошкова, о его дочери Пелагеѣ и о сынѣ Николаѣ [2]). Пелагея была сперва замужемъ за подполковникомъ Воронежскаго гарнизона Барыковымъ, который умеръ въ 1723 году, а въ апрѣлѣ 1725 года вышла за мужъ за полковника-Роде [3]). Когда Пелагея вступила въ бракъ съ Барыковымъ — мы не знаемъ. Если Барыковъ умеръ очень скоро послѣ свадьбы, и Пелагеѣ во время свадьбы было не болѣе 17 лѣтъ, то она родилась около 1705 года. Во всякомъ случаѣ она родилась не позже этого года. Сынъ Посошкова въ 1725 году былъ малолѣтній [4]); стало быть, онъ не могъ родиться примѣрно ранѣе 1708 г. О другихъ дѣтяхъ у Посошкова не упоминается. Значитъ, есть нѣкоторая вѣроятность, что онъ вступилъ въ бракъ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, а можетъ быть и раньше, но никакъ не позже 1704 г.

Эти данныя отчасти могутъ служить намъ при опредѣленіи времени составленія „Отеческаго завѣщанія". Если Посошковъ писалъ это сочиненіе для сына Николая, а этотъ сынъ Николай родился не ранѣе 1708 года, то стало быть, это сочиненіе составлено не ранѣе 1708 г. Такъ какъ далѣе объ „Отеческомъ завѣщаніи" упоминается въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", которое писалось отъ 1721 до 1724 года, то слѣдовательно, самымъ позднимъ срокомъ составленія этого сочиненія былъ 1721 годъ. Однако, можно опредѣлить время составленія „Отеческаго завѣщанія" нѣсколько точнѣе на основаніи слѣдующихъ данныхъ.

Хотя въ „Отеческомъ завѣщаніи" говорится о многихъ предметахъ, доступныхъ только болѣе зрѣлому юношѣ, какъ напримѣръ, о бракѣ, о заблужденіяхъ лютеранъ, о разныхъ обязанностяхъ въ дѣлахъ службы и т. д., но въ одномъ мѣстѣ „Отеческаго завѣщанія" о возрастѣ сына упоминается въ такихъ выраженіяхъ, которыя за-

---

[1]) См. бумаги, открытыя г. Есиповымъ во II ч. соч. Пос. стр. XXXVII.

[2]) О мнимомъ сынѣ Посошкова, отправленномъ будто за границу, мы говорили уже въ другой статьѣ, доказывая, что такого сына никогда не существовало. Всѣ соображенія г. Погодина, построенныя на этомъ сынѣ Посошкова, оказываются лишенными основанія.

[3]) См. II ч. Пос. стр. XXXV.

[4]) Какъ видно изъ документа по случаю арестованія Посошкова въ 1725 году; II ч., соч. Пос., стр. XXXIV.

ставляютъ думать, что Посошковъ писалъ это наставленіе въ то время, когда сынъ его былъ еще ребенкомъ. На стр. 8 сказано: „Въ началѣ отрочества своего, сыне мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному наученію: не токмо славенскому одному, но и греческому и латинскому“ и пр. Значитъ, сынъ тогда, когда писалъ отецъ, не достигъ еще и отрочества. Если сынъ въ 1725 году былъ малолѣтнимъ, то онъ родился не ранѣе 1708 года; не достигши отрочества, онъ могъ имѣть отъ роду не болѣе десяти лѣтъ въ то время, когда писалъ Посошковъ. Значитъ, „Отеческое завѣщаніе“, по всей вѣроятности, было писано не позже 1718 или 1719 года и даже, быть можетъ, нѣсколькими годами раньше. Но къ этимъ соображеніямъ присоединяются еще слѣдующія:

На стр. 167 сказано: „Въ прошлыхъ годѣхъ, въ Ригѣ, во владѣніи уже государя нашего, полковникъ женился въ великую пятницу“. Такъ какъ Рига была взята лѣтомъ 1710 года, и съ тѣхъ поръ находилась „во владѣніи“ Петра, то изъ этихъ словъ можно заключить, что „Отеческое завѣщаніе“ писано послѣ 1710 г.

Въ статьѣ „О мірскомъ моленіи и о молитвѣ“ (стр. 90 и слѣд.) говорится объ обязанности сына обращаться къ Спасителю, къ Богородицѣ и къ святымъ (Іоанну, Спиридону, Онуфрію и пр.), съ молитвою о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, о царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о благородныхъ царевичахъ и царевнахъ (также на стр. 207). Тутъ рождается вопросъ: можно ли было до вѣнчанія Екатерины, состоявшагося лишь послѣ Прутскаго похода, называть ее: „царицею“? Если же нѣтъ, то сочиненіе „Отеческаго завѣщанія“ должно отнести ко времени послѣ вѣнчанія. Вовторыхъ, должно спросить: не представляетъ ли выраженіе „царевичи“ и „царевны“, которые, впрочемъ, не названы по имени, средства для опредѣленія времени составленія „Отеческаго завѣщанія“. О царевнахъ можно было говорить все во время царствованія Петра, въ продолженіе котораго мы встрѣчаемъ царевнами сестеръ, племянницъ и позже дочерей царя. За то царевичей было гораздо меньше, а именно Алексѣй Петровичъ да Петръ Петровичъ, а потомъ еще внукъ Петра, Петръ Алексѣевичъ. Такъ какъ однако Петръ Петровичъ, а также и Петръ Алексѣевичъ родились не ранѣе 1715 года, Алексѣй Петровичъ погибъ въ 1718 году, а Петръ Петровичъ умеръ въ 1719 году, то стало быть, о царевичахъ, въ строгомъ смыслѣ, можно было говорить лишь въ періодъ времени отъ 1715 по 1719 годъ. На основаніи всего сказаннаго можно отнести сочиненіе „Отеческаго завѣщанія“ къ этимъ го-

дамъ—1715—1719. Съ этимъ предположеніемъ хорошо согласуется и вышеприведенное обстоятельство, что, по всей вѣроятности, сынъ Посошкова, бывшій малолѣтнимъ въ 1725 году, въ то время когда писалъ Посошковъ (1715—1719 гг.), еще не достигъ отроческаго возраста.

„Отеческое завѣщаніе“ походитъ, съ одной стороны, на „Зерцало“, потому что разборъ религіозныхъ вопросовъ занимаетъ въ немъ самое видное мѣсто, а съ другой,—оно можетъ быть сравниваемо съ „Книгою о скудости и богатствѣ“, потому что многія мысли Посошкова въ отношеніи къ военному дѣлу, къ хозяйству, къ администраціи, и въ особенности, къ судопроизводству, встрѣчаются въ обоихъ сочиненіяхъ. Именно такая тожественность понятій, а отчасти и редакціи въ сочиненіяхъ „Отеческое завѣщаніе“ и „О скудости и богатствѣ“ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Посошковъ былъ авторомъ „Завѣщанія“ [1]. По своему характеру и содержанію „Отеческое завѣщаніе“, стоитъ, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ въ жизни Посошкова—одной, когда онъ, какъ видно изъ „Зерцала“, занимался, главнымъ образомъ, вопросами богословія, и другой, именно—послѣднихъ годовъ его жизни, когда онъ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ законодательной дѣятельности Петра, сталъ весьма ревностно заниматься предметами свѣтскими, вопросами о нравственной, экономической, юридической реформахъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ „Отеческое завѣщаніе“ представляетъ намъ кругозоръ домостроевскихъ понятій, а въ другихъ—предлагаются новыя, свѣжія и умныя мѣры къ улучшенію быта Россіи. Соображенія Посошкова, относящіяся къ вѣрѣ и религіи, къ лютеранамъ и кальвинистамъ, къ раскольникамъ и ереси вообще, оказываются чрезвычайно ограниченными; другія, особенно въ отдѣлѣ о подъячихъ и судьяхъ, производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Мѣстами Посошковъ пишетъ какъ фанатикъ-раскольникъ, стоящій за старину и за мертвую обрядность, мѣстами онъ говоритъ какъ настоящій представитель вѣка просвѣщенія. Такимъ образомъ, „Отеческое завѣщаніе“ служитъ какъ-бы звеномъ, соединяющимъ старину съ новизною, реакцію съ реформою, консервативныя понятія съ прогрессивными стремленіями.

Бо́льшая часть „Отеческаго завѣщанія“ имѣетъ содержаніе нази-

[1]) Какъ мы доказали подробнѣе въ особой статьѣ, гдѣ мы подвергли разбору способъ г. Попова доказать авторство Посошкова. *Русскій Вѣстникъ*. 1874. Авгстъ.

дательное. Оно могло служить какъ-бы катехизисомъ, и самъ авторъ полагалъ, что именно такое мѣсто принадлежало этому сочиненію въ педагогическо-религіозной литературѣ. Онъ предлагалъ въ позднѣйшемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ напечатать этотъ трудъ, который, по его мнѣнію, могъ быть полезнымъ особенно такимъ людямъ, которые желали посвятить себя духовному званію. При этомъ однако встрѣчается слѣдующее затрудненіе. Того содержанія, о которомъ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ [1]), мы не находимъ въ „Отеческомъ завѣщаніи“. Ссылки на послѣднее сочиненіе указываютъ прямо на подробное изложеніе въ „Отеческомъ завѣщаніи“ обязанностей пресвитеровъ. Тамъ сказано: „И аще книга „Отеческаго завѣщанія“ принята и печатана будетъ, юже азъ сыну своему Николаю сочинилъ, то надлежитъ готовящемуся въ пресвитерство и ее читать; понеже мало положено отчасти, какъ пресвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому пресвитеру, но како и простому монаху жить, и какъ въ архимандритахъ будучи, какъ братія пасти, и какъ себя вести, и что̀ подобаетъ и архіерею творити, и каковымъ способомъ раскольниковъ истребляти, и какъ и мирянамъ душеполезно жити“ и т. д. А въ другомъ мѣстѣ: „А я своего сына въ семъ (сочиненіи) проостерегъ, написалъ ему быть во архіерействѣ, чтобы онъ въ слушаніи ставленниковъ на служителей своихъ не подкладывался, но самъ бы всякаго своего ставленника свидѣтельствовалъ, и книгу не Псалтырь, но давалъ бы незнаемыя книги читать, а потомъ бы и на словахъ его спросилъ“ и т. д. А еще въ другомъ мѣстѣ: „Да въ Завѣщаніи жъ своемъ написалъ я сыну своему, чтобы новоставленнаго пресвитера, несовершенно научившася всякаго священнодѣйствія, изъ-подъ начала отнюдь бы не отпускать, дабы на архіерея порѣченія какова за неисправность его не понести. Въ томъ моемъ Завѣщаніи написахъ всякое пресвитерское дѣло, какъ что̀ ему управляти, и какъ дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывати, и какъ богатыхъ и убогихъ пасти; елико ми Богъ разумилъ вся написалъ. И того ради мнится мнѣ вельми ко исправленію священническаго бытія то Завѣщаніе потребно будетъ“.

Всего этого не встрѣчается въ „Отеческомъ завѣщаніи“, изданномъ г. А. Поповымъ.

---

[1]) Стр. 18—20.

Такъ какъ мы однако знаемъ, что авторомъ этого послѣдняго „Отеческаго завѣщанія“, былъ никто иной какъ Посошковъ, и такъ какъ вышеприведенныя ссылки на это сочиненіе, встрѣчаемыя въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, вообще соотвѣтствуютъ тону и характеру „Отеческаго завѣщанія“, то намъ остается только считать вѣроятнымъ, что рукопись, найденная г. Поповымъ, не заключаетъ въ себѣ всего сочиненія Посошкова, и что въ этомъ спискѣ по неизвѣстной намъ причинѣ, недостаетъ именно статьи „О духовномъ званіи“, на которую ссылается Посошковъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ [1]).

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ говорится о разныхъ видахъ общественной дѣятельности, которымъ могъ себя посвятить сынъ Посошкова. Отецъ снабжаетъ сына совѣтами на случай избранія послѣднимъ какой-либо карьеры. Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ главъ, имѣющихъ общее содержаніе и занимающихъ бо́льшую половину сочиненія (объ отроческомъ житіи, о брачномъ житіи, о началѣ мірскаго житія, о мірскомъ моленіи и молитвѣ), въ главахъ 5-й и 6-й говорится болѣе или менѣе подробно „о гражданскомъ житіи“ (о земледѣльчествѣ, о рабскомъ житіи, о художествѣ, о купечествѣ, о солдатскомъ бытіи, объ офицерствѣ, о крестьянскомъ житіи, о нищенскомъ житіи); въ главѣ 6-й „о приказныхъ порядкахъ“ говорится о старомъ подъячествѣ и о судействѣ.

Мы уже знаемъ, что религіозные вопросы интересовали Посошкова въ высшей степени; церковный бытъ, какъ мы видѣли изъ его посланій къ Стефану Яворскому, и прежде обращалъ на себя его вниманіе, онъ самъ, при своемъ обширномъ духовномъ образованіи, при своемъ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, могъ бы посвятить себя духовному званію, и въ такомъ званіи, безъ всякаго сомнѣнія, достигъ бы довольно высокаго положенія. Если онъ считалъ возможнымъ, что сынъ будетъ офицеромъ или солдатомъ, судьею или подъячимъ, купцомъ или ремесленникомъ, нищимъ, мужикомъ или рабомъ, то

[1]) Мы подробнѣе говорили объ этомъ предметѣ въ нашей статьѣ: «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Ивану Посошкову», въ которой, между прочимъ, замѣтили, что гипотеза г. Попова о существованіи остающейся донынѣ неизвѣстною «новой, распространенной редакціи» Завѣщанія не имѣетъ пока основанія, и что пробѣлъ въ спискѣ, изданномъ г. Поповымъ, ослабляетъ нѣкоторымъ образомъ вѣроятность его предположенія, что эта рукопись составлена рукою самого автора.

разумѣется, могъ предвидѣть нѣкоторую возможность и того, что сынъ будетъ священникомъ или монахомъ [1]).

Такова была литературная дѣятельность Посошкова въ первыя два десятилѣтія XVIII вѣка. О томъ, каково было его положеніе въ обществѣ въ это время, мы узнаемъ изъ цѣлаго ряда архивныхъ данныхъ.

Посошковъ былъ человѣкомъ зажиточнымъ. Въ 1716 и 1717 году онъ купилъ у подъячихъ князя Меншикова дворъ въ С.-Петербургѣ на С.-Петербургскомъ острову, въ Малой Никольской улицѣ, и за этотъ дворъ заплатилъ 400 рублей [2]). Кромѣ того, около 1720 года [3]) онъ купилъ у одного новгородскаго купца дворъ съ деревяннымъ строеніемъ за 50 рублей и около 1721 года [4]) еще другой дворъ у одного подъячаго за 150 рублей. Далѣе онъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Устрицкомъ погостѣ имѣлъ „полдеревни" Закрасенье и крестьянъ въ ней мужескаго пола душъ съ двадцать; къ этой деревнѣ онъ уже около 1717 года [5]) купилъ три „пустоши", за которыя далъ 200 рублей. Въ томъ же Устрицкомъ погостѣ ему принадлежала еще деревня Матвѣево, число душъ которой однако неизвѣстно [6]); наконецъ, 1724 года онъ купилъ за 25 рублей въ Новгородѣ „пустоши" у дворянина Унскаго [7]). Затѣмъ еще сохранилась купчая, изъ которой видно, что въ 1719 году Посошковъ у дьяка Степанова купилъ сельцо Марьино. Значитъ, Посошковъ былъ уже не простымъ крестьяниномъ, а помѣщикомъ; онъ самъ имѣлъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ, заводъ съ приписанными людьми и землею. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" онъ упоминаетъ о своей поѣздкѣ, замѣчая, что онъ

---

[1]) Напрасно г. Погодинъ, на основаніи вышеприведенныхъ ссылокъ на стр. 18, 19, 20 въ сочиненіи «о скудости и богатствѣ», говоритъ, будто Посошковъ «готовилъ своего сына въ духовное званіе и даже думалъ, что тотъ могъ бы сдѣлаться архіереемъ. Что могло побудить его къ избранію такаго рода жизни для сына? Думалъ ли онъ указать сыну путь, гдѣ тотъ наиболѣе могъ принести пользы отечеству?» Какъ видно изъ «Отеческаго завѣщанія», отецъ говоритъ равнымъ образомъ о всѣхъ видахъ общественной дѣятельности.

[2]) См. подробности этой покупки во II-й ч. соч. Пос., стр. XXXVIII.

[3]) Посошковъ въ 1725 году, въ ноябрѣ, показалъ, что эта покупка состоялась «лѣтъ съ пять».

[4]) «года съ четыре», показалъ Посошковъ въ 1725 году.

[5]) «Лѣтъ съ восемь», показалъ Посошковъ въ 1725 году.

[6]) См. II. XXXIX.

[7]) Послѣдній листокъ купчей крѣпости сохранился. См. II. XXXIX.

„ѣдучи къ себѣ на заводъ на Держковѣ волоку", видѣлъ разбойника, находившагося подъ судомъ, и пр. [1]). Въ другой разъ онъ разказываетъ, что у него „человѣкъ пять-шесть сбѣжало крестьянъ", и что это случилось именно 9-го іюля 1722 года. Еще разказываетъ Посошковъ случай: „мой человѣкъ поймался за лошадь мою; ту лошадь у него отняли, да еже капитанъ Мавринъ высѣкъ батоги" [2]). Требуя въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" коренной реформы податной системы и предлагая собирать налоги съ земель, онъ замѣчаетъ: „кто есть я? и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго" [3]) Изъ этого замѣчанія видно, что Посошковъ считалъ себя зажиточнымъ человѣкомъ. Не даромъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ собственнаго достоинства писалъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ": „Я не весьма послѣдній человѣкъ" [4]). Въ „Отеческомъ завѣщаніи" онъ пишетъ, обращаясь къ сыну Николаю въ статьѣ „о рабскомъ житіи": „а о томъ не размышляй, что ты былъ съ млада въ богатствѣ, или что отца знатнаго сынъ еси" [5]).

Гдѣ находилось имѣніе Посошкова, весьма точно опредѣлилъ г. Погодинъ. Селеніе Устрики, близъ котораго оно находилось, стоитъ на озерѣ Ильменѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Старой Русы и 100 отъ Новгорода. Держковъ Волокъ, гдѣ находится „заводъ" Посошкова, находится въ 60-ти верстахъ отъ Боровичь къ сѣверу.

Посошковъ любилъ пускаться въ разныя промышленныя предпріятія. Въ купчей на сельцо Марьино онъ названъ „новгородскимъ водочнаго строенія фонтальнаго дѣла мастеромъ" [6]). Что значитъ „фонтальное дѣло"—опредѣлить трудно [7]). Что винокуреніе было спеціальностью Посошкова, мы знаемъ еще изъ другихъ данныхъ. Мы уже видѣли, что въ первыхъ годахъ XVIII вѣка онъ служилъ при продажѣ водокъ въ царскихъ кабакахъ въ Москвѣ. Изъ сочиненія „О скудости и богатствѣ", а именно изъ главы „о царскомъ интересѣ", какъ мы уже замѣтили, видно, что онъ вполнѣ обладалъ техническою частью винокуренія. Самъ онъ разказываетъ въ другомъ мѣ-

[1]) I. 163.
[2]) I. 44.
[3]) I. 203.
[4]) I. 35.
[5]) Стр. 179.
[6]) II. XXXIX.
[7]) Г. Погодинъ въ скобкахъ прибавилъ: «фонтанное?».

стѣ[1]), что въ 1719 году онъ подавалъ просьбу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну о позволеніи построить заводъ винокуренный и взять водку на подрядъ, но что сначала ему это дѣло не повезло. Съ нимъ при этомъ случаѣ обращались весьма безцеремонно, и разказывая объ образѣ дѣйствій чиновниковъ, онъ выставляетъ этотъ фактъ примѣромъ произвольныхъ наказаній со стороны судей. Онъ пишетъ: „И не вѣдомо чего ради (князь Голицынъ) велѣлъ меня за караулъ посадить, и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что̀ сижу, не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я урядику доложить о себѣ; и онъ, князь Дмитрій Михайловичъ, сказалъ: давно ль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотчасъ и велѣлъ меня выпустить".

Вѣроятно, однако, впослѣдствіи Посошкову было разрѣшено устроить винокуренный заводъ; кажется, именно о немъ Посошковъ упоминаетъ, говоря о поѣздкѣ „въ Держкову волоку". Изъ выписки, доставленной П. И. Ивановымъ г. Погодину и напечатанной въ *Москвитянинѣ*, видно, что Посошкову въ послѣднее время его жизни были отданы на откупъ „избъ бывшей Новгородской камеристской конторы, въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Бѣжецкой пятинѣ, Устрицкій таможенный мелочной зборъ винной, пивной, медовой и водочной продажи" съ 1721 по 1724 г., и что за эти сборы имѣлось на немъ недоимки 1076 р. 46 коп. Изъ этого же документа видно, что онъ по подряду 1720 года поставлялъ вино на Новгородскій отдаточный дворъ и въ прочія мѣста, и что имъ было поставлено 3,625 ведеръ, за которыя „дачи денегъ ему не было 805 р.", такъ что на немъ осталось недоимки (1076 р. 46 коп. менѣе 805 р.) 271 р. 46 коп.[2]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что обороты дѣлъ Посошкова были довольно значительны. О сложности его дѣлъ можно судить по тому списку должниковъ и кредиторовъ, которыхъ имѣлъ Посошковъ въ то время, когда находясь въ Петропавловской крѣпости, онъ приближался уже къ смерти. Все это, по просьбѣ умирающаго Посошкова, было записано его духовнымъ отцомъ Исаакіевскимъ протопопомъ Алексѣемъ Васильевымъ[3]). Изъ этихъ данныхъ видно, что Посош-

---

[1]) I. 49.

[2]) II, XLIII.

[3]) Этотъ любопытный документъ, открытый г. Пекарскимъ, напечатанъ во II-мъ т. XXXVII.

ковъ былъ долженъ разнымъ лицамъ по нѣскольку сотъ рублей. Долги Посошкова представляютъ сумму отъ 2000 до 3000 рублей.

Изъ другой, чрезвычайно любопытной бумаги мы узнаемъ о дѣловыхъ отношеніяхъ Посошкова къ какому-то Артемію Ивановичу Астафьеву, который обѣщалъ ему „выходить кормовыя деньги за сто рублей". Г. Погодинъ полагаетъ, что Артемій Ивановичъ за исходатайствованіе Посошкову казенной льготы хотѣлъ взять съ него взятку въ размѣрѣ ста рублей, и изъ этого заключаетъ, что этихъ „кормовыхъ денегъ" было много, то-есть, за долговременную службу.

Этотъ Артемій Ивановичъ былъ должникомъ Посошкова. Онъ у послѣдняго бралъ въ займы деньги и съѣстные припасы, какъ-то: мясо, капусту, масло, медъ, огурцы, хмѣль и забиралъ разные другіе предметы, какъ-то: двухпудовой якорь, песцовый черевій мѣхъ, мѣдный котелъ; женѣ Артемія Ивановича Посошковъ далъ въ долгъ серебряныя серьги, кружевъ нѣмецкихъ, запонки, крестъ съ драгоцѣннымъ камнемъ и пр., такъ что весь долгъ Артемія Ивановича составлялъ сумму около 250 рублей [1]).

Такимъ образомъ, полусогнившія бумаги Посошкова даютъ намъ возможность хотя отчасти заглянуть въ его хозяйство. Изъ этихъ данныхъ мы можемъ вывести по крайней мѣрѣ, то заключеніе, что обороты въ экономическихъ предпріятіяхъ Посошкова были далеко не ничтожны. О его частномъ житьѣ-бытьѣ мы едва-ли можемъ составить себѣ какое-либо понятіе. До сихъ поръ считали Посошкова даже въ нѣкоторомъ родѣ богатымъ человѣкомъ, на основаніи того обстоятельства, что будто бы его сынъ, отправленный за-границу, получалъ отъ отца по 1000 ефимковъ въ годъ. Мы доказали въ другомъ мѣстѣ, что такого сына у Посошкова никогда не было [2]). Итакъ, этотъ сильнѣйшій доводъ, чтобы доказать степень богатства Посошкова, для насъ не существуетъ. За то мы знаемъ, что онъ за женою получилъ не болѣе 300 рублей, что, какъ увидимъ ниже, между Посошковымъ и его зятемъ Барыковымъ былъ споръ изъ-за приданаго, которое Посошковъ будто бы обѣщалъ выдать дочери Пелагеѣ, и что онъ „другихъ кромѣ купленныхъ своихъ деревень никакихъ у себя не имѣлъ" [3]).

Дѣла Посошкова заставляли его очень часто бывать въ разъѣздахъ

---

[1]) См. II ч. стр. XLI.

[2]) См. *Русскій Вѣстникъ*, августъ 1871.

[3]) См. его прошеніе о полотняной фабрикѣ II, стр. XXXII.

Должно удивляться тому, какъ много онъ путешествовалъ. Въ молодости, какъ мы видѣли, онъ, уроженецъ московскій, находился въ Пензѣ. Очень часто бывалъ онъ въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 1710 г., какъ видно изъ его сочиненія „О скудости и богатствѣ“ [1]). Видно также, что онъ бывалъ „на Черни и въ Мценскѣ“ [2]), что въ 1717 году онъ „ѣхалъ Ладожскимъ озеромъ“ [3]) и т. п.

Иногда правительство давало ему порученія. Объ огнестрѣльныхъ рогаткахъ мы уже говорили выше. О другомъ случаѣ Посошковъ самъ разказываетъ слѣдующее: „Егда Царскаго Величества состоялся указъ, еже дѣлать круглыя деньги мѣдныя, то никто изъ Русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ, не сыскался такой человѣкъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу состроить; только иноземецъ Юрья Фробусъ имался, что добыть таковыхъ мастеровъ изъ-за моря. И я, видя въ томъ дѣлѣ протяжность великую, вступилъ въ то дикое время и все то денежное дѣло установилъ, и я имъ иноземцамъ въ томъ аще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкоды никакой не было“ и пр. [4]).

Такъ какъ мы знаемъ, что новыя мѣдныя деньги при Петрѣ были чеканены въ 1700 году (деньги и полушки), въ 1718 году (копѣйки) и въ 1723 году (пятикопѣечники) [5]),—такъ какъ далѣе намъ извѣстно, что Посошковъ особенно интересовался мѣрами, принятыми относительно монетной системы въ 1718 году [6]), мы можемъ считать весьма вѣроятнымъ, что онъ имѣлъ порученія въ монетномъ дѣлѣ въ 1718 году. Техническая часть чеканки денегъ съ давнихъ поръ была ему знакома. Уже въ девятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, какъ мы видѣли, монахъ Авраамій познакомился съ Посошковымъ “для дѣла денежнаго стану, который Авраамій дѣлалъ на образецъ въ поднось великому государю“ [7]).

Посошковъ постоянно былъ въ хлопотахъ, постоянно мечталъ о новыхъ предпріятіяхъ и всегда имѣлъ въ виду, кромѣ своей пользы, и благо отечества. Разказывая о своихъ поѣздкахъ по Россіи, онъ [8])

---

[1]) I. 92 и 209. О другихъ случаяхъ пребыванія Посошкова въ Новгородѣ можно заключить изъ стр. 35, 116.

[2]) Чернь въ нынѣшней Тульской, Мценскъ въ нынѣшней Орловской губ. I, стр. 177.

[3]) I, 210.

[4]) I, 213.

[5]) См. *Chaudoir*, Essai sur les monnaies russes. I, 183.

[6]) I; 250—251.

[7]) См. *Соловьевъ*, Ист. Россіи XIV. 243.

[8]) I. 152.

говоритъ, что открылъ въ какомъ-то мѣстѣ самородную сѣру и „лекарственную матерію, нарицаемую гумъ сфальтумъ", и „нефти" и т. д., и что именно находка сѣры могла бы быть для него и для государства чрезвычайно выгодною. Мы не знаемъ, къ какому времени относятся эти открытія; однако Посошковъ разказываетъ, что онъ сообщилъ объ открытіи сѣры князю Борису Алексѣевичу Голицыну, и что послѣдній обѣщалъ ему „великое учинить награжденіе". „Ни дѣтямъ-де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ" сказалъ будто бы Голицынъ,—къ чему Посошковъ горестно прибавляетъ: „а сошлося мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублевъ". Чрезвычайно любопытно, какъ Посошковъ разсуждаетъ объ этомъ эпизодѣ: „А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлалъ прибыль многотысячную и въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее за собою, то бы я рублевъ тысячу и другую ухватилъ. Вѣдаю я, что далъ бы мнѣ князь Борисъ Алексѣевичъ по десяти рублевъ за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить: и еслибы года два-три подержалъ бы ее за собою, то бы я великіе пожитки отъ нея нажилъ. И я, оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то что фунтами, но гдѣ золотниковъ и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дѣло. А сюда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и князю Борису Алексѣевичу отдалъ, и иноземцы, пріѣхавъ къ нему, взяли по куску, и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы видя, что удержаніемъ сѣры военнаго дѣла не остановити, повезли по-прежнему къ намъ. И за помощію Божіею аще и за такое дѣло великое и ни чѣмъ и не взысканъ, обаче, слава Богу, что военное дѣло управилось" [1]). Такъ какъ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ умеръ въ 1713 году, то этотъ эпизодъ съ сѣрою нужно отнести ко времени до означеннаго года.

Посошковъ сдѣлалъ еще нѣсколько открытій и изобрѣтеній, не принесшихъ однако ему никакой пользы: „И у меня", пишетъ онъ,—„вымысловъ пять-шесть было нажиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что" [2]).

Не смотря на свое скромное происхожденіе, Посошковъ имѣлъ довольно часто сношенія съ знатными лицами. Мы видѣли, какъ онъ со своимъ предложеніемъ „о ратномъ поведеніи" смѣло обратился

---

[1]) I, 153.
[2]) I, 142.

къ боярину Өеодору Алексѣевичу Головину. Не менѣе смѣло обращался онъ въ разныхъ посланіяхъ къ Стефану Яворскому съ предложеніями объ устройствѣ училищъ для духовенства, о распространеніи въ народѣ просвѣщенія и о мѣрахъ противъ раскола. Сейчасъ говорили мы о его бесѣдѣ съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ; мы видѣли также, что митрополитъ Іовъ зналъ Посошкова и рекомендовалъ его князю Долгорукову. Въ другихъ мѣстахъ сочиненій Посошкова говорится о знакомствѣ его съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, княземъ Юрьемъ Яковлевичемъ Хилковымъ и пр. Не знаемъ, былъ ли знакомъ съ Посошковымъ митрополитъ Ростовскій; но прочитавъ „Зерцало", Димитрій писалъ къ Өеологу: „Прошу честности твоей, возвѣсти мнѣ, кто тоя книжицы писецъ? живъ ли онъ? Аще живъ, стану къ нему писати; аще же умре, стану его поминати" [1]).

Впрочемъ, Посошковъ никогда не имѣлъ особеннаго значенія, вѣса, авторитета въ современномъ ему обществѣ. Мы знаемъ только объ одномъ случаѣ, изъ котораго видно, что его почитали какъ человѣка, занимавшаго въ обществѣ нѣсколько видное мѣсто. Онъ разказываетъ, говоря о нерадѣніи сельскихъ поповъ, слѣдующее: „Въ Новгородскомъ уѣздѣ, къ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть; у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой недѣлѣ прежде сего не бывало, *то де тебя поопасались*, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю" и пр. [2]).

За то есть многіе случаи, что съ Посошковымъ поступали чрезвычайно безцеремонно, обижали его. Мы уже видѣли, что въ 1719 году князь Голицынъ посадилъ его подъ караулъ безъ всякой вины, и что онъ „просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что". О другомъ печальномъ случаѣ Посошковъ разказываетъ, что онъ въ Новгородѣ нечаянно пострадалъ за какую-то исторію съ однимъ посадскимъ человѣкомъ Петромъ Терентьевымъ. Посошковъ жилъ на дворѣ Петра Терентьева „по приказу воеводы князя Юрія Яковлевича Хилкова"; однако Преображенскаго полка капитанъ Невельской насильственно хотѣлъ удалить Посошкова съ этого двора: „Животы его Петровы", разказываетъ Посошковъ, — „запечатаны, а меня изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи де указъ,

---

[1]) См. статью Нильскаго въ *Христ. Чтеніи*, январь, 1875, стр. 62.
[2]) I, 27.

почему ты насъ изъ коромъ выживаешь вонъ, и животы наши печатаешь; и ее солдаты сильно выгоняли вонъ изъ горницы, и стали и изъ двора вонъ выбивать, и мы поупрямились, не пошли вонъ. И онъ Невельской прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выидете, то де пріѣду самъ, и совсѣмъ де вымечу на улицу, а жену де твою за косу выволоку вонъ. И жена моя, убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась; а я на томъ Петровомъ дворѣ по приказу воеводы князя Юрія Яковлевича Хилкова жилъ. И того капитана Невельскаго называютъ добрымъ и разумнымъ человѣкомъ, а такія обиды чинилъ; и Петръ (Терентьевъ) побывалъ у него съ гостинцемъ, то онъ его животы отпечаталъ, а моихъ не распечаталъ: знатное дѣло, что и съ меня хотѣлось нѣчто сорвать, и едва упросилъ его воевода князь Юрья Яковлевичъ, что приказалъ распечатать и караулъ свесть".

Другой непріятный случай былъ также въ Новгородѣ въ томъ же 1721 году: „полковникъ Дмитрій Ларіоновъ сынъ Порецкой", пишетъ Посошковъ, „будучи въ Новѣгородѣ въ канцеляріи провинціяльнаго суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу; а за что посадить хотѣлъ, вины своея ни малыя не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, только былъ тутъ нотаріусъ Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ нотаріусъ и приказные подъячіе и дворяне многіе слышали, и я на утро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его полковника допросить; и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ въ Новѣгородѣ отвѣчать не буду" [1]).

Посошковъ въ своихъ сочиненіяхъ называетъ себя „мизирнымъ". Такая „мизирность" его объясняетъ намъ, почему онъ, желая въ 1718 году представить записку о деньгахъ, не могъ дойдти до царскаго кабинетъ-секретаря Макарова. Онъ разказываетъ: „Въ 1718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что такія деньги вельми къ воровству способны, и самое денежнымъ ворамъ предводительство будетъ, и для поданія приходилъ къ господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщики не могъ получить, еже бы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лѣкарственнымъ

[1]) I, 34 и 35.

водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ кучеру Куріеву [1]) Егору Сергѣевичу, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу, или нѣтъ, про то не вѣмъ, или самъ прочелъ, про то не вѣмъ" [2]). Такимъ образомъ Посошковъ, желая быть полезнымъ отечеству, не всегда могъ доходить до знатныхъ лицъ и долженъ былъ надѣяться на ихъ прислугу. Не мудрено, что при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, его посланія иногда не доходили до лицъ, для которыхъ онѣ были назначены, и подъ часъ терялись вовсе.

Такъ и это сочиненіе „О деньгахъ" до насъ не дошло. О содержаніи его, однако, мы знаемъ изъ другихъ сочиненій Посошкова, въ которыхъ говорится о монетномъ дѣлѣ. То, что̀ сказано въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ главѣ о царскомъ интересѣ, о монетной системѣ можетъ считаться какъ-бы повтореніемъ того, что̀ было сказано въ сочиненіи 1718 года, дальнѣйшая судьба котораго Посошкову была столько же неизвѣстна, какъ и намъ. Посошковъ пишетъ нѣсколькими годами позже: „И того ради", то-есть, потому что онъ не знаетъ, дошло ли до Петра или нѣтъ его сочиненіе 1718 года,—„въ сей главѣ царскаго интереса умыслихъ изъяснити и предъявихъ о той самой царской прибыли".

Мы знаемъ еще о другихъ столкновеніяхъ Посошкова съ разными лицами. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ доказательство того, что весьма часто нельзя разчитывать на правильный судъ и расправу, а что вмѣсто того господствуютъ произволъ и насиліе, онъ разказываетъ слѣдующій фактъ, о которомъ однако мы не можемъ опредѣлить—къ какому времени онъ относится: „Мой человѣкъ поймался за лошадь мою: ту лошадь у него отняли, да его жъ капитанъ Мавринъ высѣкъ батоги: для чего де ты обозъ останавливаешь, ты бъ за лошадью шелъ въ Санктпетербургъ: тамъ бы де и судъ на него дали. И тотъ судъ далекъ и труденъ; лошадь дана 4 рубля, а послать туда бить челомъ, то больше того еще приложить; и та лошадь была у подводчика, а не у солдата, только подъ обиходомъ офицерскимъ, а и тутъ судъ не сыскалъ" [3]).

---

[1]) Въ одномъ изъ списковъ *курчеру*. Г. Погодинъ полагаетъ, что вѣрно *курьеру*.
[2]) I, 251.
[3]) I, 44.

Еще дошло до насъ слѣдующее извѣстіе. 20-го іюля 1725 года, въ то время, какъ Посошковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и незадолго до постигшей его тамъ бѣды, его племянникъ Александръ, жившій на водочномъ его заводѣ въ Новгородскомъ уѣздѣ, Бѣжецкой пятинѣ при деревняхъ Закарасеньѣ и Матвѣевой, писалъ дядѣ подробно о хозяйствѣ его крестьянъ, и также о тѣхъ изъ нихъ, которые бѣжали изъ мѣстъ ихъ жительства, и объ отношеніяхъ Посошкова къ сосѣдямъ. Одинъ изъ этихъ сосѣдей, помѣщикъ Линевъ, приказывалъ своимъ крестьянамъ племянника Посошкова „гдѣ не изловятъ да убить до смерти“ [1]).

При столь многосложной практической дѣятельности Посошкова, можно удивляться тому, что онъ находилъ время для литературной дѣятельности.

Его сочиненія, составленныя до 1721 года, имѣли скорѣе характеръ монографій или записокъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Развѣ только „Отеческое завѣщаніе“ можетъ считаться нѣкоторымъ образомъ энциклопедическимъ трудомъ. Въ донесеніяхъ Головину и Яворскому, въ „Зерцалѣ“, въ „Денежномъ письмѣ“ 1718 года онъ останавливался на спеціальныхъ предметахъ и говорилъ или о монетной системѣ, или о военной администраціи, или о вѣрѣ и о ереси.

За то въ послѣднемъ изъ всѣхъ трудовъ Посошкова, въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, онъ предлагаетъ разсужденія о разныхъ вопросахъ государственнаго и общественнаго быта. Его опытность, школа жизни, чрезъ которую онъ прошелъ, доставили ему возможность писать о разныхъ предметахъ съ нѣкоторою основательностью. Искреннее желаніе оказать пользу царю и отечеству заставило его взяться за перо для представленія обширной и ярко освѣщенной картины того, что̀ онъ видѣлъ въ Россіи, и для указанія на мѣры, необходимыя для устраненія множества вкоренившихся неудобствъ русской жизни. Онъ любилъ говорить правду и гораздо болѣе многихъ другихъ былъ въ состояніи знать о настоящемъ положеніи дѣлъ въ общежитіи. По происхожденію, отчасти по своему образованію, и безъ всякаго сомнѣнія, по образу жизни, онъ находился въ тѣсной связи съ низшими слоями общества; съ другой же стороны, его промышленныя предпріятія, его знакомство съ высоко поставленными лицами, его литературная дѣятельность давали ему возможность имѣть сношенія съ органами правительства, съ высшими кругами общества.

---

[1]) Сооб. *Пекарскій* въ *Зап. Ак. Наукъ* V, 243.

находившись, такъ сказать, на государственной службѣ въ то время, когда онъ былъ при винной продажѣ въ Москвѣ, имѣя иногда специальныя порученія отъ правительства, Посошковъ могъ всмотрѣться нѣсколько подробнѣе въ разныя задачи администраціи, полиціи, законодательства. Для людей, умѣвшихъ вообще слѣдить за политическимъ развитіемъ Россіи въ то время, широкая и геніальная дѣятельность Петра, множество реформъ и крутыхъ мѣръ противъ разнаго рода злоупотребленій должны были представлять собою, такъ сказать, политическую школу, и именно въ этой школѣ воспитался Посошковъ. Изъ члена кружка недовольныхъ, роптавшаго въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка на мѣры правительства и на молодаго царя, онъ превратился въ горячаго сторонника великаго преобразователя: бывшій раскольникъ сдѣлался ревнителемъ православія. Однако, Посошковъ хотѣлъ бо̀льшаго: онъ желалъ сдѣлаться какъ-бы сотрудникомъ Петра. Онъ считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать въ пользу Петра и Россіи, и для этой цѣли, рѣшился составить большую записку о состояніи своего отечества, Такъ произошла его „книга о скудости и богатствѣ, сіе есть объясненіе, отъ чего приключается скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается“.

Сочиненіемъ этой книги Посошковъ занимался три года „утаенно отъ зрѣнія людскаго“ и кончилъ это сочиненіе, какъ видно изъ заключительнаго обращенія къ императору Петру I, 24-го февраля 1724 года [1]). Въ этомъ сочиненіи заключается множество рѣзкихъ отзывовъ о тогдашнемъ бытѣ; мѣстами даже встрѣчаются доносы на нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ тогда отношеніе къ правительству. Далѣе предлагается множество важныхъ мѣръ, коренныхъ преобразованій, административныхъ распоряженій, законодательныхъ реформъ. Уже и прежде мы видѣли, что Посошковъ считалъ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что его мнѣніе будетъ выслушано, и его предложенія будутъ приняты. Не смотря на всѣ неудачи, не смотря на всѣ затрудненія, съ которыми онъ бо̀ролся при доставленіи своихъ сочиненій тѣмъ лицамъ, для которыхъ онѣ были назначены, Посошковъ не унывалъ и все еще надѣялся, что его выслушаютъ, что его программа будетъ приведена въ исполненіе, и что въ такомъ случаѣ все измѣнится къ лучшему, или какъ любилъ выражаться Посошковъ, что „вся Россія яко бы со сна пробудится“. Нельзя отрицать, что такія надежды свидѣтельствуютъ отчасти о нѣсколько дѣтскомъ воображеніи, и что

[1]) I, 259.

такой оптимизмъ можетъ казаться наивнымъ, но нельзя также не признать, что Посошковъ дѣйствовалъ подъ внушеніемъ истинной любви къ отечеству и къ добродѣтели, что онъ желалъ составить счастье своихъ соотечественниковъ, что онъ уважалъ просвѣщеніе и образованіе и былъ неограниченно преданъ государю, представителю прогресса.

Очень часто въ своихъ трудахъ онъ говоритъ о своемъ скромномъ происхожденіи, не дававшемъ ему собственно права писать о столь важныхъ вопросахъ, разрѣшать столь трудныя задачи. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о себѣ: „азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой простецъ есмь". Разсуждая въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" о самыхъ сложныхъ вопросахъ государственнаго управленія, Посошковъ пишетъ: „Страшенъ ми сей глаголъ, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что̀ не полезно, умолчати. И что̀ во изъявленіи моемъ явится неимовѣрно, то можетъ свидѣтельствомъ или пробою разрѣшиться во всѣмъ девяти главахъ; паче же всѣхъ свидѣтельствъ правдолюбивое сердце да разсудитъ вся".

О томъ, какъ Посошковъ самъ думалъ о своемъ предпріятіи, лучше всего можно судить, руководствуясь заключеніемъ его сочиненія: онъ пишетъ:

«И аще Его Царскаго Величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлѣхъ, и о крестьянствѣ, и о нетрудномъ умноженіи и собраніи казны Его Царскаго Величества, то я, за помощію Божіею, безъ сумнѣнія могу рещи: еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ, и не токмо царская сокровища наполнятся; и аще и военное дѣло возобновится, то не токмо единою славою прославится, но и страшны всѣмъ окрестнымъ государствамъ будутъ. Аминь.

«И сія мнѣнія моего изъявительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и неисправностей, и о насажденіи прямыя правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написахъ не обинуяся, и предлагаю на разсужденіе единаго высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго

правдолюбца, императора Всероссійскаго, Петра Великаго, истиннаго самодержца и столпа незыблемаго. О семъ же свидѣтель ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалилася во мнѣ, еже никая нужда пресѣщи не могла. Ибо аще и невелика сія книжица, обаче едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократно переписывалъ ю, обаче ни отъ кого не видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народъ не произнеслося сіе мое предложеніе.

«И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильнихъ лицъ было, паче же отъ не любящихъ правды; понеже писахъ не слагая имъ. «Паче же да будетъ воля Божія и твоя превысокая царская воля ко мнѣ. Аминь.

«Яко аще кто восхощетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуетъ, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

«Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичищъ, правды же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнимъ трудомъ воспписавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь» [1]).

«Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему Императору и Самодержцу всероссійскому, Петру Великому, отцу отечества, Государю Всемилостивѣйшему, доношеніе:

«Въ Россійскомъ народѣ присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающіяся неправды и всякихъ неисправностей. Того ради и возжелахъ предъ очи Твоего Императорскаго Величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлѣхъ предложити, по мнѣнію своему, изъявленіе. И на оныя неправды и неисправности, елико ми Богъ даровалъ, мнѣнія своего изложеніе ко исправности тѣхъ неправостей и неисправностей трикратное трекратіе предлагаю, а именно: первое трекратіе: о неисправѣ и поправѣ духовенства, воинства и правосудія, второе трекратіе: о неисправѣ и поправѣ купечества, художествъ и разбойниковъ съ бѣглецами; третье трекратіе: о неисправѣ и поправѣ, яко во крестьянѣхъ, тако и во владѣніи земли безобидномъ, и о собраніи царскаго интереса много гобзовитаго.

«И на тое тречисліе написахъ трелѣтнимъ своимъ трудомъ книжицу, и нарѣкохъ ю: «Книга скудости и богатства», понеже имѣетъ о себѣ изъясненіе, отъ чего содѣвается напрасная скудость, и отъ чего умножитися можетъ изобильное богатство, и притомъ предложихъ мнѣніемъ своимъ, какъ бы истребити изъ народа неправду и неисправности, и како насадити прямую правду и во всякихъ дѣлѣхъ исправленіе и какъ бы водрузить любовь и безпечное житіе народное».

«И тако мнѣніе мое о помянутыхъ дѣлѣхъ лежитъ. Аще Богъ милостиво

[1]) Г. Есиповъ открылъ въ архивѣ черновую просьбу, при которой Посошковъ представилъ или намѣренъ былъ представить государю свой трудъ «О скудости и богатствѣ». Тутъ еще яснѣе обнаруживаются надежды, намѣренія, взгляды, опасенія Посошкова.

призрить на не: и Ваше Императорское Величество по настоящему царскаго провленія благоволите вступить въ ня, то я безъ всякаго сумнѣнія могу рещи: еже на кійждый годъ при нынѣшнихъ сборѣхъ, на малой примѣръ лишнія казны въ царсія сокровища милліона по три приходить будетъ.... (Здѣсь одинъ уголъ доношенія сгнилъ, и можно прочесть только слѣдующее): ... устоятъ тая новая распоряженія, то легко будетъ собиратися безъ уятія предъ... то будетъ собиратися милліоновъ и по десяти или и болши на всякій годъ... Когда измѣненія тѣмъ нерасположительнымъ дѣламъ не будетъ, то годъ отъ году... яко царское, тако и всенародное умножатися будетъ... И обиды вси истребятца, и надѣюсь на всещедраго Бога, что аще волею... обаче разные чины, яко военные офицеры, съ простымъ народомъ будутъ... высоко мнимые дворяне могутъ претворится въ кроткія... любовь и съ простымъ народомъ: понеже вси единыя державы люди есьми... любовь въ людяхъ утвердится, то мочно разумѣть, что Богъ на всѣхъ... призрѣніемъ и прославитъ насъ во весь свѣтъ славою... яко восхощетъ, понеже вся слава и богатство въ его суть руцѣ Божіей. Прошеніе же мое Величеству Твоему предлагаю.

«Ежебъ желаніе мое въ дѣло произвелось, иногожъ ничесого не требую, токмо де не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ и обидникамъ и любителямъ неправды. Понеже не похлѣбуя имъ писахъ, а аще увидятъ о моей мизирности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой. Обаче буди въ томъ воля Бога моего и воля твоего Императорскаго Величества. Яко Ти Богъ Всевидящи око во сердце положитъ, и Духъ Святый наставитъ тя, такъ и да будетъ. Вѣдаетъ про то Богъ, что не себя ради потрудихся въ немъ, но токмо отъ вложенія въ мя отъ Бога ревности потрудихся».

«Доноситъ о семъ Величества Вашего всенижайшій рабъ Иванъ Посошковъ, пиша своеручно» [1]).

Посошковъ называетъ свой трудъ „девятирицею" или „трикратнымъ трекратіемъ". Онъ раздѣленъ на девять главъ. Въ нихъ, послѣ краткаго общаго вступленія, говорится: 1) о духовности, 2) о воинскихъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествѣ; 6) о разбойникахъ, 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянѣхъ, крестьянѣхъ и земляныхъ дѣлахъ, 9) о царевомъ интересѣ.

Г. Погодинъ считаетъ названіе сочиненія „О скудости и богатствѣ" не соотвѣтствующимъ общему содержанію и полагаетъ, что оно дано „можетъ быть, для того, чтобы съ перваго раза возбудить любопытство и привлечь вниманіе Государя, какъ къ предмету самому важному и нужному въ государственномъ управленіи, преимущественно же при обстоятельствахъ того времени". [2]).

Дѣйствительно, это заглавіе можетъ казаться нѣсколько узкимъ. Впрочемъ вопросы хозяйственные до того преобладаютъ въ сочиненіи,

[1]) II, XXVIII—XXX.
[2]) I, стр. XVI.

что разборъ вопросовъ чисто духовныхъ, юридическихъ, военныхъ занимаетъ сравнительно мало мѣста, и даже въ главахъ о духовности, о правосудіи, о воинскихъ дѣлахъ особенное вниманіе обращается на хозяйственное положеніе сельскаго духовенства, на гибельныя слѣдствія произвола въ судѣ и расправѣ для экономическаго быта народа и на расходы при содержаніи войска. Въ сочиненіи „Зерцало“ Посошковъ останавливается на самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, на вѣрѣ и догматахъ церкви; въ „Отеческомъ завѣщаніи“, особенно въ послѣднихъ главахъ, онъ уже затрогиваетъ многіе вопросы практическіе. Сочиненіе „О скудости и богатствѣ“ имѣетъ всецѣло предметомъ практику. Посошковъ могъ бы сдѣлаться такимъ же сотрудникомъ Петра въ области практической политики, какими были Виніусъ, Курбатовъ, Геннингъ, Кириловъ, Татищевъ и др. Но едва ли кто нибудь изъ послѣднихъ дѣятелей былъ бы въ состояніи написать столь важныя сочиненія, какія написалъ Посошковъ. Многіе изъ этихъ людей были опытными дѣльцами, спеціалистами въ разныхъ отрасляхъ техники, искусными администраторами, однако никто изъ нихъ не былъ писателемъ-экономистомъ, какимъ можно назвать Посошкова.

Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что въ заглавіи своего труда Посошковъ ставитъ тотъ самый вопросъ, который встрѣчается въ заглавіи капитальнаго труда Адама Смита, явившагося полвѣкомъ послѣ составленія Посошковымъ книги „О скудости и богатствѣ“. Посошковъ спрашиваетъ „отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается“, а знаменитый основатель науки политической экономіи также отвѣчаетъ на „вопросъ (Inquiry) о свойствѣ и причинахъ народнаго богатства“. Посошковъ понималъ, что вещественнымъ богатствомъ отчасти обусловливается и нравственное и умственное развитіе, но что, съ другой стороны, усовершенствованіе въ нравахъ, истинное просвѣщеніе содѣйствуютъ умноженію народнаго матеріальнаго благосостоянія. Для будущности Россіи весьма важными должны были казаться реформы въ отношеніи къ быту крестьянъ, къ торговому балансу, къ обезпеченному праву на собственность и къ умноженію финансовыхъ средствъ. По мѣрѣ того какъ Россія становилась богаче, она становилась и вліятельнѣе въ ряду европейскихъ державъ, независимѣе отъ сильныхъ сосѣдей, порядочнѣе устроенною и болѣе счастливою внутри: поэтому вопросы о самыхъ необходимыхъ мѣрахъ реформы сводились къ альтернативѣ — скудость или богатство. Вотъ почему заглавіе сочи-

5*

нія Посошкова должно считаться вполнѣ соотвѣтствующимъ своему характеру и содержанію.

Смѣлость, съ которою Посошковъ обратился къ государю съ своимъ сочиненіемъ, не имѣла желаннаго успѣха. Мы не знаемъ почти ничего о судьбѣ „Книги о скудости и богатствѣ". Едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобъ она когда-нибудь попадала въ руки Петра. Если въ 1718. г. Посошковъ „за многими караульщики" не могъ дойдти до кабинетъ-секретаря Петра, то тѣмъ менѣе вѣроятенъ успѣхъ въ стараніи Посошкова сблизиться съ самимъ государемъ.

Когда Посошковъ кончилъ свой трудъ, царствованіе Петра клонилось къ окончанію. Въ началѣ 1724 года Посошковъ написалъ заключеніе книги „О скудости и богатствѣ", а годомъ позже Петра не стало. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о жизни Посошкова въ продолженіе этого года. За то изъ нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ 1725 году, усматриваемъ, что Посошковъ находился въ прежнемъ своемъ положеніи, былъ то въ Новгородѣ, то въ Москвѣ и занимался промышленными дѣлами.

Къ ближайшему за кончиною Петра времени относится просьба Посошкова въ мануфактуръ-коллегію о позволеніи ему учредить полотняную фабрику[1]). Въ этомъ прошеніи Посошковъ, ссылаясь на указъ Петра и Екатерины, дозволяющій всѣхъ сословій лицамъ строить заводы, мануфактуры и фабрики, и на льготы, которыми въ подобныхъ случаяхъ пользовались учредители такихъ предпріятій, поддерживаемыхъ правительствомъ, изъявляетъ желаніе устроить „своимъ коштомъ... коломинковую и полотняную фабрику". Посошковъ предполагалъ сдѣлать полотняныхъ пять становъ, коломинковыхъ три (въ другомъ спискѣ пять) и дѣлать „каламенки травчатой, и стофы шерстяные и камлоты и стамеди и прочія шерстяныя дѣла, какія могутъ изъ шерсти строиться, также и пополамъ съ шелкомъ мѣшанныя, а полотна широкія, гладкія и узорчатыя и пестряди и тыки, скатерти и салфетки такимъ маперомъ, каковымъ нынѣ производятся при С.-Петербургѣ на Екатерингофской мануфактурѣ". Посошковъ не проситъ никакого денежнаго вспомоществованія изъ казны, „токмо для перваго установленія, дондеже сдѣланы будутъ свои станы и инструменты чтобъ дати мнѣ по оцѣнкѣ изъ коломинковой мануфактуры одинъ станъ травчатой, да одинъ станъ гладкой, и для кру-

[1]) И этотъ документъ открытъ г. Есиповымъ, см. соч. Пос. II, стр. XXX—XXXIII.

ченья гарусовъ одну мельницу со всѣми инструментами, чтобъ можно на тѣхъ станахъ ткать противъ нѣмецкихъ безъ запинки". Далѣе онъ проситъ, чтобъ ему было дозволено рубить въ Новгородскомъ уѣздѣ сосновый и еловый лѣсъ „хоромный" и „на инструменты дубовый и кленовой лѣсъ" безпошлинно и безопасно; потомъ, чтобъ ему дали на нѣсколько лѣтъ для обученія рабочихъ—по одному человѣку, изъ русскихъ мастеровыхъ людей съ Екатерингофской мануфактуры обоихъ мастерствъ, а именно „коломинкова дѣла мастера Бориса Шаплескина", съ которымъ Посошковъ уже прежде имѣлъ договоръ, а „изъ полотняной ткача, и за труды ихъ Посошковъ обѣщалъ платить по договору „безъ волокиты".

Посошковъ объяснялъ въ прошеніи, что дворъ его въ Новгородѣ „не весьма пространенъ", такъ что на немъ построить фабрику было невозможно. Поэтому онъ просилъ уступить ему на Торговой сторонѣ дворъ, на которомъ прежде дѣлались драгунскія сѣдла, и который въ продолженіе лѣтъ пяти или больше уже стоялъ безъ всякаго употребленія. Этотъ дворъ Посошковъ желалъ получить „по оцѣнкѣ въ вѣчное владѣніе". Наконецъ, онъ просилъ увольненія отъ пошлинъ при покупкѣ и продажѣ матеріаловъ и инструментовъ въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ на десять лѣтъ, освобожденія отъ постоя „противъ (то есть, наравнѣ съ ними) другихъ такихъ же компанейщиковъ".

Прошеніе Посошкова не имѣетъ числовой помѣты; но такъ какъ въ немъ говорится о „самодержицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ", то слѣдовательно, оно не могло быть писано до февраля 1725 года; не могло оно быть писано позже августа того же года, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ о катастрофѣ, постигшей Посошкова.

Не чуя надъ собою грозы, которая должна была разразиться надъ нимъ такъ скоро, Посошковъ въ первыхъ числахъ іюня 1725 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, съ семействомъ и съ прислугою. Сохранилась часть бумаги, въ которой Посошковъ извѣщаетъ главную полицій-мейстерскую канцелярію о томъ, что онъ прибылъ съ женой, сыномъ и крѣпостными людьми въ Петербургъ и остановился въ своемъ домѣ „на С.-Петербургскомъ острову ниже кронъ-верха въ улицѣ у мытнаго двора" [1]). Можетъ быть, поѣздка Посошкова въ Петербургъ имѣла цѣлью хлопотать о дозволеніи ему устроить полотняную фабрику. Ко времени этого послѣдняго пребыванія Посошкова въ С.-Петербургѣ относится еще другая бумага; 19-го іюня

[1]) См. соч. Посош. II. XL.

Посошковъ далъ своему человѣку видъ на свободный проѣздъ изъ Петербурга на водочный заводъ и обратно [1]).

Совсѣмъ неожиданно поѣздка Посошкова и его промышленная и литературная дѣятельность—все это должно было кончиться весьма печальнымъ образомъ. Какъ видно изъ открытій, сдѣланныхъ г. Есиповымъ въ дѣлахъ государственнаго архива, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Объ этомъ мы узнали изъ слѣдующаго документа: „1725 года августа въ 26-й день, въ канцелярію тайныхъ дѣлъ взятъ подъ караулъ водочнаго дѣла мастеръ Иванъ Посошковъ, а сынъ его малолѣтній Николай въ домѣ его Ивановомъ подъ карауломъ, и письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираны. При взятьѣ писемъ были канцеляристъ Семенъ Шурловъ, лейбъ гвардіи Преображенскаго полка караульный первой роты капралъ Яковъ Яновскій, солдатъ 4 человѣка". Бумага подписана собственною рукою извѣстнаго Андрея Ивановича Ушакова.

За что былъ арестованъ несчастный Посошковъ—въ дѣлахъ нѣтъ никакого указанія. Слѣдующія обстоятельства однако заставляютъ насъ считать весьма вѣроятнымъ, что катастрофа Посошкова состояла въ связи съ его литературною дѣятельностью.

Вопервыхъ, при арестованіи Посошкова особенное вниманіе было обращено на бумаги, находившіяся у него: „письма изъ того дому взяты въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ". Такъ обращаются съ человѣкомъ, считающимся политическимъ преступникомъ. Вовторыхъ, весьма важнымъ кажется слѣдующій эпизодъ. Черезъ три дня послѣ арестованія Посошкова, именно 29-го августа 1725 г., одного подъячаго, замѣшаннаго въ дѣлѣ Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, допрашивали въ тайной канцеляріи: имѣетъ ли онъ у себя бывшаго Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія какія книги, *въ томъ числѣ книгу изданія Ивана Посошкова, зовомую скудость съ богатствомъ*? Подобные вопросы въ тайной канцеляріи, сколько по соображенію съ другими дѣлами судить можно, дѣлались только въ такомъ случаѣ, если какое-нибудь сочиненіе подвергалось преслѣдованію канцеляріи. Шишкинъ отвѣчалъ: Ѳеодосіевыхъ книгъ у него, Шишкина, въ томъ числѣ и помянутой книги *скудости съ богатствомъ*, никогда не было и нынѣ нѣтъ. Тѣмъ и покончили. Шишкина отпустили изъ-подъ ареста, а Посошковъ все сидѣлъ въ тюрьмѣ.

---

[1]) *Записки Ак. Наукъ*, V, стр. 243.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1725 г. къ тюремному заключенію присоединилось для Посошкова еще новое горе. Зять его, полковникъ Кіевскаго гарнизона, по фамиліи Роде, подалъ императрицѣ Екатеринѣ жалобу на Посошкова, что онъ обѣщалъ выдать дочери своей Пелагеѣ, при замужествѣ ея, въ награжденіе 1000 р. деньгами, да деревню, да приданаго на 300 р. Но за то, *что мужъ не россійской націи и приказныхъ дѣлъ не знаетъ*, Посошковъ будто бы не исполнилъ обѣщанія. 11-го октября подалъ Роде прошеніе, и въ тотъ же день Посошкова привели изъ тюрьмы *скованнаго*, къ допросу въ тайную канцелярію. Посошковъ началъ съ того, что разказалъ обстоятельно, когда пріобрѣлъ онъ дома и деревни покупкою и отъ кого именно. Потомъ онъ объяснилъ Андрею Ивановичу Ушакову, присутствовавшему въ тайной канцеляріи, что дочь его Пелагея была сперва замужемъ за подполковникомъ Воронежскаго гарнизона Барыковымъ, и что онъ ей отдалъ въ приданое все сполна, что̀ обѣщалъ. Барыковъ умеръ въ 1723 году, и послѣ того онъ ни 1000 р., ни деревень, ничего прочаго дочери не обѣщался давать; а дочь его за полковника Роде вышла замужъ въ апрѣлѣ 1725 года *безъ его вѣдома*, и полковнику Роде ничего не обѣщался" [1]). Въ какой мѣрѣ Посошковъ въ обращеніи съ Барыковымъ и Роде былъ правъ или виноватъ—мы не знаемъ.

Между тѣмъ Посошкова отвели опять въ крѣпость, а 16-го ноября изъ тайной канцеляріи сообщили вотчинной коллегіи, чтобы „недвижимаго имѣнія Ивана Посошкова по купчимъ и по закладнымъ отъ его Иванова имени и отъ прочихъ его фамиліи впредь ни за кѣмъ не записывать, также и купчихъ и закладныхъ на оныя имѣнія у крѣпостныхъ дѣлъ не писать, понеже онъ Посошковъ явился въ *важной криминальной винѣ*". 9-го января 1726 года просьбу Роде, съ подробными справками о всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, доложили Екатеринѣ, и она указала: „то недвижимое - имѣніе, кромѣ дворовъ Петербургскаго и Новгородскаго, отдать дочери Посошкова, женѣ полковника Роде, Пелагеѣ, въ награжденье".

Не долго послѣ этого томился въ Петропавловской крѣпости сочинитель книги „О скудости и богатствѣ". Силы несчастнаго истощились и онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Тутъ онъ еще, какъ мы выше замѣтили, сообщилъ своему духовному отцу нѣкоторыя дан-

---

[1]) См. II ч. соч. Пос. стр. XXXIV — XXXV. Отчасти эти данныя были извѣстны г. Устрялову при составленіи его сочиненія о Петрѣ Великомъ; онъ разказываетъ, что «Посошковъ обманулъ перваго зятя приданымъ, разсорился по тому же поводу со вторымъ».

ныя о своемъ состоянiи, о своихъ должникахъ и кредиторахъ. Объ этомъ дѣлѣ составлена бумага, которую Посошковъ-колодникъ [1]) подписалъ *дрожащею рукою.* 1-го февраля 1726 года, пополудни въ девятомъ часу, Посошковъ умеръ и погребенъ, по распоряженiю тайной канцелярiи, у церкви Самсона Страннопрiимца. Гоненiе на Посошкова не прекратилось съ его смертью. Чрезъ десять лѣтъ еще доправлялась съ его наслѣдниковъ недоимка [2]).

Въ своемъ послѣднемъ сочиненiи Посошковъ просилъ Петра хранить тайно его мысли: „дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ не любящихъ правды“. Далѣе онъ говоритъ: „Ежели бъ желанiе мое въ дѣло произвелось, иного ничесого не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ и обидникамъ, и любителямъ неправды. Понеже не похлѣбуя имъ писахъ, а аще увѣдятъ о моей мизирности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой“. „Нѣтъ, не укрылось видно“, замѣчаетъ г. Погодинъ,—„это имя отъ сильныхъ лицъ, не любящихъ правды, „отъ ненавистныхъ и завистливыхъ людей“, и нашли они въ безсмертномъ сочиненiи уголовныя преступленiя, и заключили они генiальнаго мыслителя, почтеннаго гражданина, за его общеполезныя предложенiя, въ крѣпость, и надѣли ему на руки и на ноги тяжелыя кандалы,—и умеръ несчастный, вдали отъ семьи и отъ людей, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземельной или подводной темницы!“

Издатель сочиненiй Посошкова въ теплыхъ выраженiяхъ оплакиваетъ горькую судьбу его — „павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, вслѣдствiе ковней отъ невѣжъ, не умѣвшихъ понять его мыслей и оцѣнить его заслугъ. Не поняли его современники, осудили на мучительную позорную смерть, позабыли холодные, неблагодарные потомки и даже усомнились въ его существованiи, сочли миѳомъ!“

Г. Погодинъ имѣетъ полное основанiе гордиться изданiемъ важнѣйшихъ сочиненiй Посошкова. „Прiятна моему самолюбiю“, говоритъ онъ,—„сознаюсь откровенно, мысль,—что меня Богъ привелъ помянуть

---

[1]) «Колодникомъ» онъ названъ въ бумагѣ о допросѣ его 11-го октября, въ которомъ онъ сообщилъ подробности о своемъ состоянiи. Эта бумага сообщена г. Пекарскимъ, см. соч. Пос. II. XXXVIII.

[2]) См. бумагу объ этомъ дѣлѣ, во II ч. соч. Пос. стр. XLII; издана *П. И. Ивановымъ* въ *Москвитянинѣ.*

добромъ страдальца, исторгнуть славное русское имя изъ забвенія". Нельзя не раздѣлять также предположенія г. Погодина, — хотя и гипотетическаго впредь до отысканія новыхъ новыхъ доказательствъ,— что катастрофа Посошкова была слѣдствіемъ сочиненія имъ „Книги о скудости и богатствѣ".

Первое архивное извѣстіе, которое относится къ Посошкову, показываетъ намъ его въ столкновеніи съ правительствомъ, въ 1697 году по случаю бесѣдъ въ кружкѣ монаха Аврамія. Послѣднія архивныя извѣстія о немъ, отъ 1725 года, также представляютъ его намъ въ тюрьмѣ. Въ продолженіе этого тридцатилѣтія многое совершилось въ Россіи, а также и въ жизни Посошкова. И Россія измѣнилась въ это время, и онъ самъ. Въ началѣ этого періода онъ былъ въ разладѣ съ церковью и съ государемъ, къ концу его онъ принадлежалъ къ ревнителямъ православія и къ числу учениковъ и сотрудниковъ Петра.

Его дѣятельность оставалась долго не замѣченною. Его сочиненія существовали лишь въ частныхъ рукахъ и въ немногихъ спискахъ. Его предложенія долго оставались безъ исполненія. Память о немъ почти исчезла. Пора однако всмотрѣться подробнѣе въ умственную жизнь этого крестьянина-писателя и опредѣлить значеніе ея въ развитіи идей и учрежденій не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ.

Иванъ Посошковъ какъ экономистъ.

Въ новѣйшее время исторіографія болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на умственное развитіе, на успѣхи различныхъ отраслей знанія. Пишется исторія отдѣльныхъ наукъ. Особеннымъ вниманіемъ пользовалось, впрочемъ, гораздо болѣе со стороны экономистовъ чѣмъ со стороны историковъ въ тѣсномъ смыслѣ, развитіе науки о хозяйствѣ. Существуетъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ по исторіи политической экономіи, какъ-то сочиненія: Бланки (Blanqui) „Histoire de l'économie politique", Біанкини (Bianchini) „Della scienza del ben vivere sociale e della economia degli stati", Вильнева-Баржемона (Villeneuve-Bargemont) „Histoire de l'économie politique", Книса (Knies) „Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode", Кауца (Kautz) „Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Literatur", труды Рошера, Вискеманна, Ласпейреса и пр. Самымъ богатымъ свѣдѣніями трудомъ въ этомъ отношеніи должно считать весьма объемистое, вышедшее въ 1874 году, сочиненіе Рошера „Geschichte der Nationalökonomie in

Deutschland" (München, 1874. 1085 стр.). Уже прежде явились нѣкоторыя монографіи этого достойнаго и отличающагося особенно многосторонним историческимъ образованіемъ ученаго, по предмету исторіи политической экономіи. Замѣчательнѣйшею работою такого рода можно считать его сочиненіе „Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre". Въ другомъ трудѣ онъ даже обратилъ вниманіе на исторію политической экономіи въ Россіи. Въ монографіи „Die deutsche russische nationalökonomische Schule" [1]) онъ, между прочимъ, подвергаетъ болѣе или менѣе подробному разбору политико-экономическія воззрѣнія Христіана Шлёцера, Генриха Шторха, Канкрина. У насъ явился замѣчательный трудъ В. П. Безобразова: „De l'influence de la science économique sur la vie de l'Europe moderne" [2]).

Въ исторіи политико-экономическихъ понятій вообще и литературы науки о хозяйствѣ въ Россіи въ особенности Иванъ Посошковъ занимаетъ довольно видное мѣсто. Значеніе его трудовъ въ ряду сочиненій такого рода еще недостаточно опредѣлено, хотя и нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, г. Лешковъ и даже Рошеръ въ своихъ трудахъ упоминаютъ о Посошковѣ.

Мы избрали себѣ задачею подвергнуть разбору взгляды Посошкова на различныя отрасли народнаго хозяйства. Хотя нѣкоторыя высказанныя имъ мысли не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія новѣйшихъ результатовъ политико-экономической догматики, такіе ошибочные взгляды, предразсудки и теоретическіе промахи далеко не лишены историческаго интереса. Они, напротивъ, показываютъ намъ, какимъ путемъ мало по малу и постепенно достигается нѣкоторая ясность въ обсужденіи экономическихъ явленій. Несправедливо замѣчаетъ Ж. Б. Се (Say), что не слѣдуетъ терять время на занятія разборомъ отсталыхъ, смѣшныхъ и невѣрныхъ теорій и что поэтому исторія каждой науки сокращается по мѣрѣ усовершенствованія ея [3]). За то нельзя не согласиться съ изреченіемъ философа Риттера: „Никогда не должно забывать, что въ наукахъ мы не иначе какъ посредствомъ предварительныхъ работъ прежнихъ временъ достигаемъ той степени знанія, откуда можемъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію науки, что намъ не слѣдуетъ забывать того, чему мы учились прежде и что ничто не созрѣваетъ внезапно" [4]).

---

[1]) Въ *Физіологическо-историческихъ запискахъ королевскаго Саксонскаго общества* 12-го декабря 1870 г.

[2]) Mémoire lu à l'Academie Impériale de S.-Petersbourg 5 mai 1867.

[3]) *Kautz* l. c. стр. 8.

[4]) *Kautz* l. c. стр. 14.

Развитіе науки о хозяйствѣ на западѣ до XVIII вѣка.

Условія успѣшнаго развитія политической экономіи были различны у различныхъ народовъ западной Европы. Чѣмъ успѣшнѣе слагались экономическая дѣятельность, народное благосостояніе въ какомъ-либо государствѣ, чѣмъ болѣе въ немъ цѣнился трудъ, чѣмъ удачнѣе тамъ развивались торговля, промышленность и земледѣліе, тѣмъ скорѣе вниманіе ученыхъ и писателей обращалось на такого рода явленія для изученія условій, причинъ, законовъ, свойства народнаго богатства.

Въ древности уединеніе народовъ, отсутствіе сообщенія между ними, пренебреженіе трудомъ вслѣдствіе рабства и раздѣленія общества на касты не благопріятствовали развитію науки о хозяйствѣ. И въ среднихъ вѣкахъ ограниченность интересовъ, неразвитость промышленнаго быта, односторонность міросозерцанія, находившагося подъ прямымъ вліяніемъ церкви, отсутствіе болѣе значительныхъ размѣровъ государственнаго хозяйства или финансовъ — все это не могло быть выгоднымъ условіемъ для развитія политико-экономической литературы. За то вѣкъ гуманизма, обращеніе вниманія на матеріальное благосостояніе, роскошь, бывшая въ ходу въ высшихъ и среднихъ классахъ общества въ Италіи въ концѣ эпохи среднихъ вѣковъ, чрезвычайно успѣшное развитіе торговли и промышленности въ главныхъ городахъ Италіи, постепенный переходъ отъ натуральнаго хозяйства, господствовавшаго въ средніе вѣка, къ денежному хозяйству въ позднѣйшее время, преобладаніе политическихъ интересовъ въ международныхъ сношеніяхъ и обусловливавшееся этимъ самымъ значеніе финансовъ и хозяйственной полиціи — вотъ что привлекло бо́льшее вниманіе на явленія народной экономіи. Такимъ образомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ у Италіанцевъ изучали теорію денежнаго обращенія, у Англичанъ—главныя явленія торговли, колоніальной политики и теоріи цѣнъ, у Французовъ—важнѣйшія правила торговой полиціи, у Нѣмцевъ—теорію государственнаго хозяйства или такъ-называемыя камеральныя науки.

Ранѣе чѣмъ у другихъ народовъ, именно у Италіанцевъ встрѣчается цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ по политической экономіи, очевидно потому, что у нихъ, — въ Венеціи, Генуѣ, Флоренціи и пр.,—купцы и фабриканты были въ то же время и меценатами, и политическими дѣятелями, и учеными, потому что въ Италіи обращались большіе капиталы, потому что тамъ участіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ считалось дѣломъ достой-

нымъ людей и высшихъ званій, потому что италіанскіе банкиры, бывши кредиторами европейскихъ государей, имѣли прямое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ вообще. Въ Италіи раньше чѣмъ во многихъ другихъ странахъ являются кредитныя учрежденія, купеческіе флоты, систематическія мѣры со стороны правительства для обезпеченія интересовъ народнаго хозяйства, колоніальная система (венеціанскія колоніи на Балканскомъ полуостровѣ, генуезскія на берегахъ Чернаго моря), интензивное сельское хозяйство, садоводство, въ частной жизни роскошь и комфортъ, неслыханныя въ другихъ странахъ Европы. То же самое довольство и богатство, которое въ картинахъ Тиціана, Тинторетто или Павла Веронезе удивляютъ насъ пышностью матерій, драгоцѣнныхъ камней, изяществомъ. сосудовъ, рѣдкостью блюдъ; тѣ же матеріальныя средства, которыми объясняется собираніе частныхъ и публичныхъ библіотекъ и музеевъ должны были подготовить и политико-экономическую литературу.

Уже въ сочиненіяхъ Маккіавелли замѣтна необыкновенная ясность въ обсужденіи экономическихъ явленій [1]). Мѣткія и новыя для тогдашняго времени замѣчанія о теоріи денегъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Скаруффи (Scaruffi, Discorso sopra le monete e della vera proporzione fra l'oro e l'argento. 1582), Даванцати (Davanzati, Lezione delle monete. 1588), Серра (Antonio Serra, Breve trattato delle cause che possono far abondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere. 1613), Монтанари (Trattato mercantile della moneta, — Breve trattato del valore delle monete in tutti gli Stati. 1680) [2]) и пр.

Совершенно сообразно съ этими явленіями въ Италіи и въ Нидерландахъ въ продолженіе XVI и особенно XVII вѣка долженъ былъ явиться цѣлый рядъ работъ, относящихся къ политической экономіи. Эта литература существовала въ Голландіи, долгое время не будучи извѣстною въ другихъ странахъ. Остроумно Рошеръ замѣчаетъ въ этомъ отношеніи: „Совершенно также какъ астрономы, еще не видя самой планеты, по одному вычисленію предполагаютъ ея существованіе и опредѣляютъ мѣсто ея нахожденія, я всегда былъ того мнѣнія, что чрезвычайно развитое народное хозяйство въ Нидерландахъ не могло не породить тамъ богатыхъ результатовъ науки политиче-

---

[1]) См. монографію *Книса* о Маккіавелли.

[2]) См. соч. *Kautz'a,* Die geschichtliche Entwickelung der Nationalökonomik, Wien. 1860, стр. 264, 265, 333.

ской экономіи“ [1]). Изысканія Этьена Ласпейреса [2]) вполнѣ оправдали предположенія знаменитаго экономиста-историка. Дѣйствительно, то значеніе, которое имѣли сначала Антверпенъ, затѣмъ Амстердамъ во всемірной торговлѣ, развитіе колоніальной системы и въ Азіи и въ Америкѣ, громадныя денежныя спекуляціи, борьба противъ Испаніи сначала, противъ Англіи и Франціи впослѣдствіи, борьба, въ которой играли большую роль соображенія торговой политики, большіе размѣры рыболовства, мануфактуры и пр.—все это по необходимости заставляло Нидерландцевъ изучать вопросы теоріи денегъ, теоріи торговли, торговаго баланса, налоговъ, колоніальной пошлины и пр. Такъ, напримѣръ, Усселинксъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ своихъ подвергалъ разбору вопросы, относившіеся къ вестиндской компаніи; такъ Питеръ де-ла-Куръ (de la Court) писалъ противъ монополіи въ пользу свободы торговли, Грасвинкель писалъ о свободѣ торговли хлѣбомъ, Жанъ де-Витъ обсуждалъ нѣкоторыя явленія изъ области кредита и денежнаго обращенія и пр. [3]).

Еще гораздо важнѣе было развитіе политической экономіи въ Англіи, гдѣ также необычайно быстрый и успѣшный прогрессъ въ экономической дѣятельности народа привлекъ вниманіе на теорію хозяйства. Англія, еще въ началѣ XVI вѣка находившаяся въ области торговли и промышленности въ нѣкоторой зависимости отъ ганзейскихъ городовъ, въ концѣ XVI и въ продолженіе XVII вѣковъ чувствовавшая превосходство Нидерландовъ въ отношеніи къ колоніальной системѣ и ко всемірной торговлѣ, во время царствованія королевы Елисаветы, затѣмъ во время диктатуры Кромвеля, наконецъ, при королѣ Вильгельмѣ III, столь успѣшно расширила кругъ своей экономической дѣятельности, что достигла безусловно перваго мѣста въ ряду народовъ по отношенію къ народному богатству. Слѣдствіемъ этого было чрезвычайно успѣшное развитіе науки о хозяйствѣ въ Англіи. До настоящаго времени Юмъ, Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо занимаютъ самое видное мѣсто въ исторіи этой науки вообще. Но не только въ XVIII и XIX столѣтіяхъ Англія была наставницею материка Европы въ этомъ отношеніи: уже въ XVI столѣтіи тамъ встрѣчается цѣлый рядъ ученыхъ и писателей, имѣвшихъ нѣкоторымъ образомъ всемірное значеніе. Особенно тща-

---

[1]) Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland. München. 1874, стр. 222.

[2]) Geschichte der volkswirthschaftlichen Anschauungen der Niederländer, von *Etienne Laspeyres*. Leipzig, 1863.

[3]) См. соч. *Ласпейреса*, стр. 59, 89, 205, 247 и слѣд.

тельному разбору подвергали въ Англіи вопросъ о пониженіи цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ Латимеръ (Latymer) и Стаффордъ (Stafford); о соперничествѣ Англіи съ Голландіею весьма остроумно и дѣльно писали Вальтеръ Ралей (Walter Raleigh) и Вильямъ Темпль (William Temple); въ общетеоретическихъ вопросахъ философъ Бэконъ и еще болѣе Локкъ могутъ быть названы достойными предшественниками Адама Смита; о состояніи англійской торговли, отчасти въ духѣ меркантилизма, писали Мунъ (Mun), Чайльдъ (Child); защитникомъ свободы торговли былъ Нортъ (North); основателемъ новой науки, такъ называемой политической ариѳметики, явился Петти (Petty) и пр. [1]).

Не столь богата писателями-экономистами до XVIII вѣка была Франція, гдѣ, впрочемъ, Боденъ (Bodin) въ XVI столѣтіи можетъ быть названъ однимъ изъ геніальнѣйшихъ ученыхъ всѣхъ временъ на этомъ поприщѣ [2]); на ряду съ нимъ нельзя не упомянуть также о Ватвилѣ (Montchrétien sieur de Wattewille) [3]). Число писателей-экономистовъ во Франціи становится гораздо болѣе значительнымъ въ XVIII столѣтіи. Сюда относятся Сюлли (Sully), Буагильберъ (Boisguillebert), Вобанъ (Vauban), Монтескье (Montesquieu), физіократы и проч.

Въ Италіи, Голландіи и Англіи преимущественно удачное развитіе народнаго хозяйства породило политико-экономическую литературу еще до XVIII вѣка. Во Франціи, напротивъ, страданія народа именно въ области хозяйства, невозможность дальнѣйшаго существованія до-революціонныхъ учрежденій, тормозившихъ экономическое развитіе народа и государства, вызвали не ранѣе какъ въ XVIII вѣкѣ цѣлый рядъ экономическихъ сочиненій, предлагавшихъ критику хозяйственнаго быта этой страны.

Печальное положеніе, въ которомъ находилась Германія, особенно въ XVIII столѣтіи въ политическомъ отношеніи, оказывало весьма неблагопріятное вліяніе на экономическій бытъ германскаго народа. Раздѣленіе этой страны на множество государствъ имѣло слѣдствіемъ, между прочимъ, нѣкоторую анархію въ области денежнаго обращенія; страшныя событія тридцатилѣтней войны лишили Германію значительной доли ея населенія и ея капиталовъ. И въ политическомъ и въ хозяйственномъ отношеніи Германія находилась въ зависимости отъ со-

---

[1]) См. соч. *Рошера*: «Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre». Leipzig, 1851, стр. 14, 18, 31, 125, 36, 93, 44, 58 и пр.

[2]) О Боденѣ см. соч. *Кона* въ *Zeitschrift für Staatswissenschaften*.

[3]) *Kautz*, l. c. II, 251 и слѣд.

сѣднихъ странъ. Въ XVI столѣтіи вниманіе замѣчательнѣйшихъ ученыхъ и писателей Германіи было обращено главнымъ образомъ на религіозные вопросы. Развѣ мимоходомъ и какъ бы случайно гуманисты и реформаторы въ своихъ сочиненіяхъ затрогивали вопросы народнаго хозяйства. Лютеръ, Гуттенъ, Себастіанъ Франкъ, Эразмъ и пр. не заслуживаютъ названія экономистовъ, хотя все-то, что въ сочиненіяхъ ихъ относится въ политической экономіи, въ послѣднее время не разъ служило предметомъ монографическаго изученія [1]). Весьма дѣльныя разсужденія о теоріи денегъ, впрочемъ, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ брошюрахъ XVI и XVII столѣтій [2]). Замѣчательными писателями по теоріи и статистикѣ народнаго и государственнаго хозяйства въ XVII столѣтіи въ Германіи были между прочимъ: Конрингъ (Conring) [3]), Секкендорфъ, Марпергеръ, Борницъ и др., хотя, ихъ труды не сдѣлались тогда общеизвѣстными и почти безъ исключенія не имѣли вліянія на развитіе политической экономіи вообще.

За то государственные люди, законодатели и администраторы, короли и министры въ продолженіе XVII вѣка, а еще болѣе въ продолженіе XVIII-го, были наставниками народовъ въ области политической экономіи. Въ періодѣ просвѣщеннаго абсолютизма государи и правители заботились тщательно о благосостояніи народовъ столько же, сколько они должны были принимать мѣры для обезпеченія интересовъ казны. Рѣшенія этихъ задачъ заставило ихъ заниматься теоріею экономіи. Весьма часто предписанія правительствъ, полицейскія распоряженія, законы и пр. сопровождаются разсужденіями о свойствѣ и условіяхъ народнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ Кольберъ (Colbert) можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ экономистовъ XVII вѣка. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I въ своихъ наказахъ чиновникамъ иногда преподавалъ подробно главныя основанія науки о хозяйствѣ [4]).

---

[1]) См. сочиненія *Вискеманна*: «Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden nationalökonomischen Ansichten», Leipzig, 1861; *Шмоллера*: «Zur Geschichte der nationalökonomischen Ansichten in Deutschland während der Reformationsperiode», въ журналѣ *Zeitschrift für Staatswissenschaften* 1860; Рошера новѣйшее сочиненіе и пр.

[2]) *Рошеръ*, стр. 110 и слѣд.

[3]) См. монографію *Вредена* о Конрингѣ.

[4]) *Рошеръ*, стр. 340: «Homer nennt die Könige Volkshirten, im Zeitalter der vorzugsweise absoluten Monarchie können sie mit noch grösserem Rechte Volkswirthe heissen». О Кольберѣ см. соч *Клемана* (Clement) о Фридрихѣ Вильгельмѣ I см. *Рошера*, 361.

Наука о хозяйствѣ въ Россіи до Посошкова.

Допетровская Россія въ области науки и литературы весьма мало находилась подъ вліяніемъ Запада. Политико-экономическія теоріи въ прочихъ странахъ Европы въ то время не могли сдѣлаться достояніемъ русскаго общества. Посошковъ не былъ знакомъ съ политико-экономическою литературою Италіи, Англіи, Голландіи и пр. За то онъ могъ находиться подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Запада въ этомъ отношеніи, вопервыхъ, чрезъ посредство Петра Великаго, бывшаго ученикомъ Европы именно въ области народнаго хозяйства, а вовторыхъ, отчасти чрезъ наблюденіе за нравами иностранцевъ, находившихся въ Россіи. Что же касается до развитія политической экономіи въ Россіи до Посошкова, то русская литература на этотъ счетъ далеко не богата произведеніями хотя бы сколько-нибудь замѣчательными. Можно упомянуть лишь о Домостроѣ и о сочиненіяхъ Юрія Крижанича.

Неудачное развитіе теоріи хозяйства въ Россіи легко объясняется медленнымъ и находившимся въ невыгодныхъ условіяхъ умственнымъ развитіемъ русскаго общества вообще, и печальнымъ экономическимъ положеніемъ, въ которомъ оно находилось, въ особенности. Рабство въ низшемъ классѣ, отсутствіе просвѣщенія въ среднемъ, если только можно говорить о существованіи такого средняго класса, праздность и презрѣніе труда въ высшемъ классѣ, монополіи разнаго рода, останавливавшія промышленную и торговую дѣятельность народа на каждомъ шагу, зависимость отъ иностранныхъ купцовъ и фабрикантовъ, насиліе и невниманіе къ интересамъ народа со стороны администраціи, неуваженіе къ частной собственности, постоянно повторявшіеся набѣги Татаръ на значительную часть Московскаго государства, преобладаніе натуральнаго хозяйства, отсутствіе правильно устроенныхъ путей сообщенія, незнакомство со свойствами кредита и кредитныхъ учрежденій—все это препятствовало успѣшному развитію политико-экономической литературы. Изъ двухъ литературныхъ памятниковъ, упомянутыхъ нами, первый—Домострой—хотя и имѣетъ совершенно національный характеръ, но заключаетъ въ себѣ лишь скудныя и одностороннія свѣдѣнія относительно главныхъ явленій народнаго хозяйства. Другой же памятникъ—сочиненія Крижанича—хотя и представляетъ собою необыкновенное богатство мыслей о теоріи хозяйства, не можетъ быть названъ трудомъ, относящимся собственно къ русской

литературѣ, а скорѣе можетъ считаться прямымъ плодомъ просвѣщенія Запада.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ авторы Домостроя и Юрій Крижаничъ нѣкоторымъ образомъ были предшественниками Посошкова въ исторіи политической экономіи, то мы не можемъ не указать на значеніе этихъ двухъ явленій въ исторіи науки о хозяйствѣ въ Россіи.

Домострой.

То, что въ Домостроѣ относится къ духовному быту, скорѣе можетъ считаться результатомъ вліянія не русской (напримѣръ, византійской) литературы, чѣмъ тѣ части этого сочиненія, которыя относятся къ экономическому быту. Главы объ устройствѣ дома, о рукодѣліи, занятіяхъ прислуги, сохраненіи въ порядкѣ запасовъ, платьѣ и ѣдѣ, о садоводствѣ и проч.—все это представляетъ намъ картину чисто-русскаго хозяйственнаго быта. Мы знакомимся здѣсь съ нравами и обычаями зажиточнаго класса русскаго общества.

Характеристическая черта этой экономической дѣятельности русскаго зажиточнаго человѣка заключается не въ производствѣ, а въ потребленіи. Трудъ не обращается на добываніе, а на сохраненіе богатства. Веденіе хозяйства ставитъ главною задачею надзоръ за имуществомъ. Мелочность, съ которою говорится весьма подробно объ обязанностяхъ хозяина и хозяйки именно въ отношеніи къ наблюденію за тѣмъ, чтобы ничто не пропадало, не было похищено, не испортилось, производитъ нѣсколько неблагопріятное впечатлѣніе на читателя особенно потому, что на ряду съ этимъ почти вовсе не говорится объ экономической дѣятельности съ цѣлью производства. О торговлѣ и промышленности для не-домашняго употребленія, для рыночной мѣны во всемъ сочиненіи нѣтъ ни слова. Громадное большинство населенія работаетъ почти исключительно для непосредственнаго потребленія меньшинства. Это меньшинство—богатый классъ, располагающій гораздо болѣе значительными запасами, чѣмъ необходимо имѣть для собственнаго потребленія, должно посвятить весьма много времени и труда на надзоръ за запасами и надъ прислугою.

Домашнее хозяйство, имѣющее большіе размѣры, въ этомъ сочиненіи является какъ нѣчто совершенно готовое, неспособное къ дальнѣйшему развитію. Неподвижность, застой, консерваторство — вотъ характеристическія его черты.

Сложность организма этого домашняго хозяйства, многочисленность рабочихъ силъ, трудящихся въ немъ неусыпно съ утра до ночи, трата времени со стороны хозяина и хозяйки—не соотвѣтствуютъ вовсе ничтожной цѣли, заключающейся лишь въ томъ, чтобы всѣ были сыты и одѣты. Всѣ до того заняты приготовленіемъ пищи для ежедневнаго употребленія, содержаніемъ въ надлежащемъ порядкѣ одежды, что при такихъ условіяхъ никакъ нельзя думать о занятіи какою-либо отраслью промышленности или торговли.

Хотя и можно предполагать, что авторъ „Домостроя“ хотѣлъ ограничиться характеристикою домашняго хозяйства, и вовсе не считалъ своею задачею представить намъ картину народно-экономическаго быта, однако, это сочиненіе производитъ на насъ впечатлѣніе, будто въ то время не существовало понятія объ общенародномъ хозяйствѣ, будто не было никакой связи между отдѣльнымъ хозяйствомъ одного семейства и народно-хозяйственнымъ организмомъ. Богачъ сидѣлъ дома и не заботился о хозяйствѣ внѣ дома, не имѣлъ никакихъ связей, никакихъ текущихъ счетовъ. Денежное хозяйство было мало развито, кредитъ почти вовсе не существовалъ; не было взаимности, солидарности, сообщенія между различными формами хозяйства, напримѣръ, между частными хозяйствами и казною. Хотя и въ „Домостроѣ“ мимоходомъ говорится о платежѣ налоговъ или о раздачѣ милостыни бѣднымъ, мы все-таки ничего не узнаемъ при этомъ о государственномъ хозяйствѣ или о призрѣніи бѣдныхъ вообще.

Въ такой исключительной заботливости о домашнемъ хозяйствѣ проглядываетъ нѣкоторый эгоизмъ, производящій, какъ мы уже замѣтили, на читателя весьма неблагопріятное впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе упомянутое сочиненіе имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи теоріи хозяйства. Въ отношеніи къ теоріи потребленія здѣсь преподаются нѣкоторыя общія и полезныя правила.

Такъ, напримѣръ (на стр. 76), говорится о необходимости соразмѣрять расходъ съ доходомъ: „А кто не разсудя и не смѣтя своего живота, и промыслу, и добытку или государскаго жалованія, и своего уроку, и учнетъ, глядя на людей, жити не по силѣ, заимуя или не праведнымъ имѣніемъ, — и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ, и укоризною и поношеніемъ; и во злое время никто ему не поможетъ“ и т. д. Въ другихъ мѣстахъ говорится о необходимости записывать всѣ расходы самымъ подробнымъ образомъ. На стр. 115-й

„Домострой“ совѣтуетъ „всякіе оброки платити, а никакихъ государевыхъ податей на себѣ не задерживати, не копити вдругъ, а платити ранѣе до сроку“, и проч. Вездѣ преподается строгая правильность при веденіи хозяйства. Но бухгалтерія заключается не въ веденіи текущихъ счетовъ, а въ исправномъ содержаніи всѣхъ видовъ домашняго инвентаря.

Такимъ образомъ характеръ домашняго хозяйства въ „Домостроѣ“ заключается въ неподвижности, застоѣ. Нѣтъ жизни, развитія, прогресса, потому что нѣтъ труда, обращеннаго на производство. Обезпеченіе будущности заключается исключительно въ заблаговременномъ пріобрѣтеніи запасовъ. „Домострой“ совѣтуетъ покупать товаръ и ненужный, лишь бы цѣна ему была дешева. На стр. 124: „А всякой товаръ и запасъ, коли ему навозъ всякому товару; а дешево, хотя не надобе, а въ ту пору купи и свою нужду исполнишь, а чего запасено слишкомъ, на томъ деньги будутъ съ прибылью“. На стр. 113: „Коли чему навозъ, и чего много и дешево у пріѣзжихъ людей, и у христіанъ, въ тѣ поры и закупай на весь годъ; ино у рубля четверть сбудется, а у десяти рублевъ потому же, а у закупщика дороже купити; а не въ пору купити, ино и двои денги дати, а нелюбое купишь, коли чего нѣтъ, а надобе“ и пр.—Все это повторяется въ другихъ мѣстахъ нѣсколько разъ. Весьма любопытенъ слѣдующій совѣтъ при рожденіи дочери: „съ торгу ей вытъ наимѣнить, а въ деревнѣ по тому же или животину ростить ей съ приплодомъ, и отъ ея выти, что Богъ пошлетъ, купить полотна и ущины, ширинки и убрусы и рубашки, по всякъ годъ и кладетъ во причесной сундукъ или въ коробья: платіе, и саженіе и маниста, и суды оловянные, и мѣдяные, и деревянные; и прибавляя по немножку всегда, на всякъ годъ и пр.“

При такомъ образѣ дѣйствій, разумѣется, не принимается въ соображеніе потеря процентовъ на капиталы, затраченные на покупку всѣхъ этихъ предметовъ, что̀, впрочемъ, въ то время, при отсутствіи кредитныхъ учрежденій, сберегательныхъ кассъ, не могло считаться особеннымъ ущербомъ. Далѣе, однако, не принимается во вниманіе трудъ администраціи по надзору за этими запасами, часто повторяющіяся ревизіи всѣхъ этихъ предметовъ, мѣры необходимыя для ихъ сбереженія, сохраненія отъ разныхъ видовъ порчи. Наконецъ, въ третьихъ, не принята въ соображеніе потеря чрезъ порчу нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, болѣе чѣмъ вѣроятную въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Осторожность, ограниченность экономическо-теоретическихъ разсужденій въ „Домостроѣ“ объясняется слабымъ развитіемъ народнаго хозяйства, напримѣръ, слабымъ развитіемъ раздѣленія труда. Множество предметовъ потребленія, впослѣдствіи покупаемыхъ на рынкѣ, въ то время должны были производиться дома. Домашнее хозяйство было нѣкоторымъ образомъ микрокосмомъ. Отсюда относительно мало оживленная мѣна, слабое развитіе промышленности и торговли. Отсюда и невниманіе къ теоретической обработкѣ всѣхъ этихъ вопросовъ. Первый трудъ въ исторіи русской политико-экономической литературы имѣетъ предметомъ не хозяйство вообще, а только частное хозяйство, не отношеніе производства къ потребленію, а только потребленіе, не различные виды хозяйственнаго труда, а только снабженіе членовъ семейства пищею и одеждою. Такое содержаніе этого сочиненія, на сколько оно относится къ политической экономіи, можетъ считаться скуднымъ, неудовлетворительнымъ. Авторъ „Домостроя“, какъ видно, былъ неопытенъ въ дѣлахъ хозяйства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Онъ, вѣроятно, не имѣлъ случая ознакомиться съ болѣе развитыми формами народно-экономическаго быта [1]).

Юрій Крижаничъ.

Совсѣмъ другое и гораздо большее значеніе въ ряду политико-экономическихъ сочиненій имѣютъ труды ученаго Серба, находившагося въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка и бывшаго почти современникомъ Ивана Посошкова.

Юрій Крижаничъ, получившій на западѣ весьма широкое и многостороннее образованіе, путешествовавшій по разнымъ странамъ Европы, обращавшій вниманіе на особенности разныхъ народовъ, способный сравнивать между собою различныя степени культуры, зорко слѣдившій постоянно за всѣми явленіями общественнаго и государственнаго быта, не могъ не обращать въ своихъ сочиненіяхъ вниманія на матеріальную, экономическую сторону жизни народовъ. Къ

---

[1]) См. Домострой, изд. *В. Яковлева.* Спб. 1867. По поводу труда *И. С. Некрасова.* «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя» (*Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.* 1872) мною была написана статья «Domostroi, ein Hausbuch aus dem sechszehnten Jahrhundert» въ журналѣ *Russische Revue*, т. IV, стр. 1—29.

тому же онъ былъ знакомъ съ литературою сельскаго хозяйства, скотоводства и пр. [1]).

Его кругозоръ былъ несравненно шире кругозора „Домостроя". Авторъ „Домостроя" едва заслуживаетъ названіе писателя-экономиста, но Крижаничъ, почти вовсе неизвѣстный на западѣ и весьма мало извѣстный у насъ въ Россіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей-экономистовъ XVII вѣка.

Обще-теоретическія понятія Крижанича касаются важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи. Онъ говоритъ объ обязанности государя заботиться о благосостояніи народа, о причинахъ народнаго богатства, о цѣнностяхъ, о нравственномъ значеніи труда, обращеннаго на производство, о необходимости участія всѣхъ безъ исключенія въ производствѣ. Онъ ратуетъ противъ праздности, предлагаетъ мѣры для обученія женщинъ и дѣвицъ пріемамъ домашняго хозяйства, и обнаруживаетъ иногда пониманіе теоріи цѣнъ, то-есть, дѣйствій на цѣны спроса и предложенія.

Весьма дѣльно и подробно разсуждаетъ Крижаничъ объ общеэкономическомъ положеніи Россіи, о выгодахъ и невыгодахъ, напримѣръ, географическаго положенія ея въ отношеніи къ производству внѣшней торговли, о возможности расширить въ Россіи транзитную торговлю, о необходимости усовершенствованія путей сообщенія для торговыхъ цѣлей. Довольно подробно онъ сравниваетъ богатство Россіи съ богатствомъ другихъ странъ.

Крижаничъ былъ меркантилистомъ. Ненавидя Нѣмцевъ вообще, онъ желалъ, чтобы былъ ограниченъ привозъ товаровъ съ запада. Считая, впрочемъ, иностранцевъ болѣе чѣмъ Русскихъ способными заниматься торговлею, онъ предлагалъ разныя мѣры для обученія Русскихъ хозяйству и, напримѣръ, считаетъ необходимымъ систематическое и распространенное по всему государству обученіе народа ариѳметикѣ. Привиллегіи иностранцевъ въ Россіи кажутся Крижаничу весьма вредными; онъ требуетъ изгнанія иноземцевъ и предоставленія торговли въ Россіи Русскимъ. Привозъ предметовъ роскоши изъ за границы ему кажется гибельнымъ и для благосостоянія и для нравовъ народа. Совершенно сообразно съ правилами меркантилизма онъ предлагаетъ разныя мѣры для ограниченія привоза обработанныхъ продуктовъ и для усиленія вывоза таковыхъ предме-

[1]) См. I томъ изд. *П. Безсонова* «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», стр. 27, 31 и 44

товъ. Такъ, напримѣръ, ему кажется цѣлесообразнымъ приглашеніе иностранныхъ мастеровъ для обученія Русскихъ различнымъ ремесламъ и искусствамъ.

Говоря о торговлѣ, Крижаничъ обращаетъ вниманіе на востокъ. Онъ считаетъ легко возможнымъ расширеніе торговыхъ связей съ Персіею и съ разными другими народами Азіи. Довольно подробно онъ говоритъ о значеніи Каспійскаго моря для восточной торговли, о будущности русской торговли на Черномъ морѣ, объ усиленіи торговыхъ сношеній съ Турціею, объ учрежденіи русскихъ консулатовъ на востокѣ.

Весьма дѣльно Крижаничъ пишетъ о различныхъ учрежденіяхъ и мѣрахъ для поддержанія и поощренія внутренней торговли, о ярмаркахъ, о почтовомъ сообщеніи, о банкахъ и векселяхъ, о самоуправленіи торговаго класса и объ обезпеченіи интересовъ купцовъ, столь часто страдавшихъ отъ лихоимства чиновниковъ, о постройкѣ дорогъ, о мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ, о торговыхъ монополіяхъ правительства и т. д.

На промышленность Крижаничъ указываетъ какъ на главный источникъ народнаго богатства, и по мнѣнію его правительство всячески должно стараться поддерживать и поощрять развитіе промышленности устройствомъ цеховъ, казенныхъ фабрикъ, введеніемъ машинъ, строгимъ полицейскимъ надзоромъ за качествомъ промышленныхъ товаровъ, должно отыскивать во всѣхъ частяхъ государства новыхъ источниковъ богатства.

Очень дѣльно Крижаничъ разсуждаетъ о необходимости введенія и распространенія хорошихъ орудій, снарядовъ, приборовъ, машинъ. Тутъ особенно обнаруживается его знакомство съ другими странами; такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о разныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ, видѣнныхъ имъ за границею и обезпечивающихъ гораздо большій успѣхъ при производствѣ сырыхъ продуктовъ. Даже сельско-хозяйственной архитектурѣ посвящены Крижаничемъ нѣкоторыя весьма любопытныя и дѣльныя замѣчанія. И въ этомъ отношеніи, какъ въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности, Крижаничъ требуетъ полицейскихъ мѣръ, бюрократическаго надзора, регламентаціи. Онъ, напримѣръ, считаетъ необходимымъ распространеніе въ русскомъ переводѣ хорошихъ книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, о скотоводствѣ; онъ даже предлагаетъ устройство сельско - хозяйственныхъ станцій для произведенія опытовъ. Затѣмъ онъ говоритъ о красильныхъ, маслич-

нихъ растеніяхъ, о винодѣліи и табакѣ, о шелководствѣ и пчеловодствѣ.

Менѣе важны замѣчанія Крижанича, относящіяся къ горному искусству, которое, впрочемъ, въ то время, когда писалъ ученый Сербъ, едва лишь начинало развиваться. Онъ не надѣется на успѣхи горнаго дѣла въ Россіи, и какъ настоящій меркантилистъ, скорѣе путемъ развитія внѣшней торговли, то-есть, посредствомъ выгоднаго торговаго баланса, желаетъ умноженія находящагося въ обращеніи количества драгоцѣнныхъ металловъ.

Говоря о потребленіи, Крижаничъ сильно порицаетъ неумѣренность Русскихъ, расточительность при устройствѣ пиршествъ и пьянство. Примѣръ иностранцевъ, привыкшихъ къ употребленію многихъ предметовъ роскоши и старающихся пріучить Русскихъ къ употребленію этихъ же предметовъ, Крижаничу кажется весьма опаснымъ. За то онъ совѣтуетъ подражать правительствамъ западно-европейскихъ государствъ, издававшимъ множество законовъ для ограниченія роскоши.

Своими замѣчаніями относительно одежды Крижаничъ опередилъ Петра Великаго. Сравнивая одежду различныхъ народовъ, онъ даетъ предпочтеніе обычаямъ запада и весьма рѣзко осуждаетъ русское платье, заимствованное, какъ онъ полагаетъ, у Татаръ. Онъ предлагаетъ разныя мѣры для преобразованія русскаго платья, мѣры довольно сходныя съ тѣми, которыя были приняты Петромъ Великимъ.

Даже теорія населенія интересовала Юрія „Серблянина". Плотность населенія въ его глазахъ должна считаться большою выгодою для государства. Онъ доказываетъ цифрами, что вездѣ замѣтно умноженіе населенія, но что главнымъ условіемъ такого умноженія должно считать матеріальное благосостояніе народа. По его мнѣнію, ни войны, ни повальныя болѣзни, ни даже неурожаи не столько препятствуютъ умноженію населенія какъ, напримѣръ, деспотизмъ или „людодерство". Законы и администрація оказываютъ непосредственное вліяніе на количество населенія. Чѣмъ болѣе обезпечено имущество, чѣмъ свободнѣе можетъ развиваться хозяйственная дѣятельность народа, тѣмъ скорѣе будетъ умножаться населеніе. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя замѣчанія о торговлѣ хлѣбомъ и ея отношеніи къ населенію, объ учрежденіи колоній, о разныхъ мѣрахъ для поощренія вступленія въ бракъ и т. д.

Весьма подробно и большею частью чрезвычайно мѣтко и дѣльно

разсуждаетъ Крижаничъ объ управленіи финансами. Онъ вполнѣ ясно сознаетъ тѣсную связь, существующую между государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ, между казною и частнымъ богатствомъ. Весьма справедливо онъ находитъ, что въ его время въ Россіи, къ сожалѣнію, казна была богата, а народъ бѣденъ. Чрезвычайно рѣзко и колко онъ осуждаетъ алчность и сребролюбіе государей, собирающихъ налоги, не обращая вниманія на благосостояніе народа. Далѣе онъ порицаетъ порчу монетъ, бывшую весьма обыкновеннымъ средствомъ временнаго полученія выгодъ для казны. Крижаничъ былъ современникомъ и свидѣтелемъ денежной операціи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, заключавшейся въ выпускѣ легковѣсной мѣдной монеты и повлекшей за собою страшный денежный кризисъ [1]). Въ его сочиненіяхъ разсѣяны весьма любопытныя замѣчанія, относящіяся къ этому важному эпизоду въ исторіи финансовъ и денежнаго обращенія въ Россіи.

Говоря о чрезмѣрныхъ налогахъ, Крижаничъ упоминаетъ о разныхъ случаяхъ „людодерства“ при Іоаннѣ Грозномъ и при Борисѣ Годуновѣ, указываетъ на смуты вслѣдствіе финансовыхъ злоупотребленій и приписываетъ измѣну малороссійскихъ казаковъ при гетманѣ Выговскомъ тиранническимъ финансовымъ мѣрамъ воеводъ. Предлагая разныя мѣры для устраненія продажности чиновниковъ, взяточничества, Крижаничъ требуетъ лучшаго денежнаго вознагражденія чиновниковъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ онъ ратуетъ противъ казенныхъ кабаковъ, въ которыхъ видитъ несчастіе и притѣсненіе для народа. Считая необходимымъ коренное измѣненіе податной системы, онъ предлагаетъ обсужденіе этого вопроса „общимъ совѣтомъ“, при чемъ необходимѣе всего, кажется ему, обратить вниманіе на соображенія промышленнаго и торговаго класса въ Россіи. Тутъ являются совершенно новыя мысли, которыми онъ опередилъ своихъ современниковъ въ восточной Европѣ.

Сочиненія Крижанича, напечатанныя лишь въ новѣйшее время, современникамъ этого геніальнаго писателя почти вовсе не были извѣстны. Западная культура была наставникомъ его лишь въ отношеніи къ общимъ началамъ государственныхъ наукъ, исторіи, политической экономіи и пр. Что же касается до обсужденія Крижаничемъ политическаго и общественнаго быта Россіи, то оно основано на собственномъ его наблюденіи. Литература по этому предмету пред-

[1]) См. мое соч. «Finanzgeschichtliche Studien, St.-Petersburg, 1867».

ставляла ему не особенно много матеріала. Сочиненія Петрея, Олеарія и др. о Россіи, которыя имѣлъ въ рукахъ Крижаничъ, не имѣютъ того значенія, какъ сочиненія ученаго Серба, потому что авторы ихъ оставались иноземцами, не особенно сочувствовали Россіи и только знакомили западъ съ состояніемъ Россіи, тогда какъ Крижаничъ, Славянинъ, пылко желавшій возрожденія, успѣшнаго политическаго развитія славянскихъ народовъ, былъ не только писателемъ, но и публицистомъ, то-есть, не ограничивался желаніемъ, въ своихъ сочиненіяхъ, представить картину русскаго быта, но надѣялся быть полезнымъ самой Россіи, предлагая реформы и безпощадно обличая недостатки политическаго и общественнаго быта той страны, которую онъ считалъ оплотомъ обще-славянскихъ народовъ. Чѣмъ болѣе практическимъ, направленнымъ на самые жгучіе вопросы законодательства и администраціи, былъ характеръ его сочиненій, тѣмъ болѣе должно сожалѣть о томъ, что эти сочиненія оставались неизвѣстными. При другихъ условіяхъ Крижаничъ у своихъ современниковъ прослылъ бы реформаторомъ, знаменитѣйшимъ предшественникомъ Петра Великаго. Однако, онъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Современники не знали о томъ, что̀ онъ хотѣлъ сдѣлать на пользу Россіи. Современники не могли учиться у него. Его сочиненія, столь богатыя содержаніемъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ не былъ наставникомъ тѣхъ писателей-публицистовъ, которые послѣ него занимались разборомъ и обсужденіемъ вопросовъ общежитія въ Россіи. Такимъ образомъ Крижаничъ какъ бы не существовалъ и для Ивана Посошкова, имѣвшаго много общаго съ нимъ. „Домострой", скудный содержаніемъ въ отношеніи къ политико-экономическимъ вопросамъ, безъ всякаго сомнѣнія былъ доступенъ и извѣстенъ Посошкову; сочиненія же Крижанича, столь богатыя и свѣдѣніями и мыслями, не могли служить для него источникомъ. Крижаничъ былъ предшественникомъ его лишь въ хронологическомъ отношеніи, а не по вліянію, оказанному имъ на Посошкова. Послѣдній долженъ былъ развиваться почти совершенно самостоятельно. Онъ былъ самоучкою.

Однако, Посошковъ не совсѣмъ оставался безъ наставника. По мѣрѣ того, какъ его воспитывала жизнь, практика, его наставникомъ дѣлался тотъ, который главнымъ образомъ вліялъ на жизнь и практику, который болѣе другихъ заботился о народномъ благосостояніи и былъ экономистомъ-практикомъ — Петръ Великій.

Петръ Великій.

И самая личность Петра, и обстоятельства, при которыхъ онъ управлялъ государствомъ, содѣйствовали обращенію съ его стороны особеннаго вниманія на явленія экономическаго быта. Онъ считалъ себя наставникомъ своего народа, между прочимъ, и въ области производства и потребленія. Къ тому же увеличивавшіеся во время его царствованія размѣры государственнаго хозяйства, усложненіе задачъ экономическо-полицейской администраціи, развитіе торговли, промышленности, — все это приносило пользу людямъ, способнымъ понимать значеніе этихъ явленій.

Петръ стремился поставить русскихъ людей на ноги, пріучить ихъ дѣйствовать самостоятельно. Такое стараніе обращалось значительною долею именно на область народнохозяйственную. Но для этого были необходимы наставники. И вотъ по случаю вызова иностранцевъ въ Россію въ 1702 году Петръ говоритъ въ своемъ манифестѣ: „Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему управленію подчинилъ, что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“... Главною мѣрою для достиженія этой цѣли Петръ считалъ, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ заявленій, заботу о развитіи торговли. Какъ настоящій представитель просвѣщеннаго абсолютизма, онъ вопервыхъ считалъ себя обязаннымъ трудиться на пользу народа, а вовторыхъ, поставилъ себѣ задачею дать экономической дѣятельности народа надлежащее направленіе. Менѣе всего Петръ сомнѣвался въ своемъ правѣ быть, такъ сказать, преподавателемъ экономіи и технологіи. Народъ, по его мнѣнію, былъ не въ состояніи понимать своей собственной пользы безъ прямаго указанія со стороны государя главныхъ раціональныхъ правилъ для управленія частнымъ, общественнымъ и государственнымъ хозяйствомъ. И дѣйствительно, большинство народа сначала не понимало намѣреній геніальнаго преобразователя. Петръ былъ правъ утверждая въ одномъ изъ указовъ мануфактуръ-коллегіи: „Нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, по-

томъ благодарятъ, что̀ ясно изо всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ" [1]).

Петръ самъ былъ ученикомъ запада. Во время своихъ путешествій и въ личныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, находившимися въ Россіи, онъ могъ убѣдиться въ превосходствѣ экономическаго развитія Европы. Учреждая въ 1712 году „коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія" онъ считалъ полезнымъ, чтобы въ этомъ учрежденіи участвовали: „одинъ или два человѣка иноземцевъ, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ".

Петръ въ разработкѣ точныхъ понятій о правилахъ народной экономіи боролся съ большими затрудненіями. Онъ часто жаловался, что „изъ всѣхъ дѣлъ администраціи торговля представляетъ наиболѣе затрудненій", но при этомъ иностранцы признавали, что Петръ относительно пользы торговли для Россіи имѣлъ довольно вѣрныя соображенія" [2]). Когда однажды заключеніе торговаго договора съ Голландіею замедлилось, Остерманъ утѣшалъ голландскаго резидента Де-Би слѣдующими словами: „Между нами я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать, навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ" [3]).

Въ какой мѣрѣ такіе отзывы справедливы, можно видѣть изъ систематическаго образа дѣйствій Петра, напримѣръ, по случаю проведенія главныхъ началъ политики меркантилизма. Тутъ, какъ и вообще весьма часто, онъ боролся съ разными затрудненіями, но не унывалъ. Однажды онъ замѣтилъ голландскому резиденту, при подобномъ случаѣ жаловавшемуся на разныя неудобства, бывшія непосредственнымъ слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ: „Приложеніе принци-

---

[1]) П. С. З. 4345.

[2]) «Ohnerachtet man übrigens Petrum I selbst verschiedentlich klagen hören. dass ihm unter allen Regierungsgeschäften nichts difficiler würde, als das Commerzvesen, und dass er sich von dem eigentlichen Zusammenhang desselben nie einen deutlichen Begriff machen können, so ist doch gewiss, dass er von dem, was in Handlungssachen seinem Reiche en general nützlich oder schädlich sei, recht juste Ideen gehabt».—См. изданіе *Германна* Russland unter Peter dem Grossen. Leipzig 1874. *I. G. Vockerordt*; стр. 73.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Р. XVI стр. 194.

новъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся" [1]).

Органически связанныя между собою мѣры Петра Великаго для усиленія торговли и промышленности, впрочемъ, были вызваны не только желаніемъ обезпечить матеріальный бытъ народа, но и надеждою, благодаря развитію экономической дѣятельности въ Россіи, располагать большими средствами для государственнаго хозяйства. „Деньги суть артеріею войны", сказано въ одномъ изъ указовъ Петра. Путемъ же усиленія вывоза, ограниченія привоза путемъ учрежденія фабрикъ, оружейныхъ заводовъ, путемъ развитія горнаго искусства, разными распоряженіями для обезпеченія интересовъ торговаго и промышленнаго сословія — онъ надѣялся въ одно и то же время открыть новые источники для доходовъ казны и пріучить народъ къ разнымъ новымъ отраслямъ производства [2]).

Вслѣдствіе того, по приказанію Петра постоянно по всему государству разъѣзжали знатоки различныхъ товаровъ для отысканія предметовъ, необходимыхъ для производства оныхъ. Искали и находили то серебрянныя руды, то „краску марену", то каменный уголь, о которомъ Петръ замѣтилъ, что „сей минералъ если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ", то селитру, торфъ и пр. Поэтому Петръ заставлялъ всѣхъ и каждаго участвовать въ производствѣ и экономическомъ трудѣ, приглашая „кадетовъ знатныхъ фамилій" заниматься торговлею, а не быть праздными [3]), устраивая рабочіе дома для праздношатающихся, заставляя работать монаховъ и монахинь [4]) и принимая разныя мѣры для того, чтобы рабочія силы колодниковъ и арестантовъ обращались на общую пользу [5]).

Во множествѣ инструкцій, составленныхъ для чиновниковъ, замѣтна эта забота Петра относительно народнаго благосостоянія. И производство и потребленіе должно было находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства. Такимъ образомъ правительство запрещало дѣлать узкія полотна, приказывало дѣлать широкія, „противъ приготовляемыхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ", по-

[1]) *Соловьевъ*, XVI. 194.

[2]) О мѣрахъ Петра относительно торговли см. весьма дѣльный трудъ г. Штида: *W. Stieda*, Peter der Grosse als Mercantilist, въ журналѣ *Russische Revue*, IV. 193—240.

[3]) П. С. З. 2789.

[4]) П. С. З. 4089.

[5]) П. С. З. 3140, 3306, 3313, 3336, 3808, 3928.

тому что „широкія полотна болѣе расходятся“ [1]). — Точно также правительство заботилось о сбереженіи лѣсовъ, предписывало старостамъ и приказчикамъ наблюдать, чтобы мельницы въ селеніяхъ отъ вешней и дождевой воды не были повреждены [2]); пріучало дровосѣковъ къ распилкѣ дровъ и строго приказывало „чтобы работные люди изучались въ два года пилованью дровъ“ [3]); запрещало подъ страхомъ наказанія каторгою и конфискованія имущества торговать „скобами и гвоздями, употребляемыми на подбивку сапоговъ и башмаковъ мужскихъ и женскихъ“ [4]); учреждало почтовыя сообщенія, учило публику, какъ дѣлать кровли, какъ строить дороги; отовсюду старалось собирать данныя о цѣнахъ разнымъ товарамъ [5]); заботилось объ обученіи дѣтей ариѳметикѣ [6]); вводило новые способы собиранія хлѣба [7]); и проч.

Едва ли ошибаемся мы, приписывая значительную долю таковыхъ мѣръ, распоряженій, наказовъ, личному вліянію государя, имѣвшаго въ виду постоянно соглашеніе интересовъ внѣшней политики, требовавшей страшнаго напряженія экономическихъ силъ и средствъ народа, съ стремленіемъ рѣшать многосложные вопросы, касавшіеся до народнаго богатства. Для всѣхъ современниковъ, и для участвовавшихъ въ управленіи государствомъ и для прочихъ подданныхъ Петра, эта дѣятельность царя-наставника не могла не быть нѣкоторымъ образомъ политико-экономическою школою.

Все принимало большіе размѣры: и торговля, и промышленность, и расходы, и доходы государства. Сѣверная война поглощала громадныя суммы. Новый способъ содержанія войска, отчасти и походы за границею, требовали гораздо бо́льшаго противъ прежняго количества наличныхъ денегъ. Во многихъ отношеніяхъ необходимо было замѣнить прежнее натуральное хозяйство денежнымъ. Внѣшняя политика требовала большихъ издержекъ. При разныхъ дворахъ содержались постоянные министры, которые тратили деньги на подкупы. Внутренняя администрація нуждалась въ большемъ числѣ чиновниковъ, содержаніе которыхъ требовало новыхъ расходовъ.

---

[1]) П. С. З. 2943.
[2]) П. С. З. 1976.
[3]) П. С. З. 1883.
[4]) П. С. З. 2929.
[5]) П. С. З. 4272, 4293.
[6]) Нѣсколько указовъ, напримѣръ 2979.
[7]) 3781.

Такимъ образомъ правительство неусыпно должно было заботиться о средствахъ для покрытія этихъ издержекъ. Явились прибыльщики, искавшіе и открывавшіе новые источники доходовъ; явились фискалы, обличавшіе нерадѣніе многихъ въ уплатѣ налоговъ. Изобрѣтались новые поборы, до того или вовсе или отчасти неизвѣстные: пошлины на домашнія бани, на дубовые гробы, пошлина съ наемной платы извощиковъ, пошлина съ хомутовъ, мостовыя деньги, мельничный сборъ, гербовая бумага и пр.—Чеканились монеты легковѣснѣе прежнихъ, между прочимъ мѣдныя деньги (пятикопѣечники), напоминавшія страшный кризисъ въ денежномъ обращеніи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Все это касалось непосредственно интересовъ частныхъ лицъ, массы публики, привыкавшей такимъ образомъ наблюдать за образомъ дѣйствій правительства въ области финансовъ. Кто вообще былъ склоненъ и способенъ къ обсужденію общественныхъ вопросовъ, тотъ не могъ не слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за этими новыми явленіями. Посошковъ, по своему общественному положенію, по своему призванію привыкшій къ дѣламъ, умѣвшій обращаться съ цифрами, испытавшій на себѣ и на своемъ частномъ хозяйствѣ многія послѣдствія финансовыхъ мѣръ правительства и въ то же время яснѣе многихъ другихъ сознававшій необходимость собиранія усиленныхъ налоговъ для покрытія расходовъ,—невольно долженъ былъ заниматься изслѣдованіемъ тѣсной связи, существующей между государственнымъ и общественнымъ хозяйствомъ. Опытный въ дѣлахъ, относящихся къ казеннымъ сборамъ, служившій при продажѣ казеннаго хлѣбнаго вина, и въ то же время, какъ крестьянинъ, купецъ, техникъ, платившій разные налоги — Посошковъ, какъ вѣрный подданный и какъ истинный патріотъ, долженъ былъ желать того соглашенія интересовъ казны и интересовъ народа, которымъ обусловливается настоящее процвѣтаніе и финансовъ и общественнаго хозяйства. Онъ лучше многихъ другихъ могъ понимать значеніе такихъ положеній, какъ, напримѣръ, вышеприведенное изреченіе Петра: „Приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся“. Онъ желалъ правительству успѣха въ его финансовыхъ распоряженіяхъ, но главнымъ образомъ онъ долженъ былъ сочувствовать мѣрамъ администраціи, имѣвшимъ цѣлью сбереженіе экономическихъ силъ народа. Распоряженія „о пресѣченіи грабительствъ въ народныхъ сборахъ“ или „о непритѣсненіи Сибирскихъ мастеровыхъ лю-

дей при взятіи съ нихъ подушнаго“ [1]) и т. п. особенно должны были нравиться Посошкову.

Мы поэтому едвали ошибаемся, приписывая этимъ явленіямъ финансовой и хозяйственно-полицейской практики во время Посошкова особенное вліяніе на его способность заниматься таковыми предметами. Онъ, въ большей части случаевъ, былъ сторонникомъ правительства, соглашался съ воззрѣніями Петра. Бюрократическій духъ регламентаціи, опеки, встрѣчаемый въ законодательствѣ и администраціи, составляетъ отличительную черту многихъ разсужденій и предложеній Посошкова. Съ правительствомъ онъ раздѣлялъ склонность къ нововведеніямъ и реформамъ именно въ области политической экономіи, хотя и въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ области духовнаго, церковнаго быта онъ можетъ считаться отчасти строгимъ консерваторомъ. Какъ экономистъ, Посошковъ былъ въ значительной степени ученикомъ Петра.

Глава I.

Обще-экономическія воззрѣнія Посошкова.

Мы знаемъ уже изъ очерка біографіи Посошкова, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за современными ему событіями въ области администраціи и законодательства. Реформы Петра, служившія средствомъ воспитанія народа, заставляли его особенно охотно заниматься экономическими вопросами. Экономисты другихъ странъ также писали свои сочиненія подъ вліяніемъ современныхъ имъ событій. Система физіократовъ можетъ быть названа результатомъ крайне печальнаго положенія, въ которомъ находился земледѣльческій классъ Франціи до революціи; развитіе пролетаріата во Франціи въ XIX вѣкѣ вызвало литературу о соціализмѣ. Такимъ образомъ наука и литература являются симптомами и плодами общественнаго и государственнаго состоянія. — Съ другой стороны литература, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на практическую политику. Фридрихъ II и Іосифъ II были нѣкоторымъ образомъ учениками литературы просвѣщенія; наставниками Екатерины были Монтескьё, Беккаріа и пр. Кольберъ (Colbert) въ то же время былъ нѣкоторымъ образомъ и систематикомъ и практическимъ политическимъ дѣятелемъ. Адамъ Смитъ составилъ свой капитальный трудъ подъ вліяніемъ широко и

[1]) П. С. З. № 2727.

удачно развивавшагося народнаго богатства въ Англіи, а затѣмъ этотъ же трудъ Адама Смита содѣйствовалъ еще болѣе успѣшному развитію народнаго богатства въ Англіи, потому что законодательная дѣятельность англійскаго парламента, въ которомъ ораторы весьма часто ссылались на сочиненія Адама Смита, находилась подъ вліяніемъ ученой дѣятельности этого экономиста.

Посошковъ не имѣлъ возможности сдѣлаться посредствомъ своихъ литературныхъ трудовъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелемъ. Такъ какъ его труды оставались неизвѣстными, не были напечатаны и развѣ только въ видѣ исключенія доходили до тѣхъ лицъ, для которыхъ они были написаны, онъ едвали можетъ быть названъ замѣчательнымъ публицистомъ. Однако его труды, особенно на сколько въ нихъ обсуждаются политико-экономическіе вопросы, могутъ служить доказательствомъ, что даже въ эпоху самаго крайняго развитія опеки и регламентаціи были возможны и въ представителяхъ средняго и низшаго сословія русскаго общества болѣе или менѣе самостоятельныя сужденія объ экономическихъ явленіяхъ, была возможна строгая, но справедливая оцѣнка и критика экономическо-полицейскихъ мѣръ и законовъ, было воможно искреннее желаніе въ частныхъ людяхъ содѣйствовать правительству въ достиженіи той цѣли, къ которой оно стремилось, въ улучшеніи народнаго быта, въ обогащеніи казны и въ развитіи народно-экономическаго производства.

Труды Посошкова показываютъ, въ какой мѣрѣ даже между подданными Петра встрѣчалась способность мыслить о сложныхъ вопросахъ, относящихся къ счетоводству, торговлѣ, промышленности, финансамъ и т. д. Въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“ встрѣчаются не отрывочныя лишь замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ экономическаго быта; тутъ мы видимъ стараніе привести въ систему главныя начала народно-экономическаго состоянія и развитія.

Всякій, кто вообще былъ тогда въ состояніи разсуждать объ этихъ предметахъ, не могъ не замѣтить, что народно-экономическая дѣятельность въ Россіи находилась въ крайне неудовлетворительномъ положеніи, что условія для развитія народнаго богатства были чрезвычайно неблагопріятны. Право собственности не было достаточно обезпечено; произволъ въ финансовомъ управленіи подвергалъ частныя богатства разнымъ опасностямъ; гражданское право и судопроизводство были мало развиты, допускали злоупотребленія и насиліе; домостроевскія понятія о *сохраненіи* богатства, какъ о главной или единственной задачѣ каждаго зажиточнаго человѣка, существовали

еще въ полной силѣ, такъ что духъ предпріимчивости, стремленіе къ новымъ цѣлямъ въ экономическомъ производствѣ были весьма лишь рѣдкимъ исключеніемъ; отсутствіе образованія, невысокое понятіе о значеніи и достоинствѣ труда, антагонизмъ между сословіями, нечестность, такъ часто встрѣчаемая въ торговлѣ и промышленности, все это тормозило экономическую дѣятельность народа. Люди мыслящіе и благонамѣренные, горячіе патріоты, какъ Посошковъ, должны были стараться изслѣдовать причины столь неудовлетворительнаго состоянія народнаго хозяйства, должны были пытаться указать на средства исцѣленія такихъ общественныхъ недуговъ. Сочиненія Посошкова въ этомъ отношеніи весьма выгодно отличаются именно неравнодушіемъ къ общему благу, обращеніемъ вниманія на цѣлый народный организмъ отъ узкаго, эгоистическаго взгляда „Домостроя", въ которомъ исключительно говорится о частномъ богатствѣ.

Такимъ путемъ Посошковъ долженъ былъ коснуться нѣкоторыхъ общихъ законовъ экономическаго быта. Онъ могъ дойдти до обобщеній, до указанія на главныя начала хозяйственныхъ явленій, до обсужденія отношеній матеріальнаго благосостоянія народа къ политическому значенію государства съ одной стороны и къ душевному благу каждаго индивидуума съ другой. Такимъ образомъ онъ могъ заслужить себѣ славу перваго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, русскаго писателя-экономиста.

О богатствѣ вообще.

„Завѣщаніе духовное къ сыну" Посошкова проникнуто духомъ аскетизма. Понятія о значеніи богатства, преподаваемыя въ этомъ сочиненіи, скорѣе походятъ на монашескія воззрѣнія среднихъ вѣковъ, чѣмъ на свѣтское міросозерцаніе новаго времени. Посошковъ пишетъ: „Буди доволенъ своимъ си имѣніемъ; аще и весьма бѣденъ будеши, въ томъ и тщися пребывати; и богатства времяннаго не весма ищи, богатство бо времянное ничто же есть: и аще кто его и получитъ, не всякому оно на пользу, но вящши бываетъ на погибель, ибо отъ богатства приходитъ гордость, тщеславіе, чревообъяденіе, сластолюбіе, вещелюбіе, всякая роскошность непотребная; отъ излишняго изобилія и въ блудъ паче впадаютъ: и блудницы ихъ паче любятъ, нежели убогихъ; богатіе же паче и обижаютъ убогихъ и маломощныхъ: и не токмо они сами, но и люди ихъ многихъ обидятъ. И сего ради ты, сыне мой, не весма ищи богатства; добро бо-

гатство бываетъ тому, кій человѣкъ можетъ имъ владѣть Авраамъски; а аще кто держати его не можетъ, то лучши жить въ посредности или въ самомъ убожествѣ. Богатство бо, и, кромѣ вышеномянутыхъ страстей, и прежде полученія, пакости наводитъ на человѣка; ибо кіи человѣцы желательно его ищутъ, и хощутъ вскорѣ обогатитися, то впадаютъ въ великія напасти и погибаютъ". За симъ слѣдуютъ нѣкоторыя ссылки на Священное Писаніе, а послѣ этого Посошковъ продолжаетъ: „И азъ тебѣ, сыне мой, сказую: аще ты погонишися за богатъствомъ, то оно побѣжитъ отъ тебя: ты же постщая его, всячески поткнешися и разбіешися, богатства не постигнеши, а себя повредиши; а аще же ты желаніемъ желати его не будеши, и съ притужаніемъ за нимъ не побѣгнеши, то оно и само не побѣжитъ отъ тебѣ, токмо ты умѣй его содержати: не давайся ему подъ власть, но ты имъ господствуй. Такъ, сыне мой, живи, аще будетъ у тебя и доволное богатство, не радуйся ему: а аще и не будетъ у тебя, не печалуйся. Аще бо желаніемъ желати богатства не будеши, то всегда безпечаленъ будеши, и сребролюбіе не овладѣетъ тобою, но ты одолѣеши, и царствовати надъ нимъ будеши, а не оно тобою. Безжелателный бо человѣкъ всегда веселъ бываетъ, аще у него много, аще и мало: о всемъ радуется и Бога благодаритъ, и живетъ яко царствуетъ. Ты, чадо мое, пекися о помѣрномъ богатствѣ, а не о преизлишнемъ: токмо чемъ бы тебѣ здомашними своими быти сыту, а и ту свою сытость всю возверзи на Господа Бога своего, той бо всякую тварь питаетъ: то тебя ли не можетъ пропитати, и сего ради паче отъ Бога ожидай, а не отъ своего происку, онъ бо вѣсть колико ти дати и пр." [1]).

Во всемъ этомъ преобладаетъ религіозная точка зрѣнія, однако въ то же самое время въ этихъ разсужденіяхъ проглядываетъ нѣкоторымъ образомъ то же самое соединеніе коммерческихъ расчетовъ съ благочестіемъ, которое встрѣчается и въ „Домостроѣ". Тотъ, кто не будетъ всѣми мѣрами искать богатства, скорѣе получитъ оное, значитъ: неисканіе богатства показываетъ желаніе достигнуть этой цѣли. Стремленіе къ матеріальнымъ выгодамъ маскируется мнимымъ аскетизмомъ. Такъ, напримѣръ, въ „Домостроѣ" встрѣчается совѣтъ давать милостыню убогимъ и монастырямъ: „да благословенъ будетъ домъ его Богомъ и виноградъ, и село его, и нива, и пажить,

---

[1]) Отеческое завѣщаніе, стр. 141—142.

и скоти, и всякое животное. Усугубитъ Господь и сѣмена плодовита и исполнитъ Господь въ дому его великія благодати и пр.“ [1]).

Европейскіе писатели также иногда представляютъ такую смѣсь духовныхъ соображеній съ экономическими. Во время реформаціи въ Германіи нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ, духовныя лица, проповѣдывали презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ, аскетизмъ, другіе, какъ напримѣръ, Лютеръ и Меланхтонъ, подобно Посошкову, считали желательнымъ для каждаго человѣка достиженіе извѣстной степени умѣреннаго благосостоянія; гуманисты же, напримѣръ, Кротусъ, Гуттенъ, Маккіавелли и др., умѣли цѣнить благопріятное вліяніе богатства на умственный и нравственный бытъ общества [2]).— Лютеръ крайнюю бѣдность считалъ опасною для душевнаго блага человѣка, потому что ею иногда условливается полнѣйшая зависимость отъ другихъ лицъ, множество пороковъ и преступленій [3]). Онъ даже въ стихахъ выразилъ мысль, что владѣніе нѣкоторою суммою наличныхъ денегъ поддерживаетъ нравственность [4]), что впрочемъ не мѣшало ему указывать на безнравственность большихъ денежныхъ спекуляцій тогдашнихъ милліонеровъ [5]). Знаменитый философъ Беконъ былъ совершенно чуждъ монашескихъ взглядовъ на богатство и замѣтилъ весьма остроумно, что матеріальное благосостояніе поддерживаетъ добродѣтель подобно тому, какъ нравственный и храбрый духъ войска объусловливается въ значительной мѣрѣ достаточнымъ продовольствіемъ [6]). Особенно подробно о значеніи богатства говорилъ современникъ Посошкова, извѣстный англійскій дипломатъ Вильямъ Темпль въ своемъ прекрасномъ очеркѣ народной экономіи Голландцевъ. Восхваляя бережливость этого народа, Темпль замѣчаетъ, что понятіе о богатствѣ есть относительное, зависящее вполнѣ отъ потребностей каждаго. Единственно богатымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ однажды встрѣтился, онъ называетъ одного инвалида, ко-

---

[1]) Домострой, изд. *Яковлева*, стр. 111.

[2]) См. *Wiskemann*, Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden nationalökonomischen Ansichten, Leipzig 1861, стр. 132.

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Qui non habet in nummis
Dem hilft nicht, dass er frumm ist, стр. 52.

[5]) *Roscher*, Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland, München, 1874. стр. 57.

[6]) *Roscher*, Zur Geschichte der englischen Webswirthschaftslehre, Leipzig, 1851, стр. 38.

торый, когда ему хотѣли дать милостыню, возразилъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, такъ какъ все, что ему нужно, онъ получаетъ въ богадѣльнѣ [1]).

Взглядъ Посошкова на состояніе нищихъ уже совершенно аскетическій. Въ главѣ „о нищенскомъ житіи“ онъ совѣтуетъ сыну, въ случаѣ совершеннаго оскудѣнія, „не гнушаться нищетою“, „не имѣть ни малой хижины, но ходить по міру и ночевать идѣже ночь пристигнетъ“. „И егда набереши хлѣба на день, то болши не проси, но иди въ хижу свою, а о другомъ дню не пекися, и хлѣба въ запасъ на другой день отнюдь не собирай... ризу имѣй едину... денегъ собранныхъ останетца, всѣ отдаждь неимущимъ, а у себя остави пѣнязя два или три, а болши того никогда не накапливай... а на погребеніе себѣ отнюдь не запасай денегъ, то бо есть самое безуміе“. Такимъ образомъ состояніе нищаго становится призваніемъ, поприщемъ религіознымъ; эти понятія уже ничего не имѣютъ общаго съ экономическими соображеніями, считавшими извѣстную степень благосостоянія однимъ изъ условій, поддерживающихъ нравственность Тѣмъ не менѣе и тутъ встрѣчается отчасти коммерческій духъ. Духовныя дѣла, такъ сказать, имѣютъ денежную цѣну. Посошковъ совѣтуетъ сыну-нищему: „Аще болши милостыни у кого возмеши, то болши на ономъ свѣтѣ и взыщется. И того ради за куюждо милостыню, уврушецъ хлѣба пріятый, предъ образомъ Божіимъ положи по три поклоны, а за полушку по шти поклоновъ, за денгу по дванадесяти и пр.“ [2]).

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ при обсужденіи таковыхъ вопросовъ, впрочемъ, политико-экономическія соображенія остаются на заднемъ планѣ, тогда какъ сочиненіе „О скудости и богатствѣ“ не должно было имѣть характеръ назидательный, а служило скорѣе запискою для руководства при законодательствѣ и администраціи. Поэтому въ послѣднемъ сочиненіи говорится о богатствѣ совсѣмъ иначе; взглядъ автора на матеріальное благосостояніе становится болѣе свѣтскимъ.

Посошковъ въ началѣ своего труда замѣчаетъ, что „предлагаетъ свое мнѣніе о собраніи царскихъ сокровищъ“ и что „подобаетъ пещися ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало и не токмо собраннаго, но и не собраннаго прилежно смотрѣти, дабы даромъ ничего нигдѣ не лежало и не

[1]) Тамъ же, стр. 128.
[2]) Отеческое завѣщаніе, стр. 207.

погибало“. Посошковъ проповѣдуетъ бережливость, крайнюю осторожность въ потребленіи, умѣренность въ роскоши, продолжая: „Подобне и о всенародномъ обогащеніи подобаетъ пещися безъ уятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ піянственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же, женъ своихъ и дѣтей своихъ въ скудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ разширялись“.

Затѣмъ Посошковъ обращаетъ вниманіе на значеніе народнаго богатства для выгодъ казны, замѣчая: „Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истопчеваютъ“.

Наконецъ, Посошковъ полагаетъ, что добродѣтель содѣйствуетъ и обезпеченію въ матеріальномъ отношеніи: „Правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діяволъ, и неправда не токмо вновь (не?) богатитъ, но и древнее богатство оттопчеваетъ, и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ“ [1]).

Въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ Посошковъ порицаетъ образъ мыслей и дѣйствій своихъ современниковъ, не умѣющихъ, по его мнѣнію, заниматься хозяйствомъ и забывающихъ весьма часто общую пользу, обращая исключительно вниманіе на собственный интересъ въ данную минуту. Уже и прежде писатели-патріоты обращали вниманіе на невѣжество Русскихъ, не знавшихъ началъ раціональнаго счетоводства. Такъ, напримѣръ, Крижаничъ замѣтилъ: „Народа нашего разумы суть тупы и косны: и люди неумѣтельны въ торгованію, въ земли тяжанію и въ домашнемъ господарству. Русы, Ляхи и весь народъ Словенскій отнюдь не знадутъ далекаго торгованія, ни по морю, ни по суху. Самыя аритметики и чисельныя умѣтели не учатся наши

---

[1]) См. соч. Посошкова I, стр. 1—2.

торговцы" [1]). Послѣднее замѣчаніе подтверждается замѣчаніями другихъ современниковъ. Такъ, напримѣръ, Перри въ своемъ сочиненіи о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ говоритъ, что во всемъ государствѣ едва ли найдется двадцать человѣкъ, хорошо знающихъ ариѳметику [2]). О самомъ Петрѣ мы знаемъ, что онъ лишь довольно поздно пріобрѣлъ необходимыя познанія въ ариѳметикѣ [3]). Штраленбергъ замѣчаетъ, что въ Россіи лишь знавшихъ ариѳметику считали уже учеными [4]). Не даромъ Петръ старался о распространеніи подобныхъ знаній. При немъ была издана въ 1703 году первая русская учебная книга ариѳметики Магницкимъ [5]); Курбатовъ однажды писалъ Петру, что ему удалось „прибрать учениковъ со 180 человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳметикѣ" [6]); при немъ были отправляемы „во всѣ губерніи изъ школъ математическихъ по нѣскольку человѣкъ для ученія дворянскаго чина дѣтей ариѳметикѣ и геометріи", принимались мѣры для „ученія ариѳметикѣ и геометріи дьячихъ и подьячихъ дѣтей"; въ 1721 г. было приказано „учинить школу, гдѣ учить подъячихъ ... цыфири и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя и пр." [7]).

Посошковъ, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій доказывающій полное знакомство съ обыкновенными правилами ариѳметики, понималъ значеніе бухгалтеріи. Въ „Отеческомъ завѣщаніи" сказано: „А аще въ томъ (государевомъ) дѣлѣ будеши какой расходъ имѣти, то первѣ ту дачу запиши въ книгу, и егда уже запишеши, тогда отдай, а не записавъ никогда ни каковому человѣку ни малыя дачи не давай, понеже отъ сего пакость бываетъ великая, аще что отдаси не записавъ, и восхощеши послѣди записати, а тебѣ случится иная какая нужда, и часъ по часу замедляеши: и тако изъ памяти твоея выдетъ и въ безвѣстіи та твоя дача незаписанная пропадетъ и что ты безъ записки потеряеши, вся та на тебѣ взыщутся, и отъ таковыхъ незаписныхъ дачъ многіе люди въ конецъ разоряются. А другая причина отъ незаписки такая чинитца, егда кой человѣкъ не записавъ

---

[1]) Русское госуд. въ половинѣ XVII вѣка I, стр. 8.

[2]) *Perry*, нѣмецк. изд., стр. 355.

[3]) *Поссельтъ*, Lefort, I, 416. См. приложенія ко II-му т. Исторіи Петра Великаго, *Устрялова*, стр. 434 и слѣд.

[4]) *Strahlenberg*, Das nord-und östliche Theil von Europa und Asien sc. стр. 247.

[5]) *Пекарскій*, Наука и лит. I, 269.

[6]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи (2-е изд.), XV, стр. 93.

[7]) П. С. З., №№ 2762, 2979, 3703, 3845.

денги дасть, а послѣди забывшись напишетъ одну дачу дважды, и аще отъ забвенія тако учинишн, то передъ Богомъ согрѣшиши, и въ клятву въподеши, и со взявшимъ споръ наведеши: и сего ради самъ себѣ невѣренъ явишися. А аще не записавъ отпускати ничего не будеши, то и отъ грѣха и отъ убытку избѣжиши. А и въ дѣлѣ своемъ имѣй двѣ книги записные, едину настолную, въ ню же всякія дѣла записывай по вседневно что кому, и за что даси, или у кого что возмеши свое или чужое, или что купиши, и что за что даси, а другую книжицу имѣй при себѣ памятную и нужнѣйшія дѣла и вещи записывай въ ню" [1]).

Такую же аккуратность Посошковъ требуетъ отъ сына при срочныхъ платежахъ. Онъ пишетъ: „Аще взаимъ возмеши денегъ, или иного чего, и поставиши срокъ, то не моги ты за срокъ передержати, но всячески тщися еже бы за день или за два до сроку принести ти заплату, и тако творя отъ всѣхъ похваленъ будеши и добрымъ человѣкомъ прослывеши, а аще же къ сроку не исправишися расплатою, то прежде того дне пришедъ испроси сроку" [2]).

О народномъ богатствѣ.

Въ „Домостроѣ" говорилось исключительно о частномъ хозяйствѣ. Понятія о солидарности экономическихъ интересовъ всѣхъ согражданъ въ „Домостроѣ" нигдѣ не встрѣчается. Посошковъ, напротивъ того, хорошо понимаетъ, что матеріальное обезпеченіе каждаго отдѣльнаго лица обусловливается главнымъ образомъ экономическимъ благосостояніемъ цѣлаго общественнаго организма. Онъ уже говоритъ объ отношеніи частнаго богатства къ народному. У него замѣчается теплое сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Такія мысли проглядываютъ уже въ „Отеческомъ завѣщаніи". Въ главѣ „О земледѣльствѣ" сказано: „Возложа надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу: и аще цѣну велику или малу возмеши, работу всею правдою безъ лѣности и безъ лукавъства не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи, и какую работу работати, не будеши, работай не такъ, каковъ обычай имутъ поденьщики, но работай такъ, какъ ты можешь про себя работать и за таковую твою усердную работу господинъ твой, у него же ты будеши работати аще и ничего при твоей братьи излишняго тебѣ не дастъ, обаче и впредь такожде работай какъ самъ себѣ и за тую твою нелицемѣрную работу Богъ

[1]) Отеческое зав., стр. 145—146.
[2]) Тамъ же, стр. 144—146.

тебѣ воздастъ и на семъ свѣтѣ и на ономъ. То себѣ вѣждь, сыне мой, аще и до поту поработаеши, отъ того не умреши, но еще и здравѣе будеши, понеже и суровая пища сладка тебѣ будетъ“ [1]).

Хотя тутъ преобладаютъ религіозныя соображенія, а съ другой стороны, опять таки замѣтенъ нѣкоторый коммерческій расчетъ („Богъ тебѣ воздастъ на семъ свѣтѣ“), тутъ по крайней мѣрѣ встрѣчается высокое понятіе о добросовѣстности работника, о трудѣ вообще.

Извѣстно, какъ во время крѣпостнаго права „лицемѣрный“ трудъ дорого обходился народу, въ какой мѣрѣ барщина тормозила развитіе народнаго богатства; извѣстно, какъ и въ настоящее время при поденной платѣ рабочимъ производительность ограничивается потерею времени, нерадѣніемъ рабочихъ. Посошковъ лучше многихъ современниковъ умѣлъ цѣнить экономическое значеніе времени, хотя и не зналъ англійской поговорки „time is money“. Александръ Гумбольдтъ по случаю изобрѣтенія стенографіи замѣтилъ однажды, что время есть капиталъ, цѣна котораго возвышается по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи. На низкихъ степеняхъ культуры время не цѣнится вовсе: на востокѣ торговцы, продавая ничтожные предметы, теряютъ много времени, ожидая по нѣскольку часовъ болѣе выгоднаго момента для продажи; разносчики самыхъ ничтожныхъ по цѣнѣ товаровъ не принимаютъ въ расчетъ потерю празднаго времени. Негры обыкновенно не знаютъ числа прожитыхъ ими годовъ; въ Турціи почти вовсе нѣтъ часовъ, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ, гдѣ умѣютъ цѣнить время, даже въ скромныхъ сословіяхъ, мальчики весьма часто носятъ карманные часы. Чѣмъ менѣе въ Россіи умѣли цѣнить время, тѣмъ просвѣщеннѣе оказываются на этотъ счетъ взгляды гуманнаго и бережливаго Посошкова. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ онъ пишетъ въ главѣ „О судействѣ“ слѣдующее наставленіе, и для нашего времени довольно полезное: „А въ праздничную пору, аще придутъ къ тебѣ приказные люди, или и посторонніе, поклонъ отдать ради праздника, то ты поклонъ и поздравленіе пріявъ, и самъ ихъ поздрави, и тоя же минуты и отпусти ихъ, чтобы у тебя въ домѣ и четверти часа не медлили, но шли бы куды кому потребно. Сего бо много бываетъ, что придетъ на часъ токмо поклонъ отдать, а тотъ господинъ не речетъ имъ, дабы они шли кому куды потребно; то аще и великую нужду имѣютъ, а пойтить не смѣютъ, и тако часъ другой

[1]) Отеческое завѣщаніе, стр. 176.

простоятъ напрасно. У многихъ господъ повычай такой бываетъ, аще кто пріидетъ поклонитися, да пойдетъ въ иное мѣсто такожде поклонитися, и за то гнѣваются, и того ради поклонники стоятъ яко связаны. И отъ таковаго излишняго стоянія тѣмъ людямъ чинитьца пакость великая, а у кого стоятъ, тому грѣхъ не малой" [1]). Гораздо опредѣленнѣе говоритъ Посошковъ объ экономическомъ вредѣ траты времени въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ которомъ съ негодованіемъ жалуется на невниманіе чиновниковъ и судей къ интересамъ народа. Въ главѣ „О правосудіи" сказано: „Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинятъ убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ. Хотя малая какая справка приказная, то не хотятъ подождать до иного времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ еже взять писменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шти случится, то и съ десятью рублями врядъ изняться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляютъ, а людская—ни во что. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людемъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей государевыхъ въ чемъ поберечь, и до убытка какого не допустить. А кто хощетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили и того ради ни малаго бы убытку имъ не учинили. Всякому судьѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно, то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберечь!"

Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на неудобный способъ контроля надъ цѣловальниками, которыхъ для этой цѣли принуждаютъ издалека

---

[1]) Отеч. завѣщаніе, стр. 242 и 243.

пріѣзжать въ Петербургъ, проживать тамъ по нѣскольку недѣль и понапрасну тратить время и деньги на такое пребываніе въ столицѣ. Предложивъ иной способъ контроля такихъ финансовыхъ чиновниковъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ купеческому сословію, Посошковъ продолжаетъ: „Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ, ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на государя, то взявъ властно что въ огонь бросятъ, ибо взявъ ихъ, положатъ въ палату, да держатъ въ заперти годъ или больше, да станутъ цѣнить; то коя шуба соболья была рублевъ сотъ въ пять, ажно вынутъ—гной одинъ, что и пяти рублевъ не стоитъ. И если бы о семъ предѣлъ положить сицевый: аще у кого подъ судомъ тако учинятъ, то сгноенные пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинятъ, то стали бы беречь и не хотя. Такого ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губятъ напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто, ничье, нигдѣ даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ народѣ богатства—богатство царственное, подобнѣ и оскудѣніе народное оскуденіе царственное“ [1]).

Тутъ нѣкоторымъ образомъ смѣшивается понятіе о народномъ богатствѣ съ понятіемъ о богатствѣ государственномъ. Но вѣдь и физіократы сначала указывали не столько на народное и общественное, сколько на государственное богатство, опредѣляя извѣстное положеніе: „Pauvre paysan—pauvre royaume, pauvre royaume—pauvre roi“. Заслуга Посошкова заключается въ указаніи на тѣсную связь между народнымъ благосостояніемъ и финансовымъ интересомъ, и онъ объ этомъ предметѣ говоритъ весьма краснорѣчиво, между прочимъ, слѣдующее: „Въ собраніи царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы царская собирати, а царства бы его не разоряти. Кудой тотъ сборъ,

---

[1]) Соч. Пос., стр. 69—72.

аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто государю своему тщится служити, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и споро, и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гинуло. Охраненіе добрый товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирати. Якобы утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ" [1]).

Весьма достойно вниманія то обстоятельство, что у Посошкова встрѣчается уже довольно ясное понятіе народно-экономическихъ выгодъ урочной рабочей платы. Въ двухъ мѣстахъ въ его сочиненіяхъ говорится объ этомъ предметѣ. Предлагая во главѣ „О правосудіи" „отставить судьямъ и всѣмъ приказнымъ людемъ государево жалованье" и „учинить имъ окладъ съ дѣлъ, почему съ какого дѣла брать за работу", Посошковъ замѣчаетъ: „По таковому новоизложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать охотнѣе и волочить уже не будутъ: потому что буде сдѣлаютъ въ уреченное время, то приметъ себѣ мзду противъ указу полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаетъ, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочитъ, то и всея своея лишится мзды. И того ради всякій подъячій будетъ съ попеченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.... „И такого ради устава и волокитъ никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя поспѣшать будетъ" [2]). Цѣлью такого способа вознагражденія подъячихъ, какъ видно, было сбереженіе времени. Сбереженіе аммуниціи при дачѣ жалованья военнымъ людямъ Посошковъ имѣлъ въ виду, предлагая слѣдующее: „Таковымъ солдатамъ", то-есть, тѣмъ, которые умѣютъ стрѣлять въ цѣль,—„мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдаты и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублевъ, а тѣмъ, которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженяхъ по шапкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублевъ въ годъ, дабы на то смотря и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рублей на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужитъ за два или за три человѣка не умѣющихъ". На все это Посошковъ обращаетъ

---

[1]) Соч. Пос., стр. 209.

[2]) Соч. Пос., стр. 82.

вниманіе главнымъ образомъ потому, „чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ дѣло“ [1]). Въ „Донесеніи бояриму Головину“ Посошковъ еще подробнѣе опредѣляетъ плату воинамъ, сообразно съ умѣніемъ стрѣлять. Онъ предлагаетъ „учинить жалованье умѣющимъ солдатамъ разное. Кои умѣть будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бъ по рублю или по два, при прежнемъ жалованьѣ прибавить. А кой по шапкѣ жъ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижимой, и никогда жъ не грѣшитъ, и таковому и предъ тѣмъ прибавка жъ бы учинить: а кой по малой цѣли, якобъ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и тому наипаче вящшее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую цѣль въ подвижную будетъ бить безизмѣнно, и таковому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ратовали и въ наученіи подвизались“ [2]).

Къ этимъ же соображеніямъ о рабочей платѣ, соотвѣтствующей не извѣстному количеству времени, а самымъ результатамъ труда, количеству и качеству труда, можно отнести и вышеприведенное замѣчаніе въ „Отеческомъ завѣщаніи“, въ которомъ „укрушецъ хлѣба“ равняется тремъ поклонамъ, полушка—шести поклонамъ, денежка—двѣнадцати поклонамъ и т. д. [3]).

Особенно подробно и мѣтко о выгодахъ урочной работы Посошковъ говоритъ во главѣ „О царскомъ интересѣ“, объясняя какимъ образомъ должно быть устроено кораблестроеніе. Тамъ сказано: „И аще бы и то исправить сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно и смѣтить, колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъявить, и неколикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяцъ, то и отпущены съ тримѣсячныя работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ домы свои. И тѣмъ управителямъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяцъ ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то

[1]) Тамъ же, стр. 37; сравн. стр. 267 и Отеческое завѣщаніе, стр. 201.
[2]) Соч. Пос., 268.
[3]) Отеч. зав., 207.

ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня, и отпускъ бы имъ чинили. И аще такъ уставится, то крѣпко можно надѣятися, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обработывать. И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца, а отпуски давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, станутъ на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ. И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью, трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлаютъ, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяцы работаютъ; и аще тако устроится, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться. У буде впроки тако устроить, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что, отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать. И не токмо въ одинхъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же. А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить и давать по задѣлію коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлатися". Въ подтвержденіе правильности такого общаго взгляда Посошковъ приводитъ частный случай въ оружейной палатѣ при сидѣньи Алексѣя Александровича Курбатова [1]).

Мы полагаемъ, что столь ясное пониманіе различія между поденнымъ и урочнымъ трудомъ, столь мѣткое указаніе на выгоды послѣдняго и для государственнаго, и для народнаго, и для частнаго хозяйства въ началѣ XVIII вѣка могло считаться рѣдкимъ исключеніемъ не только въ Россіи, но и на западѣ. Экономисты лишь довольно поздно стали указывать на выгоды поштучной платы, хотя на практикѣ давно оказалось, въ какой мѣрѣ выгодно такое распредѣленіе работъ и сколько лишняго времени убивается понапрасну обыкновенною поденною или помѣсячною работою. Не даромъ англійскіе ученые были того мнѣнія, что развитіе благосостоянія Англіи значительною долею обусловливалось преобладаніемъ поштучной платы [2]).

Впрочемъ, и самъ Петръ зналъ, что во многихъ случаяхъ уроч-

---

[1]) О скуд. и бог., стр. 216—218.

[2]) *Roscher*, System der Volkswirthschaft., I, 63,

ная работа идетъ успѣшнѣе. Такъ, напримѣръ, онъ однажды писалъ по случаю постройки канала: „Принять солдатъ для строенія канала и раздѣлить эту работу поурочно и сказать, которые скоряе свой урокъ отдѣлаютъ, тѣ немедленно и отпустятца... дабы они лучше работали и не бѣжали“ [1]).

И Посошковъ, и Петръ желали болѣе успѣшнаго, болѣе быстраго, болѣе усерднаго и ревностнаго труда въ Россіи. Въ главѣ „о правосудіи“, въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, Посошковъ замѣчаетъ: „А сего всѣмъ правителемъ паче собранія смотрить, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіе бъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились и плодъ приносили“. Петръ для достиженія этой цѣли надѣялся на регламентацію, на строгій надзоръ, на полицейскія мѣры. Совершенно также и Посошковъ предлагалъ усилить дѣятельность чиновниковъ, надзирателей. Но, по мнѣнію Посошкова, именно эти люди сами недостаточно трудились, относились къ своимъ обязанностямъ съ нерадѣніемъ и не заботились о благѣ государства, не умѣя цѣнить государственный и казенный интересъ. Онъ пишетъ: „Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричутъ себя, а если здравымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотрить, чтобы ничто нигдѣ не тратилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ. И всякія собранныя вещи не токмо въ царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы ничего нигдѣ не тратили; то такой человѣкъ прямой будетъ царственному богатству собиратель. И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхощетъ Государю своему порадѣти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скорѣе дѣло вершить; и чтобъ въ приказѣ и въ тюрьмѣ лишнихъ дней не сидѣли и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.... А кои люди подлежатъ какого наказанія, то таковыхъ не надлежитъ и дня единаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобъ онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ

[1]) Указъ господину Самарину въ *Чтеніяхъ Моск. Общ.* 1874. II. Смѣсь, 12—19.

надлежитъ послать на рудокопные дѣла и на иныя черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но запятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежитъ не мотчавъ, чтобъ они даромъ хлѣба не ѣли".

О праздности.

Весьма подробно Посошковъ излагаетъ, какая чувствительная потеря для народнаго богатства заключается въ праздной жизни арестантовъ и колодниковъ. „По тюрьмамъ", пишетъ онъ,—„насажено у судей множество людей, и тѣ тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлаютъ, только сидятъ, лежатъ, да хлѣбъ ядятъ яко червіежъ. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и вельми надобно пещися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подъячимъ, чтобъ дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣба бъ даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червію съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать прибытокъ Богу и царю своему, и всей братьѣ и себѣ; дабы не уподобитися непотребному червію, иже токмо во тлю претворяетъ, а пользы ни малыя людямъ кромѣ пакости не содѣваетъ. Въ Россіи во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячъ десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конецъ что тысячъ пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на человѣка съ хлѣбомъ и съ харчемъ и съ одеждою ихъ на самый малой окладъ по пяти рублевъ на годъ коемуждо человѣку, то такими тунеядцами казны на кійждо годъ въ тлю претворится близъ двусотъ тысячъ рублевъ; и такая великая гибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго" [1]).

Какъ видно, Посошковъ въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія правительства, которое не разъ принимало мѣры для извлеченія матеріальныхъ выгодъ изъ рабочихъ сихъ арестантовъ. Извѣстно, что на многихъ общественныхъ постройкахъ, напримѣръ, при устройствѣ гавани въ Рогервикѣ или Балтійскомъ Портѣ, работали колодники. Но правительство, также какъ и Посошковъ, было недовольно медленнымъ ходомъ судопроизводства и требовало отъ судей ускоренія въ рѣшеніи участи арестантовъ. Такъ, напримѣръ, 4-го апрѣля 1722 года состоялся указъ „о недержаніи въ тюрьмахъ колодниковъ

---

[1]) Соч. Пос., 105—107.

за казенные долги, объ отсылкѣ оныхъ въ работу на галеры"; въ этомъ указѣ виновникамъ замедленія грозили, что „имъ учинено будетъ то жъ, что надлежало учинить колодникамъ" [1]). Особенно же часто встрѣчаются указы объ отправленіи женъ и дѣтей умершихъ должниковъ казны или въ галерную работу, или „въ прядильный домъ", объ отправленіи „виновныхъ бабъ и дѣвокъ" на частные мануфактурные заводы и т. п. [2]). Подобную цѣль имѣлъ синодскій указъ отъ 11-го сентября 1722 года „о пріученіи монахинь къ рукодѣліямъ и ремесламъ". Предписывалось обучать ихъ прядѣнію, шитью, низанью или другому рукодѣлію по выбору монахинь же „въ два или три мѣсяца безъ отлагательства, дабы въ праздности не пребывали" [3]).

Петръ Великій, самъ работавшій неусыпно, принималъ довольно сильныя мѣры противъ нищихъ, число которыхъ было такъ громадно, что даже Посошковъ, считавшій нищету чѣмъ-то въ родѣ религіознаго призванія и дававшій разные совѣты сыну на тотъ случай, если послѣдній сдѣлается нищимъ, замѣчаетъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи о просившихъ милостыню: „А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни (не?) собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!" [4]). Посошковъ недоволенъ распоряженіемъ правительства, запрещающимъ давать милостыню: „А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыню, а судьи наши за то штрафуютъ: а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ" [5]). Затѣмъ Посошковъ точнѣе опредѣляетъ содержаніе этого указа, обвиняя чиновниковъ въ произвольномъ толкованіи его: „Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскіе, или какіе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ разсылать на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они то оставя, давальцовъ штрафуютъ". Вѣроятно, Посошковъ говоритъ здѣсь объ указѣ 6-го апрѣля 1722

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 3928.
[2]) Тамъ же, № 3140, 3306, 3113, 3336, 3808.
[3]) Тамъ же, № 4089.
[4]) О скуд. и бог., стр. 109.
[5]) Тамъ же, стр. 103—104.

года: „Смотрѣть на крѣпко, дабы по прежнимъ указамъ бродящихъ нищихъ не было. А ежели гдѣ таковые явятся, и таковыхъ ловить и приводить въ полицеймейстерскую канцелярію, а изъ оней молодыхъ на урочные годы употреблять къ казеннымъ работамъ, а старыхъ отсылать для опредѣленія въ госпиталь, въ синодъ, а къ кому оные пристаютъ и съ таковыхъ имать штрафъ“ [1]). Очевидно, послѣднее замѣчаніе повело къ такимъ недоразумѣніямъ и имѣло слѣдствіемъ наказаніе дававшихъ милостыню. Слово „нынѣшній“ указъ подтверждаетъ наше предположеніе, что Посошковъ имѣлъ въ виду именно это распоряженіе правительства. Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“ три года и кончилъ ее въ началѣ 1724 г. Поэтому составленіемъ третьей главы этого сочиненія онъ могъ заниматься именно въ то время, когда былъ обнародованъ указъ 6-го апрѣля 1722 года [2]).

Впрочемъ Посошковъ могъ имѣть въ виду и указы прежнихъ годовъ, въ которыхъ запрещалось давать милостыню. Въ декабрѣ 1705 года бояринъ Мусинъ-Пушкинъ по указу великаго государя приказалъ: „нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ, просятъ милостыню пришлые изъ городовъ и изъ богадѣленъ ловить, и деньги, сколько у нихъ сыщется, брать поимщикамъ себѣ, а ихъ приводить въ монастырскій приказъ и читать имъ наказаніе и всякаго чина людямъ заказывать, чтобъ тѣмъ бродящимъ нищимъ милостыни никто не давалъ, а кто хочетъ милостыню подавать, пусть даетъ въ богадѣльни: а кто не послушается и будетъ подавать милостыню бродячимъ нищимъ, такихъ хватать, приводить въ монастырскій приказъ и брать съ нихъ пеню по указу: изъ этихъ пенныхъ денегъ половина идетъ въ монастырскій приказъ, а другая тому подъячему, который станетъ такихъ людей приводить въ приказъ, и для того послать изъ монастырскаго приказа подъячихъ съ солдатами и приставами по улицамъ“ [3]).

Такое же, неслыханное въ прежнее время запрещеніе подавать милостыню повторяется и въ указѣ 25-го февраля 1718 года, но тутъ всѣмъ подавателямъ милостыни грозятъ еще большею денежною пенею: „А буде которые люди станутъ такимъ нищимъ мило-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 3945.

[2]) Этотъ указъ обнародованъ 25-го апрѣля.

[3]) См. *Соловьева*, Ист. Россіи, т. XVI, стр. 19.

стыню подавать, презрѣвъ сей его великаго государя именний указъ, и ихъ присмотря по томужъ приводить въ монастырскій приказъ и имать на нихъ штрафу, первой по 5, другой по 10 рублевъ, и для присмотру вышепомянутыхъ бродящихъ неистовыхъ монаховъ и нищихъ мужеска и женска полу и для подавцевъ милостыни опредѣлить изъ монастырскаго приказу, изъ московскаго гарнизона нарочныхъ поимщиковъ изъ какихъ чиновъ пристойно" [1]).

Не мудрено, что такія распоряженія не нравились сторонникамъ домостроевскихъ понятій. Въ древней Руси говорили, что „въ рай входятъ святою милостыней", что „нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается"; существовало множество поученій „какъ подобаетъ милостыню творити", „о управленіи души и о разсмотрѣніи милостыни", „о холодности къ нищимъ". При царскомъ дворцѣ въ Кремлѣ существовали особые нищіе, подъ именемъ *богомольцевъ верховныхъ*, которые отъ царя получали не только пищу, но даже жалованье и форменную одежду. При монастыряхъ состояли цѣлыя слободы нищихъ [2]). Въ Москвѣ нищіе имѣли днемъ свое постоянное пребываніе на мостахъ, на перекресткахъ, на кладбищахъ, у церквей; нищіе были, такъ сказать, людьми церковными. Въ „Домостроѣ" встрѣчается такое наставленіе: „нищихъ, и маломожныхъ и скорбныхъ и странныхъ пришельцевъ призывай въ свой домъ и по силѣ накорми и напой". Въ 1678 г. у патріарха кормлено было нищихъ 2500 человѣкъ; цари и царицы кормили и поили нищихъ цѣлыми сотнями [3]). Не мудрено, говоримъ мы, что при господствѣ внѣшне-благочестивыхъ и патріархальныхъ обычаевъ подобныя распоряженія правительства не одобрялись людьми, которые, подобно Посошкову, были воспитаны въ понятіяхъ Домостроя. Самъ Посошковъ въ своемъ „Завѣщаніи къ сыну" во многихъ мѣстахъ училъ давать милостыню. Такъ напримѣръ, онъ писалъ: „А аще во время твоего яденія пріидетъ къ тебѣ нищій просити милостыню: то даждь ему лучшій кусокъ, кой тебѣ угоденъ: а хужшаго отнюдь не давай, дабы тебѣ вмѣсто милости, Бога на гнѣвъ не привести, понеже подаваемая милостыня въ руцѣ Богу подается. А аще Бога любиши, то лучшее ему подаси, а аще худшее Богу подаси, то ты ложь еси, и любиши

[1]) П. С. З. № 3172.

[2]) См. Нищіе на святой Руси, стр. 58, 66, 78, 79.

[3]) Тамъ же, 82—83.

себя паче, нежели Бога [1]). Въ какой мѣрѣ Посошковъ милостыню считалъ необходимымъ средствомъ спасенія видно изъ слѣдующаго совѣта: „Егда изыдеши изъ дому своего, то... изо чпага своего изми три пѣнязя, велики или малы, и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ или увѣченъ или и здравъ, не разбирая даждь первымъ, близъ тебя случившимся. И аще узриши и весма древна или дряхла идуща или сидяща: а предъ нимъ тебѣ случатся млади и здравы, и ты не разбирай между ними, даждь тѣ три пѣнязя первымъ случившимся тебѣ, а потомъ аще восхощеши, даждь увѣчному особый пѣнязь, въ прибавку первымъ" и проч. [2]).

Защищая нищихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, Посошковъ все-таки желаетъ принятія мѣръ противъ праздношатающихся. Онъ предлагаетъ по случаю вышеупомянутаго указа слѣдующія распоряженія относительно нищихъ: „И сію статью правильнѣе-бъ такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякаго чина людямъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣ, какой человѣкъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ въ каковымъ дѣламъ государевымъ. То дворяне лишь заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать — заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищіе бродить не будутъ и по улицамъ ходить не станутъ. А иные и посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру милостыню собираютъ; а иные сковавшись ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и набравъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные и сами промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать не оскудное, чтобы даромъ хлѣба не ѣли. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шелъ бы на поденную работу, или и пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастеровымъ

[1]) Отеческое завѣщаніе, стр. 173.
[2]) Тамъ же, стр. 174.

людямъ въ наученье, и научась мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру много ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червію, что ничего не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ свѣтѣ грабятъ даромъ" [1]).

Изъ этихъ замѣчаній видно, въ какой мѣрѣ распространено было зло нищенства не только между крестьянами, но и въ среднемъ сословіи. Посошковъ, понимая народно-экономическій вредъ этого явленія, относился къ нищимъ, способнымъ работать, ни чуть не снисходительнѣе правительства, которое и до вышеупомянутыхъ указовъ по временамъ принимало довольно крутыя мѣры противъ множества нищихъ. Въ древней Руси масса неимущихъ, захребетниковъ, бобылей, бѣглыхъ, погорѣлыхъ, ослѣпшихъ, спившихся, увеличивалась отъ постоянныхъ разгромовъ, пожаровъ, моровыхъ повѣтрій и набѣговъ Татаръ. Сверхъ того, приходили еще греческіе монахи для сбора милостыни и пожертвованій, особенно со времени взятія Константинополя Турками [2]). Разумѣется, было много и такихъ людей, у которыхъ нищенство было вѣрнымъ и доходнымъ промысломъ [3]). Царь Иванъ Васильевичъ Грозный возсталъ противъ такихъ дармоѣдовъ на Стоглавомъ соборѣ и велѣлъ ихъ всѣхъ повыгнать изъ богадѣленъ. Стоглавый соборъ жаловался на чрезмѣрное множество нищихъ. Воровство и грабежъ, свидѣтельствуетъ Флетчеръ, были часты отъ этого множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: дай мнѣ или убей меня! Нищими занимался соборъ 1681 года. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ въ указѣ 1682 года говоритъ, что по улицамъ бродятъ и лежатъ нищіе, притворные воры; прося подъ окнами милостыни, подмѣчаютъ, кто как живетъ, чтобъ послѣ обокрасть, малыхъ ребятъ съ улицъ крадутъ и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобы люди, на нихъ смотря, умилилися, и больше имъ милостыни давали. Царь между прочимъ повелѣлъ нищихъ дѣтей учить наукамъ и мастерствамъ [4]).

Во время двоевластія Іоаннъ и Петръ (въ 1691 году) указали „извѣстно имъ, Великимъ Государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди,

---

[1]) Соч. Пос., стр. 104—105.

[2]) Нищіе на св. Руси, 5.

[3]) См. сказку о слѣпцѣ-нищемъ, имѣвшемъ пять сотъ рублей. Нищіе на св. Руси, 48.

[4]) Нищіе на св. Руси, 83.

подвязавъ руки, таковъ и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы, и тѣхъ людей имать и... отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, а буде тѣ люди съ сего указу впредь объявятся на Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города" [1]). Повторяя этотъ указъ, прибавляли: безмѣстныхъ черцовъ и черницъ, поповъ и діаконовъ, чтобъ они по улицамъ не бродили и по кабакамъ не водились, приводить въ стрѣлецкій приказъ [2]).

Мѣры, принимаемыя противъ нищихъ, становятся съ теченіемъ времени все строже и строже. Въ 1712 году послѣдовало такое запрещеніе: „Нищимъ по міру на Москвѣ мужеска и женска пола и робятамъ и старцамъ и старицамъ милостыни не просить и по мостамъ не сидѣть, а быть имъ въ богадѣльняхъ по прежнему и смотрѣть изъ монастырскаго приказу накрѣпко, буде гдѣ по улицамъ и по мостамъ для прошенія милостыни нищіе явятся, тѣхъ ловить и приводить въ монастырскій приказъ; а въ монастырскомъ приказѣ чиня наказаніе, отослать въ богадѣльни и въ монастыри, а которые по міру жъ будутъ ходить, а въ богадѣльняхъ они нигдѣ не записаны, и тѣхъ ловя, потому жъ въ монастырскомъ приказѣ учиня жестокое наказаніе, отсылать въ прежніе мѣста, откуда кто пришелъ" [3]).

Все это не помогало. Въ указѣ 25-го февраля 1718 года говорится о „неистовыхъ" монахахъ и нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ на перекресткахъ; по этому поводу приказано, „имая ихъ, приводить въ монастырскій приказъ, а милостыни отнюдь имъ не давать" [4]). Между разными полицейскими распоряженіями 25-го мая и 20-го іюня 1718 года повторяются подобныя же распоряженія [5]).

Даже въ Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго говорится съ негодованіемъ о „бездѣльникахъ" нищихъ [6]).

---

[1]) П. С. З., № 1424.
[2]) П. С. З., № 1489.
[3]) П. С. З., № 2470.
[4]) П. С. З., № 3172.
[5]) П. С. З., № 3203, 3213.
[6]) Нищіе на св. Руси.

Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ о нищихъ, когда Посошковъ въ своемъ сочинени „О скудости и богатствѣ“ предлагалъ мѣры для искорененія этого зла. Онъ думалъ достигнуть этой цѣли тѣми же средствами, о которыхъ мечталъ Петръ, заводившій при монастыряхъ пріюты, богадѣльни, школы, работные дома, прядильни и пр. Ни Петръ, ни Посошковъ не могли думать, что всѣ эти мѣры окажутся не цѣлесообразными даже до настоящаго времени.

Въ какой мѣрѣ Посошкомъ умѣлъ цѣнить потерю рабочихъ силъ для народнаго богатства, чрезъ множество праздношатающихся, видно изъ слѣдующихъ сдѣланныхъ имъ предложеній во главѣ „о разбойникахъ“: „И ради размноженія таковыхъ дѣлъ (то-есть, промышленныхъ предпріятій) учинить бы указъ, чтобъ нищихъ, по улицамъ скитающихся, и молодыхъ, и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказѣ имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робятъ мужескаго полу и женска научить прясть, а подрослыхъ—ткать, а иныхъ бѣлить и лощить; то бы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя домы мастерскіе, научa тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ, мочно ими много дѣлъ управить“ [1]). А въ другомъ мѣстѣ, предложивъ разныя мѣры для усиленія промышленности, Посошковъ продолжаетъ: „Кто изъ своея охоты заведетъ такія дѣла, царству потребныя, изъ своего иждивенія, и тѣмъ людямъ таковде указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робятъ мужеска пола и женска имать и учить, и научa, владѣти имъ вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти имъ тутъ вѣчно. И сицевымъ порядкомъ нищіе, бродяги и тунеядцы всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатитися и славою разширятися“ [2]). Для этого былъ необходимый строжайшій полицейскій надзоръ; поэтому Посошковъ, во главѣ „о правосудіи“, предлагаетъ: „А по кабакамъ надобно смотрѣть, чтобъ ярыжки голые безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брати на нихъ крѣпости, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промышлять, и зернію не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людемъ не держать, чтобы безъ работъ никакой человѣкъ не былъ. А кромѣ при

---

[1]) «О скуд. и бог., стр. 149.

[2]) Тамъ же, 151.

каза всякому командиру во своей командѣ смотрѣть накрѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ не шатался, и робяты молодые, кромѣ праздничныхъ дней отнюдь бы по улицамъ ни козлами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущіи никаковыя вещи напрасно не тратили и лицами не билися; и никакаго чина люди и дворяне безъ письменнаго указу хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрили, и прикащикамъ и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые робята даромъ не шатались бы, но оные училисъ бы грамотѣ, а иные рукодѣлію, каковое водится во крестьянѣхъ, училисъ бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прясть училисъ, и научась, шли бы на полотняные дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевую работу работали. И аще въ юности навыкнетъ работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ" [1]).

Очевидно, мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ административнымъ распоряженіямъ Петра Великаго, строившаго рабочіе домы для праздношатающихся и заводившаго ремесла а также и взглядамъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ экономистовъ XVIII вѣка, напримѣръ, предложеніямъ австрійскаго ученаго Іоненфельса (род. въ 1733 г.) ограничивать или даже запрещать всѣ занятія непроизводительныя или похожія на праздность, какъ то показываніе звѣринцевъ и т. п. [2]).

Посошковъ—самъ крестьянинъ—не имѣлъ особенно высокаго понятія о наклонности рабочаго класса къ труду. Онъ считалъ необходимыми строгія мѣры для того, чтобы заставить мужиковъ работать прилежнѣе. Въ введеніи къ сочиненію „О скудости и богатствѣ" сказано: „Надлежитъ же и о крестьянствѣ вспомянуть, чтобѣ и ихъ отъ разоренія и обидъ предохранить, и въ лѣности бъ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣности во всеконечную скудость не приходили; аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудились бы, овые въ лѣсахъ, овые жъ въ домовыхъ рукодѣльяхъ, и иніи жъ въ подводахъ съѣздили; а лежа своего припасеннаго хлѣба, не потрудився, не ѣли бъ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коихъ крестьянъ лошадей

1) О скуд. и бог., стр. 107—108.

2) *Roscher*, Gesch. d. Nationalökonomik, 539.

добрыхъ нѣтъ, и въ подводы наняться не на чемъ, тѣ шли бъ въ людейскія работы и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили" [1]). Во главѣ „о крестьянствѣ" Посошковъ называетъ „лѣность" крестьянъ одною изъ главныхъ причинъ „скудости крестьянскаго житія". Помѣщики должны, какъ полагаетъ Посошковъ „смотрѣть за своими крестьянами, чтобы они кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бы были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежебочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во иныя воровства" [2]). О разбойникахъ же и ихъ экономическомъ вредѣ Посошковъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Аще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни коими дѣлы обогатитися не возможно" [3]).

Но не въ одномъ крестьянскомъ сословіи Посошковъ обличалъ „лежебоковъ"; совершенно согласно со взглядами Петра, не желавшаго, чтобы „кадеты" знатныхъ фамилій были праздны, а приказывавшаго, чтобы всѣ принуждены были „хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ" [4]), и Посошковъ строгими мѣрами надѣялся привлечь всѣхъ праздныхъ къ труду. Во главѣ „о правосудіи" онъ предлагалъ устройство сложной системы доносовъ на всѣхъ „лежебоковъ", то есть на тѣхъ лицъ, которыя уклоняются отъ службы или отъ какой-либо работы [5]).

Петръ понималъ тѣсную связь, существующую между частнымъ трудомъ и общественнымъ благосостояніемъ. Говоря о занятіяхъ „кадетовъ" онъ замѣчаетъ: „Все, что оные сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть" [6]). Еще точнѣе выражаетъ эту мысль Посошковъ при слѣдующихъ случаяхъ. Говоря въ „Отеческомъ Завѣщаніи" „о судействѣ" и указывая на зло „волокиты" въ судебныхъ дѣлахъ, Посошковъ говоритъ, что доходы казны съ тяжебныхъ дѣлъ далеко не столь выгодны, какъ согласіе истцовъ и отвѣтчиковъ: „Въ миру живучи всячески сами будутъ въ полности, и госу-

[1]) О скуд. и бог., стр. 7.

[2]) О скуд. и бог., стр. 171.

[3]) Тамъ же, стр. 6.

[4]) Указъ о порядкѣ наслѣдованія въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ 23-го марта 1714 г. П. С. З., № 2782.

[5]) См. О скуд. и бог., 95.

[6]) П. С. З., № 2789.

дарю прибыли отъ нихъ больше сойдется: потому купецкой человѣкъ, съ торгу своего болши приказныхъ пошлинъ прибыли принесетъ, а мастеровой болши сработаетъ, а въ привозной тяжбѣ и болной волокитѣ всѣхъ своихъ пожитковъ лишаются" [1]).

Разказывая въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ главѣ „о правосудіи", случай произвольнаго дѣйствія судьи Ивана Мякитина съ однимъ ученикомъ стекляннаго дѣла Иваномъ Семеновымъ, который по ничтожному дѣлу долго просидѣлъ въ тюрьмѣ, Посошковъ продолжаетъ: „И такимъ судейскимъ милосердіемъ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и всѣ тѣ пять лѣтъ погибли. А если бы онъ Мякитинъ не алтыничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста два-три прибыли въ царствѣ сдѣлалъ бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ" [2]). Изъ этой аргументаціи видно, что Посошковъ не только имѣлъ въ виду интересъ казны, но и народное богатство, хотя еще для этого послѣдняго понятія у него не встрѣчается особеннаго термина. Также и Петръ, говоря о „государственной пользѣ", не ограничивался понятіемъ о финансовыхъ выгодахъ, а мечталъ о всецѣломъ народно-экономическомъ организмѣ. И Посошковъ, и Петръ, какъ представители вѣка просвѣщеннаго абсолютизма, понимали, что народъ есть цѣль, а государство лишь средство, что поэтому не столько финансовыя соображенія, сколько полицейско-экономическія должны находиться на первомъ планѣ. Однако понятія о государственномъ и народномъ хозяйствѣ смѣшивались у Петра и у Посошкова. Не даромъ наука о хозяйствѣ сперва имѣла названіе „политической" экономіи, а затѣмъ только получила названіе „народной" (wealth of nations, Nationalökonomie). Чисто государственное хозяйство, то есть, управленіе финансами, въ глазахъ Посошкова никогда не могло быть дѣломъ столь великимъ и сложнымъ, какъ работа правительства о благосостояніи народа. Въ началѣ сочиненія „О скудости и богатствѣ" онъ говоритъ: „По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царскія сокровища наполнити богатствомъ, за еже царь, яко Богъ, еже восхощетъ во области своей можетъ сотворить; но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ,

---

[1]) Отеческое завѣщаніе, стр. 232.

[2]) О скуд. и бог., 111.

и разбойниковъ, и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися не возможно" [1]).

Такимъ образомъ, вся отвѣтственость лежитъ на правительствѣ, законодательная и административная дѣятельность котораго должна обнимать всѣ отрасли производства, распредѣленія и потребленія богатства, полицейскій надзоръ котораго надъ всѣми подданными долженъ быть неусыпнымъ, строгость котораго, по мнѣнію Петра и Посошкова, не должна знать предѣловъ.

О сбереженіи.

Не только производство должно было, по мнѣнію Посошкова, находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, но и потребленіе. Принимая на себя отвѣтственность за благосостояніе всеобщее, привлекая всѣхъ и каждаго къ участію въ трудѣ, администрація должна была предохранять всѣхъ и каждаго отъ всякой лишней траты, проповѣдывать бережливость въ потребленіи, предписывать, какъ подданные должны питаться, одѣваться и пр.

Въ „Домостроѣ" ни на одинъ вопросъ въ области хозяйства не обращалось столько вниманія, какъ на сбереженіе. Весьма часто тамъ повторяются наставленія о томъ, что ничто не должно пропадать даромъ, теряться или портиться; наставленія, какъ должно беречь обрѣзки, лоскутки и остатки, запасы въ житницахъ, въ сушильнѣ, въ погребахъ, въ кладовыхъ и т. д., настакленія, какъ женѣ носить платья и рубашки и убрусы не измявъ, не замачкавъ, не испортивъ. А далѣе преподается ученіе и о томъ, какъ „жить по приходу расходъ и всегда себя смѣчать... а кто станетъ жить иначе, на люди глядя, не по силамъ, и займуя или неправеднымъ имѣніемъ, и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ и съ укоризною, и съ поношеніемъ" и пр.

Посошковъ находитъ потребленіе въ Россіи во многихъ случаяхъ неправильнымъ, и жалуется на то, что многое пропадаетъ, особенно вслѣдствіе нерадѣнія чиновниковъ, ни сколько не имѣющихъ въ виду „царскій интересъ". Такимъ образомъ, говоритъ онъ, и казна терпитъ, и народное богатство.

Одежда.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что Посошковъ былъ меркантилистомъ и поэтому считалъ вообще потребленіе за-

---

[1]) О скуд. и бог., стр. 3.

граничныхъ товаровъ, которые можно замѣнить русскими, вреднымъ для народнаго хозяйства. При этомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на непрочность этихъ товаровъ. Такъ, напримѣръ, уже въ „Завѣщаніи Отеческомъ“ Посошковъ ратуетъ противъ обшивныхъ пуговицъ: „И ты сыне мой, всячески тщися дѣтямъ своимъ одежды чинить не отъ высокихъ цѣнъ: елико себя ради, паче же ради царственнаго пополненія, дабы наше Россійское царство, отъ излишняго наряда, не отончевало: и тоя же ради царственныя прибыли дѣтямъ своимъ обшивныхъ пуговицъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ, ни самыхъ золотыхъ не покупай, понеже обшивные пуговицы переводъ деньгамъ, потому что они въ скорыхъ числахъ пропадаютъ, и взвороту отъ нихъ и пула не будетъ, а Нѣмцы велми похваляютъ тыя часовыя пуговицы. А ты, сыне мой, на ихъ нѣмецкія басни не смотри, дѣлай дѣтямъ пугвицы, либо серебряные, либо мѣдные. То хорошо, чтобы пугвицы портищевъ пять-шесть износили: а обшивныхъ пуговицъ на одно портище пятья будеши перемѣнять, и придутъ тебѣ дороже серебрянныхъ, а износя все бросишь. А серебряные кои плотно здѣланы — колко кафтановъ ни переносишь, а деньги въ головахъ“ [1]). Равно и въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ Посошковъ ратуетъ противъ „иноземческихъ“ пуговицъ и обнаруживаетъ при этомъ случаѣ подробное знаніе предмета, замѣчая: „И того ради годствуетъ принимать пугвицы мѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки да насажены на деревянные болвашки, или оловянныя серебромъ посеребряны на жестяныхъ чашкахъ. Такожде кои вмѣсто стальныхъ привозятъ визмутовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобножъ для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сдѣланы на желѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать, потому что онѣ весьма потребны, платья не дерутъ, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде станутъ ушки дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ портищъ пять-шесть переносятъ“ [2]).

Какъ видно, Посошковъ имѣлъ ясное понятіе о солидности въ потребленіи; онъ умѣлъ цѣнить выгоду постояннаго капитала, посредствомъ котораго сберегается извѣстное количество капитала оборотнаго. Знакомый съ различными отраслями промышленной техники,

[1]) От. Зав., стр. 58.
[2]) О скуд. и бог., 125.

онъ былъ въ состояніи давать умные совѣты своимъ согражданамъ, склоннымъ тратить деньги на непрочные товары для украшенія одежды.

Затѣмъ Посошковъ желаетъ, чтобы Русскіе не покупали столько шелковыхъ и другихъ матерій, лентъ, платковъ „потому что въ нихъ никакого прожу нѣтъ, только денежная напрасная трата"; шелковые платки онъ совѣтуетъ замѣнить льняными, иностранныя вина — русскими напитками и пр.

Иностранцы-путешественники говорятъ о страсти Русскихъ къ нарядамъ. Въ старину любили носить дорогія матеріи, украшая ихъ жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, позументами и пр. Юрій Крижаничъ „первою причиною нужамъ и убожеству" считаетъ „буйность въ строехъ" и продолжаетъ: „Рубачи ся нашиваютъ златомъ и свилою (шелкомъ); сапоги ся шьютъ мѣдными нитьми: мужи носятъ бисеръ: таково несподобіе нигдѣ въ Европѣ ся не дѣетъ. Наигорши черняки (мужики) носятъ свилную пратежъ. Чернядкихъ женъ нѣсть разознать отъ наипреднѣихъ боярынь. Бисера земля не носитъ, а всѣ до найменѣго хотятъ бисеръ носить. Красилъ земля не родитъ: а всѣ до найменѣго хотятъ крашеныя сукна носить" [1]). Подобные же отзывы встрѣчаются въ сочиненіяхъ Флетчера, Петрея, Олеарія и пр. Не мудрено поэтому, что патріоты, какъ напримѣръ, Крижаничъ и Посошковъ, считали необходимымъ принятіе мѣръ противъ роскоши въ одеждахъ. Крижаничъ говоритъ: „А наипаче годило бы ся преповѣдать (то-есть, запретить) простымъ людемъ уживать (употреблять) свилы (шелкъ), злата пряденаго и преднихъ (лучшихъ) сверлатнихъ суконъ: дабы ся разознавалъ станъ болярскій отъ простаковъ. Велико бо неподобіе быть ся важетъ, да маловерстенъ писецъ ходитъ въ единаковыхъ свитахъ съ начальнымъ болариномъ" [2]).

Посошковъ этому же вопросу посвящаетъ нѣкоторую часть главы „о художествѣ". „Паки и сіе мнѣ мнится", пишетъ онъ, — „не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшеній, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощеваютъ. Паки мнѣ мнится — не худо бы расположить, чтобы всякій чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, I, 154.

[2]) Русск. госуд., I, 141.

нынѣ ни коими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей, и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно. А мнится мнѣ быть то самое прямое дѣло, чтобы не то что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть. Первая статья купецкаго чина, кіи выше тысячи рублевъ, даже до десяти тысячъ пожитки у себя имѣютъ, тіи бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше двух рублевъ, а камзолы луданые и стофные и прочія шелковыя парчи, кои безъ золота, безъ атласа и безъ испещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебреныя позолоченыя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтахъ; а покроемъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бъ ниже подвязки, чтобъ оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповія, а камчатныхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя, а полъ по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьими и разсомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кіи выше десяти тысячъ имутъ у себя пожитку. А среднія статьи, кіи имутъ у себя пожитки ото ста рублевъ даже до тысячи, то тіи бы носили сукна англійскія, кіи около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребреныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго купечества, а на ногахъ — сапоги. А нижная статья, кіи отъ десяти рублевъ имѣютъ пожитка только до ста рублевъ, тіи бы носили сукна русскія крашеныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валеныя, хотя не валеныя, только бы были крашеныя, а не крашеныя носили бы работные люди и крестьяна“.

Такимъ образомъ, Посошковъ надѣется, „что чинъ отъ чина явенъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать“, и „что у всякаго чина денежныя истраты излишнія не будетъ“. За то Посошковъ желаетъ, чтобы богатые одѣвались роскошно: „У кого пожитку

на тысячу рублевъ есть, тотъ бы себя не ругалъ, но, благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристоинству своему. А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣютъ, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у инаго и ста рублевъ нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тотъ бы не тщеславился, но всякъ бы свою мѣрность зналъ. И аще у кого пожитку выше тысячи рублевъ, и онъ платье по своему достоинству противу своего клевретства носить не будетъ, и кто, вѣдая его пожитокъ, донесетъ о немъ, то всѣ его пожитки переписать, и аще явятся тысячи на двѣ или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себѣ того возжелалъ, а излишнее все, аще и выше того будетъ, взять на великаго государя, а доносителю изъ взятаго пожитку выдать десятая доля. А буде у кого по смѣтѣ явится ни съ большимъ на тысячу рублевъ, тому въ пеню не ставить; аще что другое или третіе явится излишняя, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишняя будетъ, то излишная пять сотъ или и больше взять на государя, а ему оставить тысячу рублевъ или сотъ пять-шесть. А кто выше своей мѣры платье себѣ сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинитъ ему наказаніе, чтобы впредь такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчали. И аще сіе дѣло не великое, а царственному обогащенію будетъ великая помога: никто излишняго тратить не будетъ“.

Такая склонность къ опекѣ и регламентаціи можетъ казаться странною; однако, не трудно доказать, что на этотъ счетъ Посошковъ раздѣлялъ убѣжденія многихъ современниковъ. Разумѣется, мелочность въ полицейскихъ распоряженіяхъ, предлагаемыхъ Посошковымъ, доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ хочетъ „во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобъ по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкамъ всѣ бы были знатны, кто какого званія есть“ [2]). Но все это не можетъ считаться новымъ. Въ Россіи допетровской по шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки и даже въ самыхъ колпакахъ—обыкновенной народной шап-

---

[1]) О скуд. и бог., 128—131.

[2]) О скуд. и бог., стр. 131—132.

кѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью носившаго шапку [1]). Вездѣ, гдѣ на сословныя отличія обращалось вниманіе, встрѣчались подобныя правила. Еще недавно у насъ только купцамъ первой гильдіи дозволялось ѣздить четвернею, тогда какъ купцы второй гильдіи не имѣли на то права. Въ древнемъ Вавилонѣ степень знатности обозначалась длиною посоха, носимаго каждымъ безъ исключенія. Указомъ короля Французскаго отъ 1294 года запрещалось всѣмъ лицамъ, имѣющимъ доходы ниже 6000 ливровъ, употреблять золотые или серебряные сосуды; горожане не имѣли права ѣздить въ экипажахъ; одни лишь герцоги, графы и бароны, имѣющіе 6000 ливровъ доходу, могли заказывать себѣ четыре одежды въ продолженіе года, однако не болѣе, остальные люди менѣе этого; число блюдъ въ каждомъ сословіи было опредѣлено [2]). Къ концу среднихъ вѣковъ въ Германіи дозволялось рыцарямъ носить золотыя вещи, тогда какъ употребленіе этого металла запрещалось оруженосцамъ; рыцари имѣли право носить одежду изъ камки, оруженосцы должны были употреблять другую матерію, а въ случаѣ дозволенія оруженосцамъ носить камку, употребленіе бархата было имъ запрещено. На сеймѣ въ Фрейбургѣ въ 1498 году дозволялось рыцарямъ, дворянамъ и докторамъ носить на шляпѣ двѣ унціи золота, не болѣе; остальнымъ было дозволено носить двѣ унціи серебра, не болѣе. Въ Венеціи и въ Феррарѣ женское платье въ XVI вѣкѣ не должно было стоить болѣе пятнадцати червонцевъ, женскій уборъ не болѣе пятидесяти червонцевъ. Крестьянки не имѣли права носить шелкъ, жемчугъ, золото и серебро; всѣмъ женщинамъ запрещалось имѣть шлейфъ длиннѣе полуаршина и т. д. [3]). Въ регламентѣ о платьяхъ, изданномъ въ Германской имперіи въ 1577 году, прямо сказано, что ограниченіе роскоши въ одеждахъ имѣетъ лишь цѣлью опредѣлить различіе между сословіями. Многіе примѣры доказываютъ, что всѣ эти остатки средневѣковыхъ нравовъ и воззрѣній уцѣлѣли и при всемъ просвѣщеніи позднѣйшихъ столѣтій. Въ Германіи въ 1699 г. лицъ, принадлежащихъ въ сословію прислуги, и не смотря на запрещенія, носившихъ кружева, позументы, шлейфы и т. д., приводили въ ратушу, гдѣ полицейскіе служители снимали съ нихъ эти предметы. Даже въ са-

---

[1]) *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа, стр. 71—72.

[2]) *Blanqui*, Histoire de l'écon. politique, I, 226.

[3]) *Henne-am Rhyn*, Kulturgeschichte der neueren Zeit, I, 594.

момъ концѣ XVIII вѣка въ Гильдесгеймѣ посадскимъ и крестьянскимъ людямъ было запрещено, подъ штрафомъ денежной пени пяти талеровъ, носить золото и серебро, бархатъ, шелкъ, кружева и ситецъ. Въ Саксоніи низшій классъ не имѣлъ права носить заграничное сукно и т. д. Во Франціи при открытіи собранія государственныхъ сословій въ 1789 г. депутаты трехъ сословій—дворянства, духовенства и третьяго сословія, рѣзко отличались другъ отъ друга костюмами.

Именно въ то время, когда писалъ Посошковъ, правительство въ Россіи считало своимъ правомъ и своею обязанностью заботиться о мелочахъ одежды частныхъ людей. Петръ Великій сперва, чтобы пріучить Русскихъ къ западнымъ обычаямъ, а позже—слѣдуя правиламъ меркантилизма, и наконецъ — съ цѣлью предохранять подданныхъ отъ лишнихъ денежныхъ тратъ издавалъ постоянно законы о платьѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году онъ приказалъ: „Позументовъ убавить, или и вовсе заказать, ибо въ обычай входить начало, что много носятъ, отъ чего не только убытокъ партикулярнымъ, но и государству, ибо Англичане богатѣе насъ, а позументовъ не носятъ“ [1]).

Посошковъ не былъ сторонникомъ западныхъ обычаевъ; онъ не носилъ нѣмецкаго платья; во многихъ мѣстахъ „Отеческаго Завѣщанія“ онъ ратуетъ противъ ношенія париковъ [2]). За то онъ вполнѣ сочувствовалъ Петру, какъ меркантилисту, былъ вообще сторонникомъ регламентаціи и опеки, и подобно ему, желалъ учить частныхъ людей вести домашнее хозяйство раціонально и бережливо.

Какъ религіозныя, такъ и общеэкономическія соображенія заставляютъ Посошкова ратовать противъ роскошной одежды монаховъ. Онъ находитъ, что „монахомъ шелковыя одежды носить неприлично, а сіе весьма непристойно, еже носятъ они рясы луданыя, атласныя и штофныя“; онъ сожалѣетъ, что „монахи по всей Россіи на всякій годъ тысячъ десятка по два-три въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная“ [3]).

---

1) См. *Соловьева*, Ист. Росс., XVI (изд. 2-е), стр. 203. Указы о платьѣ см. въ Полн. собр. зак. №№ 1598, 1741, 1887, 1999, 2015, 2075, 2874, 2929, 3127, 4041, 4256, и пр.

2) См. Отеч. зав., стр. 57, 149, 150, 161, 166.

3) О скуд. и бог., 132 и 133.

Писчая бумага.

Отчасти основываясь на правилахъ меркантилизма, отчасти проповѣдуя бережливость вообще, Посошковъ желаетъ убѣдить своихъ соотечественниковъ употреблять писчую бумагу осторожнѣе. Хотя уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ существовала въ Россіи писчебумажная фабрика [1]), но по большей части товаръ потреблялся заграничный, и вотъ экономистъ-патріотъ находитъ расточительность своихъ соотечественниковъ безумною. Уже въ „Отческомъ Завѣщаніи" онъ пишетъ, давая сыну на случай, что тотъ когда-нибудь сдѣлается „старымъ подъячимъ", разныя наставленія, между которыми встрѣчается и слѣдующее: „Указывай имъ (молодымъ подъячимъ), чтобы они писали мелкимъ и уписистымъ писмомъ, и словами не размѣтистыми, чтобы истраты лишніе бумаги не было, понеже отъ размѣтистаго писма изъ Руси тысячъ по десятку и по другому на кійждо годъ пропадаетъ богатства напрасно. А по моему мнѣнію не велми бы часто было, еже бы на страницѣ дестевой писать по сороку строкъ, а въ записныхъ книгахъ меньше бы пятидесяти строкъ отнюдь не надлежало писать, а по прямому разсужденію, не худо бы и въ шестьдесятъ строкъ въ записные книги писать. И аще тако обыкнутъ молодые подъячіе писать мелко и уписисто, то бумаги и половины у насъ въ Руси изходити уже не будетъ,—гдѣ было издержати по прежнему обыкновенію десять стопъ, а по сицевому манеру довлѣетъ и четырехъ стопъ. И егда мало на нее расходу будетъ, то и цѣны съ нее сбудетъ. Коя стопа покупаетця нынѣ по полтора рубли, а тогда и за рубль съ радостію будутъ отдавать. И облюдая лишную истрату бумаге, за молодыми подъячими смотри, чтобы они ни на какую бездѣлицу бѣлые бумаги не тратили. А буде у коего подъячего увидиши какіе бездѣлки пометные пишуща... то ты учини ему великое страхованіе, чтобы онъ въ предь бумаги и малаго лоскутка даромъ не тратилъ... и буде узриши кто колико бумаги на бездѣльные дѣла издержалъ: доправь на немъ десятерицею: и аще онъ не на государевой бумаги, но на свои денги купя тратилъ ее, то и тутъ безъ штрафованья не отпусти ему вины. А и самъ ты такой безъдѣлицы не чини, чтобы тебѣ бумага безъ надобные потребы тратить" и пр. [2]). Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" также говорится

---

[1]) *Kilburger*, Kurtzer Unterricht v. russ. Hndl, *Büschings Magazin*, III, 244.

[2]) См. Отеч. зав., стр. 212—213; ср. стр. 209.

объ этомъ же предметѣ: „И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ до пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а у насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло не велико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнію оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго письма и отъ небреженія тысячъ по десятку ни за одну деньгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ аще она и дома дѣлается, а и жители тамошніе богатѣе насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегутъ, и того ради они и богаты, что умѣютъ бережно жить. А мы наки сами не осмотримъ, и всякія вещи, не токмо изъ инаго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ. И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пищія бумаги напечатать листы, и у всѣхъ коллегій и у канцелярій тѣ листы прибить, дабы всѣ люди прочитали и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собираніе богатства царственнаго; аще вси люди будутъ жить бережно и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатиться“ [1]).

Лѣсъ.

Предлагая разныя мѣры въ отношеніи къ инородцамъ, Посошковъ во главѣ „о крестьянствѣ“ совѣтуетъ слѣдующее: „Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ великаго государя сказать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили. А и при степныхъ мѣстахъ молодаго лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а въ строеніе хоромное непригодное, и кое деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростетъ и будетъ толстиною въ заборинку, то тогда бы рубили на всякія домовыя потребы. А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засадетъ лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть вкругъ того лѣса по всябъ годы ока-

[1]) О скуд. и бог., 84 и 85.

шивали, чтобъ вешнею порой степной пожаръ къ нему не дошелъ и не выжегъ бы. Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, иные въ человѣка вышиною, а иные сажени и въ двѣ были, да всѣ погорѣли и пропали. Ащебъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстахъ лѣсабъ великіе были. Паки былъ я на Черни и Мценскѣ и видѣлъ тамъ, что рубятъ на дрова самый молодой лѣсъ толстиною въ гороховую тычину, и въ одинъ возъ срубятъ деревъ сто и больше, а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежитъ и стоячія деревье есть такое, что изъ одного дерева будетъ вововъ десять и больше. И пока старой лѣсъ было бъ подбирать, а тотъ бы молодежникъ подросъ и имъ же бы всѣмъ пригодился. А кая степь гораздо гола, и лѣса удалѣли, то тамошнія жители всякой бы къ своей деревнѣ занялъ десятинъ десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметалъ бы сѣменъ лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго и вязаго, и орѣховъ спѣлыхъ четверикъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣянный лѣсъ взойдетъ, отъ пожару бы берегли. И первый годъ надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть или въ семь съ плодомъ придутъ, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатѣютъ; на добрыхъ земляхъ вельми они плодовиты будутъ. И тако бы всякъ у своей деревни такъ устроилъ, то бы и лѣсомъ и орѣхами всѣ довольны были, хотя сперва и скучно покажется, а послѣ самимъ слюбится“ [1]).

Посошковъ, какъ видно, опередилъ своихъ современниковъ, преподавая въ этомъ мѣстѣ нѣкоторыя важнѣйшія начала раціональнаго лѣснаго хозяйства. Въ русской литературѣ до Посошкова нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ подобныхъ мыслей. Мало того: самъ Петръ смотрѣлъ на эти вопросы съ менѣе высокой точки зрѣнія, хотя и вполнѣ заслуживаетъ названія перваго лѣсовода въ Россіи.

До Петра не было издано никакого общаго постановленія о лѣсахъ, никакого памятника, который показывалъ бы заботу правителей о лѣсномъ хозяйствѣ. Всѣ путешественники прежнихъ столѣтій согласно говорятъ о лѣсистости Московскаго государства. По ихъ словамъ, вся Московія представляла почти одни лѣсныя пространства; близъ самой Москвы водились лоси и кабаны, и проѣзжая изъ Астрахани въ Москву, а потомъ черезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу, путешественники почти повсюду находили непрерывные лѣса,

---

[1]) О скуд. и бог., 177 и 178.

среди которыхъ изрѣдка встрѣчались разсѣянныя небольшія поселенія [1]). Тѣмъ болѣе достойно вниманія, что знаменитый Сербъ Юрій Крижаничъ въ составленномъ имъ спискѣ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ Россія нуждается, говоритъ и о „добромъ лѣсѣ ко граженію" [2]). Такой отзывъ Крижанича о недостаткѣ строеваго лѣса въ Россіи, быть можетъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Крижаничъ развѣ въ Галиціи, чрезъ которую онъ проѣзжалъ, или на берегахъ Босфора, гдѣ онъ находился когда-то, видѣлъ лучшіе лѣса. За то Крижаничъ, предлагавшій множество экономическо-полицейскихъ мѣръ, нигдѣ не даетъ какихъ-либо совѣтовъ для охраненія лѣсовъ, а развѣ только косвеннымъ образомъ, слегка, затрогиваетъ этотъ предметъ, говоря о приготовленіи поташу. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что „пепелъ приноситъ землѣ корысть", но что „при выжиганію пепела ея разоряетъ медовний урожай. За то треба есть преповѣдать, да никому не будетъ вольно пепела выжигать въ таковыхъ мѣстахъ, гдѣ ся пчелы ведутъ — безъ господарева допущенія. А на господаря пепелы выжигать въ Башкирехъ измѣнимыхъ, и на Подолью, и индѣ, гдѣ Русскимъ людемъ не будетъ убытка, колико будетъ зможно" [3]). Какъ видно, Крижаничъ желалъ ограничить приготовленіе поташа не ради сбереженія лѣсовъ, какъ желало этого правительство вскорѣ послѣ Петра [4]), а только ради охраненія пчеловодства.

Петру Великому былъ нуженъ лѣсъ для кораблестроенія, лѣсъ извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровый. Деревья, представляющія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельнаго лѣса [5]). Таково главное значеніе указовъ 1701 года „о неразчисткѣ лѣсовъ подъ пашню и сѣнные покосы за 30 верстъ отъ рѣкъ, удобныхъ къ сгонкѣ лѣсу" [6]); запрещенія 1703 года рубить заповѣдные лѣса, годные на корабельное строеніе, подъ страхомъ смертной каз-

---

[1]) См. статью *Зобова*, Петръ Великій, какъ первый лѣсоводъ въ Россіи, въ *Лѣсномъ журналѣ*, 1872, августъ, стр. 2.

[2]) Русск. госуд., I, 154.

[3]) Тамъ же, I, 44.

[4]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIX, 287.

[5]) *Зобовъ*, l. c., 3.

[6]) П. С. З., № 1845.

ни „безъ всякія пощады, кто бъ ни былъ" [1]); запрещеніе 1712 года рубить заповѣдные лѣса толщиною выше „пяти вершковъ" подъ страхомъ жестонаго наказанія и ссылки на каторгу въ вѣчную работу [2]). Такихъ указовъ было публиковано множество. Во всѣхъ говорится о строгомъ надзорѣ, о страшныхъ наказаніяхъ. Иногда такіе указы прибивались къ столбамъ въ деревняхъ, читались въ церквахъ „приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣденіемъ никто не отговаривался" [3]). Изъ нѣкоторыхъ грамотъ видно, что строгія наказанія были часто приводимы въ исполненіе [4]). Такъ какъ заповѣдныя пространства лѣсовъ не были ничѣмъ ограничены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, провести межи въ три сажени шириной и построить на нихъ, для страха, чрезъ каждыя 5 верстъ, по висѣлицѣ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостиннаго двора, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго воспретилъ всякую рубку; не смотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней; Петръ велѣлъ десятаго изъ виновныхъ повѣсить, а всѣхъ остальныхъ наказать кнутомъ; Екатерина упросила Петра не наказывать никого смертью, и наказаніе было смягчено: вмѣсто смерти пошла въ дѣло кнутъ, шпицрутены, каторга [5]). Не смотря однако на всю строгость, эти указы нарушались довольно часто [6]).

Однако, почти всѣ узаконенія Петра Великаго относительно лѣсовъ имѣютъ исходною точкою кораблестроеніе [7]). Лѣсъ важенъ былъ не самъ по себѣ, не какъ источникъ народнаго благосостоянія,—онъ нуженъ былъ государству для потребностей флота, для войны. Породы, необходимыя для этой цѣли, запрещено было рубить безусловно; остальныя же породы, не нужныя государству, предоставлялись

---

[1]) П. С. З., № 2017.

[2]) П. С. З., № 2607.

[3]) См. напримѣръ, П. С. З., № 3548.

[4]) Тамъ же, № 3509. *Веберъ*, Neuverändertes Russland, I, 458, жалуется на дороговизну дровъ въ столицѣ вслѣдствіе этихъ мѣръ.

[5]) *Шельгуновъ*, Исторія русскаго лѣснаго законодательства, стр. 57.

[6]) Какъ видно, напримѣръ, изъ № 3057.

[7]) Такіе указы въ П. С. З., №№ 2890, 2895, 3149, 3329, 3391, 3437, 3440, 3467, 3548, 3552, 3593, 3744, 3820, 3902, 3918, 3967, 4028, 4060, 4135, 4176, 4374, 4510, 4590, 4594.

въ общее достояніе, и право частной собственности на лѣса не признавалось. Выдѣливъ для себя, что нужно, а остальное отдавъ на волю всѣхъ, государство уже не заботилось о лѣсномъ хозяйствѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова [1]).

Посошковъ, стоя въ этомъ отношеніи выше Петра, является защитникомъ молодаго лѣса, между тѣмъ какъ Петръ обращаетъ вниманіе только на крупный лѣсъ, годный на кораблестроеніе. Петръ совѣтовалъ употреблять на дрова молодой лѣсъ; и даже такой молодой лѣсъ, который находился въ частныхъ имѣніяхъ, Петръ считалъ собственностью всѣхъ и каждаго, какъ это видно, напримѣръ, изъ указа, даннаго въ декабрѣ 1719 года, въ которомъ дозволено было всѣмъ и каждому рубить дрова въ чьихъ бы то ни было дачахъ, отъ рѣки Славянки по обѣ стороны Невы до Шлиссельбурга, а чтобы лѣсовладѣльцы не препятствовали рубщикамъ, то послѣднимъ велѣно было ѣздить въ лѣсъ компаніями, не меньше 20 человѣкъ; лѣсовладѣльцамъ же Петръ грозилъ взятіемъ данной имъ земли въ казну, если они въ дачи свои для рубки лѣсовъ и дровъ пускать не будутъ [2]).

Извѣстно, что приготовленіе лаптей наноситъ страшный вредъ липовымъ лѣсамъ. Въ Россіи еще въ настоящее время ежегодно дѣлается множество милліоновъ паръ лаптей. На каждую пару употребляется отъ двухъ до четырехъ молодыхъ деревъ, имѣющихъ вершокъ или полтора вершка толщины и около сажени вышины. Для каждаго крестьянина носящаго лапоть, уничтожается около 50—70 деревъ [3]). Такъ какъ и въ настоящее время понятіе о народно-экономическомъ вредѣ этого рода обуви еще весьма мало распространено въ Россіи, то мы не имѣемъ права удивляться тому, что Петръ Великій, столь строгій въ отношеніи къ корабельнымъ лѣсамъ, не подозрѣвалъ вреда въ истребленіи молодыхъ липъ для приготовленія лаптей. Въ указѣ января 1721 года,—значитъ около того самаго времени, когда Посошковъ писалъ о пользѣ охраненія молодаго лѣса, Петръ указалъ во всемъ государствѣ липовые лѣса рубить всякихъ чиновъ людямъ невозбранно и никому не запрещать рубить липовый лѣсъ и драть лыкъ на лапти; „отъ запрещенія“, говоритъ Петръ, „уѣзднымъ людямъ чинется разореніе“ [4]).

---

[1]) *Зобовъ*, l. c., 5.
[2]) См. П. С. З., № 3467.
[3]) *Горловъ*, Статистика Россіи, стр. 114, *Военно-статистическій сборникъ*.
[4]) П. С. З., № 3719.

Впрочемъ, встрѣчаются и такія распоряженія и указы Петра, изъ которыхъ видно, что онъ понималъ сбереженіе лѣсовъ не только ради пользы флота, но и ради сбереженія вообще. Такъ, напримѣръ, было приказано поташъ дѣлать изъ остаточнаго лѣсу, а именно изъ сучья [1]). Въ концѣ проекта о Петербургской академіи наукъ записано Петромъ: „Надобно изъ Голландіи вызвать мастеровъ, которые бы изъ старыхъ бочекъ умѣли дѣлать поташъ бережливо“ [2]). Изъ отрубковъ и суньевъ велѣно дѣлать пушечныя колеса, косяки, спицы, станки пушечные [3]). Далѣе было запрещено изъ сосноваго дерева дѣлать выдолбленные гробы, „а дѣлать хотя и сосновые только изъ досокъ сшивные, а долбленые и выдѣланые дѣлать гробы изъ еловыхъ и березовыхъ и ольховыхъ лѣсовъ“ [4]). Священникамъ строго запрещалось хоронить кого-либо въ дубовыхъ гробахъ, такъ какъ „дерево дубъ къ не потребнымъ и не нужнымъ дѣламъ рубить весьма запрещено“ [5]). Но и тутъ забота правительства относится только къ тѣмъ породамъ, которыя считались годными для кораблестроенія. За то въ „инструкціи оберъ-вальдмейстеру“ встрѣчаются нѣкоторыя правила, имѣющія народно-хозяйственное, общеполезное значеніе. Такъ напримѣръ, предписывается „дубъ срубя въ лѣсу растирать въ доски и брусья пилами, а не распиловавъ, изъ лѣса не вывозить,... гдѣ при заводахъ уже лѣсъ опустошенъ, то запустить изъ мелкаго, и пока выростетъ не рубить“, отия ни подъ какими деревьями не раскладывать и пр. [6]). Учрежденіе вальдмейстеровъ положило начало стройно организованной системѣ охраненія лѣсовъ, хотя только оберъ-форстмейстерская инструкція, данная при Павлѣ I, и можетъ считаться настоящимъ началомъ раціональнаго лѣсоводства въ Россіи. Къ тому же взгляды Петра на лѣсоводство не могли не имѣть вліянія на такихъ лицъ, которыя вообще были способны сдѣлаться его учениками. Такъ,

---

[1]) П. С. З., № 2672.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ, въ *Современникѣ*, 1847 г., III, ч. 54.

[3]) П. С. З., № 2913. См. письма Петра къ Салтыкову и Головину въ сочиненіи *Задлера*: Die geistige Hinterlassenschaft Peters des Grossen, стр. 106. Что касается до № 3903 въ П. С. З. о береженіи остатковъ кораблей, яхтъ и галеръ, то судя по тому, что этотъ указъ данъ воеводамъ Переяславскимъ, тутъ преобладали не столько экономическія, сколько историческія соображенія.

[4]) П. С. З., № 4158.

[5]) П. С. З., № 4377.

[6]) П. С. З., № 4379.

напримѣръ, Татищевъ заботился о сохраненіи лѣса; онъ запрещалъ сожигать сухую траву въ избѣжаніе лѣснаго пожара; чтобъ избѣжать траты лѣса на доски, предположили завести пильныя мельницы и выписали для нихъ мастеровъ изъ Казани [1].

Мы видѣли, какъ Посошковъ, не ограничиваясь совѣтами относительно сохраненія лѣса, предлагалъ даже сѣять лѣсъ. И Петръ Великій самъ выбралъ по Петергофской дорогѣ мѣсто въ 200 шаговъ длины и 50 ширины и засадилъ его дубками [2]). Впрочемъ Посошковъ, надѣясь на возможность разведенія лѣсовъ „въ степныхъ мѣстахъ", былъ уже чрезъ мѣру оптимистомъ. Степи, по мнѣнію знаменитѣйшихъ авторитетовъ, всегда были безлѣсными, и развѣ въ прежнее время существовали на краю степей большіе и болѣе частые лѣсные оазисы [3]). Вопросъ о возможности разведенія лѣсовъ въ степныхъ мѣстахъ по настоящее время остается открытымъ.

Принимая въ соображеніе, что раціональное лѣсное хозяйство въ Россіи начало развиваться только гораздо позже Посошкова, благодаря стараніямъ такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Паллась, Штеръ и др., — принимая въ соображеніе, что знаменитые путешественники временъ Екатерины II, какъ, напримѣръ, Гюльденштетъ, Лепехинъ и др., обратили вниманіе на тѣ же самые недостатки въ обращеніи населенія съ лѣсами, которые вызвали сужденія по этому предмету Посошкова, — принимая въ соображеніе, что даже на западѣ наука о раціональномъ лѣсоводствѣ развилась успѣшно лишь послѣ эпохи Посошкова, и что тамъ между простолюдинами и въ настоящее время недостаточно распространены правильныя понятія о благоразумномъ управленіи лѣсами [4]), — должно отдать полную справедливость „крестьянину села Покровскаго", что онъ въ своихъ краткихъ замѣткахъ, относящихся къ этому предмету, обнаруживаетъ мѣткость въ политико-экономическихъ сужденіяхъ и пониманіе важнѣйшихъ интересовъ общенароднаго хозяйства.

---

[1]) Еще Крижаничъ жаловался на неупотребленіе пилъ въ Россіи, см. Русск. Госуд., I, 51. О мѣрахъ Татищева см. статью *К. Н. Бестужева-Рюмина* въ журналѣ *Древняя и Новая Россія*, I, 14.

[2]) *Зобовъ*, l. c., 4.

[3]) См. соч. *Веселовскаго* «О климатѣ Россіи» главу о перемѣнѣ климата.

[4]) О весьма многочисленныхъ случаяхъ нарушенія правилъ лѣсной полиціи въ Германіи см. соч. *Рошера*: Nationalökonomie des Ackerbaues, и пр.

Орѣхи.

Посошковъ понималъ значеніе лѣса какъ народнаго капитала; онъ, такъ сказать, изъявилъ желаніе, чтобы потребители довольствовались процентами капитала, не нарушая цѣлости послѣдняго. Онъ имѣлъ понятіе о будущности и потому старался убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости сбереженія, терпѣливаго выжиданія, благоразумнаго обращенія съ богатыми дарами природы. Именно отъ лѣсовода должно ожидать такого понятія о будущности, которымъ отличается цивилизованный человѣкъ отъ дикаря. Дикарь утромъ готовъ за рюмку водки продать теплое одѣяло, забывая, что онъ вечеромъ того же дня будетъ нуждаться въ послѣднемъ. Стоящій на высокой степени культуры хозяинъ думаетъ не только о себѣ, но и о потомствѣ. Монтескье, желая характеризовать варварство, приводитъ примѣръ человѣка, который чтобы воспользоваться плодомъ дерева срубаетъ послѣднее. Палласъ жалуется на Крымскихъ Татаръ, которые для починки ничтожнаго колеса уничтожаютъ большія дерева. Посошковъ вѣрно судилъ о нерадѣніи и небрежности своихъ соотечественниковъ, прибавляя къ своему совѣту о разведеніи лѣсовъ: „сперва скучно покажется завести, а послѣ слюбится".

Соображенія Посошкова въ отношеніи къ орѣхамъ также хорошо характеризуютъ практическій умъ и раціональность образа мыслей его, какъ и неблагоразумное отношеніе къ этому предмету большинства народа. „И о орѣхахъ", говоритъ онъ,—„не худо бы учинить и заповѣдь, чтобъ никто прежде Семенова дня ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и аще гдѣ на угревинѣ и прежде Семена дня наполняется ядромъ, обаче прежде Семенова дни никто бъ не дерзалъ ихъ щипать, но и щипали бы послѣди Семенова дни въ то время, егда они будутъ сыпаться, и щипали бы согласясь и съ совѣту своего сотскаго, чтобы какъ семейнимъ, такъ и безсемейнимъ безобидно было. И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щиплютъ ихъ взахватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей отолживаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ; потому что было взять спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возьметъ, и тѣмъ царскаго величества интересу чинятъ уронъ; понеже спѣлыхъ четверикъ гривны по четыре и выше продаютъ, а зеленыхъ и за четверть того не даютъ. И гдѣ было за

спѣлые орѣхи пошлины взять рубль, а съ зеленыхъ и гривны не пріидетъ; а кто и скупитъ, не обрящетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ ѣды, ни въ нихъ масла. Только купцы орѣховники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; закрасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ пріемлютъ. Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибылица; понеже идутъ они во иныя земли, въ Персиду да въ Швеци и во иныя мѣста, а неспѣлые не за что гинутъ.... А буде кто учинится тому изложенію противенъ, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублевъ да его же высѣчь батогами. А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на государя; а кто ихъ привезъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ. А буде гораздо зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи высыпать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубь. А буде кто поймаетъ кого прежде Семена дни въ лѣсу или на дорогѣ или въ деревнѣ со свѣжими щипанными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егожъ высѣчь батогами, дабы впредь такъ не дѣлали" [1]).

Мы видимъ, что предложеніе Посошкова относительно орѣховъ нѣсколько сходно съ его предложеніями въ отношеніи къ сохраненію лѣса. Однако, предлагая мѣры противъ собиранія „недоспѣлыхъ" орѣховъ, Посошковъ опять обращаетъ вниманіе на финансовыя выгоды, не ограничиваясь одними народно-экономическими соображеніями. Говоря объ орѣхахъ какъ о предметѣ вывозной торговли, и сравнивая цѣнность „сырыхъ" орѣховъ съ цѣнностью спѣлыхъ, Посошковъ доказываетъ, что онъ умѣлъ цѣнить чувствительную потерю для народнаго хозяйства чрезъ неблагоразумное преждевременное собираніе плодовъ.

Рыба.

Весьма достойны вниманія предложенія Посошкова относительно рыбной ловли. „Подобнѣ", пишетъ онъ, „и рыбной ловлѣ надлежитъ учинить, чтобъ крестьяне отъ неразумѣнія своего царскому интересу тщеты не чинили; ибо въ коихъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода

[1]) О скуд. и бог., стр. 178—180.

нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мелкія рыбы не годствуетъ ловить. А крестьяне, не разумѣя снятоваго рода, вмѣсто снятковъ ловятъ молодую рыбу — щученокъ, ельцовъ и плотичекъ, а наипаче ловятъ недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣсто переводовать, но и самые зародышки рыбныя ловятъ, еже меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводятъ... И въ таковомъ несмысліи крестьянскомъ не токмо царской интересъ пропадаетъ, но и у ловцовъ тѣхъ прямая покормка пропадаетъ. И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголя: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того не выразумѣютъ: ни отъ чего иного плохъ сталъ быть ловъ, токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то же съ чего и большой быть... И аще Его Императорскому Величеству пораддѣть и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто, кромѣ самородныхъ снятковъ, недорослей рыбы не ловили, то вельми рыбы во озерахъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить сице: буде кто мелкихъ щученковъ или лещиковъ или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снятокъ, привезъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на государя и отдать солдатомъ или нищимъ по богадѣльнямъ; а кто привезъ, на томъ взять штрафъ за каждой четверикъ, по чему уложено будетъ; то однимъ годомъ сія статья утвердится, и никто недорослой рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прежде во всѣ городы послать указы, чтобъ отнюдь недорослой рыбы не ловили и неводовъ частыхъ, кромѣ снятовыхъ, не дѣлали, а на другое лѣто всѣхъ штрафовать за презрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто съ тою рыбою поймаетъ и приведетъ къ суду, то доправить на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій по изложенію; изъ того штрафа четвертую долю вынявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу ему жъ отдать; и за такимъ штрафомъ и про себя ловить не будутъ. И въ таковомъ установленіи годи въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою насытится. И аще тотъ уставъ и впредь не нарушится, то во вѣки вѣковъ не оскудѣетъ. И аще она при нынѣшней цѣнѣ вдвое или втрое дешевле будетъ, обаче въ пошлинномъ сборѣ будетъ десятерицею больше; потому что въ продажѣ рыбы будетъ великое множество“ [1]).

[1]) О скуд. и бог., стр. 180—182.

Этими разсужденіями Посошковъ затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ народнаго хозяйства въ Россіи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, онъ ужъ обращаетъ вниманіе на необходимость введенія раціональныхъ началъ въ рыболовство, — вопросъ, на который правительство обратило серьезное вниманіе только въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда состояніе русскаго рыболовства было подвергнуто тщательному изученію и вызвало изданіе нѣсколькихъ законоположеній. Можно удивляться, что аргументація, которую предлагаетъ Посошковъ, и которая во многихъ отношеніяхъ совпадаетъ съ мыслями знаменитаго нашего ученаго, знатока рыбоводства и рыболовства, К. М. Берга, является у насъ какъ бы рѣдкимъ исключеніемъ, и что законодательство для введенія раціональнаго устройства рыбной ловли началось такъ поздно. Впрочемъ и первые зачатки его относятся въ эпохѣ Петра Великаго. Еслибы развитіе такихъ мыслей и правительственныхъ мѣръ шло удачнѣе, рыбная ловля занимала бы гораздо болѣе видное мѣсто между народными промыслами въ Россіи; но и въ настоящее время она находится на той же степени развитія, на какой она находилась два-три столѣтія тому назадъ. А между тѣмъ Русскіе, какъ говоритъ г. Бэръ, имѣютъ столько же охоты къ рыболовству, сколько искусства въ этомъ промыслѣ. Оттѣснивъ прежнихъ жителей береговъ большихъ рѣкъ: Двины, Мезени, Печоры, Волги, Урала и проч., они заняли берега и всюду производили рыбную ловлю успѣшнѣе прежнихъ жителей. Каспійское море сдѣлалось de facto русскимъ моремъ больше рыболовною промышленностью народа, чѣмъ силою оружія. На крайнемъ сѣверѣ выборъ Русскими мѣстъ настоящаго жительства доказываетъ, что они предпочитали выгоднѣйшія мѣста для рыболовства и мореплаванія—устья рѣкъ и бухты—другимъ мѣстностямъ. Берега Чудскаго озера, заселенныя прежде, какъ показываетъ самое имя его, Финскими народами, нынѣ почти всѣ заняты русскимъ населеніемъ. Эсты производятъ рыбную ловлю худшими снарядами и съ меньшею настойчивостію, чѣмъ Русскіе, и кромѣ того меньше умѣютъ пользоваться путями сбыта. Далѣе, на морскомъ берегу Прибалтійскихъ губерній превосходство русскаго рыболовства ощутительно. Во время Сѣверной войны при Петрѣ Великомъ русскія войска, посланныя въ Германію, увидѣли много озеръ въ Восточной Пруссіи. И вотъ зимою 1721 года и въ слѣдующихъ

годахъ въ этомъ краѣ явились артели русскихъ рыбаковъ и занимались тамъ рыбною ловлею гораздо успѣшнѣе туземцевъ [1]).

Однако эти успѣхи Русскихъ тѣсно связаны съ тѣмъ неудобствомъ, на которое обращаетъ вниманіе Посошковъ. Русскій рыбакъ ловитъ рыбу безпощадно, не заботясь о будущемъ. Говоря вообще, рыбаковъ справедливо упрекаютъ за эту безпощадность, но она зависитъ отъ самого свойства этого промысла. Рыболовы только пользуются дарами природы, не дѣйствуя за одно съ ея производительною силой, и если тотъ или другой рыболовъ простираетъ успѣхъ своего промысла въ ущербъ ея производительной силѣ, то послѣдствія его поступковъ окажутъ свое дѣйствіе лишь чрезъ долгое время. Безпощадность такая встрѣчается и у рыбаковъ другихъ народовъ, напримѣръ, у шведскихъ — на берегу моря; но при неистощимости обилія рыбы въ морѣ безпощадное рыболовство совершенно естественно и не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. По озерамъ же и рѣкамъ, конечно, должно бы быть иначе, потому что вредныя слѣдствія здѣсь неизбѣжны. Между тѣмъ изъ рыболововъ материковыхъ странъ Европы русскіе рыбаки, вѣроятно, меньше всѣхъ другихъ стѣсняются мыслями о послѣдствіяхъ въ будущемъ, заботясь лишь о прибыли въ настоящемъ. На это обстоятельство жалуется Посошковъ, и оно же вызвало мѣры противъ русскихъ рыболововъ, явившихся, какъ выше упомянуто, въ Восточной Пруссіи. Въ этомъ краѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго появленія Русскихъ послѣдовало запрещеніе отдавать рыбныя ловли въ аренду иностранцамъ; такъ какъ было замѣчено, что арендаторы употребляютъ частыя сѣти, и потому выловленныя ими озера надобно оставлять на много лѣтъ въ покоѣ, чтобъ они впослѣдствіи опять могли доставлять значительный уловъ. Эти сѣти были, безъ всякаго сомнѣнія, такія же, какія донынѣ употребляются у насъ на Пейпусѣ и на другихъ озерахъ Прибалтійскаго края, равно какъ и въ большей части сѣверной Россіи; мѣшокъ (или мотня) вяжется въ нихъ такъ мелко, что 16 петель составляютъ только квадратный дюймъ [2]).

Борьба человѣка съ міромъ животныхъ за существованіе имѣла слѣдствіемъ совершенное истребленіе нѣкоторыхъ животныхъ, какъ

---

[1]) См. Матеріалы для исторіи рыболовства въ Россіи и въ принадлежащихъ ей моряхъ. Академика *Бэра* во II т. *Ученыхъ записокъ Имп. Ак. Н. по I-му и III-му отд.*, стр. 489—496.

[2]) См. Матеріалы ак. *Бэра*, стр. 496—497.

напримѣръ, пингвина (Alca impennis), птицы аодо, морской коровы. Другія животныя, какъ напримѣръ, зубры, лоси, бобры, каменные бараны, сдѣлались сравнительно рѣдкими. Главную долю въ истребленіи морской коровы или копустинки (Rhytnis) имѣли русскіе промышленники. Благодаря безпощадной и неутомимой дѣятельности Русскихъ даже въ отдаленномъ Беринговомъ морѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 27 лѣтъ (1741—1768) совершенно перевелся родъ сѣверныхъ морскихъ коровъ. Кажется, уже въ 1768 г. былъ убитъ послѣдній экземпляръ этого животнаго, жившаго въ морѣ и имѣвшаго по 200 пудовъ вѣсу [1]). Противъ такого образа дѣйствій ратуетъ Посошковъ.

До настоящаго времени весьма часто слышатся жалобы на уменьшеніе рыбы и на существованіе такихъ способовъ ловли, которые не только стѣсняютъ общую промышленность, но и служатъ къ истребленію рыбы въ самомъ ея зародышѣ. И на Волгѣ [2]), и въ Сибири [3]), и въ Чудскомъ озерѣ и въ другихъ мѣстахъ, благоразумные ловцы жалуются на безпощадно мелкій ловъ. Рыбаки думаютъ только о томъ, какъ бы поймать какъ можно больше рыбы. Изобиліе лосося въ Селенгѣ истощилось вслѣдствіе легкаго сбыта этой рыбы въ Иркутскъ [4]). Еще въ прошломъ столѣтіи число крестьянъ и мѣщанъ, приходившихъ на Чудское озеро, чтобы поселиться тамъ съ цѣлью производить въ немъ рыболовство, непрестанно возрастало. Но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія это стремленіе значительно ослабѣло; теперь же переселенія эти, можно сказать, совершенно прекратились. За то возростаетъ число тѣхъ, которые изъ прибрежныхъ селеній Чудскаго озера ищутъ себѣ работы и промысловъ на сторонѣ. Въ рыболовныхъ деревняхъ около Чудскаго озера, еще лѣтъ за тридцать тому назадъ, строились очень хорошіе каменные дома, чего теперь уже не бываетъ [5]). Причину такого упадка должно видѣть въ тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, на которыя жалуется Посошковъ: это именно употребленіе чрезвычайно мел-

---

[1]) Etwas uber Fische und Fischereien von *K. E.* von *Baer*. St.-Petersburg, 1865 (изъ Мѣсяцеслова на 1866), стр. 6—8. Странно, что Шторхъ въ своемъ сочиненіи Historisch-statistisches Gemälde, II, 119, говоря въ самомъ концѣ столѣтія, объ этомъ животномъ, не упоминаетъ объ истребленіи его.

[2]) Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. министер. госуд. имущ. С.-Пб. 1860, II, стр. 40.

[3]) *A. v. Middendorff's* Sibirische Reise, Bd. VI, т. 2, стр. 1362.

[4]) Тамъ же, стр. 1362.

[5]) См. Изслѣдованіе о рыболовствѣ, I стр. 4, а также стр. 39, — о значительномъ уменьшеніи улова въ Чудскомъ озерѣ съ XVI вѣка.

кихъ ячей въ мотнѣ, умышленный ловъ приплода. Въ Чудскомъ озерѣ еще недавно многіе рыбаки употребляли сѣти изъ простаго холста и тѣмъ уничтожали молодой приплодъ. Поэтому и Посошковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и правительство въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія считали необходимыми полицейскія мѣры для предохраненія рыбы отъ совершеннаго истребленія, а именно ограниченіе лова рыбы опредѣленіемъ извѣстнаго для того времени года, назначеніе мѣры ячей въ рыболовныхъ сѣтяхъ и учрежденіе строгаго за рыболовствомъ надзора.

Значеніе такого надзора доказывается примѣромъ Рейна. Рѣка эта считалась весьма рыбною, пока существовалъ строгій надсмотръ почти вдоль всего ея теченія. Во время французской революціи учрежденіе это было уничтожено, какъ стѣсняющее личную свободу. Каждый получилъ право ловить, какъ онъ заблагоразсудитъ. Но эта неограниченная свобода повела лишь къ тому, что много рыболовныхъ заведеній совершенно рушились. Все это видно изъ печатныхъ безпристрастныхъ отчетовъ [1]). Германскіе народы, по замѣчанію Бэра, съ давнихъ поръ дѣйствовали гораздо осмотрительнѣе Русскихъ. У нихъ уже весьма рано явились законы, предписывавшіе бережливость въ ловѣ рыбы. Въ 1030 году шотландскіе бароны постановили законъ, которымъ запрещалось ловить выводковъ лососи, и самый ловъ большихъ лососей ограниченъ былъ опредѣленною порою. Подобный законъ явился въ 1285 году и въ Англіи. Въ XIV вѣкѣ законы о бережливомъ рыболовствѣ быстро слѣдовали одинъ за другимъ во Франціи. Запрещалось употреблять мелкія сѣти, чтобы не вылавливать мелкой рыбы (1312 г.). Въ постановленіяхъ Карла Великаго даже говорится о „pisciuaria manufacta“; подъ этимъ выраженіемъ можно разумѣть только искусственные пруды. Между постановленіями Тевтонскаго ордена встрѣчается запрещеніе употребленія рыболовнаго снаряда, такъ называемаго „niewat“ („nevod“, „nywod“) очевидно — потому, что имъ вылавливалась и крупная и мелкая рыба, и что онъ, вѣроятно, былъ похожъ на волоковый снарядъ того же названія, употребляемый нынѣ въ сѣверной Россіи и т. д. [2]). Не

---

[1]) Изслѣдованія о сост. рыбол., II, стр. 66.

[2]) См. Materialien zu eine Geschichte des Fischfanges in Russland. Von akademiker *Baer*, стр. 36 — 39, или русск. изд. l. c., 503 — 506, 517. Старинный нѣмецкій законъ запрещаетъ всякій стукъ и шумъ отъ ударовъ палками, металами во время метанія икры.

смотря на такія мѣры и на западѣ давно почувствовалась сильная убыль въ запасахъ рыбы, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра. Еще полторасто лѣтъ тому назадъ въ Германіи лососина была такъ дешева, что прислуга, нанимаясь, выговаривала себѣ условіе получать это блюдо не чаще трехъ разъ въ недѣлю [1]). Въ настоящее же время рыбныя блюда обыкновенно считаются предметами роскоши.

Мы видѣли, что Посошковъ въ отношеніи къ вопросу о сбереженіи лѣсовъ стоялъ выше Петра. То же самое можно сказать о мнѣніяхъ, выраженныхъ Посошковымъ относительно сбереженія рыбы. Въ Россіи, какъ мы уже сказали законодательство на этотъ счетъ развивалось весьма медленно. До Петра Великаго нѣтъ никакого слѣда заботъ поддержать неистощимость воднаго богатства. Древнѣйшій сводъ законовъ Ярослава I, дополненный Владиміромъ Мономахомъ, Русская Правда, такъ коротка и такъ исключительно направлена къ огражденію правъ лицъ и собственности, что въ ней нельзя и ожидать такихъ постановленій. Въ Судебникѣ Іоанна IV ничего не сказано о рыболовствѣ. Между тѣмъ право собственности на рыбныя ловли уже образовалось, и рыба, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, перестала быть ничьею собственностью, res nullius какъ выражается римское право. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича нѣсколько разъ говорится о правѣ на рыбныя ловли и объ откупѣ водъ; но сбереженіе рыбы въ водахъ еще не принимается въ соображеніе: развѣ понять въ этомъ смыслѣ запрещеніе ловить въ чужихъ водахъ, чѣмъ, очевидно, впрочемъ ограждалось только право собственности. Таковы же были всѣ слѣдующіе указы до 1704 года. Началомъ законодательства съ цѣлью сохраненія рыбы можетъ считаться указъ 8-го января 1704 г. Тутъ впрочемъ главнымъ образомъ имѣется въ виду умноженіе государственныхъ доходовъ отъ рыболовства. Этимъ указомъ предписывалось всѣ рыбныя ловли у частныхъ людей и во владѣніи монастырей отдавать на откупъ отъ казны; для этого повелѣно было сдѣлать имъ описи и оцѣнки. Въ этомъ указѣ въ первый разъ является мысль о сбереженіи рыбы, или по крайней мѣрѣ о полезномъ и напрасномъ ея уловѣ. Тамъ сказано между прочимъ: „И строить тое рыбу съ тѣхъ рыбныхъ ловель по прежнимъ обыклостямъ, чтобъ никакими мѣрами той рыбѣ отнюдь никакой траты не было“; а въ концѣ указа слѣдуетъ запрещеніе: „чтобъ впредь самоловами рыбы ни гдѣ ни кто отнюдь не ловили, для того, что

[1]) *Roscher*, Ansichten der Volkswirthschaft—Ueber den Luxus.

за такими снастями рыбѣ и мелкой, а не только что великой, вверхъ пройтить не возможно, и за тѣмъ въ верховьѣ рыбѣ бываетъ оскудѣніе, а въ Низовыхъ городахъ мелкая рыба всегда пропадаетъ даромъ; а будетъ кто станетъ ловить, и тѣмъ людямъ бить въ жестокомъ наказаньѣ безо всякія пощады и въ ссылкѣ на каторгу" [1]). Самоловомъ называется снарядъ, состоящій изъ длинной веревки, по длинѣ которой, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, идетъ множество тонкихъ и недлинныхъ нитей съ острыми крючками на концахъ. Но на эти крючки не насаживается приманка, какъ на обыкновенныя удочки: ихъ острія сами собою вонзаются въ рыбу, когда она, пробѣгая мимо задѣваетъ ихъ [2]). Правительство однако не особенно серьезно думало о сбереженіи рыбы и скорѣе заботилось о своихъ финансовыхъ выгодахъ, какъ видно изъ указа 1-го января 1705 года, въ которомъ употребленіе самоловов разрѣшено арендаторамъ, если они прибавятъ къ арендной суммѣ особенную плату. Тутъ также говорится о вредѣ самолововъ, не дающихъ пройдти вверхъ ни крупной рыбѣ, ни мелкой, и имѣющихъ слѣдствіемъ „оскудѣніе рыбѣ въ верховьѣ, а въ низовыхъ городахъ мелкая рыба всегда пропадаетъ даромъ"; но вообще не употребленіе самолововъ, а лишь снарядовъ такихъ „безъ наддачь" считается преступленіемъ, за которое виновнымъ грозятъ жестокимъ наказаніемъ безъ всякой пощады, ссылкою на каторгу и проч. [3]). Очевидно, тутъ правительство жертвовало народно-экономическими выгодами для интересовъ казны Другихъ слѣдовъ такой мысли о сбереженіи рыбы мы не нашли въ законодательствѣ Петра Великаго [4]).

Тѣмъ достойнѣе вниманія намъ кажется то обстоятельство, что наблюденія и предложенія Посошкова во многихъ отношеніяхъ совершенно сходны съ новѣйшими результатами науки и законодательствомъ новѣйшаго времени. Укажемъ на нѣкоторыя черты такого сходства. Посошковъ считаетъ вредною ловлю мелкихъ рыбъ особенно

---

[1]) П. С. З., № 1956.

[2]) Матеріалы *Бэра*, стр. 499.

[3]) П. С. З., № 2007. Въ указахъ, относящихся къ ловлѣ другихъ животныхъ также не замѣтна точка зрѣнія бережливости въ пользованіи дарами природы, см. напримѣръ, распоряженіе относительно ловли лосей въ П. С. З., № 2799, или инструкцію о ловлѣ птицъ около Астрахани въ П. С. З., № 3185.

[4]) Шторхъ, въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, l. c., II, 163, говоритъ о вредѣ употребленія сѣтей съ мелкими ячеями въ Чудскомъ озерѣ; но правительство не принимало никакихъ мѣръ противъ этого зла.

въ такихъ водахъ. гдѣ нѣтъ „снятоваго рода“; а изъ замѣчанія его, что крестьяне не различаютъ снятковъ отъ другихъ рыбъ, видно, что ловля мелкихъ снятковъ, по его мнѣнію, не можетъ считаться особенно вредною. Подобно тому и г. Бэръ на основаніи спеціальныхъ и продолжительныхъ наблюденій на Чудскомъ озерѣ доказалъ, что хотя съ одного острова Талапска (на Чудскомъ озерѣ) ежегодно отправляется около 5000 милліоновъ штукъ сушеныхъ снятковъ, количество этой рыбы въ озерѣ не только не уменьшилось, а даже умножилось въ продолженіе времени [1]).

Посошковъ ратуетъ противъ ловли молодыхъ щучекъ, язиковъ, плотичекъ, окуньковъ не „перегодовавшихъ“. И г. Бэръ выразилъ мнѣніе, что не слѣдуетъ ловить рыбы до метанія ею хотя бы и разъ только икры [2]). И Посошковъ, и г. Бэръ занимались тщательнымъ счетомъ мелкихъ рыбъ. Посошковъ насчитываетъ въ одной ложкѣ 88 „рыбеночковъ“, а г. Бэръ нашелъ, что въ одномъ фунтѣ сушеныхъ снятковъ находится среднимъ числомъ 840 штукъ. Посошковъ находитъ не разумнымъ, что рыбаки жалуются: плохъ-де ловъ сталъ быть рыбѣ, „а ни отъ чего иного плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть“. Г. Бэръ, доказывая, что ощущается убыль крупной рыбы, замѣчаетъ, что рыбаки пожелали бы лучше всего словить сразу весь запасъ рыбы, не понимая, что если запасъ не долженъ истощиться, не слѣдуетъ брать болѣе годоваго производства рыбы [3]).

И г. Бэръ, и Посошковъ, признавая ловлю молодыхъ снятковъ менѣе вредною, оба говорятъ, что все-таки не слѣдуетъ ловить слишкомъ мелкихъ снятковъ [4]). Посошковъ называетъ такую ловлю „несмысленною“, „безпутною“; Бэръ замѣчаетъ, что рыбаки дѣлаютъ все возможное для уничтоженія запасовъ рыбы въ водѣ [5]). Посошковъ надѣется, что запрещеніе ловить „недорослой рыбы“ будетъ тотчасъ же имѣть слѣдствіемъ, что „вельми рыбы въ озерахъ и въ рѣкахъ умножится“. Въ одномъ изъ отчетовъ Бэра указывается на то обстоятельство, что когда закономъ 1846 года ограничили отчасти ловлю рыбы около Астрахани, то уловъ судака до того улучшился

---

[1]) См. статью въ Мѣсяцесловѣ на 1866 годъ, стр. 31 и 32.

[2]) См. статью *Бэра* въ Мѣсяцесловѣ на 1866 г., стр. 26.

[3]) См. статью *Бэра* въ Мѣсяцословѣ на 1866 годъ, стр. 31, 37.

[4]) *Baer*, l. c. 31.

[5]) *Baer*, l. c. 34.

что въ два слѣдующіе года онъ былъ значительнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ двухлѣтіи отъ 1832 до 1846 года [1]). Посошковъ надѣется, что „въ таковомъ установленіи (штрафовъ за ловлю молодыхъ рыбъ) годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою насытится“. Новѣйшая наука занималась точнымъ изслѣдованіемъ числа икрянокъ въ каждой рыбѣ и доказала, что еслибы всѣ икрянки могли достигнуть, совершеннаго развитія, чрезъ нѣсколько лѣтъ всякое водохранилище и даже самое море должны бы были переполниться рыбою [2]).

Рыболовный уставъ, нѣкоторыя постановленія котораго предлагаются Посошковымъ, также весьма сходенъ съ Высочайше утвержденными 23-го ноября 1859 года правилами объ ограниченіи лова рыбъ въ Псковскомъ и Чудскомъ озерахъ, денежные штрафы, предлагаемые въ проектѣ положенія объ устройствѣ рыбной ловли на Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ, встрѣчаются и въ предложеніяхъ Посошкова. И здѣсь, и тамъ предлагается вознагражденіе доносчика и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали при поимкѣ виновнаго [3]). Разумѣется, успѣхи науки, спеціальность наблюденія, геніальность и ученый тактъ г. Бэра дали ему возможность указать на множество обстоятельствъ, о которыхъ вовсе не упомянуто Посошковымъ. Сюда относится положеніе, что истощеніе рыбныхъ запасовъ въ морѣ далеко не столько вѣроятно или даже почти невозможно, и что поэтому нѣтъ надобности въ томъ строгомъ полицейскомъ надзорѣ надъ морскимъ рыболовствомъ, въ какомъ нуждается рыбная ловля въ рѣкахъ и озерахъ; сюда относятся разсужденія о значеніи растеній, находящихся близъ рыбныхъ ловель для сохраненія запасовъ рыбы, также доказательства, что извѣстныя измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ оказать еще болѣе вредное вліяніе на запасы рыбы, чѣмъ „несмысленная“ или „безпутная“ ловля „сеголѣтокъ“. Тѣмъ не менѣе тѣ отрывочныя замѣчанія у Посошкова, которыя относятся къ рыболовству, показываютъ въ немъ необыкновенную способность къ наблюденіямъ, пониманіе главныхъ техническихъ началъ дѣла и правильный взглядъ на общее народно-экономическое значеніе этого вопроса.

---

[1]) Изслѣдованія о состояніи рыболовства, II. 39.
[2]) *Бэръ*, въ Изслѣдов. о сост. рыбол., I, 25.
[3]) См. подобныя правила въ шведскомъ регламентѣ 1852 г. въ Изслѣдованіи о сост. рыбол., I, 82—88., стр. 69 и 70.

И въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ затрогиваются политико-экономическіе вопросы, отчасти тѣ самые, какіе обсуждаются въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. Однако назидательный характеръ сочиненія, писаннаго для сына Посошкова, преобладаетъ и въ разсмотрѣніи чисто свѣтскихъ отношеній. Въ каждомъ предметѣ указывается на его религіозную сторону. Нравственныя обязанности человѣка стоятъ у автора „Завѣщанія“ на первомъ планѣ. Такъ, напримѣръ, въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ говорится о сохраненіи лѣса въ слѣдующемъ тонѣ: „Вѣждь яко не безъ грѣха есть еже безъ потребы древеса растущіи посѣкати, или ломати: но аще восхощеши ради каковые себѣ забавы сломити древцо, и ты тыя вѣтви ломай, кіи побочные сучцы, или отрасли: и то есть яко у птицы дѣти, а самые матки, то есть средины, кая прямо вверхъ возростаетъ, яко матки у дѣтокъ не отъемли, не сломи его безъ потребы, и возраста его не пресѣщай,—егда бо оно возрастетъ, тогда оно будетъ на потребу человѣку. Егда же и на прямую потребу будеши съсѣкати: аще на дрова, то ты такой лѣсъ и сѣцы, которой къ строенію непотребенъ, а угоднаго лѣса къ строенію нѣкогда тебѣ же, или твоему брату годиться, а аще доброе древо, которое годно на строеніе, а ты съсѣчеши его на сожженіе, то ты своему брату сотвориши обиду“ [1]).

Смыслъ такого наставленія сходенъ съ ученіемъ о сбереженіи лѣса въ позднѣйшемъ сочиненіи Посошкова. Точка зрѣнія однако совершенно иная, я именно духовная. Таковы же и другія наставленія, въ родѣ того, что сынъ, ѣздя верхомъ, и курицу, и пса на дорогѣ не долженъ тѣснить, что сынъ „своею ѣздою насѣявшему ниву, великую обиду учинитъ, егда бо конь на кое мѣсто ступитъ“ [2]) и т. п: Побужденіемъ для такого сбереженія служитъ не экономическая польза, а мысль о томъ, что курица или песъ—„тварь Божія“, и что „Богъ насадилъ древеса на потребу человѣкомъ, а не на ругапіе, ни на играніе, и Богъ восрастилъ многими лѣты: а ты его въ едину минуту съсѣчеши или сломиши безъ потребы, то ты самъ себѣ помысли: можеши ли ты его сотворити, а аще чего не можеши сотворити, то не требѣ ти того и губити“. Авторитетомъ для такихъ соображеній въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ служатъ многія постановленія Ветхаго Завѣта, между тѣмъ какъ аргументація на счетъ этихъ самыхъ во-

[1]) Отеч. Зав., 18.
[2]) От. Зав., 16, 18.

просовъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ построена на соображеніяхъ чуждыхъ религіи.

Такая же разница между обоими сочиненіями одного и того же автора бросается въ глаза и въ отношеніи къ другимъ вопросамъ—о солидности и честности въ промышленныхъ предпріятіяхъ, о значеніи постояннаго капитала, обусловливающаго извѣстнаго рода сбереженіе. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи“, въ главѣ „о художествѣ“ отецъ наставляетъ сына, какъ онъ долженъ поступать въ качествѣ ремесленника. Будетъ ли онъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, онъ долженъ свое дѣло дѣлать „безъ всякаго фальшиства“, то-есть, онъ не долженъ примѣшивать мѣди или „плохова серебра“ къ золоту и т. п. Затѣмъ говорится: „И аще будеши оружейнымъ мастеромъ, то на ружье отбирай самое желѣзо мягкое и чистое, чтобы и неплънасто (sic) было, и чтобы внутри ствола не проварки и малыя бы не было, потому что отъ того чинятъца великія бѣды . . . понеже за плохость желѣза и за невыварку много ружья разрываетъ и держащихъ е самихъ убиваетъ . . . Государь взыщетъ убитаго на тебѣ же и за плохость мастерства, и за неразсмотрѣніе въ желѣзѣ подпадеши смерти“ и пр. [1]).

Совсѣмъ иначе объ этомъ же предметѣ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ говорится о кораблестроеніи слѣдующее: „Лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинятъ кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатые; и аще и одинъ брусъ въ коемъораблѣ въ причинномъ мѣстѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубитъ, а если въ коемъ кораблѣ брусовъ десятокъ-другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ трапореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостиннаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче военные люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ дряблаго дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятеля всѣхъ погубитъ. На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самый добрый и здоровый зеленецъ, а кое дерево, видится аще и здорово, а отъ древности оно покраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ класть, того ради что и оно непрочно; а которое дерево начало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, никуда негодно. А видѣлъ я въ

[1]) Отеч. Зав., 187—188.

Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо не умѣть, но ломится кусьемъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщеплишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое, и такого деревья ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить. И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ боятьса; потому что корабль со всѣмъ уборомъ станетъ, чаю, тысячъ въ сотницу, а отъ небольшихъ трапореховатыхъ деревъ пропадешь, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужъ еще и людей въ себѣ множество погубитъ". Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя техническія замѣчанія о тѣхъ свойствахъ, которыя долженъ имѣть дубъ годный къ кораблестроенію, о способѣ контроля при рубкѣ лѣса для этой цѣли, о наказаніяхъ за неисправность въ такихъ случаяхъ и т. п. При этомъ экономическая точка зрѣнія преобладаетъ: часто встрѣчаются цифры: „корабль изъ здороваго дуба лучше двадцати трапореховатыхъ"; корабль изъ здороваго дерева „жить можетъ лѣтъ пятьдесятъ и больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа, и казна вся въ немъ посоренная даромъ пропадетъ". Затѣмъ Посошковъ разказываетъ нѣкоторые случаи нарушенія экономическихъ интересовъ казны и народа чрезъ непрочность матеріала или несолидность работы и въ заключеніе предлагаетъ разныя мѣры, надзоръ и наказанія, для устраненія такой „пакости".

Посошковъ такимъ образомъ является обличителемъ зла глубоко вкоренившагося. Онъ стоитъ за честность, за солидность; какъ горячій патріотъ, онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на расточительность гибельную для народнаго богатства, на лишнюю трату капиталовъ, времени и труда. Онъ находитъ, что работа при обыкновенной организаціи ея идетъ дурно. О работникахъ на верфяхъ въ Петербургѣ онъ говоритъ, что „работы ихъ видѣть нечего и смотрѣть ихъ на ту работу моркотно: потому что гонятъ день къ вечеру, а не работу въ отдѣлкѣ". Онъ жалѣетъ объ экономическихъ потеряхъ вслѣдствіе несолидности употребляемаго на разные предметы матеріала. Онъ обвиняетъ многихъ, въ томъ числѣ иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, въ сребролюбіи, въ недобросовѣстной эксплоатаціи казны, въ совершенномъ невниманіи къ интересамъ народнаго богатства. Онъ чувствуетъ, что подвергнетъ себя страшной опасности такимъ обличеніемъ. „И о семъ моемъ изъявленіи" пишетъ онъ,—„они, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдаютъ о мнѣ, что не на похвальбу имъ написалъ, всячески будутъ тщатися, како бы меня

сировренци". И въ другомъ мѣстѣ: „Страшенъ ми сей глаголъ, что дерзнулъ о такомъ великомъ дѣлѣ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія или прибытка желаю себѣ, но токмо ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себѣ понести, нежели видя что не полезно, умолчати" [1]).

Таковы мысли Посошкова относительно народнаго богатства вообще, относительно труда, сбереженія и нѣкоторыхъ началъ общественнаго и государственнаго экономическаго быта.

II.

Мысли Посошкова о торговлѣ и промышленности.

О торговлѣ и промышленности Посошковъ говоритъ подробнѣе лишь въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Труды его, писанные до „Отеческаго Завѣщанія", или имѣли содержаніемъ духовныя, церковныя дѣла, какъ, напримѣръ, „Зерцало" и донесенія Стефану Яворскому, или же касались спеціальныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о войскѣ или о монетномъ дѣлѣ. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи" говорится о будущей карьерѣ сына, который могъ сдѣлаться или архіереемъ, или монахомъ, или солдатомъ, или офицеромъ и пр. О каждомъ родѣ дѣятельности встрѣчаются поэтому нѣкоторыя замѣчанія. Такъ двѣ, впрочемъ весьма краткія статьи въ главѣ „о гражданскомъ житіи" посвящены вопросамъ „о художествѣ" и „о купечествѣ" [2]). Гораздо подробнѣе объ этихъ предметахъ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ которомъ двѣ довольно обширныя главы „о купечествѣ" и „о художествѣ" заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе приведенныя въ систему понятія Посошкова относительно этихъ важныхъ отраслей экономическаго быта Россіи [3]).

Посошковъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнюю торговлю, на отношенія Россіи къ иностранцамъ. Этимъ путемъ онъ приходитъ къ главнымъ началамъ меркантилизма. Два явленія, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ объясняютъ такое направленіе мыслей Посошкова: вопервыхъ, ходъ развитія русской торговли съ половины XVI-го вѣка до эпохи Петра, давшій громадное значеніе иноземцамъ

---

[1]) О скуд. и бог. 210—216.

[2]) См. «Отеч. Зав.», стр. 185—192.

[3]) О скуд. и бог., стр. 112—154.

въ внѣшней торговлѣ Россіи; вовторыхъ, то обстоятельство, что Петръ Великій, слѣдуя примѣру другихъ правительствъ, а также согласно съ прочими началами своей политической системы, былъ меркантилистомъ. Посошковъ, совсѣмъ незнакомый съ экономическою литературою запада, въ которой преобладала тогда теорія меркантилизма, находился такимъ образомъ подъ вліяніемъ преданія, господствовавшаго въ среднемъ классѣ русскаго общества, относившагося враждебно къ иностранцамъ, подъ вліяніемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ Петра, старавшагося развить національную промышленность и этимъ самымъ сдѣлать Россію независимою отъ запада.

Значеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленности.

Примѣры пребыванія въ Россіи купцовъ и ремесленниковъ-иностранцевъ не слишкомъ многочисленны до XV вѣка. При Іоаннѣ III были приглашены изъ Венеціи разные „мастера". Начали пріѣзжать архитекторы, типографщики, рудознатцы, оружейные мастера и другіе ремесленники. Мало по малу множество иностранцевъ стало поступать въ русскую службу. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ войскѣ, и въ посольскомъ приказѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась торговля, вездѣ, гдѣ можно было устроить какое-либо выгодное промышленное предпріятіе. Часто соперничество, состязаніе иноземцевъ становилось гибельнымъ для Русскихъ, которые не были въ состояніи „стянуть" съ болѣе опытными въ дѣлахъ и многостороннѣе образованными представителями западной цивилизаціи.

Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Англичане открыли себѣ путь въ Бѣлое море, съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи была основана *„компанія для торговли съ Россіей, Персіей и сѣверными странами"*, иностранцы не переставали составлять проекты для извлеченія наибольшей пользы изъ коммерческихъ и торговыхъ предпріятій въ Россіи. Уже до этого явился смѣлый путешественникъ, искатель восточнаго пути, генуэзскій капитанъ Павелъ, желавшій при Василіѣ Ивановичѣ устроить торговую связь чрезъ Москву, Астрахань, Астрабадъ съ Индіей. Однако, такъ какъ планъ его не встрѣтилъ поддержки въ Москвѣ, то предположенія его остались безъ исполненія [1]). Англичанинъ Дженкинсонъ при Іоаннѣ Грозномъ предложилъ царю открыть торговую дорогу съ Китаемъ чрезъ Бухарію, а затѣмъ

[1]) *Starczewski* I. P. Jovii de legatione Moscovitica, 3 и 4.

проектъ торговли съ Персіей [1]). При царѣ Михаилѣ явилось множество подобныхъ проектовъ. Англійскій купецъ Джонъ Merикъ просилъ отъ имени короля Якова I, чтобы государь далъ англійскимъ купцамъ повольную торговлю и открылъ имъ путь въ Персію по Волгѣ. Отказали. Далѣе Англичане надѣялись „Обью рѣкою найдти путь въ Индію"; просили позволенія эксплоатировать желѣзныя и оловянныя руды на рѣкѣ Сухонѣ, устроить земледѣльческія колоніи около Вологды, тамъ же завести фабрики, брать алебастръ, находящійся въ 150 верстахъ отъ Холмогоръ, и пр. [2]). Французскій посланникъ де-Курмененъ просилъ для Французовъ права безпошлинной торговли съ Персіей. Голландцы просили права торговли въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и также, какъ Англичане, мечтали-было объ учрежденіи въ Россіи земледѣльческихъ колоній. Датчане требовали дозволенія устройства въ Россіи датскаго консулата и просили дороги датскимъ купцамъ въ Персію. Съ Голштиніей наконецъ заключенъ былъ договоръ на счетъ персидской торговли, хотя и это дѣло впослѣдствіи не имѣло успѣха [3]).

Хотя русское правительство и не соглашалось на всѣ эти требованія иностранцевъ, но все таки мало по малу они получили главное значеніе въ торговлѣ и промышленности Россіи, пріобрѣли множество правъ, завели свои конторы во многихъ городахъ, держали русскихъ работниковъ и захватывали важнѣйшіе торговые пункты въ Россіи.

Въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицахъ иноземцы находили покровителей. Часто они дѣйствовали подкупомъ, посулами. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ Англичанъ и благопріятель Нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ, сказалъ, по случаю кончины Іоанна Грознаго, англійскому послу: „Англійскій царь умеръ" [4]). Англія имѣла обширные виды политическаго преобладанія въ Россіи. Русскіе купцы видя, что иноземцы подчиняютъ ихъ себѣ, и что выгоды ихъ начинаютъ зависѣть отъ чужеземцевъ, роптали. Во время царствованія королевы Елизаветы Англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой важной будущности, какъ въ Россіи. Пользуясь многими правами, обладая свѣдѣніями, отличаясь ловкостью и опытностью, владѣя большими капиталами, дѣйствуя сообща,

---

[1]) *Костомаровъ*, Оч. Торг. Моск. госуд. 16 и 17.

[2]) *Соловьевъ*, Ист. Росс. IX, 94—95, 122—123, 195.

[3]) Тамъ же, 195—205, 271 и слѣд.

[4]) *Костомаровъ*, Очеркъ торговли, стр. 20.

иноземцы имѣли громадныя выгоды. Русская власть, говоритъ г. Костомаровъ, въ отношеніи къ торговлѣ съ иностранцами, съ одной стороны, нуждаясь сама въ произведеніяхъ заграничныхъ и сознавая, что русскій народъ стоитъ на слишкомъ низкой степени промышленнаго развитія для того, чтобы производить то, что привозили ему иностранцы, давала имъ большія торговыя права, иногда не безопасныя для будущаго, какъ, напримѣръ, привиллегіи Англичанъ; съ другой же стороны, она оказывала недовѣріе къ иностранцамъ, боясь, чтобы не употребили во зло покровительства и гостепріимства, оказываемаго имъ въ Россіи. Иностранцы заслуживали и того, и другого. Они наполнили казну царей и домы знатныхъ особъ предметами изысканной жизни, привозили имъ одежды, украшенія, лакомства; но они постоянно, на каждомъ шагу, не скрывали самаго очевиднаго презрѣнія къ русскому народу, смотрѣли на Россію какъ на страну дикую и необразованную, а потому-то имъ особенно полезную [1]).

Вотъ почему, когда, напримѣръ, Іоаннъ III старался привлечь въ Россію ремесленниковъ, Ревельскій городской совѣтъ, по наущенію Ганзы, задерживалъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, и Нѣмцы преслѣдовали ихъ на морѣ въ качествѣ морскихъ разбойниковъ [2]). Вотъ почему Польскій король Сигизмундъ-Августъ писалъ къ королевѣ Елизаветѣ, что не слѣдуетъ допускать Россію къ достиженію власти и значенія не только чрезъ пріобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ, между прочимъ оружія, но также и чрезъ приглашеніе ремесленниковъ и художниковъ [3]). Вотъ почему, когда предпріимчивый русскій купецъ, Лаптевъ, отправился съ русскими товарами въ Амстердамъ, Голландцы ничего у него не купили и заставили его вернуться съ товаромъ въ Россію [4]).

Не мудрено, послѣ этого, что въ Россіи жаловались на алчность иноземцевъ. Укажемъ на нѣкоторые примѣры заявленій такого негодованія. Въ 1646 году, русскіе купцы подали царю жалобу, въ которой говорится, что „англійскіе Нѣмцы“ хотятъ завладѣть „всякимъ торгомъ“, что они, не ограничиваясь торговлею въ Архангельскѣ, распространились по всему государству и вытѣснили русскихъ купцовъ изъ многихъ коммерческихъ предпріятій. „Эти Нѣмцы“, сказано далѣе,—

---

[1]) *Костомаровъ*, l. c. 56.
[2]) *Костомаровъ*, l. c. 35.
[3]) *Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, стр. 280.
[4]) А. А Э. IV. № 13.

„не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все Московское государство оголодили..., они Нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго". И Англичане, и другіе „Нѣмцы" въ этой грамотѣ обвиняются въ неисправномъ платежѣ пошлинъ, въ томъ, что дѣйствуютъ подкупомъ на русскихъ чиновниковъ, что, не довольствуясь оптовою торговлею „торгуютъ врознь". „Отъ того ихъ, Англичанъ, умыслу и заговору", говорятъ русскіе купцы,—„мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ... и твоя государева вотчина, городъ Архангельскій и Холмогорскій уѣздъ и все Поморье пустѣетъ... многіе люди обнищали.... Милосердый государь", такъ заключается жалоба русскихъ купцовъ,—„пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей, воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять" [1]).

Юрій Крижаничъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ совершенно согласно съ жалобами русскихъ купцовъ. Между главными причинами упадка государства онъ приводитъ и слѣдующую: „Аще въ договорехъ, въ торгехъ, и въ иныхъ дѣлехъ отъ окольныхъ народовъ нашъ народъ хитростью ся обмаляетъ и нищѣетъ". Подробнѣе объ этомъ говорится у него слѣдующее: „А отъ всего горшій промыселъ и земли разореніе есть инородское торгованіе, то-есть, аще кій краль препуститъ инороднымъ торговцемъ во всей державѣ пребивать или жить, своды и склады держать и вездѣ по землѣ торговать... Неоцѣннымъ тѣлеснымъ и душевнымъ накладомъ, убыткомъ, срамотамъ, тщетамъ тѣ торговцы суть причина. А корысти отъ нихъ нѣсть, опричь нѣкоихъ подарковъ, кое даютъ царю либо боляромъ. Коихъ подарковъ нѣмаемъ нужи ни во что почитать: або сколько они своего блага намъ подаруютъ, зъ десять тисучь кратъ толико нашего блага изъ нашія земли вонъ извозятъ". Крижаничъ доказываетъ, что Россія стала, такъ сказать, данникомъ иноземцевъ: „И тою хитростію сіе преславно государство творятъ (иноземцы) подбирно имати ясачно своимъ Агличаномъ, Барабанцемъ и Хамбуржаномъ". Обращаясь къ государю: „И во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ... право адда пророкуетъ Варухъ: „припусти къ себѣ инородника и разоритъ тя" [2]).

[1]) А. А. Э., № 13.

[2]) *Крижаничъ*, I, стр. III и 3—4.

Впрочемъ, Крижаничъ сознаетъ, что иноземцы способнѣе Русскихъ къ торговымъ дѣламъ: „Русы, Ляхи и весь народъ Словенскій отнюдь не знадутъ далекаго торгованія ни по морю, ни по суху. Инородны торговцы лехво насъ перехитряютъ и обманляютъ нещадно во всяко время. А тѣмъ наипаче, что вездѣ по Руси пребываютъ, и товары наши наидешевиею цѣною выкупаютъ. Могло бы ся терпѣть, когда бѣху и наши у нихъ жили, и такоже дешево закупали. Али наши у нихъ не живутъ, и отнюдь жить не могутъ, для природнаго своего неспособія и тупа разума, и паче для ради нѣмечскаго завидѣнія и злобы, кого суть многи наши отвѣдали“ [1]).

Еслибы, говоритъ Крижаничъ, было запрещено иностранцамъ торговать въ разныхъ городахъ Россіи, имѣть всюду своихъ агентовъ и консуловъ, еслибы „Нѣмцевъ на Руси не было“, торговство сего царства бы много въ лучемъ постановленію было. Драже бысмо продавали нашіе товары; дешевле бысмо куповали чужіе“ [2]). Крижаничъ на навигаціонный актъ у Англичанъ указываетъ какъ на учрежденіе достойное подражанія. Иностранцевъ-купцовъ онъ сравниваетъ съ саранчей и считаетъ ихъ хуже какой-либо страшной заразы, „Здѣсь на Руси, что ся дѣетъ?“ спрашиваетъ Крижаничъ, — „торговцы инородны, Нѣмцы, Греки, Бухары, всего сего кралества благо и приплодъ къ себѣ уграбляютъ“, то-есть, они торгуютъ вольно по всему государству, продаютъ Русскимъ „некорыстные драгіе товары“, покупаютъ русскіе товары по невыгодной цѣнѣ и обманываютъ всѣхъ и каждаго [3]). Въ сильныхъ выраженіяхъ Крижаничъ ратуетъ противъ сребролюбія иноземцевъ [4]). Договоры, на основаніи которыхъ Русскимъ было дозволено торговать въ Стокгольмѣ, Амстердамѣ и Гамбургѣ, онъ называетъ „pacta ridicula“, потому что Рус-

---

[1]) *Крижаничъ*, I, 8. Исключеніями были, напримѣръ, ярославскій купецъ Лаптевъ, отправившійся въ Амстердамъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (см. А. А. Э., IV, № 13) и знаменитый торговый домъ Соловьева въ Амстердамѣ при Петрѣ Великомъ. За то вообще говоря, договоры о взаимномъ правѣ иностранцевъ торговать въ Россіи, а Русскихъ торговать за границею, какъ напримѣръ, Кардисскій договоръ, или договоръ съ Франціей (см. *Сол.*, Ист. Р. XII, 249) не могли считаться выгодными для Русскихъ вслѣдствіе ихъ неспособности заниматься торговлею такъ, какъ занимались ею въ западной Европѣ. Такъ, напримѣръ, Русскіе въ Стокгольмѣ сдѣлались предметомъ смѣха. См. *Соловьевъ*, Ист. Рос., XVII, стр. 164.

[2]) *Крижаничъ*, I, 24.

[3]) Тамъ же, I, 215.

[4]) Тамъ же, II, 189.

скіе, отправляющіеся за границу, гибнуть тамъ, теряютъ свое состояніе и возвращаются домой со стыдомъ [1]). Такимъ образомъ Крижаничъ требуетъ „гостогонства", то-есть, изгнанія всѣхъ иностранцевъ изъ Россіи и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно Русскимъ [2]).

Постоянно слышны были жалобы, что „торжишки у нас стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы" [3]). А правительство весьма часто заботилось гораздо болѣе о своихъ казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о благосостояніи народа, давало привиллегіи иностранцамъ за деньги и отдавало на откупъ многія отрасли промышленности и торговли. Ограниченіе правъ Англичанъ, послѣдовавшее въ 1649 году [4]), было исключеніемъ; правиломъ же можно считать распоряженія въ родѣ того, какъ правительство, требуя однажды за иностранные товары двойную пошлину „для пополненія ратныхъ людей", утѣшало иностранцевъ, что они воротятъ свои деньги и возьмутъ ихъ съ Русскихъ же людей, возвысивъ цѣну своимъ товарамъ [5]).

Таковъ былъ характеръ отношеній Русскихъ къ иностранцамъ въ торговыхъ дѣлахъ въ то время, когда родился и воспитывался Посошковъ. Преданіе о неравной борьбѣ Русскихъ съ Нѣмцами не могло не имѣть сильнаго вліянія на образъ мыслей его. Къ тому же должно принять въ соображеніе религіозный антагонизмъ между Россіей и западною Европою. Особенно изъ „Отеческаго Завѣщанія" видно, какова была ненависть Посошкова къ иностраннымъ нравамъ, обычаямъ и воззрѣніямъ. Хуже всего въ его глазахъ были лютеране и кальвинисты, то-есть, именно тѣ народы, которые въ эпоху Посошкова играли главную роль въ внѣшней торговлѣ Россіи, а именно — Англичане, Голландцы, Шведы и Нѣмцы. Множество иностранцевъ находилось въ русской службѣ; иные были подрядчиками, поставщиками; ихъ техническія познанія давали имъ значительный перевѣсъ надъ Русскими, хотя послѣдніе, какъ показываетъ примѣръ самого Посошкова, иногда, какъ механики-самоучки, отличались необыкновенными способностями. Нерѣдко, разумѣется, иностранцы дѣйствова-

---

[1]) *Крижаничъ*, II, 189, 269.

[2]) Тамъ же, I, 325 и II, 73.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, 304 и 416.

[4]) П. С. З. № 9.

[5]) См. множество указовъ о привиллегіяхъ иностранцевъ въ П. С. З. №№ 80, 278, 409, 410, 539, 596, 1304, 1332, 1410, 1633, 1671, 1911, и пр.

ли недобросовѣстно, нечестно, заботились скорѣе о своихъ выгодахъ, нежели о казенной прибыли и вотъ Посошковъ считалъ своимъ долгомъ явиться обличителемъ такого зла.

Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ сочиненій Посошковъ коснулся этихъ вопросовъ. Въ донесеніи боярину Головину „о ратномъ поведеніи“ онъ пишетъ: „Мнѣ, государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; а праведно ль я сумнюся или блазнюся, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгують торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлѣхъ себя они и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вмѣняютъ. И тому ихъ торговому содружію примѣняяся, мнѣніе ми приходитъ такое, что диво тако, да не компанствами ли жъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самою истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегда бъ въ поношеніи были, и всегда бъ ихъ за господъ имѣли... Вѣрить имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки. А за благодатію Божіею у великаго государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно“[1]). Затѣмъ Посошковъ указываетъ на образъ дѣйствій иностранныхъ купцовъ, для которыхъ учрежденіе почты [2]) было весьма полезнымъ и выгоднымъ предпріятіемъ: „Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ. Дира жъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней великому государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Русскіе люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца къ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много и коихъ мало. Также пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь по-

---

[1]) Соч. Пос. I, 272—273.

[2]) Объ учрежденіи почты см. монографію *Фабриціуса*, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи, С.-Пб. 1864 и множество указовъ и привиллегій, въ П. С. З. №№ 1082, 1402, 1408, 2030 и пр.

добрались и коихъ злишкомъ. И кои ихъ товары подобрались, тѣхъ они и вывезутъ; а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ. А наши бѣдные къ городу пріѣдутъ съ товарами, и пріѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колько есть; и станутъ у него торговать самою цѣною малою, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и много ль коихъ товаровъ насено, знаютъ же. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а Русскіе люди жилы изъ себя изрываючи. А если бы почты иноземной не было, то бъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не знали жъ бы, и торгъ былъ бы безъ обиды. Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублей, и то почитаютъ великому государю въ прибыль, а въ то мѣсто пэъяну чинятъ на многія тысячи. Наипачежъ того, что, чаю, всякія вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и естли совершенно вѣсти всякія, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то, что по сту рублевъ, ни по сту тысячъ не доведется за почту брать. Мнѣ, государь, мнитца, что лучши бъ та дира загородить накрѣпко; а крѣпче того нельзя, что почта, буде мочно, то оставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздокомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносились“ [1]).

Почта была основана въ Россіи около того самаго времени, когда родился Посошковъ, то-есть, въ 1664 году. Можно полагать, что иностранцы содѣйствовали этому дѣлу. Организація почтоваго вѣдомства была поручена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Голландцу Ивану фонъ-Сведену. Въ 1667 году была заключена первая почтовая конвенція съ Польшею. Послѣ фонъ-Сведена, Петръ Марселисъ завѣдывалъ почтою, затѣмъ Андрей Виніусъ, который первый носилъ официальное званіе Царскаго Величества почтмейстера. Онъ имѣлъ неограниченное право заключать почтовые договоры съ сосѣдними государствами [2]).

Значитъ—почта, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія, была управляема иностранцами. Какъ кажется, это обстоятельство заставило Посошкова обвинить именно иностранцевъ въ учрежденіи почты, хотя и въ точномъ смыслѣ не „они (иностранцы)

---

[1]) Соч. Пос., I, 273—274.
[2]) См. *Фабриціусъ*, стр. 3, 58, 61.

прорубили диру во всѣ свои земли", а само русское правительство, сознававшее необходимость болѣе постояннаго и правильнаго сообщенія съ западомъ ради политическихъ и торговыхъ дѣлъ.

Замѣчаніе Посошкова, что почта была особенно выгоднымъ учрежденіемъ для иностранцевъ, какъ иностранцы, а не для Русскихъ, не лишено основанія. Русскіе долгое время не умѣли пользоваться почтой; они не столько нуждались въ письменномъ сообщеніи. Между тѣмъ, напримѣръ, изъ дневника Патрика Гордона можно видѣть, какое громадное значеніе имѣла почта для представителей западно-европейской цивилизаціи. Тутъ встрѣчается множество замѣтокъ о частой корреспонденціи Гордона. Русскіе купцы, которыхъ Крижаничъ обвинялъ въ незнаніи ариѳметики, не скоро могли привыкнуть къ перепискѣ по торговымъ дѣламъ посредствомъ почтоваго сообщенія. Между тѣмъ какъ за границею, благодаря почтѣ, дѣйствительно узнавали всѣ подробности состоянія рынка въ Россіи, русскіе купцы, не бывшіе въ перепискѣ съ заграничными, разумѣется, ничего не знали о томъ, что̀ происходило на западѣ въ области торговли. Значитъ, вся выгода была на сторонѣ иноземцевъ. Съ самаго перваго времени существованія иностранныхъ торговыхъ домовъ въ Россіи, Русскіе почувствовали перевѣсъ иностранцевъ, дѣйствовавшихъ сообща, вмѣстѣ, дружно, бывшихъ въ постоянной перепискѣ между собою. Уже въ XVI столѣтіи агенты англійской компаніи отправляли часто письма съ нарочными, секретныя извѣщенія о мѣрахъ, выгодныхъ для компаніи; эти письма были иногда писаны цифирью [1]). Въ вышеупомянутой грамотѣ русскихъ купцовъ 1646 года сказано: „Да Нѣмцы же, живя въ Москвѣ и въ городахъ, ѣздятъ чрезъ Новгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстями, что̀ дѣлается въ Московскомъ государствѣ, почемъ какіе товары покупаютъ, и которые товары на Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстѣмъ и по грамоткамъ, сговорясь заодно; а какъ пріѣдутъ торговать на ярмарку къ Архангельскому городу, то про всякіе товары цѣны разкажутъ, заморскіе товары выбравъ лучшіе закупятъ всѣ сами на деньги и на русскіе товары промѣняютъ, и сговорясь между собою заодно, нашихъ товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держатъ большую, чтобъ намъ у нихъ ничего не купить и впередъ на ярмарку не ѣздить; и мы товаренки свои отъ Архангельскаго города веземъ назадъ, а иной

---

[1]) *Ключевскій*, l. c., стр. 237.

оставляетъ на другой годъ, а которые должные людишки плачучи отдаютъ товаръ свой за безцѣнокъ, потому что имъ держать его у себя нельзя, люди должные; и отъ того ихъ умыслу и заговору мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ" и пр. [1]). Русскіе все это называли „заговоромъ" и „хитростью" и хвалились, что у нихъ самихъ ничего подобнаго не заведено. Если жь и до учрежденія почты сообщеніе между иностранцами было столь невыгодно для русскихъ купцевъ, то съ тѣхъ поръ, какъ учредилась почта, Нѣмцы еще гораздо легче стали узнавать о состояніи цѣнъ въ Россіи и о положеніи каждой отрасли торговли и руководствоваться такими данными для своихъ коммерческихъ разчетовъ и операцій. Вмѣсто того, чтобы стараться дѣйствовать этимъ самымъ оружіемъ, надѣяться на ту же почту и для выгодъ русскихъ купцевъ, Посошковъ сталъ требовать совершеннаго отчужденія Русскихъ отъ чужеземцевъ и настаивалъ на уничтоженіи почты и непропущеніи за границу никакихъ вѣстей о томъ, что происходило въ Россіи. Весьма любопытно, что въ этомъ отношеніи его взгляды вполнѣ согласны съ соображеніями на этотъ счетъ Крижанича, жаловавшагося на то, что „инородные торговцы вездѣ въ дешеву пору нашіе товары выкупаютъ, а инозенцемъ своимъ нарожаномъ всякія нашія тайности проявляютъ, не токмо въ торговыхъ, но и владѣтельскихъ тайныхъ дѣлехъ" [2]).

Посошковъ видѣлъ въ распространеніи вѣстей о Россіи за границею вообще большой вредъ для государства. На этотъ счетъ, къ счастью, правительство думало иначе. Именно въ продолженіе XVII вѣка правительство само весьма часто давало знать другимъ правительствамъ о томъ, что происходило въ Россіи, о своихъ предпріятіяхъ, намѣреніяхъ. Солидарность Россіи съ западною Европою развивалась. Для этого необходимо было и почтовое сообщеніе.

Впрочемъ, Посошковъ писалъ о почтѣ въ столь рѣзкихъ, не согласныхъ съ взглядами правительства выраженіяхъ въ 1701 году. Тогда онъ менѣе могъ находиться подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, чѣмъ впослѣдствіи, когда писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ". За нѣсколько лѣтъ до того онъ даже былъ сторонникомъ тѣхъ элементовъ въ обществѣ,

---

[1]) А. А. Э. № 13.
[2]) *Крижаничъ*, I, стр. 3.

которые были враждебны Петру Великому, а еще раньше былъ раскольникомъ, ненавидѣвшимъ, какъ всѣ староверы, новое, чужое.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ ненавидѣлъ тогда иностранцевъ, замѣтно изъ слѣдующихъ его сужденій въ этомъ же донесеніи боярину Головину 1701 года. Онъ не понимаетъ, почему такъ часто и со стороны правительства давалось предпочтеніе иностранцамъ. „У нашихъ", говоритъ онъ,—„Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцевъ, и отъ непріятелей мочно въ оборонь держать, лишь бы ружье было доброе, да и умѣнье твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка и добрая расправа" [1]).

Разказывая подробно Головину, что какой-то иноземецъ-инженеръ сдѣлалъ по порученію правительства бомбы, Посошковъ говоритъ подробно о совершенной негодности этихъ бомбъ и совѣтуетъ Головину убѣдиться въ справедливости такого показанія опытомъ. Онъ замѣчаетъ: „И въ семъ, государь, вельми нужно поостерещися, нѣтъ ли какой презяби отъ того инженера. Ей, государь, надобно отъ нихъ опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаетъ собою русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имъ во все ввѣриваться; всегда онъ своеплеменнымъ лучши порадѣетъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть". Затѣмъ, говоря о другомъ случаѣ, въ которомъ поставщикъ-Нѣмецъ сдѣлалъ кирки, по мнѣнію Посошкова, также совсѣмъ негодныя, онъ требуетъ слѣдствія надъ этимъ дѣломъ и наказанія иностранца [2]).

Съ негодованіемъ Посошковъ указываетъ на гораздо болѣе выгодное, сравнительно съ русскими, положеніе иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ въ Россіи, замѣчая: „Въ россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое: ибо Русскаго человѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хощутъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію, но токмо учинятъ ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти копѣекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не прокормитъ, а жену и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходить, за-

[1]) Соч. Пос. I, 282.

[2]) Соч. Пос., I, 284 и 285.

неволю научатъ воровать и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать“ [1]).

Итакъ, во многихъ отношеніяхъ состязаніе Русскихъ съ иностранцами было неудачно для первыхъ. А потому и ожесточеніе Русскихъ было естественно. Иностранцы часто пользовались особеннымъ расположеніемъ правительства; они дѣйствовали систематически, организовали торговлю въ Россіи для своей выгоды въ ущербъ русскимъ купцамъ. Нужно было, по мнѣнію Посошкова, принять сильныя мѣры противъ такого зла. Иностранцы искусно поддерживали высокую цѣну своихъ и низкую цѣну русскихъ товаровъ. Они придерживали привозимые товары и не пускали ихъ въ продажу, пока отъ недостатка ихъ въ оборотѣ цѣны на нихъ поднимались; тогда только они начинали ихъ продавать и тотчасъ же переставали, когда товары начинали дешевѣть. Такимъ образомъ они, то подымая, то понижая цѣны, наживали огромный процентъ на свои капиталы. Торговля съ Русскими была для иностранцевъ также выгодна, какъ торговля Русскихъ съ сѣверо-восточными инородцами. Въ Нижнемъ Новгородѣ одинъ купецъ, Христофоръ Гудсонъ, продалъ сукно, по его собственному сознанію, стоившее со всѣми издержками втрое менѣе того, за сколько оно было имъ продано [2]). Крижаничъ жалуется на то, что „Нѣмцы, кои межъ нами живутъ, усматряютъ время и мѣсто, гдѣ ся кій нашъ товаръ наидешевле продаетъ, а свои товары намъ привозятъ единожды въ годъ, какову сами хотятъ“ [3]).

Посошковъ, какъ купецъ и патріотъ, желалъ, чтобы такъ дѣйствовали и русскіе купцы. Систематическому образу дѣйствій иностранцевъ онъ хотѣлъ противопоставить стройную организацію русской торговли. Уже во введеніи къ книгѣ „О скудости и богатствѣ“ Посошковъ жалуется на то, что „купцы въ Россіи между собою союзства ни малаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества“ [4]).

Любопытно, что Петръ Великій еще до 1700 года мечталъ о таковой организаціи русской торговли. Онъ предписалъ купецкимъ людямъ торговать также, какъ торговали иностранные купцы, компа-

[1]) О скуд. и бог., 145—146.

[2]) *Костомаровъ*, l. c., 29.

[3]) *Крижаничъ* I, 24.

[4]) О скуд. и бог., стр. 5.

ніями. Голландцы встревожились, и резидентъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ фонъ-деръ-Гульстъ испрашивалъ у своего правительства инструкціи, чтобы просить царя объ отмѣненіи закона о компаніяхъ; но тревога была напрасная: въ маѣ 1700 года фонъ-деръ-Гульстъ писалъ въ Голландію: „Что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: Русскіе не знаютъ, какъ приняться и начать такое сложное и трудное дѣло. Я просилъ прежде, чтобы прислана была мнѣ инструкція на этотъ счетъ; но если я получу теперь эту инструкцію, то замедлю ея исполненіемъ, ибо, по вашему требованію, царь уничтожитъ дѣло, котораго невозможность признана" и пр. [1]). Петръ, однакоъ, въ продолженіе своего царствованія часто старался объ устройствѣ торговыхъ компаній между русскими купцами, не достигая, впрочемъ, большаго успѣха въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ высокаго мнѣнія о способностяхъ своего народа въ организаціи большихъ коммерческихъ предпріятій. Еще въ концѣ своего царствованія, желая учрежденія компаній для торговыхъ сношеній съ Испаніей, онъ говоритъ въ указѣ, относящемся къ этому дѣлу: „Понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради коммерцъ-Коллегія для сей новости дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство придетъ" [2]).

Посошковъ, предлагая мѣры для поддержанія интересовъ русскаго купечества, надѣялся, также какъ и Петръ Великій, на полицейскій надзоръ, на строгія наказанія, на обращеніе съ купцами какъ съ несовершеннолѣтними. Такъ, напримѣръ, онъ требовалъ назначенія во всѣхъ „рядахъ" сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, которые надзирали бы надъ образомъ дѣйствій всѣхъ купцовъ и наказывали бы послѣднихъ за неисправность. Купечество, такъ сказать, должно было, по мнѣнію Посошкова, образовать что-то въ родѣ войска, дѣйствовавшаго за одно въ борьбѣ съ иностранцами. Онъ пишетъ: „А со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія коммандира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого-нибудь товару, безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторично, за всякой взя-

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., XV, 85.
[2]) П. С. З. № 4540.

той рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ. И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе, съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было... И тако творя, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложатъ, то уже иноземцы по той цѣнѣ и не хотя возьмутъ. А буде иноземцы, нохотя нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не станутъ, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять. А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймутъ, то выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвояси, и впредь до указу таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ пріймать не будутъ, до того времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы. И буде иноземцы, восхотя нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не взвысить, а своихъ не снизить, остава торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары съ коими пріѣхали, повезли бы всѣ съ собою назадъ; а въ анбары съ кораблей, не сторговавшись, отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за анбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станутъ, или гдѣ въ домѣ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не попускать; то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезутъ. А въ другое лѣто буде пріѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои русскіе товары ко установленной прошлогодней цѣнѣ приложить на рубль по гривнѣ или по четыре алтына, или какъ о томъ указъ великаго государя состоится, како бы купечеству сличпо было, и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли. А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочатъ они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарѣхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умно-

жалися. И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубля, то такову цѣну впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ. И аще иноземцы упрямство свое и отложатъ, и станутъ товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на русскіе товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилась. И буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божіимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть" [1]).

Мы видимъ, что Посошковъ хотѣлъ устроить что-то въ родѣ международной стачки. Онъ надѣялся на успѣхъ ея на томъ основаніи, что Россія менѣе нуждалась въ западѣ, чѣмъ западъ въ Россіи. Спрашивается только: былъ ли Посошковъ правъ, утверждая, что Россія могла оставаться безъ заграничныхъ товаровъ? За то Посошковъ весьма основательно полагалъ, что торговля съ Россіей была весьма выгоднымъ рынкомъ для иностранцевъ. Въ самомъ дѣлѣ русская торговля приносила Англіи неизчислимыя выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой великой будущности, какъ въ Россіи. Какъ Россія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ея сѣверному климату, и въ произведеніяхъ искуствъ и ремеслъ, которыя были еще чужды Русскому народу, такъ равно вся западная Европа нуждалась въ произведеніяхъ сѣвера [2]). Вмѣсто того, однако, чтобы видѣть основанное на такихъ взаимныхъ интересахъ сближеніе различныхъ народовъ, мы встрѣчаемъ въ тогдашней России ожесточенную борьбу между русскими и иностранными купцами. Посошковъ проповѣдуетъ войну; онъ требуетъ весьма враждебныхъ мѣръ противъ иностранцевъ; все купечество русское должно, такъ сказать, превратиться въ войско; строжайшая дисциплина, по мнѣнію Посошкова, могла одна спасти Россію отъ перевѣса иностранныхъ купцовъ. Онъ и не думалъ о томъ, что китаизмъ въ предложенныхъ имъ мѣрахъ могъ оказать вредное вліяніе на коммерческій бытъ Россіи. Онъ надѣялся на успѣхъ, на безусловную побѣду. „Обще же я мню", продолжаетъ онъ,—„хотя они хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще

[1]) О скуд. и бог., стр. 119—121.

[2]) *Костомаровъ*, I. с. 27.

увидают нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложатъ: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ прожить безъ товаровъ ихъ, а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати предъ нами, и во всемъ упадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны. И не до сего ста, но и деньги нашего великаго государя цѣнятъ, до чего было имъ ни малаго дѣла не надлежало: имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ великій императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ аще и копѣйку повелитъ за гривну имать, то такъ и можетъ правиться. Мы въ своемъ царствѣ съ воли монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбо, то на ту цѣну не отдавай,—воленъ онъ и отдать, и не отдать; намъ силою у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, не торгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ кораблѣ держи“ [1]).

Мы увидимъ впослѣдствіи, что понятія Посошкова о теоріи денегъ отчасти были несостоятельны. Иностранцы считали себя въ правѣ жаловаться на перемѣны въ монетной системѣ Россіи; такъ, еще въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича встрѣчаются такія жалобы со стороны англійскаго дипломатическаго агента Джона Мерика. Посошковъ не понималъ значенія международнаго курса деньгамъ.

„Время было уже“, говоритъ онъ далѣе,—„имъ (иностранцамъ) прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться тогда, когда сами наши монархи въ купеческія дѣла не вступались, но управляли бояре. И пріѣхавъ, они, иноземцы, засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ въ сто-другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они, иноземцы, прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купечества ни въ яичную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняютъ! А нынѣ, слава Богу, монархъ нашъ вся

[1]) О скуд. и бог., 122.

сія разсмотрѣлъ, и подлѣзть имъ уже никакъ, ежебы имъ по прежнему своему хотѣнію уставить и на своемъ поставить".

Достойно вниманія то обстоятельство, что Посошковъ находитъ различіе между прежнимъ „правленіемъ бояръ" и абсолютизмомъ Петра. По его мнѣнію, прежде личные интересы вельможъ, „знатныхъ персонъ", стояли на первомъ планѣ, а при Петрѣ правительство гораздо болѣе заботилось о благѣ народа.

Дѣйствительно, было много случаевъ подкупа сановниковъ иностранцами изъ-за торговыхъ видовъ при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ. Такъ, напримѣръ, когда голштинскіе послы въ 1634 году хлопотали о монополіи персидской торговли чрезъ Россію, они, по показанію гостя Шорина, посулили дьяку Назару Чистому 2,000 ефимковъ, и кромѣ того, дали ему въ закладъ запону въ 3,000 ефимковъ. Михаилъ жаловался на голштинскихъ пословъ герцогу Голштинскому, что они „мимо бояръ нашихъ и думныхъ людей промышляли тайно и подкупали нашихъ обычныхъ людей" [1]. Въ жалобѣ русскихъ купцовъ въ 1646 году сказано, что Англичане подкупили думнаго дьяка Петра Третьякова „многими посулами". [2]). Иногда и самимъ царямъ подносимы были подарки отъ иностранныхъ купцовъ, желавшихъ получить разныя привиллегіи. Юлій Крижаничъ видитъ въ этомъ обычаѣ страшное злоупотребленіе. „О честитый государю", говорилъ онъ, обращаясь къ царю Алексѣю,—„ни отнюдь не вѣруй волку, еже бы ти онъ хотѣлъ твое ягнецы створить жирны. И во вѣки вѣчные не вѣруй инородннку-торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ. Незможно бо есть, да онъ твое богатство умножитъ, кій самъ всѣ земли и моря обтичетъ, и весь свой животъ есть отлучилъ на путованіе и на страхоты и погибельности для ради пѣнязь, и кій лакомѣе зіяетъ на сребро, неже волкъ на ягня. Кто въ воду мечетъ вудицу, онъ мыслитъ потягнуть рыбу. Кто въ землю сѣетъ жито, онъ мыслитъ нажать десятеро толико. Инородникъ-торговецъ, аще тебѣ, господарю, либо твоимъ бояромъ дастъ сребренъ стаканъ или кую ли будь иную корысть, безъ сумлѣнія сто кратъ съ толико благо изверже тъ вонъ изъ твоея земли и проѣстъ" [3]). Обычай такихъ подарковъ, однако, не прекращался. Такъ, напримѣръ, армянскіе купцы, при заключеніи ими довольно

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, стр. 274 и 275.
[2]) А. А. Э., IV, № 13.
[3]) *Крижаничъ*, I, 4.

выгоднаго для нихъ договора, поднесли царю Алексѣю Михайловичу разные драгоцѣнные подарки [1]); англійскіе купцы подарили Петру Великому часы, хирургическіе инструменты, нѣсколько дюжинъ бутылокъ прекраснаго вина, разныя оружія и пр. [2]). При всемъ томъ, однако, во время правленія Петра, лично заботившагося о всѣхъ дѣлахъ и строго слѣдившаго за образомъ дѣйствій служащихъ, такіе случаи подкупа случались болѣе рѣдко, чѣмъ прежде, и на это обстоятельство надѣялся Посошковъ, предлагая мѣры противъ иностранныхъ купцовъ.

„И если они, иноземцы", Посошковъ продолжаетъ,—„отъ упрямства своего года два-три и пять-шесть торговаться *съ нами не будутъ, то купечеству нашему* великая и неизчислимая прибыль будетъ, потому, которые товары покупались у насъ по рублю, то будетъ уже въ покупкѣ по полтинѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше уставленныя цѣны за иноземчивое упрямство сбавить отнюдь не можно... И аще нашимъ товарамъ высокая цѣна уставится или не уставится, то въ воли монарха нашего; какъ онъ повелитъ, такъ то и будетъ неизмѣнно. А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбирали бъ, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы никому и малыя обиды не было. А буде же иноземцы на тотъ отборный товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложатъ цѣну излишнюю, то того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбиранія установилась. А буде заупрямятся и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ, то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы" [3]). Въ заключеніе своей статьи о торговлѣ Посошковъ говоритъ: „И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургѣ и въ Ригѣ, и въ Нарвѣ, и у Архангельскаго города пріѣзжіе иноземцы товаровъ

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XII, 280.
[2]) *Поссельтъ*, Franz Lefort, II, 22.
[3]) О скуд. и бог., стр. 123—125.

своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы, не сторговавъ и пошлинъ не заплатя, не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары, не вынимая изъ кораблей, назадъ къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли бы; и аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложатъ. Намъ о томъ весьма крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ во смиреніе, и чтобы они за нами гонялись. И аще въ семъ мы можемъ устояти, еже бы товаровъ не запроданныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то станутъ они гораздо охотнѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не станутъ“ [1]). Такимъ образомъ, предлагая столь крупныя мѣры противъ иностранцевъ, Посошковъ, надѣялся на содѣйствіе правительства. До тѣхъ поръ, какъ мы видѣли, правительство иногда слишкомъ благопріятствовало иностранцамъ. Теперь же Посошковъ считалъ возможнымъ, такъ сказать, оборонительный и наступательный союзъ между обществомъ и государствомъ въ Россіи противъ „гордости“ и „хитрости Нѣмцевъ“.

Положеніе русскихъ купцовъ дѣйствительно было отчаянное. Ужь и прежде ганзейскіе купцы въ Новгородѣ притѣсняли русскихъ всевозможнымъ образомъ. Въ уставѣ Любской конторы въ Новгородѣ было сказано, между прочимъ: никто изъ нѣмецкихъ купцовъ не имѣетъ права дозволить русскому купцу ночевать у Нѣмца; Русскимъ не должно продавать товаровъ на срокъ или давать товаръ заимообразно; менѣе хорошія кожи могутъ быть предоставлены русскимъ купцамъ, лучшія—Нѣмцамъ; Русскимъ не слѣдуетъ отпускать на домъ образчики товаровъ до заключенія торговой сдѣлки и т. п. [2]). Когда однажды Русскіе въ Архангельскѣ взялись за торговлю шелкомъ, между тѣмъ какъ иностранцы смотрѣли на эту торговлю какъ на свою монополію, Нѣмцы, сговорившись, не купили у Русскихъ ни одного фунта шелку и сказали имъ: „Мы-де учинимъ то, что купцы московскіе, гости настоятся въ деньгахъ на правежѣ, да и впредь-де ихъ заставимъ торговать лаптями, и забудутъ-де у насъ перекупаться

[1]) О скуд. и бог., 138—139.

[2]) *Marperger*, Moscovitischer Kaufmann (изд. 1729 г.), стр. 197 и слѣд.

всякими товары" [1]). Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что иностранцы и при Петрѣ всѣми мѣрами старались сохранить монополію въ отношеніи къ нѣкоторымъ отраслямъ торговли. Русскіе, не зная цѣну ревеня, продавали этотъ товаръ иностранцамъ по гривнѣ за пудъ. Одинъ Гамбургскій купецъ предлагалъ царю за исключительное право заниматься торговлею ревенемъ 30.000 рублей и продавалъ затѣмъ пудъ ревеню въ Голландіи по 8 рублей. Петръ, случайно узнавъ объ этомъ чрезъ одного Русскаго, находившагося въ Гамбургѣ, тотчасъ же велѣлъ нагрузить цѣлый корабль ревенемъ и отправилъ его въ Голландію. Гамбургскій купецъ-монополистъ, тотчасъ же послѣ прибытія корабля, отправленнаго Петромъ, понизилъ цѣну своему ревеню на 8 грошей, такъ что ревень, отправленный Петромъ, остался не проданнымъ и испортился совершенно [2]).

Такимъ образомъ національный антагонизмъ въ Россіи въ области торговли вызывалъ съ различныхъ сторонъ многія враждебныя мѣры. Такая борьба происходила впрочемъ, не только между Русскими и иностранцами, но и между представителями различныхъ народовъ, находившимися въ Россіи. Такъ, изъ сочиненія врача царя Алексѣя Михайловича, Самуила Коллинса, мы, между прочимъ, видимъ, въ какой мѣрѣ Англичане были недовольны Голландцами, которыхъ они сравнивали съ саранчею; такъ ганзейскіе купцы не хотѣли допустить, чтобы купцы другихъ націй учились русскому языку; часто иностранные купцы доносили другъ на друга въ поставкѣ недоброкачественнаго товара, въ неплатежѣ указныхъ пошлинъ и пр.; весьма нерѣдко, особенно въ Архангельскѣ, такая національная ненависть доходила до безпорядковъ, дракъ и т. п.

Посошковъ жалуется, что въ прежнее время русское правительство, по его мнѣнію недостаточно энергично защищало національные интересы русской торговли. Дѣйствительно не всегда было возможно исполнять желанія русскихъ купцовъ. Правительство болѣе ясно, чѣмъ публика понимало, въ какой мѣрѣ Россія нуждалась въ произведеніяхъ западно-европейской промышленности. Такъ, напримѣръ, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Новгородѣ происходили безпорядки по случаю отправленія нѣкотораго количества хлѣба и нѣкоторой суммы денегъ въ Швецію, Новгородцы потребовали отъ царя запрещенія вывоза этихъ предметовъ за границу, а царь отвѣчалъ: „Мы, великій

---

[1]) А. А. Э. IV. № 13.

[2]) *Weber*, Das veränderte Rusland I. 449.

государь, съ Божіею помощью, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править", и доказывалъ, что запретить вывоза хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ нельзя, „потому что между государствами ссылкѣ и всякой торговлѣ какъ не быть? Если съ нашей стороны въ какихъ-нибудь товарахъ заказъ учинить, то Шведы и сами никакихъ товаровъ въ нашу сторону не повезутъ, и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣнье" [1]).

Посошковъ, какъ мы видимъ, надѣялся на Петра Великаго, по его мнѣнію, лучше прежнихъ царей умѣвшаго обезпечивать интересы русской торговли. Иностранцы же, напротивъ, видѣли въ Петрѣ защитника ихъ правъ. По выраженію ганноверскаго резидента Вебера, Петръ „намѣревался противъ злости Русскихъ дѣйствовать при помощи Нѣмцевъ", но самъ же Веберъ утверждаетъ, что Русскіе не переставали стремиться къ освобожденію отъ перевѣса Нѣмцевъ [2]). Такъ напримѣръ, при Петрѣ II нѣкоторые русскіе купцы представили государю подробный проектъ совершеннаго исключенія всѣхъ иностранцевъ изъ русской торговли и образованія большой русской коммерческой компаніи, въ рукахъ которой сосредоточивались бы всѣ дѣла и богатство которой доставило бы ей возможность платить двойныя пошлины, учреждать мануфактуры разнаго рода, строить каналы и т. д. [3]) Все это оказалось неудобоосуществимымъ и даже при Екатеринѣ II иностранцы замѣчали, что почти вся торговля въ Россіи находилась въ рукахъ иностранцевъ [4]). Даже въ настоящее время русское купечество не перестаетъ роптать на „крѣпостное право въ торговлѣ, находящейся въ рукахъ иностранцевъ" [5]).

Посошковъ былъ правъ, когда выражалъ надежду на Петра, понимавшаго опасность „жалузіи" Нѣмцевъ. Случилось, что нѣкто Шаблыкинъ, учившійся у одного Нѣмца какому-то ремеслу, успѣлъ научиться разнымъ техническимъ уловкамъ, не смотря на то, что мастеръ старался содержать ихъ въ тайнѣ, и Петръ похвалилъ и наградилъ за то Шаблыкина [6]). Другой разъ, когда Петръ выписалъ овчаровъ и суконныхъ мастеровъ изъ-за границы, въ „цидулѣ" къ этому указу онъ

[1]) *Соловьевъ*, X, 179—184.

[2]) *Weber*, Das verändertes Russland I. 27.

[3]) Тамъ же, III, 147.

[4]) *Sabathier de Cabres*, Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, стр. 16.

[5]) См. *Биржевыя Вѣдомости* 6-го мая 1862 г. № 93.

[6]) Штелинъ, слышавшій объ этомъ отъ самого Шаблыкина; см. Anecdotes originales de Pierre le Grand, 72.

приписалъ: „Когда тѣхъ мастеровъ станете отправлять въ губерніи, то лучше, чтобъ они отправлены были не чрезъ Москву; только чтобъ не давали имъ ходить въ Нѣмецкую слободу, дабы ихъ тамъ не сбили плуты, или кто изъ Шведовъ не хотя, чтобъ то дѣло въ нашемъ государствѣ было размножено“ [1]).

Такимъ образомъ Посошковъ мыслилъ объ этомъ предметѣ совершенно также, какъ Петръ, хотя послѣдній и не могъ никогда сдѣлаться сторонникомъ національнаго антагонизма въ такой мѣрѣ, какъ Посошковъ. Петръ былъ посредникомъ между цивилизаціей запада и русскимъ народомъ, Посошковъ во многихъ отношеніяхъ оставался на этотъ счетъ старовѣромъ. Петръ умѣлъ цѣнить значеніе чисто политическихъ вопросовъ, соединенныхъ нѣкоторымъ образомъ съ вопросами о внѣшней торговлѣ; Посошковъ не имѣлъ понятія о состояніи европейской политической системы и разсуждалъ о торговлѣ не столько въ качествѣ государственнаго человѣка, сколько съ точки зрѣнія русскаго купечества. При всемъ томъ однако, какъ мы увидимъ далѣе, Посошковъ, равно какъ и самъ Петръ, былъ меркантилистомъ и въ своихъ соображеніяхъ о внѣшней торговлѣ раздѣлялъ точь въ точь мнѣнія, господствовавшія въ то время въ западно-европейской литературѣ, относящейся въ торговлѣ.

Понятія о торговлѣ на западѣ.

Наука о хозяйствѣ въ началѣ своего развитія была государственною наукою. Экономическая дѣятельность правительствъ повела къ опредѣленію началъ экономическаго быта вообще. По мѣрѣ того какъ усиливалась государственная власть, правительства считали не только своимъ правомъ, но и своею обязанностью заботиться о всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта. Развивалось попеченіе правительствъ объ общественномъ хозяйствѣ, о торговлѣ. Вмѣстѣ съ развитіемъ многостороннихъ задачъ и цѣлей государства должны были развиваться и средства, находившіяся въ распоряженіи казны. Быстрое увеличеніе размѣровъ бюджетовъ принуждало правительства во что бы то ни

---

[1]) П. С. З. № 3017.

[2]) Характеристично предложеніе одного русскаго въ 1724 году отправить его въ Италію для изученія тамъ разныхъ видовъ промышленности, такъ какъ Италія находится въ большомъ отъ Россіи разстояніи и не можетъ имѣть «жалузіи» противъ развитія промышленности въ Россіи. См. *Аванасьевъ*, Госуд. хоз. при Петрѣ Великомъ. *Современникъ*, 1847 г., III, 67.

стало содѣйствовать усиленію способности общества платить подати и налоги. Деньги получили значеніе, котораго они до того не имѣли въ политикѣ. „L'argent est le nerf de la guerre", писалъ Карлъ V. „Un prince sans argent n'est rien", сказалъ папа Сикстъ V. „Деньги суть артеріею войны", замѣтилъ Петръ Великій [1]). Поэтому накопленіе денегъ, драгоцѣнныхъ металловъ становится одною изъ главныхъ задачъ государственнаго управленія. Правительства смотрятъ на торговлю какъ на главное средство для достиженія этой цѣли. Такъ какъ деньги считались главнымъ или даже единственнымъ представителемъ богатства, то обогащеніе одного народа было возможно лишь въ ущербъ другому народу. Чтобы привлечь какъ можно болѣе денегъ изъ другихъ странъ, казалось необходимымъ продавать какъ можно болѣе, а покупать какъ можно менѣе. Для достиженія этой цѣли, необходимо искусственное систематическое устройство торговли. Такъ возникла система меркантилизма.

Наблюденіе надъ явленіями экономическаго быта вообще и торговли въ особенности породило кругъ понятій, заключавшихъ въ себѣ зародышъ науки. Главными представителями этихъ понятій являются государственные дѣятели. Отъ нихъ онѣ сообщаются публикѣ. Публицисты приводятъ ихъ въ систему. Меркантилизмъ поэтому не столько былъ результатомъ метафизическаго мышленія, сколько порожденіемъ практической политики.

Созданная такимъ образомъ наука имѣла преимущественно значеніе національное, политическое. Каждый народъ находился въ антагонизмѣ съ другими народами. Хозяйственный бытъ одного народа соперничалъ съ экономическою дѣятельностью другихъ. Наука о хозяйствѣ поэтому получила названіе „*политической* экономіи" или „Nationalökonomie", названія, которыя при нынѣшнемъ состояніи науки сдѣлались односторонними и тѣсными.

Публицисты, разбиравшіе вопросы, которые относились къ торговлѣ, и сдѣлавшіеся извѣстными какъ писатели-меркантилисты, почти всегда говорятъ не о хозяйствѣ вообще, а о хозяйствѣ лишь одного народа. Они не думаютъ о примѣнимости ихъ предложеній во всѣхъ государствахъ. Они не желали создавать общихъ теорій и ограничивались предложеніемъ частныхъ мѣръ и распоряженій въ томъ краѣ, для котораго составлялись такія записки. Ихъ сочиненія скорѣе заслуживаютъ именно названія записокъ, мнѣній, поданныхъ по вопро-

---

[1]) П. С. З. № 2349.

самъ торговли и ея отношеній въ политикѣ, нежели отвлеченныхъ, теоретическихъ сочиненій. Сочиненія эти всегда состоятъ въ тѣсной связи съ извѣстнымъ положеніемъ какого-либо государства въ данное „время; иногда они могутъ быть сравнимаемы съ инструкціями для органовъ администраціи [1]). Обще-теоретическіе выводы, здѣсь и тамъ встрѣчаемые въ таковыхъ сочиненіяхъ, оказываются односторонними, отчасти ложными. Мѣры, предлагаемыя меркантилистами, не могли считаться безусловно полезными, цѣлесообразными. Признавая значеніе теоріи меркантилистовъ и ея вліяніе на развитіе экономической дѣятельности народовъ, и науки о хозяйствѣ, нельзя не признать, что она относится къ настоящей наукѣ о хозяйствѣ какъ алхимія къ химіи или какъ астрологія въ астрономіи [2]).

Меркантильная система какъ на главную цѣль экономической дѣятельности всего народа указываетъ на выгодный торговый балансъ, то-есть, на перевѣсъ отпуска товаровъ надъ привозомъ. Эта теорія о торговомъ балансѣ основывается на слѣдующихъ началахъ: обогащеніе одного народа возможно лишь въ ущербъ другимъ народамъ, потому что богатство состоитъ въ деньгахъ и драгоцѣнныхъ металлахъ; торговля есть родъ войны международной, въ которой побѣда состоитъ въ выгодномъ балансѣ; государство должно быть главнымъ руководителемъ этой войны, поощряя увеличеніе отпуска товаровъ и ограничивая въ то же время привозъ ихъ [3]). „Странная непослѣдовательность", замѣчаетъ извѣстный историкъ Гееренъ,—„именно въ то время, когда каждое правительство желало развитія торговли,—всѣ старались содѣйствовать ея уничтоженію" [4]).

Такимъ образомъ торговля становится дѣломъ политическимъ, получаетъ національное значеніе. Дженовези (Genovesi), въ своихъ Чтеніяхъ о политической экономіи, замѣчаетъ: „Торговля должна служить государству, а не на оборотъ—государство торговлѣ", или въ другомъ мѣстѣ: „Духъ торговли есть ничто иное какъ духъ завоева-

---

[1]) *Knies*, Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Braunschweig. 1853, стр. 20 и 174.

[2]) *Kautz*, Theorie und Gesch. d. Nationalökonomie, II. 302.

[3]) Весьма точно выразился Кольберъ относительно этой программы: «Réduire les droits à la sortie sur les denrées et les produits manufacturés du royaume. Diminuer aux entrées les droits sur tout ce qui sert aux fabriques. Repousser par l'élévation des droits les produits des manufactures étrangères».

[4]) Gesch. d. europ. Staatensystems, стр. 226.

нія“, или: „У варваровъ предметомъ завоеванія были люди и земли; у народовъ, занимающихся торговлею,—богатство“ [1]).

При такихъ понятіяхъ каждая отрасль экономической дѣятельности должна была стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться національною монополіей. Это направленіе замѣтно съ давнихъ поръ. Жители острова Родоса убивали каждаго иностранца, встрѣчаемаго на ихъ верфяхъ съ намѣреніемъ научиться этому промыслу. Одинъ мореплаватель изъ Кароагена въ открытомъ морѣ нарочно сѣлъ на мель, жертвуя и кораблемъ, и грузомъ, съ тою лишь цѣлью, чтобы продолженіемъ своего плаванія не указать путь слѣдовавшему за нимъ римскому судну; за этотъ патріотическій поступокъ онъ былъ награжденъ въ своемъ отечествѣ, потому что Кароагеняне во что бы то ни стало желали отдалить Римлянъ отъ совмѣстничества въ торговлѣ съ сѣверными странами Европы. Венеціанцы также не допускали иностранцевъ къ участію въ кораблестроеніи на венеціанскихъ верфяхъ и преслѣдовали подосланными убійцами венеціанскихъ ремесленниковъ, оставившихъ свое отечество и занимавшихся своимъ ремесломъ въ другихъ странахъ. Голландцы, сосредоточившіе мушкатный орѣхъ, гвоздику и т. д. на отдѣльныхъ островахъ чрезъ уничтоженіе этихъ растеній на другихъ; навигаціонный актъ въ Англіи во время революціи и диктатуры Кромвелля; дѣйствія Кольбера въ области промышленности съ цѣлью повредить экономическому быту Голландцевъ; континентальная система Наполеона—все это представляетъ намъ примѣры тѣсной связи между политикой и торговлею, стремленіе къ развитію собственной хозяйственной дѣятельности и къ ограниченію богатства другихъ народовъ. Это родъ войны, въ которой оружіемъ служатъ тарифы и привиллегіи, законы, полицейскія распоряженія, административныя мѣры.

Болѣе просвѣщенныя понятія, а именно мысль о томъ, что важнѣйшимъ условіемъ настоящаго процвѣтанія торговли должны быть взаимность и дружескія отношенія между народами, весьма лишь медленно пробиваетъ себѣ дорогу. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка директоръ таможеннаго управленія въ Пруссіи де-Лонэ (de Launay) сказалъ: „Когда мы дѣйствуемъ въ ущербъ иностранцамъ, мы этимъ самымъ приносимъ пользу нашему народу“. За то знаменитый ораторъ французской революціи, Мирабо, замѣтилъ о такомъ

---

[1]) *Genovesi*, Lezioni di commercio osia d'economia civile, Bassano 1769. Нѣм. переводъ *Вицмана*, Лейпцигъ, 1776, I, 287, 294.

отзывѣ, что этотъ взглядъ на торговлю соотвѣтствуетъ варварскимъ воззрѣніямъ какого-либо государственнаго человѣка XI вѣка [1]). Къ счастію, являются уже довольно рано сторонники гуманнаго, либеральнаго начала. „Что же мы станемъ продавать Миланцамъ", спрашивалъ венеціанскій дожъ Мочениго, — „коль скоро разоримъ ихъ въ войнѣ?" [2]) „Кто не хочетъ покупать, не будетъ въ состояніи продавать", замѣчаетъ одинъ изъ англійскихъ экономистовъ XVII вѣка. „Въ торговлѣ", говоритъ Нортъ,—весь свѣтъ образуетъ *одно* семейство, котораго членами бываютъ отдѣльные народы" [3]). Кильбургеръ, путешественникъ, находившійся въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, замѣчаетъ, что совершенно также, какъ Богъ никогда не одаряетъ одного человѣка всѣми способностями и талантами, онъ распредѣлилъ между различными народами и различные источники богатства; изъ этого различія произведеній каждой страны Кильбургеръ выводитъ необходимость международныхъ торговыхъ сношеній [4]). Монтескье указываетъ на миръ, какъ на главное условіе и главный результатъ торговыхъ сношеній. „Два народа", замѣчаетъ онъ,— „состоящіе между собою въ торговыхъ сношеніяхъ, зависятъ другъ отъ друга; желанію покупать соотвѣтствуетъ желаніе продавать; всѣ союзы основаны на взаимныхъ выгодахъ" [5]). Наконецъ, въ XIX столѣтіи англійскій экономистъ Торренсъ назвалъ торговлю международнымъ раздѣленіемъ труда [6]).

Посошковъ, какъ видно, не раздѣлялъ столь космополитическаго взгляда на торговлю. Онъ былъ чуждъ такого рода обобщеніямъ и теоретическимъ разсужденіямъ и гораздо большее вниманіе обращалъ на практическіе вопросы, относящіеся къ торговлѣ Россіи. Онъ не былъ ученымъ или философомъ; онъ писалъ какъ патріотъ-публицистъ, желая быть полезнымъ своему народу. Поэтому его разсужденія о торговлѣ нельзя сравнить съ произведеніями литературы просвѣщенія на западѣ; за то бросается въ глаза необыкновенное сходство его мыслей съ предположеніями нѣкоторыхъ публицистовъ Англіи и Голландіи въ XVII столѣтіи. Мы позволимъ себѣ вкратцѣ указать

[1]) *Roscher*, Gesch. d. Nationalökonomie, стр. 407.

[2]) *Blanqui*, Hist. de l'écon. pol. I. 243.

[3]) *Roscher*, Zur Gesch. d. engl. Volksw., стр. 89.

[4]) *Kilburger*, Kurzer Unterricht über den russ. Handel; *Büschings Magazin*, III, 247.

[5]) Esprit des lois 1, XX, ch. 2.

[6]) *Roscher*, Grundlagen der Nationalökonomie, стр. 88.

на содержаніе таковыхъ брошюръ, разумѣется, не извѣстныхъ Посошкову, но и вообще, и даже въ частностяхъ весьма похожихъ на главныя соображенія въ главѣ „о купечествѣ“ книги „О скудости и богатствѣ“.

Англійская брошюра, приписываемая Ультеру Ралею.

Въ 1653 году въ Англіи явилась брошюра „Замѣчанія о торговлѣ съ Голландцами и другими народами“ [1]). Авторомъ ея считался сэръ Уальтеръ Ралей. Безыменный издатель этой книжки сообщаетъ въ предисловіи, что онъ получилъ рукопись отъ одного господина, который по смерти знаменитаго автора, послѣдовавшей въ 1617 году, хранилъ ее у себя.

Содержаніе этой книжки находилось въ тѣсной связи съ понятіями о торговлѣ, господствовавшими тогда въ Англіи. Авторъ указываетъ на значеніе торговли и желаетъ, чтобъ Англія посредствомъ торговли сдѣлалась богатою и могущественною страною. Торговля Нидерландовъ, по его мнѣнію, должна служить образцомъ для Англіи; Голландцы препятствуютъ развитію Англіи, и потому нужно избавиться отъ такого перевѣса Голландіи надъ Англіей. Въ самомъ заглавіи сказано, что въ этой брошюрѣ заключается доказательство, что всѣ источники богатства Англіи служатъ лишь къ обогащенію и усиленію другихъ странъ въ ущербъ интересамъ самой Англіи. Весьма подробно авторъ говоритъ о средствахъ для устраненія такого неудобства.

Уже самое географическое положеніе Англіи указывало ея политикѣ на море какъ на главное поприще ея дѣятельности и ея перевѣса. Венеціанскій посланникъ Буссони писалъ въ началѣ XV вѣка: „Главное правило Англійскаго государства состоитъ въ стремленіи къ перевѣсу на морѣ надъ всѣми сосѣдями“. Въ заглавіи сочиненія Зельдена „Mare clausum“ встрѣчается замѣчаніе: „Во второй главѣ доказывается, что Великобританскій король царствуетъ надъ моремъ, окружающимъ Англію“. Многія событія содѣйствовали развитію значенія Англіи на морѣ: открытіе морскаго пути въ Россію, колонизація въ Америкѣ, учрежденіе Остъиндской и Вестъиндской ком-

---

[1]) Sir Walter Raleighs Observations touching Trade and Commerce with the Hollander and other Nations, as it was presented to king James, wherein is proved, that our Sea- and Land-Commodities serve to enrich and strenthnen other Countries against our owne. 1653.

паній, побѣда надъ испанскимъ флотомъ и пр. Таково было начало гегемоніи Англіи на морѣ. Съ этимъ началомъ гегемоніи Англіи совпало и начало политической экономіи въ Англіи. Главные англійскіе колонизаторы въ Америкѣ, знаменитѣйшіе адмиралы времени Елизаветы, какъ напримѣръ, Дрэкъ (Drake), Джильбертъ (Gilbert), Фробишеръ и Ралей могутъ считаться первыми представителями этой науки въ Англіи.

Если только Ралей можетъ считаться авторомъ вышеупомянутой брошюры, что̀, впрочемъ, подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію [1]), онъ за-

[1]) Издатель брошюры не сомнѣвается въ томъ, что Ралей былъ авторомъ ея. Онъ подробно разказываетъ, что это сочиненіе, имѣвшее форму письма къ королю Якову I, два раза было представляемо сему послѣднему, но оба раза не имѣло успѣха. Многіе извѣстные писатели Англіи не сомнѣвались въ авторствѣ Ралея. Такъ, напримѣръ, Роджеръ Кокъ (*Roger Coke*, Detections of the Court and State of England during the last four reigns, 3-е изд. 1694 г.), такъ и извѣстный авторъ исторіи торговли Андерсонъ называютъ Ралея авторомъ знаменитой брошюры. Когда въ 1829 году были изданы въ Оксфордѣ всѣ сочиненія Уальтера Ралея, то между ними были помѣщены и «Замѣчанія о торговлѣ». Противъ мнѣнія, что Ралей былъ авторомъ этого труда, возстали два авторитета: біографъ Ралея Ольдисъ (*Oldys*, Life of Raleigh, p. 442, въ срединѣ XVIII вѣка) заключаетъ, что въ библіотекахъ англійскаго дворянства находится нѣсколько списковъ этого сочиненія, въ которыхъ авторъ названъ Джономъ Кеймеромъ (Jonn Keymer). Сей послѣдній въ 1601 г. написалъ сочиненіе о рыбной ловлѣ Голландцевъ (Observations made upon the dutch fishery, напечатано въ 1664 г.), и Ольдисъ говоритъ, что тотъ, кто читалъ оба сочиненія «Замѣчанія о рыбной ловлѣ Голландцевъ» и «Замѣчанія о торговлѣ съ Голландцами», не можетъ сомнѣваться въ томъ, что авторъ обоихъ сочиненій одно и то же лицо. Къ тому же въ «Замѣчаніяхъ о торговлѣ» сказано, по случаю предложенія обратить вниманіе на рыбную ловлю, что авторъ самъ занимался этимъ предметомъ. Такое замѣчаніе дѣйствительно скорѣе указываетъ на Кеймера, нежели на Ралея. Главнымъ предметомъ «Замѣчаній о торговлѣ» служитъ рыбная ловля и торговля шерстью. То, что̀ сказано о рыбной ловлѣ, указываетъ на Джона Кеймера, какъ на автора; то же, что̀ сказано о торговлѣ шерстью, указываетъ на другую личность, какъ на автора этой брошюры, а именно на Кокэня (Cockayne). Мнѣніе, что авторомъ этого сочиненія былъ Кокэнь, высказано въ замѣчательномъ сочиненіи Смита «Memoirs of wool, woolen manufacture and trade. London, 1757», стр. 103. Въ анонимной запискѣ о торговлѣ съ Нидерландцами говорится о томъ, что вывозъ шерсти, какъ сыраго матеріала, чрезвычайно убыточенъ для Англіи, и что лучше бы вывозить шерстяные товары или сукно крашеное вмѣсто бѣлой шерсти и бѣлаго сукна. Эти мысли совершенно согласны съ проектомъ Кокэня, получившаго въ 1615 году привиллегію аппретировать и красить сукно. Андерсонъ (Ист. торг., нѣм. перев., IV, стр. 373) говоритъ, что именно сочиненіе Ралея внушало Кокэню мысль о такомъ промышленномъ предпріятіи, которое впрочемъ

нимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между экономистами Англіи того времени. Ралей былъ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей главныхъ политическихъ стремленій Англіи въ то время. Его многосторонность доставила ему возможность быть въ одно и то же время и адмираломъ, и виднымъ членомъ въ парламентѣ, и ученымъ, и царедворцемъ, и колонистомъ, и поэтомъ. Онъ принималъ участіе во всемъ, что́ касалось новыхъ открытій и изобрѣтеній, литературы, искусства и политики. Во Франціи онъ въ молодости воевалъ на сторонѣ гугенотовъ; въ Америкѣ онъ участвовалъ въ учрежденіи колоніи Виргиніи, у береговъ Испаніи онъ не разъ побѣждалъ испанскій флотъ. Въ темницѣ, куда онъ попалъ вслѣдствіе участія въ какомъ-то заговорѣ, онъ написалъ весьма обширное общеисторическое сочиненіе (History of the world) и занимался философіей, богословіемъ, психологіею и медициною. Онъ былъ казненъ въ 1617 году. Какъ горячій патріотъ, мѣткій наблюдатель, экономистъ и политикъ, Ралей не могъ не заняться вопросомъ объ отношеніяхъ Англіи въ Голландіи. Восхваленіе нидерландской торговли было любимымъ предметомъ англійскихъ публицистовъ XVI вѣка. И Роджеръ Кокъ (Roder Coke) писалъ о торговлѣ Голландцевъ, и лордъ Темпль (Temple), и другіе. Ралей нерѣдко разсуждалъ о зависимости Англичанъ отъ Голландцевъ и съ ненавистью говорилъ о перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми. Такъ, напримѣръ, въ своемъ сочиненіи о мореплаваніи (Discourse of shipping) онъ жалуется на то, что иностранцамъ дозволяютъ отнимать хлѣбъ у Англичанъ, вывозить англійскіе товары и

не имѣло успѣха. Смитъ напротивъ замѣчаетъ: «Я не знаю, кто съ большею вѣроятностью можетъ быть названъ авторомъ этой книжки, какъ альдерманъ Кокень, или по крайней мѣрѣ лицо, состоявшее съ нимъ въ тѣсной связи». Какъ видно, вопросъ объ авторствѣ не рѣшается этими гипотезами. Самъ Ралей, казалось бы, рѣшаетъ этотъ вопросъ довольно ясно. Упоминая однажды объ этомъ сочиненіи, онъ называетъ автора его «неизвѣстнымъ» (a gentlemen to me unknown); см. его сочиненіе «A discourse of the invention of ships» въ собраніи его сочиненій (Works, VII, p. 333), однако Рошеръ (Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre, стр. 33) считаетъ возможнымъ, что Ралей желалъ остаться анонимнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнія, выраженныя въ этомъ сочиненіи, совершенно совпадаютъ со взглядами Ралея, выраженными имъ какъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ парламентѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Это сходство мѣстами даже буквальное... Вопросъ: былъ ли Ралей, или Кокэнъ, или Кеймеръ авторомъ записки, для насъ не особенно важенъ. Важнѣе то, что выраженныя въ ней мысли соотвѣтстетствовали господствовавшимъ тогда понятіямъ общества.

привозить чужіе; въ парламентѣ онъ однажды говорилъ о томъ, что Голландцы, не занимаясь хлѣбопашествомъ, владѣютъ, чрезъ свою предпріимчивость, хлѣбнымъ рынкомъ и потому могутъ снабжать всѣ народы хлѣбомъ. Почти тѣми же словами эти мысли выражены въ запискѣ, приписываемой Ралею. Поэтому, не смотря на вышепомянутыя сомнѣнія, мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что Ралей былъ авторомъ этой записки.

Характеръ и содержаніе этой записки представляютъ большое сходство съ соотвѣтствующими главами въ сочиненіи Посошкова.

Ралей смотритъ на торговлю какъ на главное условіе политическаго могущества; онъ обращается къ королю, чтобы показать ему, „какимъ образомъ другія государства становятся богатыми и сильными посредствомъ промышленности и торговли". Онъ увѣренъ въ томъ, что вовсе „не трудно привлечь посредствомъ торговли могущество и богатство другихъ странъ въ Англію". Далѣе онъ доказываетъ, что торговля можетъ сдѣлаться источникомъ доходовъ казны, и продолжаетъ: „Ваше величество будете имѣть не только полную казну, но и такое политическое могущество, что всѣ государи сосѣднихъ странъ пожелаютъ союза съ Англіей и будутъ ея бояться". О Голландцахъ Ралей говоритъ на этотъ счетъ: „Ихъ доходы умножаются, потому что торговля дозволяетъ даже и низшимъ слоямъ общества платить значительные налоги и въ то же время пріобрѣтать богатство".

Всѣ эти мысли встрѣчаются и у Посошкова. Послѣдній, какъ мы видѣли, предлагалъ стройную организацію торговли подъ надзоромъ правительства. Совершенно такая же мысль встрѣчается въ сочиненіи, приписываемомъ Ралею, въ которомъ предлагается учрежденіе чего-то въ родѣ министерства торговли (State Merchant). „Этотъ State Merchant", говоритъ авторъ,—„наполнитъ порты вашего величества кораблями, а корабли мореплавателями, ваше королевство купцами, ихъ жилища предметами англійскаго производста, вашу казну деньгами. Народъ вашъ вѣчно будетъ восхвалять царствованіе вашего величества, начало столь благопріятнаго, выгоднаго и похвальнаго предпріятія. Это истинный философскій камень, который сдѣлаетъ ваше величество богатымъ и могущественнымъ, а народъ вашъ счастливымъ". За то все это требуетъ упорной борьбы противъ иностранцевъ. Уже самое заглавіе книги, „въ которой доказывалось, что англійскіе товары служатъ къ обогащенію другихъ странъ въ ущербъ Англіи", обнаруживаетъ образъ мыслей автора. Тутъ высказано убѣж-

деніе, что условія для успѣшнаго экономическаго развитія Англіи весьма благопріятны, что Англія имѣетъ самое выгодное географическое положеніе, и что она богато надѣлена разными продуктами. Желаніе воспользоваться этими выгодами было приведено въ исполненіе посредствомъ „навигаціоннаго акта". Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то обстоятельство, что сочиненіе, приписываемое Уальтеру Ралею, явилось въ печати въ 1653 году, между тѣмъ какъ въ октябрѣ 1651 года англійскій парламентъ постановилъ знаменитый законъ о мореплаваніи, который нанесъ сильный ударъ нидерландской торговлѣ и заслужилъ названіе „magna charta maritima" Англіи. Издатель сочиненія „Замѣчаній" жалуется на то, что Ралеевы предложенія не были приведены въ исполненіе въ свое время; примѣненіе ихъ къ практикѣ воспрепятствовало бы обогащенію другихъ странъ и оскудѣнію самой Англіи.

И дѣйствительно, англійская торговля въ прежнее время въ нѣкоторой степени зависѣла отъ иностранцевъ. Такъ, напримѣръ, еще въ началѣ XVI вѣка Ганзейскіе купцы имѣли въ своихъ рукахъ бо́льшую часть англійской торговли. Въ 1551 году Ганзейскіе купцы вывезли изъ Англіи 44000 штукъ сукна, между тѣмъ какъ сами Англичане вывезли не болѣе 1100 [1]). Затѣмъ Голландцы смотрѣли на Англію какъ на источникъ своего богатства. Они занимались рыбною ловлею въ моряхъ, окружающихъ Англію. Издатель сочиненія, приписываемаго Ралею, замѣчаетъ: „Иностранцы наживаютъ себѣ огромныя суммы рыбною ловлею на нашихъ берегахъ. Рыбу и разные другіе товары они развозятъ по всему свѣту, и такимъ образомъ тѣ, которые собственно не имѣютъ никакихъ товаровъ въ своей странѣ, богатѣютъ. Въ этомъ заключается позоръ (scandall) для нашей націи!" Ралей признаетъ, что Голландцы „подняли свое государство на столь высокую степень развитія, что сдѣлались чудомъ свѣта", но къ этому онъ прибавляетъ въ видѣ упрека: „Всѣмъ они обязаны Англіи: моря и земли вашего величества — вотъ неисчерпаемые источники ихъ богатства. Это мнѣніе раздѣлялось многими государственными людьми и публицистами въ Англіи. Такъ, напримѣръ, Мунъ въ своемъ сочиненіи „Discourse of trade" замѣчаетъ, что величіе Голландіи основано на рыбной ловлѣ въ англійскихъ моряхъ, и что Голландія опаснѣе для Англіи, чѣмъ сосѣдство Испаніи и Франціи [2]).

---

[1]) См. Ист. торговли *Андерсона*, г. 1552.

[2]) *Roscher* Engl. Volksw. стр. 46.

Съ ожесточеніемъ и Ралей обращаетъ вниманіе короля на то, что рыбная ловля Голландцевъ происходитъ на берегахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Торгуя нашими товарами, Голландцы вытѣснили насъ изъ всѣхъ отраслей торговли". Эти жалобы точь въ точь похожи на жалобы русскихъ купцовъ 1696 года, на отзывы Крижанича, на предложенія Посошкова.

Ралей желаетъ успѣшнаго совмѣстничества Англіи съ Голландіей; онъ убѣжденъ въ томъ, что для Англіи вовсе не трудно конкуррировать съ нею, потому что послѣдняя не имѣла своихъ собственныхъ произведеній и торговала почти исключительно товарами другихъ странъ. Сравнивая Англію съ Голландіей, авторъ изчисляетъ количество сельдей, ловимыхъ въ англійскихъ моряхъ и продаваемыхъ Голландцами всѣмъ народамъ, и предлагаетъ подкупить голландскихъ чиновниковъ, служащихъ при рыбной ловлѣ, для полученія вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о торговлѣ сельдями [1]). Довольно подробно излагаетъ онъ выгоды, которыми Англія могла бы пользоваться, еслибъ ей удалось забрать въ свои руки этотъ промыслъ. Далѣе Ралей жалуется на хлѣбную торговлю Голландцевъ, между тѣмъ какъ Англія не участвовала въ хлѣбной торговлѣ. Наконецъ, въ его глазахъ то обстоятельство, что Голландцы изъ портовъ Балтійскаго моря на 600 корабляхъ вывозили древесные товары, тогда какъ ни одинъ англійскій корабль не употреблялся на эту отрасль торговли, было вопіющимъ фактомъ. Онъ горюетъ о томъ, что Англія вездѣ остается позади, и что Голландцы имѣютъ въ одиннадцать разъ болѣе кораблей, чѣмъ Англія. Устраненіе всѣхъ этихъ неудобствъ автору „Замѣчаній" кажется нетрудною задачею. По его мнѣнію, легко было привлечь богатство и могущество другихъ странъ въ Англію и обратить послѣднюю въ главный всемірный складъ всѣхъ товаровъ.

Упрекая Англичанъ за то, что они содѣйствуютъ обогащенію иностранцевъ, Ралей замѣчаетъ, что Англія не обращаетъ достаточнаго вниманія на свои собственные источники богатства и находится въ зависимости отъ иностранцевъ относительно удовлетворенія многихъ потребностей. Англія, сказано въ запискѣ, получая множество товаровъ изъ-за границы, становится должникомъ Франціи, Голландіи и пр. Съ ожесточеніемъ говоритъ авторъ о большомъ количествѣ денегъ, которое такимъ образомъ уходитъ изъ Англіи. Онъ убѣжденъ

---

[1]) Достойно вниманія, что Карлъ II въ самомъ дѣлѣ старался получить подробныя свѣдѣнія о торговлѣ сельдями.

въ томъ, что Англія была бы въ состояніи играть совершенно противоположную роль. По его мнѣнію, Англія должна покупать по возможности менѣе товаровъ и предоставить исключительно Англичанамъ продавать произведенія Англіи. Такимъ образомъ Ралей надѣялся привлечь въ Англію значительное количество денегъ, ибо былъ убѣжденъ въ томъ, что Англичане „могли снабжать всѣ народы всѣми товарами и лучше, и дешевле, чѣмъ Голландцы". Онъ совѣтуетъ слѣдовать примѣру Голландцевъ, которые, покупая у всѣхъ народовъ и продавая всѣмъ народамъ, пріобрѣтаютъ громадныя богатства. „Богъ благословилъ Англію множествомъ продуктовъ", сказано далѣе,—„и металлами, и минералами, и растеніями, и хлѣбомъ, и шерстью, и пр. Но Англія не умѣетъ пользоваться этимъ богатствомъ. Каменный уголь, желѣзо и т. п. не добываются у насъ въ достаточномъ количествѣ: Англія чрезвычайно богата матеріаломъ для кораблестроенія и разными товарами для нагрузки множества англійскихъ кораблей, однако Англичане не занимаются столько, сколько могли бы, ни кораблестроеніемъ, ни торговлею, ни мореплаваніемъ. Рыбная ловля можетъ сдѣлаться источникомъ богатства народа и доходовъ казны" [1]).

Настоящимъ приверженцемъ маркантилизма Ралей оказывается въ своихъ предложеніяхъ касательно шерсти. Онъ пишетъ: „Мы вывозимъ шерсть и сукно въ необработанномъ видѣ, а въ Нидерландахъ находятся фабрики, въ которыхъ нашъ сырой матеріалъ превращается въ гораздо болѣе цѣнный товаръ. Такимъ образомъ мы доставляемъ 50.000 иностранцамъ средства для существованія, между тѣмъ какъ народъ вашего величества отчасти остается безъ средствъ пропитанія. Вывозомъ сырой шерсти и не обдѣланнаго сукна, Англія лишаетъ себя ежегодно суммы въ 400.000 фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ въ продолженіе 55 лѣтъ около 20 милліоновъ ф. ст. Между тѣмъ, какъ другіе народы, а именно Голландцы, наживаютъ себѣ этою промышленностью много денегъ и продаютъ нашу шерсть въ видѣ матеріи, мы лишаемся и прибыли и чести, потому что наши товары даже получаютъ иностранныя названія (какъ, напримѣръ, Flemish Bayre). Все это чрезвычайно прискорбно, особенно если принять въ

[1]) Ралей хвалитъ Генриха VII, учредившаго города на берегахъ Англіи съ тою цѣлью, чтобы жители ихъ могли заниматься рыбною ловлею. И Елизавета принимала мѣры для поощренія рыбной ловли. Рыбная ловля Англичанъ у острова Ньюфоундлендъ оказалась особенно выгодною потому, что здѣсь они не страдали отъ совмѣстничества Голландценъ. См. *Gülich*, Geschichte des Handels, I, 74.

соображеніе, что ваше величество одарены Богомъ властью поощрять вывозъ только обработанныхъ продуктовъ".

Такого рода жалобы были весьма обыкновеннымъ въ Англіи явленіемъ. Сукно и шерсть были главными предметами англійской торговли: они были основою богатства Англіи. Лица, которыя занимались этою отраслью торговли, довольно часто имѣли случай обращаться къ публикѣ въ политико-экономическихъ брошюрахъ. Такъ, напримѣръ, въ одной брошюрѣ, напечатанной уже въ 1581 году, предлагается запретить вывозъ сырой шерсти [1]); такъ и правительство принимало множество мѣръ для обезпеченія интересовъ англійскаго народа въ отношеніи къ торговлѣ шерстью [2]). Особенно любопытно, что около того самаго времени, когда была писана въ Англіи вышеупомянутая брошюра, въ Россіи одинъ Англичанинъ, купецъ-дипломатъ Джонъ Мерикъ, преподавалъ главныя правила меркантилизма, сообщая о результатахъ таковой торговой политики въ Англіи. Онъ объяснялъ, почему не должно допускать вывоза смолы изъ Россіи: если смолу повезутъ за море, то и пеньку туда же посылать, и царскаго величества людямъ никакой прибыли изъ того не будетъ. „Государи и власти", объяснялъ Мерикъ,—„не позволяютъ товаръ не изготовленный и не исправленный изъ своей земли отпускать и у людей своихъ промыслъ отнимать; изъ Англійской земли въ прежніе годы шерсть баранью вываживали въ другія государства, и отъ того въ Англійской землѣ многіе люди обнищали было; разсудивъ то дѣло поразумнѣе, королевское величество заказалъ шерсть вывозить изъ земли и тѣмъ опять бѣдныхъ людей воскресилъ, сукна въ своей землѣ дѣлать велѣлъ, и теперь лучше этихъ суконъ ни въ которыхъ государствахъ не дѣлаютъ; этимъ иноземцевъ мастеровъ въ Англійскую землю привели, землю и подданныхъ обогатили такъ, что славнѣе и богаче нашего государства нѣтъ между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказалъ изъ Англійской земли бѣлыя сукна возить въ другія государства, потому что прежде иноземцы наши

---

[1]) A compendions or brief excmination of certayne ordinary complaints; by *W. S. Рошеръ*, *Zur* Gesch. d. engl· Volksw., стр. 16, называетъ автора William Stafford. Когда явилось новое изданіе этого сочиненія въ 1751 г., издатель въ заглавіи изъ «W. S.» сдѣлалъ «William Shakespeare».

[2]) Въ 1625 году шерсть составляла 9/10 всего вывоза изъ Англіи, см. *Hum* History of England, 1625 г. О мѣрахъ Генриха VII, Маріи, Іакова и пр. см. *Hülich*, I, 61, *Андерсона,* 1550, 1564, 1601, 1608 гг., *Smith*, Memoirs of wool, I, 14 и Observations *Ралея*, passim.

сукна красили и справляли, отъ того богатѣли, а теперь это поворотилось къ королевскимъ подданнымъ" [1]).

И въ самой Россіи Англичане руководствовались такими соображеніями при своихъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, пеньку англійская компанія, по возможности, не вывозила въ необработанномъ видѣ, потому что перевозка ея обходилась компаніи слишкомъ дорого. Они устроили въ Холмогорахъ канатную фабрику [2]), и Джонъ Мерикъ хвалился, что англійскіе люди завели канатное дѣло, и отъ того было кормленіе многимъ Русскимъ бѣднымъ людямъ, которые у нихъ работали и научились у нихъ Русскіе люди канаты дѣлать [3]).

Изъ всего этого видно, что взглядъ Посошкова относительно національнаго значенія торговли вполнѣ согласовался съ понятіями Англичанъ. Мѣры, которыя предлагалъ Посошковъ, отчасти походили на мѣры, принятыя въ Англіи для обезпеченія англійской торговли и промышленности. Россія при Посошковѣ и до него должна была обороняться отъ перевѣса иностранныхъ купцовъ надъ своими совершенно такъ же, какъ Англичане въ XVI и XVII столѣтіяхъ протестовали противъ преобладанія въ Англіи Ганзейскихъ купцовъ и Голландцевъ. И въ Россіи, и въ Англіи стремились къ національной монополіи путемъ меркантилизма. Одинаковыя причины должны были въ обѣихъ странахъ имѣть одинаковыя слѣдствія. Неудобства торговаго быта и здѣсь, и тамъ породили заявленія публицистовъ-патріотовъ. Ралею, Темплю, Смиту и пр. въ Англіи соотвѣтствуютъ въ Россіи Крижаничъ и Посошковъ. Мѣрамъ Елизаветы, Якова и Кромвеля соотвѣтствуетъ законодательная и административная въ отношеніи къ торговлѣ дѣятельность Петра Великаго.

Голландская брошюра Питера де-ла-Кура.

Въ 1659 году было издано въ Голландіи сочиненіе „о благосостояніи города Лейдена" („Het Wilvaeren der Stad Leyden"). Авторомъ этого сочиненія, въ которомъ проповѣдывалась свобода труда, и предлагалась отмѣна монополій, привиллегій, цеховъ, былъ Питеръ

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, стр. 124.
[2]) *Ключевскій*. Сказ. иностр. о Моск. госуд., 242.
[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, стр. 126.

де-ла-Куръ (Pieter de-la-Court), докторъ правъ, сынъ владѣльца суконной фабрики, другъ и сподвижникъ знаменитаго республиканца Жана де-Вита. Второе изданіе этого труда, нѣсколько измѣненное и дополненное, явилось въ 1662 году подъ заглавіемъ: „О причинахъ благосостоянія Голландіи“ („Interest van Holland ofte Gronden van Hollands Welvaeren aangeweezen door V. D. H. t'Amsterdam“.—V. D. H. значило Van Der Hofe, во французскомъ переводѣ de-la-Court). Третье изданіе, явившееся въ 1669 году, имѣло заглавіе: „Указаніе на политическія правила, полезныя для Голландіи и Вестъ-Фрисландіи“. Въ 1709 году явился французскій переводъ подъ заглавіемъ „Mémoires de Jean de Witt“. Нѣкоторыя главы, въ которыхъ были помѣщены сильныя нападенія на принцевъ Оранскихъ, дѣйствительно были написаны Жаномъ де-Витомъ [1]).

Въ этомъ сочиненіи заключались разсужденія объ экономическомъ и политическомъ положеніи нидерландскихъ провинцій вообще и Голландіи въ особенности. Чрезвычайно подробно разсматривались въ немъ вопросы о тѣсной связи между политикой и торговлею. Эти вопросы въ Голландіи постоянно находились на первомъ планѣ. Политическое значеніе и величіе этого государства было основано на торговлѣ. Упадокъ Голландіи обусловливался совмѣстничествомъ другихъ странъ и народовъ въ области торговли. Именно такимъ преобладаніемъ коммерческаго духа отличалась и политическая дѣятельность ратспенсіонарія Жана де-Вита, и публицистическое направленіе его друга Питера де-ла-Кура. Послѣдній, писавшій подъ вліяніемъ де-Вита, доказывалъ, что сила и блескъ Нидерландовъ основаны на торговлѣ, и что болѣе широкіе взгляды Оранской партіи на политику Голландіи гибельны для этого государства. Книга эта надѣлала много шуму. Появились многія брошюры въ защиту принцевъ Оранскихъ; Лейденскій синодъ отрѣшилъ Питера де-ла-Кура отъ принятія св. тайнъ; произведено было слѣдствіе; привиллегія, съ которою явилось второе изданіе, была уничтожена. Скоро послѣ этого началась война съ Франціей, во время которой братья де-Витъ сдѣлались жертвами Оранской партіи. Питеръ де-ла-Куръ долженъ былъ бѣжать за границу; возвратившись въ свое отечество—

---

[1]) См. монографію *Ласпейреса* въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*. Tübingen, 1862, 2-я и 3-я кн., стр. 330—374, а также большой трудъ *Ласперейса* о политической экономіи въ Голландіи, стр. 17 и пр.

но уже не въ городъ Лейденъ, а въ Амстердамъ, — онъ умеръ въ 1685 году.

Питеръ де-ла-Куръ ясностью и мѣткостью своихъ политико-экономическихъ разсужденій опередилъ своихъ современниковъ и заслужилъ себѣ названіе достойнаго предшественника Адама Смита. Мы встрѣчаемъ у него подробныя свѣдѣнія по исторіи торговли, по теоріи финансоваго управленія и пр. Главное вниманіе онъ обращаетъ на внѣшнюю торговлю. Указывая на нѣкоторыя неудобства коммерческаго быта Нидерландовъ, онъ требуетъ мѣръ для обезпеченія интересовъ торговли. На этотъ счетъ его трудъ сходенъ съ трудами Ралея и Посошкова.

Мы видѣли, сколь высокое мнѣніе о значеніи торговли имѣлъ Уальтеръ Ралей. Еще выше цѣнилъ ее Питеръ де-ла-Куръ. „Голландія“, пишетъ онъ,—„существуетъ лишь въ силу торговли, промышленности, рыбной ловли и мореплаванія.... Мореплаваніе, рыбная ловля, промышленность и торговля — четыре столба, на которыхъ основано государство“. Дѣйствительно, въ то время замѣчали, что Амстердамская биржа стремилась къ тому значенію въ европейской политикѣ, какое имѣлъ Мадритскій кабинетъ въ XVI столѣтіи. Объ Амстердамѣ говорили, что онъ „построенъ на сельдяхъ“, сельди считались „золотымъ рудникомъ“ Голландіи. Де-ла-Куръ замѣчаетъ, что рыбная ловля и торговля вмѣстѣ поддерживаютъ промышленность, и что всѣ три вмѣстѣ создаютъ торговлю. Онъ показываетъ, что пятая часть доходовъ Голландіи имѣетъ источникомъ рыбную ловлю, десятая—мореплаваніе, половина—внѣшнюю торговлю. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ нѣсколько разъ повторенному заключенію: „l'état des Hollandais est fondé sur le commerce“. Питеръ де-ла-Куръ желаетъ отмѣны монополій, цеховъ, стѣсняющихъ, по его мнѣнію, промышленность и торговлю внутри государства. За то онъ желаетъ первенства Голландіи во всемірной торговлѣ. Онъ былъ главнымъ защитникомъ національной монополіи. Исторія Голландіи представляетъ множество примѣровъ національнаго эгоизма. Нидерландцы не были разборчивы въ средствахъ для устраненія конкурренціи другихъ народовъ въ торговлѣ пряностями. Ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ Англичанамъ на островахъ Азіи вѣчно будетъ пятномъ въ ихъ исторіи. Бѣдствія другихъ странъ были условіемъ выгодъ Голландіи, гдѣ, напримѣръ, съ радостью получались извѣстія о вздорожаніи хлѣба въ другихъ странахъ, потому что въ Голландіи находились на такіе случаи большіе запасы хлѣ-

ба [1]). Съ опасеніемъ смотрѣла Голландія на могущество и богатства другихъ государствъ. Каждая перемѣна въ пошлинномъ тарифѣ Франціи, каждая запретительная мѣра въ Англіи, какое-либо нововведеніе въ любомъ государствѣ въ пользу религіозной терпимости, способное привлечь туда промышленниковъ и купцовъ различныхъ исповѣданій [2]), могли сдѣлаться роковыми для Голландіи, гдѣ всѣ желали, чтобы всѣ страны оставались въ нѣкоторой зависимости отъ голландскихъ купцовъ. „Каждый настоящій Голландецъ", замѣчаетъ Питеръ де-ла-Куръ,—„долженъ желать ослабленія Франціи и Англіи, застоя въ Испаніи". Такой же цинизмъ и національный эгоизмъ мы встрѣчали въ предложеніяхъ Посошкова, желавшаго „привести иностранцевъ въ смиреніе, и чтобъ они за нами гонялись,... чтобы намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати предъ нами" и пр.

Англія была опаснѣе другихъ странъ для Голландіи. Питеръ де-ла-Куръ горюетъ о томъ, что развитіе промышленности, распространеніе колонизаціи „сдѣлали Англію независимою отъ Нидерландовъ". Но онъ находитъ утѣшеніе въ томъ обстоятельствѣ, что Англія, въ его время, употребляла втрое болѣе голландскихъ товаровъ, нежели Голландія — англійскихъ. Совершенно также Посошковъ радовался тому, что Россія можетъ, по его мнѣнію, „прожить безъ англійскихъ товаровъ, а они безъ нашихъ товаровъ прожить не могутъ". Руководствуясь такимъ національнымъ эгоизмомъ, Питеръ де-ла-Куръ находитъ, что разстройство французскихъ финансовъ должно считаться выгодою для Голландіи. Онъ очень доволенъ расточительностью Англійскаго короля Карла II, потому что не тратя столько денегъ на удовольствія и на придворную роскошь, Карлъ былъ бы въ состояніи нанимать матросовъ, строить флотъ и получить рѣшительный перевѣсъ на морѣ. Сребролюбіе „фаворитовъ и воровъ, окружающихъ Англійскаго короля", заставляетъ Питера де-ла-Кура надѣяться, что на этихъ людей можно дѣйствовать подарками, „чтобы препятствовать враждебнымъ мѣрамъ".

Въ видахъ интересовъ голландской торговли, Питеръ де-ла-Куръ былъ сторонникомъ мира. „Хотя и кошка", пишетъ онъ,—„нѣсколько

---

[1]) «En cas de mauvaises années et d'infertilités dans les autres pays, dont nous pourrions profiter», говоритъ Питеръ де-ла-Куръ.

[2]) См. подобные случаи въ сочиненіи *Трейчке*: Die Republik der vereinigten Niederlande, въ его Historische und politische Aufsätze. Neue Folge; erster Theil. Leipzig, 1870, стр. 567.

походитъ на льва, она всегда остается кошкою: также и мы, голландскіе купцы, никогда не превратимся въ воиновъ". Именно въ этомъ отношеніи политика Жана де-Вита, желавшаго мира, отличалась отъ политики стремившихся къ монархической власти принцевъ Оранскихъ.

Мы видѣли, какъ и Уальтеръ Ралей, и Посошковъ указывали своимъ соотечественникамъ на необходимость осторожнаго потребленія заграничныхъ товаровъ. Точно также и Голландцы старались избѣгать роскоши потребленія предметовъ привоза. Англійскій дипломатъ Темпль въ своемъ сочиненіи о Голландіи преподаетъ то ученіе, что при покупкѣ товаровъ весьма важенъ вопросъ, покупаются ли они для собственнаго потребленія или для вывоза. Въ первомъ случаѣ слѣдствіемъ торговли, по его мнѣнію, должно быть оскудѣніе, во второмъ—обогащеніе. Онъ удивлялся простотѣ нравовъ и отсутствію роскоши въ Нидерландахъ. Онъ замѣчаетъ, что высшіе сановники, какъ напримѣръ, адмиралъ Рейтеръ или Жанъ де-Витъ, въ своей одеждѣ, въ своемъ образѣ жизни нисколько не отличаются отъ простыхъ гражданъ. „Никакая страна", говоритъ онъ,—„не привозитъ столько товаровъ и не употребляетъ столь малаго количества оныхъ. Они покупаютъ лишь съ цѣлью снова продать. Они имѣютъ и пряности Индіи, и шелковыя матеріи Персіи, но между тѣмъ они носятъ шерстяное платье и питаются рыбою и обыкновенными кореньями. Хорошее и дорогое сукно, которое они дѣлаютъ сами, они вывозятъ во Францію, а для себя покупаютъ сукно похуже въ Англіи. Свое лучшее масло они продаютъ во всѣ европейскія государства, а для себя покупаютъ масло подешевле въ Ирландіи или въ сѣверной Англіи и пр.".

И Питеръ де-ла-Куръ убѣжденъ въ томъ, что избѣжаніемъ роскоши и крайнею осторожностью въ потребленіи обусловливается богатство. Онъ даже желаетъ на этотъ счетъ принятія правительствомъ мѣръ для ограниченія потребленія заграничныхъ предметовъ роскоши, а именно высокихъ пошлинъ съ товаровъ, служащихъ не для общихъ потребностей, а для пышности, для удовольствія, для украшенія. „Тогда", замѣчаетъ онъ,—„Голландцы найдутъ для себя гораздо болѣе выгоднымъ ограничиваться потребленіемъ отечественныхъ произведеній". За то Питеръ де-ла-Куръ желаетъ усиленія вывоза и для этой цѣли поощренія промышленности. Религіозную терпимость онъ весьма справедливо считаетъ самымъ удобнымъ средствомъ для привлеченія въ Голландію многихъ предпріимчивыхъ, трудолюбивыхъ и бо-

гатыхъ капиталистовъ-фабрикантовъ [1]). Далѣе онъ предлагаетъ пониженіе или отмѣну пошлинъ на вывозные товары. Существованіе таковыхъ пошлинъ онъ считаетъ непростительною ошибкою администраціи. „Всѣми средствами“, продолжаетъ Питеръ де-ла-Куръ,—„мы должны стараться удержать въ нашей странѣ тѣхъ лицъ, которыя могли бы, оставляя Голландію и переселяясь въ другія страны, наживать себѣ тамъ большія состоянія. Своими барышами онѣ доставляютъ средства для существованія многимъ промышленникамъ и самому государству“. Въ другомъ мѣстѣ сказано: „Рыбная ловля и судоходство поддерживаютъ мануфактурную промышленность: посредствомъ ихъ мы получаемъ изъ-за границы сырые матеріалы, которые въ обработанномъ видѣ, въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій, вывозятся во всѣ государства“. Питеръ де-ла-Куръ желаетъ еще большаго развитія шерстяной, шелковой, льняной и пеньковой промышленности. И кораблестроеніе онъ называетъ мануфактурною промышленностью и основою торговли, потому что большая часть большихъ кораблей прочихъ европейскихъ народовъ строилась въ Голландіи, и этимъ поддерживались различныя отрасли промышленности и торговли.

Такія понятія о нѣсколько враждебныхъ международныхъ отношеніяхъ встрѣчаются весьма часто въ политико-экономической литературѣ западной Европы, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Эразмъ предлагалъ собирать высокія пошлины со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, потому что они служатъ лишь для роскоши богачей. Гуттенъ (Hutten) считалъ потребленіе такихъ предметовъ, которые производятся въ чужихъ краяхъ, даже вреднымъ для здоровья; Лютеръ ратовалъ противъ ярмарки Франкфуртской, называя ее дырою, чрезъ которую изчезаетъ множество нѣмецкихъ денегъ за границу, и вообще часто протестовалъ противъ потребленія иностранныхъ товаровъ. Австрійскій экономистъ Бехеръ также находилъ ярмарки вредными, потому что чрезъ нихъ публика все болѣе и болѣе привыкаетъ къ потребленію заграничныхъ товаровъ [2]).

Посошковъ и Петръ Великій—меркантилисты.

Мы видѣли, какимъ образомъ Посошковъ сходился съ мнѣніемъ западно-европейскихъ публицистовъ относительно международнаго анта-

---

[1]) Весьма любопытные на этотъ счетъ замѣчанія встрѣчаются въ сочиненіи Темпля.

[2]) См. *Roscher*, Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, стр. 40, 44, 63, 167 (Lutherus von Husum), 280 и пр.

гонизма въ области торговли. Онъ желалъ освобожденія русской торговли отъ ига иностранцевъ совершенно также, какъ Вальтеръ Галей считалъ возможнымъ эманципировать англійскую торговлю отъ преобладанія Голландцевъ. Онъ мечталъ о возможности такого же торжества русской торговли надъ иностранцами, какъ Питеръ де-ля-Куръ надѣялся на постоянное господство Голландцевъ въ европейской торговлѣ. Въ частностяхъ относительно привоза и вывоза товаровъ Посошковъ также раздѣлялъ мнѣніе писателей-меркантилистовъ западной Европы. Желая ограниченія привоза продуктовъ промышленности изъ-за границы и считая важнѣйшею задачею торговой полиціи поощреніе вывоза продуктовъ промышленности, Посошковъ заслуживаетъ названіе меркантилиста. Его убѣжденія на этотъ счетъ сходны съ понятіями Петра Великаго. Предложенныя Посошковымъ административныя мѣры походятъ на мѣры, принятыя въ его время правительствомъ для поддержанія національной промышленности и развитія національной торговли.

Ограниченіе потребленія привозныхъ товаровъ.

Въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ русская публика привыкла къ потребленію множества заграничныхъ товаровъ, главнымъ образомъ—предметовъ роскоши. Сначала только для царя привозились изъ-за границы такого рода предметы, какъ напримѣръ, позолоченныя алебарды, аптекарскія снадобья, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки, жемчугъ, посуда вычурной работы. Такихъ вещей Горсей въ 1585 году навезъ на 4.000 ливровъ [1]). Затѣмъ и для публики стали привозиться такого рода товары. На одномъ кораблѣ, прибывшемъ въ Холмогоры въ 1605 году, были: галстухи для мужчинъ, зеркала, колокольчики, мѣдные тазы, люстры, сафьянъ и пр [2]). Въ весьма подробныхъ спискахъ иностраннымъ товарамъ, привезеннымъ въ Архангельскъ въ 1671 — 1673 годахъ, мы находимъ кружева, шелковыя матеріи, драгоцѣнные камни, краски, нѣсколько сотенъ дюжинъ очковъ, иголки, пряности, конфекты, зеркала, ленты, испанскія и французскія вина [3]). Такого рода предметы становились болѣе и болѣе необходимыми. Количество таковыхъ

---

[1]) Записки Горсея въ *Библ. для Чт.* 1865, № 6, стр. 19; у *Ключевскаго*, Сказанія иностранцевъ, 240.

[2]) *Baltische Monatsschrift*, VI т., 4 выпускъ.

[3]) *Kilburger*, Kurzer Unterricht и пр. въ *Büschings Magasin*, III, стр. 274 ff.

оваровъ, привозимыхъ въ Россію, росло постоянно съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Кильбургеръ (1671—1673), до того времени, когда писалъ Посошковъ свою книгу „О скудости и богатствѣ" (1721—1724). Это видно, между прочимъ, изъ сочиненіе Марпергера „Moscowitischer Kauffmann", въ которомъ также встрѣчаются росписанія товарамъ, привозимымъ въ Россію въ началѣ XVIII вѣка. Между ними встрѣчаются, напримѣръ, золотыя и серебрянныя проволоки, нюрнбергскіе товары, парики, бобровые мѣха изъ Канады, шелковые платки и пр. [1]).

Не мудрено, что Посошковъ не одобрялъ такой склонности Русскихъ къ потребленію иностранныхъ товаровъ. Уже въ „Отеческомъ завѣщаніи" онъ совѣтуетъ сыну не давать дѣтямъ носить роскошное платье, замѣчая при этомъ: „Намъ иноземцовъ денгами не наполнить, они тому велми ради, еже бы мы въ уборствѣ великомъ и въ парукахъ ходили, толко ихъ бы денгами осыпали. Вмѣстное ли то дѣло, еже накладные волосы рублевъ по пятидесяти и болши продаютъ, а что въ нихъ есть, понося токмо да бросить". Объясняя затѣмъ, почему обшивныя пуговицы не годятся, Посошковъ пишетъ: „А ты, сыне мой, на ихъ нѣмецкія басни не смотри; а наипаче не пускай дѣтей твоихъ заморскихъ питей пити: понеже тыи питья наче здравію человѣческому вредительны, а царьственному богатству истощительны, и не токмо истощительны, но и разорительны... На Нѣмецъ намъ смотрить нечего: они насъ обманываютъ, да денги у насъ выманіваютъ, а самыя правды никогда намъ не скажутъ, толко предлагаютъ намъ всякіе фигуры, на чомъ бы имъ излишніе у насъ денги выманити, и привозятъ къ намъ дудки, да робячіе игрушки, да всякіе напитки... и на питье и на иные бездѣлицы кои купя да бросить тысячъ по сту рублевъ и болши на кійждо годъ выманиваютъ. Намъ надлежало било то у нихъ покупати, безъ чего намъ пробить не можно" [2]).

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", Посошковъ говоритъ: „Иноземцы хощутъ Россійское царство пригнать къ оскудѣнію, и издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ возятъ къ намъ разныя питья, да похваляютъ ихъ, то питье честное и весьма похвальное, дабы слиша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали; и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье выпить...,

---

[1]) *Marperger*, Moscowitischer Kauffmann (1723), стр. 228—230.

[2]) Отеч. зав., 57 и 58.

да привозятъ къ намъ стеклюнную посуду, чтобъ намъ купивъ, разбить, да бросить... И того ради весьма надлежитъ намъ себя осмотрить: ихъ нѣмецкихъ разсказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то надсѣдаясь хвалятъ, чтобы мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ: и пиво наваря, да наливъ въ бутылки привозятъ, да продаютъ бутылку по десяти алтынъ; а намъ мочно та бутылка наложить на алтынъ или двѣ копѣйки" [1]).

Въ другомъ мѣстѣ сказано: „А и во всякихъ товарѣхъ смотрить того накрѣпко, чтобы былъ проченъ, и парчи всякія, кои бываютъ къ носкѣ прочны, тѣ и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цвѣтны, таковыхъ и на полцѣны принимать не надобно, и никому бы изъ такихъ парчей и платья дѣлать надлежитъ призапретить; потому въ нихъ деньгамъ переводъ. И не токмо шелковыхъ, но и гарусныхъ, кои неплотны и къ носкѣ непрочны, чулки и парчевыя вещи, кои скоро пропадаютъ, таковыхъ никогда принимать не надобно; такожде и линтовъ, кои весьма тонки и плохи, хотя самою малою цѣною не доведется жъ брать; но брать тѣ линты, кои весьма плотны, хотя и цѣною выше, только къ носкѣ были прочны; и съ мишурою битью никакихъ линтовъ не принимать, потому что въ нихъ никакаго проку нѣтъ, токмо денежная напрасная трата. Такожде и платковъ шелковыхъ нѣмецкихъ и персидскихъ не надлежитъ же покупать намъ; потому что и въ нихъ токмо одна денежная трата, а самыя потребы ни полу нужныя нѣтъ: дать за него рубль или полтора рубля и годомъ платка два-три истеряетъ, и на другой годъ толико же надобно, и лѣтъ въ десятокъ иной щеголь платковъ съ пятьдесятъ; и хотя по рублю положитъ платокъ, то пятьдесятъ рублевъ истратитъ и на всякій годъ, и въ той бездѣлицѣ изъ царства тысячъ десятка по два-три пропадутъ, а на утираніе носа и на утиранія на лицѣ пота гораздо потребнѣе платки льняные, нежели шелковые; и шелковые токмо одни хвосты, да иноземцамъ обогащеніе. И если заказъ о шелковыхъ платкахъ будетъ, то никто ихъ не востребуетъ, и будутъ по прежнему полотняннми платками утиратися. Нѣмцы никогда насъ не научатъ на то, чтобы мы бережно жили и ничего бъ напрасно не теряли; только то выхваляютъ, отъ чего бъ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше

[1]) Соч. Пос., I, 124.

въ скудость пригоняютъ; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ лагогозятъ; надобно смотрить ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотрить презрительнымъ окомъ" [1]).

Еще подробнѣе Посошковъ пишетъ о необходимости запретить употребленіе иностранныхъ винъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что не только людямъ духовнаго званія, но и купцамъ и чиновникамъ не слѣдуетъ „касаться заморскихъ питей": „Буде кто хочетъ прохладиться, то можетъ и русскими питьи забавиться, а не тобъ что покупаючи пить, но и приноснаго никакого заморскаго питья не поваживались бы пить... И иноземцамъ то прилично питье свое заморское въ домѣхъ своихъ держать, и кого не похотятъ поить имъ хотя Рейнскимъ иль алкономъ (Alicante?), но хотя Венгерскимъ безденежно; а на деньги буде продастъ много, или мало, брать штрафъ сторичный—за копѣйку по рублю, а за рубль по сту рублевъ, а достальное питье, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя".

Впрочемъ, Посошковъ готовъ сдѣлать исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ: „А буде кто и иноземцевъ позоветъ къ себѣ въ гости, то подчивали бы своими питьи, а на заморскія питья отнюдь никакого числа денегъ не тратили бы, но токмо заморскія питья покупали бы одни сенаторы, да изъ царскаго синклита, кои самые богатые люди, обаче съ разсужденіемъ жъ бы, чтобы деньгамъ не весьма истратно было. Развѣ къ кому случится пришествіе Царскаго Величества, то уже тутъ нѣтъ предѣла: идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется. Намъ отъ заморскихъ питей кромѣ тщеты и богатству нашему Россійскому препятія и здравію поврежденія инаго нѣсть ничего, и дадимъ мы изъ Россійскаго царства за него червонные, да ефимки и иные потребности, безъ коихъ имъ пробыть невозможно и отъ чего они богатство пріобрѣтаютъ" и пр. [2]).

Таковы мысли Посошкова относительно ограниченія привоза и потребленія иностранныхъ товаровъ въ Россіи. Хотя у него и не встрѣчается терминъ „торговый балансъ", самое понятіе о выгод-

---

[1]) Соч. Пос., I, 125—127.
[2]) Соч. Пос., I, 135—137.

номъ отношеніи между привозомъ и отпускомъ товаровъ Посошкову также хорошо извѣстно, какъ и самому Петру Великому.

Если вообще, какъ мы замѣтили, административная и законодательная дѣятельность Петра Великаго должна была служить школою для Посошкова, то именно распоряженія Петра въ отношеніи къ торговлѣ могли сдѣлаться особенно полезными для крестьянина-купца, многосторонняя дѣятельность котораго заставляла его наблюдать за разными явленіями народной экономіи. Мѣры правительства для поощренія торговли и промышленности сдѣлались извѣстными въ подробностяхъ именно той части публики, къ которой принадлежалъ Посошковъ. Поэтому, мы до разбора мнѣній самого Посошкова относительно необходимости поощренія вывоза русскихъ товаровъ за границу и относительно усиленія производства разныхъ продуктовъ въ Россіи считаемъ не лишнимъ указать вкратцѣ на меркантилизмъ Петра Великаго.

Петръ для своихъ предпріятій въ области внѣшней политики нуждался въ значительномъ количествѣ денегъ. Россія же, какъ замѣчаютъ иностранцы, въ то время не столько была богата деньгами, сколько она изобиловала товарами [1]). Такъ какъ горное искусство до Петра было весьма мало развито, и драгоцѣнные металлы добывались развѣ лишь въ самомъ ничтожномъ количествѣ, то удобнѣйшимъ способомъ привлеченія наличныхъ денегъ изъ-за границы въ Россію должно было казаться развитіе промышленности и вслѣдствіе того усиленіе вывоза русскихъ товаровъ за границу, однимъ словомъ — выгодный торговый балансъ. Съ этою цѣлью Петръ, какъ извѣстно, устраивалъ множество фабрикъ и мануфактуръ, и число заводовъ росло весьма быстро; при нѣкоторыхъ случаяхъ поощренія той или другой отрасли промышленности или земледѣлія правительство прямо указывало на цѣль, имѣвшуюся въ виду при этомъ, а именно на необходимость избѣжанія платить деньги иностранцамъ за тотъ или другой товаръ. Современники замѣчаютъ, что Петръ приглашалъ пастуховъ изъ Силезіи для развитія шерстяной промышленности, съ тою цѣлью

---

[1]) *Weber*, Das veränd. Russland, I, 34.

„чтобы не платить столько денегъ за шерсть и сукно Англичанамъ“ [1]), или что онъ устраивалъ мануфактуры „шелковыхъ издѣлій, ибо зналъ, что привозъ таковыхъ товаровъ стоитъ много денегъ“ [2]).

До Петра Россія получала пушки и оружіе вообще главнымъ образомъ изъ за границы. При немъ устроены были желѣзные заводы, на которыхъ дѣлали пушки, ружья, гранаты и пр., далѣе пороховые заводы; всюду велѣно отыскивать рудники, краски, разные сырые матеріалы, необходимые для мануфактуръ и заводовъ. Мануфактуръ-коллегія должна была заботиться о заведеніи такихъ мануфактуръ, для которыхъ матеріалы можно найдти въ самой Россіи. Иностранные мастера должны были учить русскихъ, чтобъ можно было замѣнить первыхъ послѣдними. Въ 1716 году изъ канцеляріи сената были посланы во всѣ губерніи *заморскія* краски и велѣно показывать ихъ, означивъ цѣну каждой, и публиковать, чтобы нашедшій такія или подобныя краски объявлялъ о томъ губернатору, за что̀ обѣщана награда. Съ привозныхъ товаровъ, которые можно было дѣлать въ Россіи, взималась большая пошлина. Около того самаго времени, когда Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“, Петръ указывалъ на то, что какой-то мужикъ нашелъ краску баканъ „только одного венецейскаго плоше и съ нѣмецкимъ равенъ, а инаго и лучше“, но что при ввозѣ таковыхъ же товаровъ изъ-за границы въ Россію „наши фабрики у прочихъ народовъ въ великой завидости есть“; онъ былъ того мнѣнія, что „въ мануфактурныхъ дѣлахъ не однимъ предложеніемъ дѣлать, но и принуждать и вспомогать наставленіемъ, машинами и всякими способами и яко добрымъ экономомъ быть“ и пр. [3]). Къ таковымъ мѣрамъ Петра Великаго можно отнести далѣе отправленіе самимъ правительствомъ въ дальнія страны, напримѣръ, въ Испанію, кораблей съ разными русскими товарами, учрежденіе русскихъ консульствъ въ Тулонѣ, Лиссабонѣ и прочихъ городахъ [4]), множество наставленій правительства простолюдинамъ, какъ должно дѣлать полотно, принятіе Петромъ отъ ремесленниковъ мнѣній о ихъ мастерствахъ и т. п. Разныя мѣры были при-

---

1) *Weber*, I, 222.

2) *Marperger* 142. Онъ полагаетъ, на стр. 139, что Россія скоро будетъ въ состояніи вывозить за границу пушки, ружья и пр.

3) П. С. З., 4345.

4) *Weber*, стр. 168 и стр. 13.

нимаемы для обезпеченія интересовъ коммерческаго и промышленнаго класса, хотя иногда такія мѣры, напримѣръ, монополіи и привилегіи, оказывались не выгодными для большинства народа, для потребителей. Заключеніе торговыхъ договоровъ между Россіей и другими державами, постройка Петербурга и мѣры, принятыя для привлеченія туда главной части внѣшней торговли, мысль объ учрежденіи колоній на островахъ южной Азіи или на островѣ Мадагаскарѣ [1]), все это заключаетъ въ себѣ доказательства, что Петръ особенное обращалъ вниманіе на торговлю, что онъ лично занимался частностями этой отрасли администрации и раздѣлялъ главныя воззрѣнія западно-европейской школы меркантилистовъ [2]).

Министры современника Петра Великаго, Германскаго императора Леопольда I, увѣряли этого государя, что ему не слѣдуетъ заботиться о вопросахъ народной экономіи, ибо такія занятія мелочами несогласуются съ достоинствомъ и величіемъ императорскаго сана [3]). Ни Петръ Великій, ни Посошковъ, писавшій главнымъ образомъ для Петра, не раздѣляли этого страннаго мнѣнія. Петръ трудился до гроба надъ самыми сложными вопросами хозяйственной полиціи, а Посошковъ, указывая недостатки торговаго и промышленнаго быта Россіи, постоянно ожидалъ отъ правительства, именно лично отъ государя, мѣръ, клонящихся къ поощренію торговли и ремеслъ. Въ Австріи, какъ видно, болѣе думали о величіи и правахъ государя, между тѣмъ какъ Петръ, настоящій представитель просвѣщеннаго абсолютизма, не упускалъ изъ виду своихъ обязанностей.

Усиленіе вывоза и поощреніе русской промышленности.

Мы видѣли, что Посошковъ считалъ весьма невыгодною для Россіи зависимость ея отъ другихъ государствъ чрезъ потребленіе

---

[1]) *Vockerodt*, Russland unter Peter dem Grossen, изд. *Германна*, 1872. стр. 91.

[2]) См. *Гагемейстеръ*, О законахъ Петра Великаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1836. III; *Афанасьевъ*, Госуд. хоз. при Петрѣ Великомъ, *Современникъ* 1847, III; *Wilhelm Stieda*, Peter der Grosse als Mercantilist въ *Russische Revue*, томъ IV, стр. 193—246.

[3]) См. статью *Рошера* Oesterreichs Nationalökonomik unter Leopold I, въ журналѣ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1864. I, 35 ff.

иностранныхъ товаровъ. Онъ не только считалъ возможнымъ ограниченіе привоза многихъ таковыхъ товаровъ, но даже мечталъ о снабженіи многихъ европейскихъ странъ продуктами русской промышленности. До чего доходитъ на этотъ счетъ оптимизмъ Посошкова, видно между прочимъ изъ слѣдующаго замѣчанія: „И намъ если заводовъ (стеклянныхъ) пять шесть построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянною посудою наполнить можемъ“ [1]; а въ другомъ мѣстѣ: „Стеклянную посуду можно намъ къ нимъ возить, а не имъ къ намъ“ [2]. Далѣе Посошковъ пишетъ: „А кои у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, зеркалы, очки, окопечныя стеклы, шляпы, скипидаръ, робячьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульментъ, то всѣмъ тѣмъ надобно управляться намъ своимъ, а у иноземцевъ отнюдь бы никаковыхъ тѣхъ вещей ни на полцѣны не покупать“.

Мы знаемъ, какъ Петръ заботился объ открытіи желѣзныхъ рудъ, объ устройствѣ желѣзныхъ заводовъ, „дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось“. Кто утаивалъ руду или препятствовалъ другимъ въ устроеніи заводовъ, тотъ подвергался тѣлесному наказанію и смертной казни. Виніусъ восхищался обиліемъ и добротою желѣза въ Сибири; были приняты мѣры для обработки его. Многіе заводы были построены государевою денежною казною. Была устроена игольная фабрика Томилинымъ и Рюминымъ, съ привиллегіей на 30 лѣтъ при запрещеніи привоза иголъ изъ-за границы [3]. Въ 1723 году велѣно: краски и прочіе матеріалы, которые къ фабрикамъ вывозятъ изъ чужихъ государствъ, искать по всему государству; обѣщана „довольная дача по дороговизнѣ оныхъ,... и когда сыщутся, тогда оныя свидѣтельствовать съ фабрикантами и съ иными искусными людьми“ [4]. Однако такія мѣры не всегда имѣли желанный успѣхъ [5]. Уже при Кильбургерѣ, то есть, за полвѣка до составленія Посошковымъ „Книги о скудости и богатствѣ“, существовали

---

[1]) Соч. Пос., I., 124.

[2]) Тамъ же, 125. Впрочемъ, уже въ 1717 г. существовали стеклянные заводы, см. между прочимъ П. С. З., 3132.

[3]) *Соловьевъ*, XVI, стр. 194—200; П. С. З., 4006.

[4]) П. С. З., 4362.

[5]) См. П. С. З., № 2559, о покупкѣ краски марены. Реестръ краскамъ, образчики которыхъ съ указаніемъ цѣнъ были посланы по всѣмъ губерніямъ см. въ П. С. З., № 2989.

стеклянные заводы около Москвы, однако стеклянная посуда все-таки привозилась изъ-за границы. Уже при Кильбургерѣ Русскіе старались дѣлать ярь-мѣдянку, но этотъ товаръ оказался недоброкачественнымъ, и привозъ этого товара не прекращался [1]).

Посошковъ продолжаетъ: „А и суконъ солдатскихъ, мнится мнѣ, у иноземцевъ покупать не надобно жъ, потому что наши русскія сукна аще и дороже заморскихъ станутъ, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдутъ. Того ради и сукнами намъ потребно пониматься своими жъ, чтобы тѣ деньги у насъ въ Россіи были“ [2]).

Долго въ Россіи старались устроивать суконныя фабрики, однако успѣхъ былъ весьма незначителенъ. Петръ весьма дѣятельно хлопоталъ о развитіи этой отрасли промышленности; еще въ 1705 году онъ писалъ Меншикову: „Сукны дѣлаютъ и умножается сіе дѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ къ празднику“. Число суконныхъ фабрикъ было значительно [3]); однако Джонъ Перри, упоминая объ одной изъ этихъ фабрикъ, постройка которой обошлась 100.000 рублей, замѣчаетъ, что сукно, выдѣлываемое на этой фабрикѣ, оказалось недоброкачественнымъ, такъ что развѣ только смѣшеніемъ голландской шерсти съ русскою можно было помочь этому недостатку [4]). Впрочемъ, ужъ и прежде существовали суконныя фабрики, и Кильбургеръ отзывался гораздо выгоднѣе чѣмъ Перри, о русскомъ сукнѣ [5]). Уже въ началѣ царствованія Петра съ шерстяныхъ матерій, привозимыхъ въ Россію, взималась значительная пошлина (отъ 25 до 37%). Такимъ образомъ правительство надѣялось поддержать національную промышленность. Однако весьма часто оказывался недостатокъ въ опытныхъ мастерахъ, хорошихъ снарядахъ, краскахъ и т. д. Такъ напримѣръ, о казанской фабрикѣ вице-губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ въ 1719 году: „На заводахъ сукна ткутъ и все готово, только некому ихъ красить; и нынѣ прошу ваше величество, чтобъ присланъ былъ ка-

---

[1]) *Kilburger*, Kurzer Unterricht über den russischen Handel, въ *Büschings Magasin*, III, стр. 276 и 277. Кильбургеръ говоритъ, что Россія имѣетъ достаточно желѣза для нуждъ всей страны, но что тѣмъ не менѣе привозится значительное количество желѣза.

[2]) Соч. Пос., I., 127.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XVI, стр. 201.

[4]) State of Russia; нѣмецк. переводъ, 431.

[5]) *Kilburger*, стр. 329.

стеръ, кому тѣ сукна красить, а здѣсь такого сыскать нельзя, а прежній мастеръ только краски теряетъ". Изъ частныхъ фабрикъ была извѣстна фабрика Воронина въ Москвѣ; въ началѣ 1720 года заведена была фабрика Щеголина съ товарищами, съ выдачею 20.000 р. изъ казны; въ 1721 г. въ Москвѣ суконная фабрика Александрова и компаніи. Упоминается также суконная фабрика огородника Соболникова. Уже въ 1718 году было дано приказаніе дѣлать мундиры на гарнизонныхъ солдатъ всѣхъ губерній изъ суконъ московскаго дѣла [1]). Какъ видно, желаніе Посошкова было исполнено. Совершенно сообразно съ его предложеніями, въ 1714 году въ именномъ указѣ велѣно положить число, сколько суконъ можно сдѣлать въ годъ „на солдатской мундиръ, и то число шерсти расположить или на все государство или на нѣкоторыя губерніи въ зачетъ податей годовыхъ и чтобы приносили стриженную и сколько возможно, чтобъ чистая и не песиковатая" и пр. [2]). Въ началѣ 1715 года приказано: „Заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ такъ, чтобъ въ 5 лѣтъ не покупать мундиру заморскаго, а именно: чтобъ не въ одномъ мѣстѣ завесть; и заведчи дать торговымъ людемъ, собравъ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно съ легкостью, дабы ласковѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было" [3]). Въ 1716 году приглашены были изъ за-границы 40 человѣкъ овчаровъ и суконныхъ мастеровъ, которымъ было поручено приготовить значительное количество шерсти и „шерсть въ мануфактурѣ, какъ можно изрядно обдѣлывать и въ приготовленіи суконъ наилучшее стараніе прилагать" [4]). Когда въ 1717 году дана была привиллегія Шафирову и Толстому на заведеніе фабрикъ „для дѣланія всякихъ матерій, Петръ при этомъ случаѣ указывалъ на свое „прилежное стараніе о распространеніи въ государствахъ нашихъ и пользѣ общаго блага и пожитку подданныхъ нашихъ, купечества и всякихъ художниковъ и рукодѣлій, которыми всѣхъ прочія благоучрежденныя государства procвѣтаютъ и богатятся" [5]). Когда былъ отданъ суконный заводъ въ Москвѣ въ компанію купцу Щеголину и прочимъ, Петръ замѣтилъ,

---

[1]) *Соловьевъ*, XVI, 202—203.
[2]) П. С. З., 2772.
[3]) П. С. З., 2876.
[4]) П. С. З., 3017.
[5]) П. С. З., 3089.

что желаетъ умножить сукно въ Россіи „не только къ коммиссарству на мундиръ, но и продажу и прочіе расходы, чтобъ изъ-за моря въ нѣсколько лѣтъ вывозъ сукнамъ былъ пресѣченъ“. На три года компанейщикамъ дано было 30.000 рублей безъ платежа процентовъ. И тутъ упомянуто о краскахъ, найденныхъ въ Россіи и годныхъ для крашенія сукна, „дабы конечно пробавляться россійскими красками безъ вывоза изъ иностранныхъ государствъ“ [1]). Не смотря, однако, на всѣ усилія, русская армія едва ли и въ самомъ концѣ царствованія Петра могла обходиться безъ иностраннаго сукна, такъ какъ въ указѣ 13-го января 1724 выражено желаніе, чтобы „на мундиръ сукна сколько возможно употреблять изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ на россійскихъ фабрикахъ“ [2]). Къ 1724 году относится также манифестъ къ Малороссіянамъ, въ которомъ имъ предписывается заняться раціональнымъ овцеводствомъ, для доставленія на суконныя фабрики надлежащаго количества шерсти [3]); тогда же были отправлены въ Силезію люди для обученія овцеводству, стриженію шерсти и употребленію оной въ дѣло [4]).

Въ главѣ „о художествѣ“ Посошковъ пишетъ: „О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то-есть: трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусинныя полотна и прочія дѣла, кои изъ русскихъ матеріяловъ дѣлаются; сіе бо вельми нужно, еже кои матеріялы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили. Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или втрое дешевле ставиться станутъ, а люди бы Россійскіе богатились... Чѣмъ къ намъ возить полотна, изъ нашихъ матеріяловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна. И аще первые годы повидится оно и неприбыльно, и заморскихъ аще и дороже ставиться будетъ,—и того страшитися не для чего, но поступать въ дѣлѣ далѣе; и аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навыкнуть дѣлать, то и о томъ сумнится не надобно, потому, что егда всѣхъ тѣхъ дѣлъ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупятся. За моремъ хлѣбъ нашего дороже, а харчъ и

[1]) П. С. З., 3309.
[2]) П. С. З., 4408.
[3]) П. С. З., 4532.
[4]) П. С. З., 4459.

наипаче дороже, а ленъ и пеньку отъ насъ покупаютъ цѣною высокою, да страхъ морской платятъ, да двои пошлины и провозы многіе даютъ; обаче не лѣнятся, дѣлаютъ изъ того льну и пеньки, аще и высокою цѣною тотъ ленъ и пеньку покупаютъ, и пищу себѣ отъ того рукодѣлія пріобрѣтаютъ, ибо, сдѣлавъ полотно, паки къ намъ ихъ привозятъ и продаютъ цѣною высокою; за трипъ берутъ по двадцати алтынъ и больше за аршинъ, рубки продаютъ алтынъ по сороку и по полтора рубли, а камордку — по двадцати алтынъ и по рублю аршинъ. А у насъ на Руси, я чаю, что рубокъ и въ двадцать алтынъ не станетъ, и камордка аршинъ, чаю, что выше десяти алтынъ не станетъ, и всякія дѣла, кои дѣлаются изо льну и изъ пеньки, ниже половой цѣны ставиться будутъ; потому что хлѣбъ и харчь у насъ тамошняго гораздо дешевле, а ленъ и пенька гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно. И егда тыи дѣла у насъ въ Руси уставятся, то чѣмъ имъ ленъ да пеньку продавать, лучше намъ продавать имъ готовыя полотна парусныя и канаты и камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ полотна ефимки и иныя потребныя намъ вещи. Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотенъ наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно; и чѣмъ имъ отъ нашихъ матеріяловъ богатитися, то лучше намъ Россіянамъ отъ своихъ вещей питатися и богатитися. Токмо трудно намъ тѣ заводы завести, да установити тѣ дѣла; а егда Русскіе научатся, и дѣла сіе установятся, то нельзя невполы имъ становиться. И ради царственнаго обогащенія надлежитъ на такія дѣла въ началѣ состроить домы изъ царскія казны, на пространныхъ мѣстахъ, въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле, въ заоцкихъ мѣстахъ, или гдѣ что пристойно дѣлать, и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богатились, а царская казна множилась“ и пр. [1]).

Изъ этихъ разсужденій видно, вопервыхъ, что Посошковъ вполнѣ раздѣлялъ мысли Петра Великаго относительно необходимости поощренія промышленности въ Россіи, вовторыхъ и то, что Посошковъ обманывался на счетъ возможности столь значительныхъ результатовъ торговой и промышленной полиціи. То, что̀ предлагалъ сдѣлать Посошковъ, давно было сдѣлано правительствомъ; однако, именно повтореніе Посошковымъ предложеній, значительною долею уже приведенныхъ въ исполненіе, заключаетъ въ себѣ лучшее доказа-

[1]) Сочин. Пос., I, 148—150.

тельство, что мѣры, принятыя правительствомъ въ этомъ направленіи, не имѣли особеннаго успѣха. Посошковъ, впрочемъ, при этомъ случаѣ, можетъ считаться отличнымъ знатокомъ дѣла. Онъ былъ хорошо знакомъ съ техникою той отрасли мануфактурной промышленности, о которой онъ разсуждаетъ столь подробно въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Два-три года послѣ составленія имъ „Книги о скудости и богатствѣ", Посошковъ, обратился въ мануфактуръ-коллегію, съ просьбой о разрѣшеніи ему учредить полотняную фабрику. Въ этомъ документѣ встрѣчается множество техническихъ терминовъ, обозначающихъ и машины, и разные виды товара. Далѣе, тамъ указано на льготы, данныя фабрикантамъ въ прежнее время, и выражено желаніе, чтобъ и ему дозволено было пользоваться нѣкоторыми привиллегіями. Дѣло это не состоялось. Посошковъ, вскорѣ послѣ подачи просьбы, умеръ въ заточеніи. Его примѣръ показывалъ, съ какими затрудненіями должны были тогда бороться нерѣдко люди предпріимчивые, капиталисты и техники, готовые отважиться на новыя промышленныя предпріятія.

Хотя пряденіе и ткачество съ давнихъ поръ было особенно распространеннымъ рукодѣліемъ и главнымъ предметомъ кустарной промышленности въ Россіи, хотя уже въ началѣ XV вѣка, какъ извѣстно по историческимъ памятникамъ, издѣлія эти стали вывозиться за границу, вывозъ ихъ никогда не былъ особенно значителенъ. Напротивъ того, не смотря на многія и постоянныя усилія правительства подвинуть впередъ эту отрасль промышленности, въ Россію привозилось значительное количество таковыхъ продуктовъ.

Петръ Великій особенно старался улучшить тѣ производства, которыя уже существовали прежде, и чрезъ это улучшеніе усилить сбытъ ихъ за-границу. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ: въ 1702 году онѣ заведены въ Москвѣ, а въ 1719 году встрѣчаются въ одномъ документѣ слѣдующія данныя о ходѣ этого дѣла: въ 1702 и 1705 годахъ парусные заводы были „такъ хороши, якобы близъ голландскихъ"; въ 1711 году, находясь въ завѣдываніи Григорія Племянникова, они были въ очень дурномъ состояніи; въ 1715 и 1716 годахъ, во время управленія Андрея Бѣляева, едва не разорились въ конецъ, только три четверти парусной холстины было прислано въ Петербургъ и то все гнилое. Будучи послѣ того отданы въ завѣдываніе князя Одоевскаго, они опять пришли въ изрядное состояніе „и парусныя полотна доставляютъ добрыя". Въ 1711 году полотняный заводъ, который вѣдался прежде въ посольскомъ прика-

зѣ, отданъ былъ „купецкимъ людямъ, Туркѣ съ товарищи", на 30 лѣтъ, и къ нему приписаны село и деревни [1]). Въ декабрѣ 1714 года велѣно было отдать въ вѣдомство Московскаго губернатора скатертное, салфетное и полотняное дѣло [2]). Въ этомъ же году была отдана иностранцу Тиммерманну „мельница съ землею на 15 лѣтъ", гдѣ ему дозволено заводить полотняныя фабрики. Тутъ уже прямо сказано, что имѣется въ виду отпускъ полотна за границу [3]).

Русское полотно, выдѣлываемое крестьянскимъ трудомъ въ деревняхъ, не могло сдѣлаться предметомъ вывоза, какъ видно изъ слѣдующихъ распоряженій. Въ 1715 году было приказано полотна дѣлать широкія „противъ европейскихъ государствъ, какія за великія цѣны въ Россійское государство вывозятся, а именно въ полтора аршина съ четвертью, въ аршинъ, а уже того вновь отнюдь не дѣлать, для того, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣлаютъ полотна широкія, отъ чего промыслами и работами широкихъ полотенъ отъ большихъ цѣнъ имѣютъ многое народное пополненіе, понеже тѣмъ широкимъ полотнамъ великіе расходы состоятъ, паче другихъ товаровъ; и въ Россійскомъ государствѣ отъ такихъ неугодныхъ узкихъ полотенъ, которыя самыми малыми за негодностью цѣнами продаются, не только прибытковъ, но и своихъ издержанныхъ вещей не получаютъ, и отъ того во излишнія скудости приходятъ". Правительство приняло строгія мѣры, принуждая всѣхъ запастись въ продолженіе одного года инструментами для производства широкихъ полотенъ и грозя денежною пенею за каждый аршинъ узкаго полотна по истеченіи извѣстнаго срока [4]). Однако, еще въ 1718 году резидентъ Ѳеодоръ Веселовскій писалъ изъ Лондона: „Говорили мнѣ здѣшніе купцы, что въ Россіи дѣлаются полотна трехъ разныхъ рукъ, только все узки, и за этою узкостью худо продаются" [5]). Какъ кажется, правительство считало невозможнымъ пріучить народъ къ дѣланію широкихъ полотенъ, потому что въ 1718 году былъ данъ указъ о свободной торговлѣ холстами всѣхъ рукъ, какія у кого есть, и о пропускѣ ихъ въ заморскій отпускъ [6]).

---

[1]) *Соловьева*, XVI т. стр. 203—204.
[2]) П. С. З., 2867.
[3]) П. С. З., 2820.
[4]) П. С. З., 8943.
[5]) *Сол.* XVI, 204.
[6]) *Сол.* XVI, 204, и П. С. З., 3156.

Какъ бы то ни было, Петръ Великій понималъ значеніе льняной пеньковой промышленности для народной экономіи Россіи. Въ декабрѣ 1715 года онъ издалъ указъ о размноженіи этихъ промысловъ. Кто сѣялъ четверть, тотъ бы прибавилъ четверикъ, а если можно и больше, „а гдѣ тому необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ, и о томъ объявить въ народѣ, что оной прибавокъ сѣву повелѣно имѣть для всенародной пользы и имъ поживленія“ [1]). Желаніе правительства усилить разведеніе пеньки и льна, очевидно, состояло въ связи съ мыслью о выгодномъ торговомъ балансѣ, какъ можно заключить изъ того обстоятельства, что въ 1715 году было запрещено вывозить за море льняное и конопляное сѣмя, „и продавали бы масломъ, а не сѣмянами“ [2]).

Такимъ образомъ, правительство не переставало трудиться совершенно сообразно желаніямъ Посошкова, хотя, быть можетъ, послѣдній и не могъ бы одобрить пожалованіе привиллегій не только Русскимъ, но также и иностранцамъ [3]).

Весьма любопытны соображенія Посошкова о табакѣ. Онъ пишетъ: „Табакъ не худо бы въ Руси жъ завести, сѣяти и строить его по заморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились“; и далѣе: „А еще и табачные заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобъ онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить по заморски, то такъ намъ мочно его напасти, что и кораблями за море мочно его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копѣйки фунтъ не станетъ, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупаютъ, а сѣять его мѣста у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что милліонная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ премножество, мочно намъ или его сѣять во всѣхъ понизовыхъ горо-

---

[1]) П. С. З., 2966.

[2]) П. С. З., 2963. Впрочемъ, это запрещеніе отмѣнено было указомъ 1718 года, см. П. С. З., 3166.

[3]) Такъ, напримѣръ, въ 1720 г. былъ назначенъ директоромъ полотняной фабрики иноземецъ Тамесъ; ему даны были разныя привиллегіи на 30 лѣтъ. П. С. З., 3543. Изъ русскихъ, получившихъ такія привиллегіи, можно назвать Турчанинова и Цымбалышкова (см. П. С. З., 3174); въ Москвѣ существова[л]а чулочная фабрика Француза Мамвріона, см. *Сол.* XVI, 205. О повтореніи [за]прещенія вывозить за границу узкія полотна см. разные указы, напримѣ[ръ], П. С. З., 3677, 4204, 4259.

дѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, въ Мченскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ, и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячи тысячъ пудъ наплодить его. И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у нась въ Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться. И аще и табакъ въ Руси заведется, то кто сколько какихъ питей русскихъ и табаку не выпьетъ, всѣ тѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія питья покупать ничѣмъ не лучше того, что деньги въ воду метать. Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги метать, нежели за море за питье ихъ отдавать; изъ воды колико ни есть либо кто и добудетъ, а изъ-за моря данныя деньги за питье никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погибли ... токмо подлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти ихъ мочно и пріоставить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего" [1]).

Мы видимъ, что Посошковъ, самъ бывшій когда-то раскольникомъ, въ то время, когда онъ писалъ „Книгу о скудости и богатствѣ", нисколько не раздѣлялъ того предразсудка, въ силу котораго табакъ считался богомерзкою, проклятою, бѣсовскою травою. Употребленіе табаку уже въ первой половинѣ XVII вѣка распространилось въ Россіи до такой степени, что, по свидѣтельству Олеарія, самые бѣдные люди покупали его на послѣднюю копѣйку [2]). Царь Михаилъ Өеодоровичъ подъ смертною казнію запретилъ употребленіе табаку. И въ Персіи въ то время строжайшимъ образомъ было запрещено курить и нюхать табакъ, потому что солдаты тратились чрезъ мѣру на покупку этого привознаго товара [3]). Въ „Уложеніи" царя Алексѣя Михайловича законъ о запрещеніи подтвержденъ [4]). Однако, всѣ мѣры правительства не могли истребить вкоренившейся страсти къ наркотическому свойству этого растенія [5]). Юрій Крижаничъ старался до-

[1]) Соч. Пос., I, 137—138.

[2]) *Olearius*, Reisebeschreibung, изд. 1671, стр. 197.

[3]) Тамъ же, стр. 645.

[4]) Уложеніе, гл. XXV, ст. 16.

[5]) См. разныя данныя объ этомъ предметѣ, *Устрялова*, Ист. Петра Вел т. III, стр. 106.

казать, что употребленіе табаку не можетъ считаться грѣхомъ. Запрещеніе курить табакъ онъ называетъ „суетнымъ превѣріемъ“ [1]). Петръ Великій раздѣлялъ такое мнѣніе. Когда, при заключеніи договора съ Кармартеномъ въ Англіи, тамъ было выражено опасеніе, что патріархъ не будетъ доволенъ введеніемъ во всеобщее употребленіе этого растенія, Петръ возразилъ: „Не опасайтесь, я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобы патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель“. Посошковъ, недовольный, какъ мы видѣли, введеніемъ нѣмецкаго платья и париковъ, въ своемъ „Отеческомъ завѣщаніи“ не говоритъ о табакѣ. Обычай курить табакъ при Петрѣ сдѣлался общимъ, хотя сначала курили украдкой, особенно въ Нѣмецкой слободѣ [2]).

Весьма любопытно совершенное сходство между соображеніями Посошкова и предложеніями Крижанича о разведеніи табаку, при чемъ нельзя не вспомнить, что Крижаничъ писалъ семьдесятъ лѣтъ до Посошкова. Онъ пишетъ: „А объ табакѣ добро вѣмъ, еже бы ся околъ Хвалынскаго моря и на Волгѣ родилъ обильно, и доберъ, токменъ Ханавскому (Hanau?) нѣмецкому табаку: и велика бы зъ него могла быть прибыль казнѣ господаревой, и польза всей землѣ: нѣколико бо сотъ или тысучъ рублевъ на годъ бы остало на Руси, что ся извозитъ вонъ за табакъ... Могло бы ся то зелье и въ сей землѣ сѣять околъ Астрахани, на Подонью и у Башкировъ. Насѣять нѣсколько нивъ и добыть изъ Нѣмецъ майстора, кій е умѣлъ приправлять, и сукать (вертѣть, сучить), и продавать е Калмыкомъ, и инымъ Сибирскимъ, Татарскимъ, и Черкаскимъ народомъ, и Литвѣ, и Бѣлоруссамъ. Видѣлъ есть табакъ, кія ся есть изъ греческаго сѣмена въ Тобольску родилъ верло доберъ и близко ровенъ греческому. Могли бысмо ежегодъ дешевою цѣною добывать сѣмена отъ Персовъ и отъ Грековъ: изъ онаго бо сѣмена луче зѣлье ся родитъ, а изъ домашняго сѣмена зѣлье уже не будетъ такъ крѣпко... По истинѣ говорячь, я мню: преповѣданъ быть табакъ на Руси за то, что ея народу великъ убытокъ чинитъ: гдѣ ся за непотребенъ товаръ ежегодъ

---

[1]) «Будь бы то грѣхъ было табакъ пріемать, якоже и вино пить въ грѣхъ почитаютъ... Можетъ ся грѣхъ учинить въ табаку и чинится много кражъ, по неумѣрнованомъ пріеманію: якоже и въ вина питію и въ житію со женами». *Крижаничъ*, I, стр. 55. См. также его сочиненіе «О промыслѣ», стр. 77, бесѣду между Валеріемъ и Августиномъ.

[2]) *Posselt*, Leforth. I, 382.

изъ земли многа казна вонъ извозитъ, а не яко чтобы ся Господаревой казнѣ какова убыль чинила. Сія есть сама истинная, годна и довольна причина. Алити вѣдь тая проповѣдь мало что пособляетъ, или паче ничего не пособляетъ, супроть той народной щетѣ и убытку: и не можетъ ся то зло отвратить тою проповѣдію. Абовѣшъ инородники несмѣтно много того зелья привозятъ на Русь ежегодъ, и страшно драго е продаютъ. Чтобы имали взять за десять или за двадесятъ пудовъ, то возмутъ за еденъ пудъ и тѣмъ единымъ прѣметомъ нѣкои дивно богатѣютъ; и изъ одортыхъ (оборванныхъ) парневъ за два и за три годы постаютъ торговцы и дворы покупаютъ, и на Астрахань да на Архангель торгуютъ. Послы ляшски, литовски, цесарски, персви, свѣдски, дацки, аглински, брабански, поднѣпрянски, крымски, грузински, черкески, калмыцки отнюдь не придутъ на Русь безъ табака. Торговцы Нѣмцы, Греки, Персы, Бухары, Калмыки, Литовцы, и сами Руски торговцы, изъ Свѣдовъ, изъ Литвы, изъ Поднѣпрія, изъ Персовъ, не едну сотню пудовъ го (его) привезутъ на Русь по всякій годъ. За то я чаю: когда бы ся дома сѣялъ табакъ, съ печальнымъ презираніемъ (то есть, съ заботливымъ наблюденіемъ) и во множинѣ, троя бы съ того польза сему царству постала: 1) казнѣ Господаревой бы ся чинила корысть; 2) многи пѣнязи бѣху дома остали въ народу, кои ся нынѣ вонъ извозятъ за той непотребный товаръ; 3) люди бы ся обрадовали слободѣ“ и пр. [1]).

Желанія Крижанича и Посошкова осуществились довольно поздно. Хотя современникъ Посошкова, Штраленбергъ, и упоминаетъ о производствѣ „черкасскаго“ табаку [2]), въ окрестностяхъ Астрахани, хотя изъ именнаго указа Петра вице-адмиралу Крейсу, отъ 3-го марта 1717 года, видно, что уже въ то время были сдѣланы кое-какія попытки разведенія табаку [3]), но лишь полвѣкомъ позже началась развиваться въ Россіи эта отрасль промышленности. Въ началѣ царствованія Екатерины II, а именно, въ 1763 году, правительство рѣшилось принять мѣры къ поощренію разведенія табаку, посредствомъ раздачи сѣмянъ, обѣщанія наградъ и публикованія правилъ о способѣ занятія этимъ промысломъ [4]). Въ настоящее время, именно въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указывалъ Посошковъ, какъ на самую

---

[1]) *Крижаничъ*, I, 54—56.
[2]) *Strahlenberg*, das Ost- und nördliche Theil von Europa und Asien, стр. 320.
[3]) П. С. З. 3071.
[4]) *Storch*, Hist. stat. Gemälde, II, 338.

благопріятную почву для разведенія этого растенія, то-есть, въ малороссійскихъ и приволжскихъ губерніяхъ, производится табакъ, приблизительно, въ томъ количествѣ, о которомъ мечталъ Посошковъ [1]).

Посошковъ имѣетъ весьма высокое понятіе объ источникахъ народнаго богатства въ Россіи. Онъ указываетъ и на разные продукты, уже встрѣчаемые въ Россіи, а далѣе, на возможность, развитіемъ новыхъ отраслей промышленности и торговли, еще гораздо болѣе содѣйствовать обогащенію народа и государства. Такъ, напримѣръ, протестуя противъ привоза иностранныхъ винъ, онъ пишетъ въ главѣ „о купечествѣ“. „А насъ Россіянъ благословляя, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива [2]) у насъ недорогія, и меды у насъ преславные, варенья самыя чистыя, что ничѣмъ не хуже рейнскаго, а плохаго рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питья, каразинъ и меды красные жъ вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные. И аще заморскія питья оставить, а повелѣть строить меды разными виды, различными и скусы и продавать ихъ изъ австеріи, то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ“ [3]).

Въ главѣ „о художествѣ“ Посошковъ пишетъ: „Також де и въ прочихъ мастерствахъ, которыя царству пожиточны, а мастеры маломочны, и собою имъ великихъ заводовъ завести нечѣмъ, то и таковымъ надлежитъ на созиданіе мастеровыхъ давать деньги изъ ратуши, или откуды его императорское величество поволитъ, дабы всякія дѣла расширялись; и не токмо настроеніе, но и всякія къ тѣмъ дѣламъ не подлежащіе инструменты и на всякіе припасы, чтобы въ удобное время всякихъ припасовъ припасали безъ оскудѣнія. И земскимъ бургомистрамъ за ними присматрить, чтобъ напрасныя траты деньгамъ не чинили и не бражничали бъ, но употребляли бы въ сущее дѣло, и тѣ данныя деньги и прибыльныя по изложенію или по разсмотрѣнію и исправленія ихъ погодно бъ брать. Такожде надлежитъ достать и такихъ мастеровъ, кои могутъ дѣлать волоченное желѣзо мельницами, и жесть и кровельныя доски желѣзныя; и аще и съ трудомъ,

[1]) У Посошкова «по тысячѣ тысячъ пудъ». Въ 1856 году производство составляло 1.170.500 пудъ; въ 1871 году—2.215.000 пудъ.

[2]) *Афанасьеву*, Госуд. Хоз. при Петрѣ Великомъ, 47, извѣстіе о пивѣ ...жется сомнительнымъ, между тѣмъ какъ о пивѣ упомянуто нѣсколько разъ ...ъ источникахъ; см. *Аристова*, 79—80.

[3]) Пос., Соч. I, 136—137.

а вельми ихъ надобно добыти, и отослать ихъ на Сибирскіе заводы, и чтобъ тому мастерству и нашихъ Русскихъ людей учили. Такожде надлежитъ добыть мастеровъ, кои умѣютъ гладкіе и травчатые трипы дѣлать, такожде и бумазейныхъ мастеровъ, и завести бы и такіе дворы, учениковъ имъ дать, чтобы къ тому мастерству научить человѣкъ десятокъ-другой... Да хорошо бы добыть и красочныхъ мастеровъ, кои умѣютъ дѣлать крутикъ и лавру, и киноварь, и голубецъ, и боканъ венецейской и простой, и ярь венецейскую и простую, и шишгиль и прочія краски, иже дѣлаются отъ составленія матеріи изъ поташу, изъ малчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры, изъ мѣлу и изъ прочихъ и изъ иныхъ вещей, въ Руси обрѣтающихся. А кои краски натуральныя, и тѣхъ надлежитъ съ великимъ прилежаніемъ искать Русскимъ охотникамъ и иноземцамъ, кои въ тамошнихъ своихъ краяхъ видали, въ каковыхъ мѣстахъ какія краски и потребныя матеріи, кои пригодны къ лѣкарственнымъ дѣламъ и къ красошнымъ и ко инымъ вещамъ, и обѣщать имъ хорошую плату за всякое обрѣтеніе. И надлежитъ его императорскому величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои ему величеству государю радѣтельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей, кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ, а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтить не возможно,—отъ Кольскаго острова если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изъѣхать,—а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося. Я и не большое мѣсто поѣздилъ, и хотя не знаючи ѣздилъ, а паче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобно каменю янтарю, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лѣкарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую гумсфальтушъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и нефти сыскалъ я многое число, вохры и червлени, хотя и по тысячѣ тутъ можно добывати; и пументъ есть же у меня въ пріискѣ; и я не знаю, чего бы у насъ въ въ Руси не сыскать; да мы це знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается, не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить“ [1]).

---

[1]) Соч. Пос., I, 151—153.

Совершенно также и Петръ Великій говорилъ объ открытіи источниковъ богатства. Въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіума сказано (въ концѣ 1719 года): „Наше Россійское государство, предъ многими иными землями, преизобилуетъ и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которыя до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойдти могъ, пренебреженъ", и пр. [1]). И Петръ, и Посошковъ ясно понимали причины неудовлетворительнаго экономическаго быта Россіи и совершенно справедливо надѣялись на будущее время въ отношеніи къ открытію и къ эксплуатаціи источниковъ народнаго богатства. Они ошибались развѣ только относительно времени обогащенія Россіи посредствомъ особенно успѣшнаго развитія горнаго искусства, промышленности и земледѣлія. Такъ, напримѣръ, оба они надѣялись на успѣхи льняной и пеньковой промышленности, и дѣйствительно, эти предметы, а главнымъ образомъ пенька и ленъ въ сыромъ видѣ, составляютъ въ настоящее время безъ малаго одну треть всего вывоза русскихъ товаровъ за границу. При Петрѣ Великомъ положено начало болѣе успѣшному развитію горнаго искусства; при немъ началось производство металлическихъ издѣлій въ нѣсколько большихъ размѣрахъ; но лишь гораздо позже всѣ эти старанія привели къ значительнымъ результатамъ, и даже въ настоящее время желѣзная промышленность въ Россіи еще далеко уступаетъ западно-европейской. И Посошковъ, и Петръ хлопотали объ отысканіи и добываніи въ Россіи красильныхъ веществъ и тому подобныхъ продуктовъ; но въ этомъ отношеніи и понынѣ весьма мало сдѣлано. Такъ, напримѣръ, еще Крижаничъ считалъ легко возможнымъ разведеніе въ Россіи красильныхъ растеній [2]), Посошковъ и Петръ раздѣляли эти мнѣнія, а въ концѣ XVIII вѣка Генрихъ Шторхъ также посвятилъ этому вопросу нѣсколько страницъ въ своемъ сочиненіи „Historisch-Statistisches Gemälde" [3]), но и въ настоящее время эта отрасль сельской промышленности почти вовсе не существуетъ въ Россіи.

Посошковъ открылъ сѣру въ Россіи. И другіе современники Петра, напримѣръ, его лейбъ-медикъ Шоберъ, считали возможнымъ до-

---

[1]) П. С. З., № 3464.

[2]) *Крижаничъ*, I, 45.

[3]) *Storch*, II, 331.

бываніе этого предмета въ Россіи; однако, до царствованія Екатерины II не было обращено вниманія на этотъ источникъ богатства. Только во второй половинѣ XVIII вѣка знаменитые путешественники: Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гюльденштетъ обратили вниманіе правительства на сѣру, находящуюся въ Россіи. Шторхъ былъ убѣжденъ въ томъ, что въ Россіи можно добывать достаточное количество сѣры и этимъ самымъ совершенно избѣгнуть покупки заграничнаго товара [1]). Однако, при всемъ томъ, сѣра не занимаетъ мѣста между мѣстными продуктами Россіи, а напротивъ, привозится въ значительномъ количествѣ изъ-за границы.

Посошковъ сыскалъ „и нефти многое число"; но въ продолженіе полутора столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Посошковъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ", почти ничего не было сдѣлано для извлеченія пользы изъ этого источника богатства, и лишь въ самое послѣднее время началось болѣе успѣшное добываніе этого предмета [2]).

Во всѣхъ подобныхъ намекахъ Посошкова о возможности доставить Россіи значительныя матеріальныя средства, нельзя не видѣть доказательства, что онъ своими соображеніями о народномъ хозяйствѣ опередилъ многихъ современниковъ, и въ отношеніи къ вопросамъ торговли и промышленности, былъ не только способнымъ ученикомъ Петра Великаго, но и полезнымъ дѣятелемъ, ревностнымъ патріотомъ и отличнымъ знатокомъ техники по многимъ отраслямъ. Нельзя отрицать, что, по всей вѣроятности, законодательная и административная дѣятельность Петра возбуждала въ Посошковѣ многія мысли о торговлѣ и промышленности; но съ другой стороны, его разсужденія на счетъ торговаго баланса не лишены и нѣкоторой доли самостоятельности.

Торговый балансъ во время Посошкова и Петра Великаго былъ гораздо выгоднѣе чѣмъ въ настоящее время, какъ видно изъ значительнаго количества наличныхъ денегъ, приходившихъ въ прежнее время ежегодно изъ-за границы. Въ росписаніяхъ привознымъ товарамъ въ 1671—1673 годахъ, сообщенныхъ Кильбургеромъ, встрѣчаются нѣко-

---

[1]) См. статью *Штукенберга*: Russlands Schwefel въ сборникѣ *Ermans Archiv f. d. wiss. Kunde von Russland*, XIV, 382—407.

[2]) Впрочемъ, и Петръ, по случаю Персидской войны, обратилъ вниманіе на нефть въ окрестностяхъ Баку, см. *Weber*, Neuverändertes Russland, II, 107.

торыя данныя на этотъ счетъ [1]). На русскихъ монетныхъ дворахъ постоянно чеканили русскія деньги изъ иностранныхъ монетъ, привозимыхъ въ Россію, вслѣдствіе выгоднаго торговаго баланса. О русскихъ домахъ замѣтилъ одинъ изъ современниковъ Петра: „Въ Западной Европѣ деньги снабжаются латинскою надписью съ тою цѣлью, чтобъ они сдѣлались ходячею монетою во всѣхъ государствахъ; въ Россіи же монеты имѣютъ надпись на русскомъ языкѣ, чтобъ этимъ самымъ препятствовать ихъ вывозу за-границу [2]). Марпергеръ, заимствовавшій многія данныя для исторіи современной ему торговли изъ архивовъ Ганзейскихъ городовъ [3]), приписываетъ мѣрамъ Петра Великаго развитіе особенно выгоднаго торговаго баланса и прибавляетъ къ этому, что въ преобладаніи вывоза товаровъ за границу надъ привозомъ товаровъ изъ-за границы главнымъ образомъ состоитъ „благополучіе государствъ“ [4]). Изъ весьма подробной записки саксонскаго дипломата Лефорта (1727 года) о состояніи торговли въ Россіи также видно, что торговый балансъ считался весьма выгоднымъ. Лефортъ полагалъ, что вывозъ превышалъ привозъ 800.000 рублями ежегодно, не считая 600.000 червонцевъ, уплачиваемыхъ, въ видѣ пошлинъ, на привозные товары [5]).

Съ тѣхъ поръ торговый балансъ становится менѣе выгоднымъ. По даннымъ, сообщаемымъ Лефортомъ, вывозъ въ 1727 году составлялъ сумму 2.400.000 р., а привозъ 1.600.000 р. Въ 1758 г. вывозъ составлялъ сумму 8.000.000 р., а привозъ безъ малаго 6.000.000. Въ 1870 году цѣнность вывоза составляетъ сумму 355.000.000 руб., а цѣнность привоза сумму 433.000.000 руб. [6])

Изъ этихъ данныхъ видно, что надежды Петра Великаго и Посошкова сдѣлать Россію независимою отъ привоза иностранныхъ товаровъ оказались тщетными. Ожиданія Посошкова и Петра, что Россія ранѣе или позже будетъ имѣть возможность снабжать другія

---

[1]) См. *Kilburger*, Kurzer Unterricht über den russ. Handel, *у Бюшинга*, III. 279,

[2]) *Weber*, l. c., II. 177.

[3]) См. замѣчанія *Рошера* о Марпергерѣ въ его сочиненіи Gesch. d. N. Oek. in Deutschland.

[4]) Moskowitischer Kauffmann, 218.

[5]) *Herrmann*, Diplomat. Beiträge z. russ. Gesch. S.-Petersburg. 1868, стр. 209.

[6]) См. карту таможенныхъ учрежденій, составленную на основаніи числовыхъ данныхъ и обзора внѣшней торговли за 1873 г. *Мусницкимъ*.

страны продуктами промышленности, не осуществились. Сближеніе Россіи съ западомъ, напротивъ, имѣло слѣдствіемъ усиленіе привоза отчасти и такихъ предметовъ, которые Посошковъ называлъ „нѣмецкими затѣйками", и развѣ только въ будущемъ можно ожидать болѣе самостоятельнаго развитія русской промышленности, и вслѣдствіе того, болѣе выгоднаго торговаго баланса. Однако, нѣкоторая часть программы Петра и Посошкова съ теченіемъ времени была приведена въ исполненіе. Ихъ теоріи оказались основательными. То, что было высказано ими въ отношеніи къ народно-экономической дѣятельности, и въ настоящее время составляетъ, такъ сказать, красную нить въ хозяйственно-полицейскихъ распоряженіяхъ нашего правительства.

Прочія мысли Посошкова о торговлѣ.

Въ различныя историческія эпохи существовали различныя понятія о значеніи торговли и купеческаго сословія. Въ древней Греціи Ксенофонтъ требовалъ, чтобы купцы пользовались особымъ вниманіемъ правительства, между тѣмъ какъ Платонъ считалъ занятія коммерческія унизительными для порядочнаго человѣка, такъ что, по его мнѣнію, пользованіе политическими правами не было совмѣстно съ занятіями торговлею, всегда, по мнѣнію Платона, сопряженныя съ обманомъ и разными продѣлками; онъ считаетъ купечество необходимымъ зломъ въ государствѣ; поэтому онъ желалъ, чтобы то утопическое государство, о которомъ онъ мечталъ, находилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, такъ какъ прибрежное географическое положеніе невольно должно заставлять гражданъ заниматься торговлей и этимъ самымъ возбуждать въ нихъ мелочный, купеческій духъ. Цицеронъ также говоритъ, что „купцы лишь обманываютъ и не приносятъ никакой пользы". Уже то обстоятельство, что Меркурій считался въ древности въ одно и то же время покровителемъ купцовъ и воровъ, доказываетъ, что понятіе о пользѣ и достоинствѣ коммерческаго класса не было высокое. Такіе предразсудки сохранялись и въ позднѣйшее время, какъ видно, между прочимъ, въ средневѣковой исторіи по страшной ненависти, господствовавшей въ обществѣ вообще противъ Жидовъ, занимавшихся торговлею. Лютеръ замѣчаетъ: „Занятія торговою мѣною, съ цѣлью выигрыша при этомъ случаѣ, не можетъ считаться дѣломъ любви, а просто заслуживаетъ

названія воровства. Каждый купецъ, дающій деньги въ заемъ на проценты, долженъ считаться мошенникомъ, достойнымъ висѣлицы; я называю лихоимцемъ каждаго, получающаго 5—6 процентовъ". Изъ этого слѣдуетъ, что Лютеру приходилось бы повѣсить въ настоящее время почти всѣхъ купцовъ. Въ этомъ же духѣ разсуждали такіе просвѣщенные люди, какъ Дантъ, Меланхтонъ и Шекспиръ о купцахъ и о взиманіи процентовъ при ссудахъ дѣньгами. Меньшинство ученыхъ того времени, къ которому принадлежалъ Кальвинъ, считало взиманіе процентовъ заимодавцами столько же справедливымъ, какъ взиманіе платы за наемъ квартиры. Между тѣмъ какъ каноническое право строго запрещало въ принципѣ взиманіе процентовъ при ссудахъ деньгами, верхнеитальянскія республики считали такого рода коммерческія операціи совершенно согласными съ началами нравственности и религіи. Такое различіе мнѣній содѣйствовало упорной борьбѣ между папой и этими государствами, въ которыхъ политика находилась въ самой тѣсной связи съ торговлею.

И въ XVIII столѣтіи, въ эпоху развитія литературы просвѣщенія, мнѣнія на этотъ счетъ расходились. Кольберъ во Франціи рѣшительно объявилъ, что занятія торговлею нисколько не унижаютъ достоинства дворянскаго сословія; но Монтескье былъ такого мнѣнія, что участіе дворянъ въ коммерческихъ операціяхъ несовмѣстно съ характеромъ настоящей монархіи. Дженовези долженъ былъ доказывать весьма подробно, на основаніи историческихъ данныхъ, что подобное мнѣніе должно считаться суевѣріемъ.

Что же касается до пользы торговли для государства, то физіократы отрицали совершенно производительную силу торговли, меркантилисты придавали торговлѣ, въ особенности внѣшней, чрезмѣрное значеніе, а соціалисты въ XIX вѣкѣ опять-таки нерѣдко выражались съ презрѣніемъ и ненавистью о вредѣ, причиняемомъ купцами всему обществу.

Мы видѣли, что тѣ писатели о торговлѣ въ XVIII вѣкѣ, съ которыми мы сравнивали Посошкова, имѣли чрезвычайно высокое понятіе о значеніи ея для государства и общества. Посошковъ, раздѣлявшій меркантильныя воззрѣнія такихъ людей, какъ Ультеръ Ралей и Питеръ де-ля-Куръ, считалъ торговлю чуть ли не самымъ важнымъ дѣломъ въ государствѣ „Торгъ великое дѣло! „говоритъ онъ". — Надобно судьямъ всѣмъ о купцахъ попеченіе имѣть нескудное; понеже купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества никакое и даже малое государство быть не можетъ; и того

ради подъ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ и отъ обидъ ихъ оберегати, дабы они ни отъ кого обидимы не были, и во убожество бъ не входили, и Его Императорскому Величеству приплодъ бы несли со усердіемъ". Въ другомъ мѣстѣ Посошковъ замѣчаетъ: „И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ. И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть; яко бы душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служилыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди—купечество ни во что не ставятъ и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человѣкъ не потребенъ былъ бы" [1]).

Посошковъ былъ правъ, требуя болѣе гуманнаго обращенія съ купцами въ Россіи. Особенно чиновники весьма часто преслѣдовали коммерческое сословіе и этимъ самымъ, дѣйствительно, причиняли значительный вредъ народному богатству. Человѣкъ съ состояніемъ долженъ былъ находиться въ безпрерывномъ страхѣ за свое имущество, потому что оно было постоянною цѣлью для людей, хотѣвшихъ поживиться на чужой счетъ, а такихъ людей было много [2]). Англичанинъ Джонъ Перри, жившій нѣсколько лѣтъ именно въ эпоху Посошкова въ Россіи между людьми промышленнаго и коммерческаго класса рисуетъ намъ весьма мрачную картину варварскаго обращенія чиновнаго люда съ капиталистами скромныхъ сословій. Именно такому произволу въ администраціи, такому невниманію къ народно-экономическимъ интересамъ, систематическому грабежу, которому обыкновенно подвергались люди съ состояніемъ, Перри приписываетъ неудовлетворительное состояніе промышленности и торговли въ Россіи. „Въ Англіи и другихъ городахъ", замѣчаетъ Перри, — „всѣ поощряются къ труду и производству, къ занятіямъ торговлей и разными предпріятіями, въ Россіи же боярская

---

[1]) Соч. Пос., I, 6 и 112.
[2]) *Сол.* Ист., Рос., IX, 414.

администрація является игомъ, подъ которымъ страдаютъ люди работающіе, и которое до того вредитъ торговлѣ, что и подданные, и самъ государь не могутъ сдѣлаться богатыми". Особенно прибыльщиковъ Перри считалъ весьма опаснымъ для народнаго благосостоянія элементомъ, такъ что многіе изъ простолюдиновъ, нажившіе себѣ нѣкоторое состояніе, зарывали деньги въ землю и показывали видъ крайней бѣдности, чтобы не навлечь на себя вниманіе финансовыхъ чиновниковъ, всюду искавшихъ источниковъ для обогащенія казны. Такимъ образомъ, говоритъ Перри, многіе люди, способные заниматься какою-либо отраслью промышленности, остаются праздными; такимъ образомъ значительные денежные капиталы, необходимые для торговыхъ оборотовъ, не приносятъ никакой пользы [1]). Не даромъ Посошковъ сожалѣлъ, что въ то время какъ „въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ", въ Россіи „бояре не ставятъ купечество не въ яичную скорлупку".

За то Посошковъ требовалъ, чтобы правительство всячески поддерживало купечество и законами, и матеріальными средствами. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ во главѣ о купечествѣ: „А и сіе въ купецкихъ людяхъ дѣется весьма неправильно, еже аще которой человѣкъ проча себѣ и дѣтямъ своимъ построитъ палаты, и аще онъ построилъ ихъ и одолжась, а сосѣды и клевреты его вси, вмѣсто ежебы его за то паче перваго любити и благодарити, что сдѣлалъ отъ бочнаго огня преграду и царственную чинилъ украсу, вознегодуютъ на него, и налягутъ на него тяжелыми податьми и службами, и то стало быть діавольская ненависть; за что бы было надлежало ему польготить, потому что онъ, строя палаты, изубытчился, а они вмѣсто льготы нападутъ на него съ разореніемъ. А мнится: не худо бы и царскимъ указомъ сіе подтвердити, чтобы лѣтъ на пять-шесть или и больше построившимъ палаты въ царскихъ поборахъ давать льготы и тѣ льготныя лѣта въ службы никаковы не выбирать бы, дабы онъ поправился, и на то смотря, стали бы иные тщатися палаты строить". Въ концѣ главы „о купечествѣ" Посошковъ пишетъ: „И хорошо бы въ купечествѣ то учинить, чтобы всѣ другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ царскія бы сборныя казны, изъ ратуши давали имъ изъ процента на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человѣкъ въ убожество великое отъ

---

[1]) *Перри*, нѣмецкій переводъ, стр. 388, 397, 406 и слѣд.

какого своего упадка не входилъ. И аще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣютъ, но годъ отъ года въ промыслахъ своихъ будутъ расширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе благословляя благословитъ, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе [1]).

Мы уже знаемъ, что Посошковъ былъ сторонникомъ регламентаціи и считалъ на каждомъ шагу необходимымъ полицейскій надзоръ, административныя мѣры, вмѣшательство въ частныя дѣла правительственныхъ органовъ. Такъ и въ видахъ поощренія торговли онъ предлагалъ разныя бюрократическія учрежденія. На этотъ счетъ онъ не раздѣлялъ мнѣній представителей западно-европейской торговли, утверждавшихъ, что торговля прежде всего нуждается въ свободѣ. Уже въ то время встрѣчается мнѣніе, что правительство не должно столько заботиться о торговлѣ, и что для послѣдней полезнѣе всего предоставить ее самой себѣ и избѣгать всякаго рода стѣсненій. Въ Англіи Давенантъ въ XVII столѣтіи замѣтилъ, что процвѣтаніе торговли обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ многихъ законовъ о ней; Нортъ утверждаетъ, что ни одинъ народъ еще не сдѣлался богатымъ посредствомъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ [2]). Физіократы своимъ принципомъ: „laissez faire, laissez passer“, были въ этомъ отношеніи противниками меркантилистовъ, требовавшихъ сильной опеки правительства надъ торговлей и промышленностью. Уильямъ Темпль одну изъ главныхъ причинъ процвѣтанія торговли въ Голландіи видѣлъ въ либеральныхъ учрежденіяхъ этой страны и въ религіозной терпимости, вслѣдствіе которой въ Амстердамѣ и Роттердамѣ Евреи имѣли свои синагоги, и мирно и дружно жили вмѣстѣ анабаптисты, арминіанцы, кальвинисты, католики и пр. Питеръ де-ля-Куръ также требовалъ освобожденія торговли отъ многихъ преградъ, замѣчая: „Торговля хочетъ быть свободною; пусть каждый купецъ покупаетъ то, что̀ ему кажется выгоднымъ, пусть промышленники производятъ любые товары по своему усмотрѣнію“, и пр.

Кильбургеръ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, сравниваетъ торговлю съ птичкою въ рукахъ человѣка. Если человѣкъ жметъ птичку слишкомъ сильно, то она должна умереть,—если

---

[1]) Соч. Пос., I, 128, 132.

[2]) *Roscher*, Zur Gesch. d. engl. Volkswirthschaftslehre, стр. 114 и 91.

онъ дастъ ей слишкомъ много свободы, она улетитъ [1]). Посошковъ, какъ мы знаемъ, хотѣлъ подвергнуть всѣхъ купцовъ строжайшему надзору. Такъ, напримѣръ, онъ предлагалъ раздѣленіе всѣхъ купцовъ на классы, смотря по оборотамъ ихъ коммерческихъ операцій, и опредѣленіе для каждаго разряда купцовъ особеннаго костюма. Посошковъ былъ сторонникомъ весьма строгаго раздѣленія всего общества на сословія. Такъ, напримѣръ, онъ протестовалъ противъ участія другихъ классовъ общества въ торговыхъ дѣлахъ. Въ началѣ главы „о купечествѣ" онъ пишетъ: И такъ купечество годствуетъ блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество ихъ иночинные люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали. Егда бо торгъ данъ будетъ русскому купечеству свободный, чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы въ торгу русскимъ людемъ помѣшательства нималаго бъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи. Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ разночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина. Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить и записаться въ купечество, и промышлять уже прямымъ лицемъ, а не приказомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ, и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа не мало таить". Затѣмъ Посошковъ указаніями на разныя изреченія Священнаго Писанія и на пословицы старается доказать, что никто не можетъ и не долженъ участвовать въ торговлѣ, не будучи купцомъ. Такое ограниченіе кажется ему главнымъ условіемъ благоденствія купеческаго сословія. „Аще не учинить о семъ предѣла, „замѣчаетъ онъ", еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ, и вотчинныхъ людей, и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножиться

[1]) *Büschings Magazin*, III, 248.

не отъ чего будетъ. А аще Господь Богъ у насъ въ Россійскомъ царствѣ устроитъ сице: еже судьи и всѣ правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, но токмо ихъ отъ обидниковъ защищать, также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатамъ въ купечество не вступати же и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлахъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ, а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣліемъ, а въ купечество ити не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы". Особенно о крестьянахъ Посошковъ говоритъ подробно, что имъ не слѣдуетъ участвовать въ торговыхъ операціяхъ, не вышедъ изъ крестьянскаго сословія и не записавшись въ купцы. Онъ самъ „крестьянинъ села Покровскаго", перестальъ быть крестьяниномъ и принадлежалъ къ промышленному сословію. Съ крестьянами онъ совѣтуетъ обращаться строго: „А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши нанималъ, да хлѣбомъ насѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы". Если же крестьянинъ купитъ съ этою цѣлью хотя бы и осьмину, то онъ долженъ заплатить штрафу во сто разъ болѣе, причемъ доносчикъ получаетъ десятую часть пени.

Предлагая столь строгія мѣры, Посошковъ ожидаетъ хорошихъ результатовъ въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, онъ полагаетъ, что устраненіе чрезмѣрной конкурренціи другихъ сословій въ дѣлахъ торговли послужитъ важнымъ условіемъ обогащенія купцовъ, а далѣе, онъ не сомнѣвается въ весьма значительномъ умноженіи доходовъ казны чрезъ такія мѣры. Въ отношеніи къ послѣднему обстоятельству онъ сообщаетъ слѣдующія довольно любопытныя данныя. „Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ, и офицеры, и солдаты, и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имены множество привозятъ безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралася, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всемъ торгу отъ господъ и отъ служащихъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои несильны, то магистрату не подсудны. Я о семъ совершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то дво-

ряне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгѣ. И если все сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится" [1]).

Дѣйствительно, всѣ сословія въ Россіи были весьма склонны къ участію въторговлѣ. Самъ царь былъ главнымъ купцомъ въ государствѣ, и его агенты и приказчики занимались всюду покупкой и продажею разныхъ товаровъ. Многіе товары были даже монополіей казны. Иностранные послы, посѣщавшіе Россію, удивлялись тому, что и высшее дворянство покупало и продавало разные товары, участвовало въ большихъ коммерческихъ предпріятіяхъ и этимъ наживало себѣ большія деньги. Не смотря на строгое запрещеніе воеводамъ, въ XVII вѣкѣ, участвовать въ коммерческихъ дѣлахъ, они, совершенно также какъ и стрѣльцы, казаки, служилые люди, тайкомъ присоединялись къ торговымъ операціямъ разныхъ товариществъ. „Всѣ Русскіе любятъ торговлю", замѣчаетъ Кильбургеръ въ 1672 году; и до настоящаго времени множество крестьянъ предпочитаетъ занятіе мелочною торговлей сельскому труду. Участіе всѣхъ сословій въ торговлѣ дѣйствительно усложняло надзоръ правительства надъ коммерческими дѣлами. Утайка пошлинъ была дѣломъ весьма легкимъ для людей, не записанныхъ въ купеческое сословіе, но и сами купцы, какъ мы знаемъ изъ многихъ примѣровъ, удивительно искусно занимались контрабандною торговлею. Посошковъ, сторонникъ правительства, защитникъ казеннаго интереса, желаетъ введенія болѣе строгаго контроля, и потому считаетъ необходимымъ ясное и опредѣленное отношеніе купеческаго класса къ правительству. На этотъ счетъ онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе правительства, которое въ разныхъ указахъ высказалось объ этомъ предметѣ совершенно сходно съ предложеніями Посошкова. Такъ, напримѣръ, въ 1699 году состоялся боярскій приговоръ: „которые люди государевы и патріарши, и монастырскія, и помѣщиковы крестьяне похотятъ жить для торговыхъ своихъ промысловъ на Москвѣ, и имъ велѣно по купечеству записываться въ слободы, гдѣ кто похочетъ, и всякія его государевы подати платить и пр." [2]). Гораздо строже именной указъ того же года (24-го ноября), въ которомъ сказано, что многіе разныхъ чи-

---

[1]) Соч. Пос., I, 113—116.
[2]) П. С. З., № 1666.

новъ люди торгуютъ въ лавкахъ „и отъѣзжими торгами, и тѣмъ у посадскихъ людей промыслы отнимаютъ“; о крестьянахъ тутъ прямо сказано, что имъ слѣдуетъ „никакими торгами никогда не торговать, и промысловъ никакихъ не держать, и въ лавкахъ не сидѣть, а жить за помѣщики“ [1]). Еслибы такъ строго было поступлено съ Посошковымъ самимъ, то ему едва ли удалось бы занять то мѣсто въ промышленности и литературѣ, какое онъ занялъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ имѣлъ возможность промышлять разными способами помимо настоящихъ крестьянскихъ, сельскихъ работъ. Въ указѣ 1709 года также сказано, что люди, не записавшіеся въ купцы и занимающіеся торговлею, „торгами своими у посадскихъ людей промыслы отымаютъ“. Изъ указа 1714 года видно, что правительство при такихъ распоряженіяхъ руководствовалось главнымъ образомъ финансовыми распоряженіями [2]).

Впрочемъ, правительство, сообразно съ желаніями Посошкова, старалось защитить коммерческое сословіе отъ обидъ, причиняемыхъ ему приказными и военными людьми. Иногда оно грозило наказаніемъ чиновникамъ, которые безъ основанія станутъ притѣснять купцовъ [3]); такъ, въ указѣ 1700 года даже велѣно въ случаѣ жалобъ солдатъ на торговыхъ людей въ „брани и безчестьѣ“, „въ тѣхъ искѣхъ имъ отказывать и розыску не чинить“ [4]). Правительство, какъ кажется, желало умножить торги слѣдующимъ указомъ, уже вовсе несогласнымъ съ видами Посошкова. Въ 1711 года. Правительствующій сенатъ приговорилъ: „всякаго чина людямъ торговать всѣми товарами вездѣ невозбранно своими именами и съ платежемъ всѣхъ обыкновенныхъ пошлинъ; а подъ именами торговыхъ людей утайкою отнюдь никому не торговать“ [5]).

Нѣсколько разъ Посошковъ, говоря о вопросахъ, относящихся къ торговлѣ, жалуется на отсутствіе честности въ купеческомъ сословіи въ Россіи. Изъ наставленій сыну въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ можно видѣть, что продѣлки купцовъ были весьма частымъ и распространеннымъ явленіемъ. Тамъ сказано: „Аще же вступиши въ купече-

[1]) П. С. З., № 1723. Изъ указа № 1775, впрочемъ, видно, что такія распоряженія легко могли повести къ разнымъ лишнимъ притѣсненіямъ, по крайней мѣрѣ привительство въ подобныхъ случаяхъ грозитъ бурмистрамъ пенею.

[2]) П. С. З., № 2770.

[3]) П. С. З. № 1764.

[4]) П. С. З. № 1785.

[5]) П. С. З. № 2433.

ство, то въ словѣ своемъ буди твердъ яко недвижимый камень; аще сторгуеши себѣ новый товаръ и выше настоящія цѣны, уже возми его, и аще и великая тщета отъ него тебѣ будетъ, обаче слова своего не мочи измѣнити, и у росплаты денегъ изъ договорные цѣны не отворачивай, и восплатою не волочи. Паки аще за какую цѣну и свой товаръ съ кѣмъ помолвиши, а послѣди того твоего слова, инъ человѣкъ будетъ ти аще и сугубый прибытокъ давати, не мочи слова своего измѣнити: но отдаждь тому, съ кѣмъ ты прежде слово молвилъ, и цѣны уже не измѣняй: но на чомъ слово свое поставилъ, на томъ и стой, и аще тебѣ повидится и скорбно, еже проронилъ у себя много, обаче въспять не обращайся", и пр. Затѣмъ слѣдуютъ разныя разсужденія о правдѣ и лжи, а затѣмъ сказано: „И ради правды и вѣсы у себя имѣй самые правые и вѣрные, дабы въ нихъ не было ни малыя неправды. Такожде и въ мѣрахъ во всякихъ, яко въ хлѣбныхъ и питейныхъ; тако и въ локотныхъ,—всѣ бы у тебѣ были правые, и чтобы въ нихъ не было ни малыя неправды, и въ какову мѣру что примеши, въ таковую жъ и отдавай, а другихъ мѣръ неправыхъ отнюдь у себя не имѣй..... „И товаровъ своихъ плохихъ не называй добрыми и закрасы въ товарехъ своихъ ни малыя не чини: но каковъ есть, таковъ бы и былъ весь, и чужова товара добраго не нарицай худымъ..... А буде же кой купецъ придетъ къ тебѣ и положитца на тебя въ выборѣ товару твоего, то самый лучшій выбери ему, а аще же и въ цѣнѣ положитца на тебя кто, то не моги ты болшаго барыша съ него взять. Такожде аще кто придетъ къ тебѣ отъ малыхъ отрочатъ: то не моги ты болшаго барыша съ него взять... А аще какой товаръ продаси обманомъ, наипаче же не знающаго человѣка обманеши, то по закону проклятію подпадеши... неправда отъ діавола: а правда отъ самаго Бога", и пр. [1]).

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" Посошковъ прямо говоритъ, что ложъ и обманъ въ русской торговлѣ могутъ считаться общимъ правиломъ. „Купечество у насъ въ Россіи", пишетъ онъ,—„чинится вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ не прямую" и пр. [2]). Въ главѣ „о купечествѣ" сказано: „А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть не-

[1]) Отеч. Зав., 189—192.
[2]) Соч. Пос., I, 5.

правъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ. Товары яко иноземцы, тако и Русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены и содѣланы плохіе, а иные товары и саміе плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрыя, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправаго порядка незнающимъ людемъ великія пакости чинятся. А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадаютъ и въ убожество вящшее приходятъ, и тако вси отончиваютъ. А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда установилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару, прямую, настоящую, почему коему товару цѣна положена, излишнія бъ цѣны ни у коего товара не то, что взять, но и не припрашивали бъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ".

Противъ этого зла Посошковъ предлагаетъ весьма сильныя средства, совершенно сходныя съ пріемами тогдашней администраціи, но едва ли вполнѣ цѣлесообразныя: „И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать аще: сотской, такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямо ль отвѣсилъ или обмѣрялъ, и товаръ доброй или плохой и настоящую ль цѣну взялъ. А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетьми, чтобъ впредъ такъ не дѣлалъ; а буде другой разъ такъ же учинитъ, то доправить штрафу сугубо, и наказаніе учинить сугубоежъ. А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то таковому жесточае чинить наказаніе, и штрафъ противо товарные цѣны взять десятерично. А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотской или пятидесятской

или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ 10 мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колико ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкціи съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятскими смотрѣли неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки нималыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ.... И самыя ради безпорочныя правды не худо бы всякимъ товарамъ вѣсовымъ и локотнымъ положить цѣна установленная, чтобъ она какова была въ первой лавкѣ, такова бы и въ послѣдней. А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафу и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе, не отлагая до иного дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и принявъ штрафу, записывали бъ въ закрѣпленную книгу и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую“ и пр. [1]).

Такого рода средства уже употреблялись правительствомъ при разныхъ случаяхъ, и безуспѣшно. Батоги, плеть и кнутъ, страшныя денежныя пени,—все это едва ли могло помочь нравственному недостатку, встрѣчаемому въ русскомъ купечествѣ и давно извѣстному западно-европейскимъ купцамъ, посѣщавшимъ Россію. Такъ, напримѣръ, Герберштейнъ отзывался весьма невыгодно о московскихъ торговыхъ людяхъ. Онъ пишетъ подробно о хитрости и обманѣ, о разныхъ продѣлкахъ русскихъ купцовъ. „Покупая иностранные товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину и этимъ поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе и въ недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія; но кто, зная ихъ обычаи и любовь въ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка. Иностранцамъ они все продаютъ дороже, такъ что иная вещь стоитъ имъ самимъ одинъ червонецъ, а они продаютъ за 5, 10, даже за 20 червонцевъ, хотя и случается, что и сами покупаютъ у иностранцевъ за 10 или 15 гульденовъ какую-нибудь вещь, которая стоитъ одинъ гульденъ или два. Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что-нибудь, они въ точности подхватываютъ и настойчиво требуютъ исполненія обѣщанія, а сами, если обѣщали что-либо въ свою очередь, не исполняютъ своего обѣщанія. Если они начнутъ божиться или клясться, то знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлію

---

[1]) Соч. Пос., I, 116—119.

обмануть... Есть у нихъ обычай ставить себя посредникомъ между продавцомъ и покупателемъ и взявъ подарки особо, и съ той, и съ другой стороны, обоимъ обѣщать свое содѣйствіе" [1]). Олеарій также пишетъ, что Московитяне купцы высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это—даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, самымъ грубымъ образомъ обманувшій многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, пріобрѣлъ между ними такое уваженіе за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять ихъ въ себѣ въ товарищи, въ надеждѣ поучиться его искусству [2]). Разные примѣры обмановъ приводитъ въ своемъ сочиненіи о русской торговлѣ и Кильбургеръ. Такъ русскіе купцы употребляли при продажѣ поташу и сала бочки столь толстаго дерева, что покупатели обыкновенно теряли при этомъ случаѣ около 8%. Къ бобровой шерсти они примѣшивали жиръ, муку, бѣлило, желѣзные опилки и волосы другихъ животныхъ, напримѣръ, зайцевъ и кошекъ. Нѣмецкіе купцы жаловались на сильныя потери вслѣдствіе такихъ обмановъ, а во Франціи совершенно былъ запрещенъ привозъ этого товара изъ Россіи. Такіе же обманы дѣлались и относительно мускусу и ревеню [3]). Петрей также приводитъ разные примѣры лукавства и грубаго обмана, весьма часто встрѣчаемыхъ въ русскомъ купечествѣ [4]). Правительство весьма хорошо понимало, что такая нечестность въ Русскихъ должна была лишить довѣрія русскіе товары за границею, и старалось полицейскими распоряженіями дѣйствовать противъ этого зла. Такъ, напримѣръ, въ 1716 году Петръ Великій приказалъ объявить всенародно: „Понеже происходятъ жалобы отъ англинскихъ купцовъ, что русскіе купцы въ бракованіи пеньки чинятъ обманы, въ средину доброй кладутъ не только худую и гнилую, но и каменья, и такъ имъ продаютъ; того ради подтверждать жестокими указами, чтобъ впредь отнюдь того чинить не дерзали, подъ опасеніемъ живота и лишеніемъ всего имѣнія, дабы впредь о томъ никакія жалобы не происходили, и ежели кто сыщется въ такомъ воровствѣ послѣ и та-

---

[1]) *Herberstein* въ сборникѣ: Historiae ruthenicae scriptores exteri, I, стр. 41.

[2]) См. у *Ключевскаго*, 258.

[3]) *Kilburger*, 260—264.

[4]) См. *Petrejus*, Historien und Berichte von dem Grossfürstent. Muschkow. стр. 615.

ковыхъ казнить смертію, а которые то учинили прошедшаго года и тѣхъ сыскавъ и послать на каторгу вѣчно, учиня имъ наказаніе“ [1]).

Такіе случаи обмановъ соотвѣтствуютъ низкой степени культуры тогдашняго русскаго купечества. Лютеръ, вѣроятно, имѣя въ виду подобнаго рода обманы со стороны нѣмецкихъ купцовъ, замѣтилъ, что купцы гораздо хуже разбойниковъ: разбойникъ занимается разбоемъ и грабежемъ только развѣ по нѣскольку разъ въ годъ, купецъ же грабитъ и воруетъ въ продолженіе круглаго года [2]). Поэтому онъ и предлагалъ по возможности усиливать сельскій трудъ, производство сырыхъ продуктовъ и ограничивать число купцовъ [3]). Посошковъ, сознавая вполнѣ, что купеческому сословію слѣдуетъ исправиться отъ такого нравственнаго недуга, гораздо лучше Лютера понимаетъ пользу торговаго класса для всего общества. Однако Посошковъ не упоминаетъ о вредѣ для русской торговли, заключавшемся въ томъ обстоятельствѣ, что на западѣ, вслѣдствіе такихъ обмановъ, неохотно покупали русскіе товары. Для него, быть можетъ, еще недостаточно ясно было то правило, что купецъ-обманщикъ, лишая себя довѣрія покупателей, этимъ самымъ тормазитъ ходъ своей коммерческой дѣятельности. Напротивъ того, правительство, обнародывая указы въ родѣ вышеупомянутаго о пенькѣ, такъ сказать, стыдилось за русскихъ купцовъ предъ западною Европою и ясно сознавало коммерческую выгоду честнаго веденія торговыхъ дѣлъ. Однако ни Посошковъ, ни Петръ не думали о мѣрахъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, какъ о лучшемъ, хотя и медленно дѣйствующемъ средствѣ исцѣленія нравственнаго недуга русскаго купечества; оба они надѣятся на достиженіе желанной цѣли путемъ строгихъ наказаній, бдительнаго надзора, опеки и регламентаціи. На каждомъ шагу, по мнѣнію и крестьянина-публициста, и монарха-преобразователя, нужно было обращаться съ публикою, какъ съ несовершеннолѣтними. Убѣжденіе Петра въ отношеніи къ промышленности и торговлѣ: „нашъ народъ, яко бы дѣти“, совсѣмъ не походило на убѣжденіе его знаменитаго современника, философа Вольфа, утверждавшаго, что купцамъ, какъ болѣе всѣхъ другихъ заинтересованнымъ въ торговлѣ, должно предоставить полную свободу, ибо торговля будетъ всегда процвѣтать

[1]) П. С. З., № 3005.
[2]) *Roscher*, Gesch. d. N. Ock. in Deutschland, стр. 60.
[3]) Тамъ же, 52.

главнымъ образомъ тамъ, гдѣ не существуетъ никакихъ для нея стѣсненій [1]). Посошковъ и Петръ, напротивъ того, считали необходимою искусственную организацію торговли, и въ этомъ отношеніи въ ихъ предложеніяхъ оказываются даже нѣкоторыя противорѣчія. Посошковъ говорилъ о „свободѣ" торговли, а въ тоже время предлагалъ множество стѣснительныхъ мѣръ и этимъ доказывалъ, что не понималъ изреченія позднѣйшаго экономиста Лоца: „ubi libertas, ibi divitiae" [2]). Искусственная система надзирателей надъ купцами, сотскихъ, пятидесятниковъ, десятниковъ, предлагаемая Посошковымъ, быть можетъ, имѣла бы нѣкоторую выгодность для покупателей, которые были бы защищены такимъ образомъ отъ чрезмѣрнаго произвола и отъ разныхъ продѣлокъ купцовъ; за то для послѣднихъ такія учрежденія представляли бы собою множество опасностей, стѣсненій: тутъ являлся просторъ для произвола именно надзирателей и чиновниковъ. Самъ же Посошковъ желалъ избавить купцовъ отъ угнетеній чиновнаго люда, а между тѣмъ предлагаемыя имъ мѣры могли, при исполненіи, легко имѣть печальныя слѣдствія, создавая множество случаевъ подкупа, произвола, насилія „волокиты" и т. д.

Именно во время Петра Великаго, какъ намъ извѣстно, случаи безсовѣстнаго обращенія чиновниковъ и судей съ купцами бывали частыми; такъ, напримѣръ, Волынскій, губернаторъ Астраханскій, до того притѣснялъ купцовъ, что, какъ разказываетъ Нестеровъ, „иные купцы, отбывая платежей и постоевъ, покинувъ или распродавъ бѣломѣстцамъ въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины, въ артиллерію, въ извощики и воротники", и т. д. [3]). Богатый купецъ Богомоловъ, какъ видно изъ подробнаго разказа его зятя, безъ всякой вины съ своей стороны, былъ лишенъ своего имущества, страннымъ насиліемъ князя Сергѣя Борисовича Голицына, такъ что обобранный до ниточки, умеръ отъ горести бѣльцомъ въ Богоявленскомъ монастырѣ [4]). Еще болѣе вопіющимъ фактомъ было преслѣдованіе богатаго и опытнаго въ дѣлахъ купца Соловьева въ Амстердамѣ, котораго послѣ пытки и лишенія имущества самъ Петръ

---

[1]) *Roscher*, N. Ock. in Deutschland, стр. 355.
[2]) Тамъ же, 669.
[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XVI, 216.
[4]) Тамъ же, XVIII, 169.

призналъ невиннымъ, однако не возвратилъ ему конфискованнаго имущества [1]):

Въ продолженіе вѣковъ, замѣчаетъ нашъ почтенный историкъ С. М. Соловьевъ, служилое сословіе привыкло непосредственно кормиться на счетъ промышленнаго народонаселенія; самоуправленіе, данное Петромъ, застало врасплохъ, и посадскіе люди вели себя въ этомъ отношеніи очень неряшливо; исправленіе обязанностей самоуправленія казалось лишнею тягостью; богатые тѣснили бѣдныхъ и заставляли ихъ жалѣть о воеводахъ; служилый человѣкъ презрительно относился къ промышленному человѣку и позволялъ себѣ на счетъ его всякаго рода насилія. Главный магистратъ представилъ длинный списокъ купецкихъ людей, которые были захвачены разными вѣдомствами и судебными мѣстами, и не смотря на промеморію главнаго магистрата, ни сами они, ни ихъ дѣла не были пересланы въ это учрежденіе и нѣкоторые изъ нихъ умерли въ жестокомъ заключеніи, [2]). Сами купцы обижали другъ друга. „Купечество", писалъ Нестеровъ,—„въ Москвѣ и городахъ само себѣ повреждаю и повреждаетъ: сильные на маломочныхъ налагаютъ поборы несносные, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ, отъ чего маломочные въ большую приходятъ скудость и безторжицу" и т. д. [3]). И все это уже было съ давнихъ поръ вкоренившимся зломъ. Не даромъ уже Крижаничъ за шестьдесятъ лѣтъ до Посошкова требовалъ: „Треба бы дать слободину торговцемъ земскимъ или ти посадникомъ, и воякомъ и всякимъ окладникомъ: да имъ будетъ вольно всегда, и для всякія причины, предъ державниками явно тужить ся и свѣдочать и челобитье немедленно въ Москвѣ слать, супроть державникомъ кои бы хотѣли превратить доберъ законъ и добро теченіе земскаго торговства" [4]). Правительство весьма хорошо знало, что купцовъ обижають весьма часто. Въ 1711 году правительствующій сенатъ велѣлъ по градскимъ воротамъ, на гостиномъ дворѣ и въ рядахъ прибить листы такого содержанія: „Купеческаго чина людямъ, буде въ купечествѣ ихъ есть въ чемъ гдѣ какая обида, и тѣ бъ

---

[1]) См. соч. *Карновича*, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, стр. 183.

[2]) *Соловьевъ*, XVIII, 166.

[3]) Тамъ же, XVI, 216.

[4]) *Крижаничъ*, I, 29.

доносили о томъ въ канцелярію правительствующаго сената" [1]). Однако, этимъ еще нельзя было помочь общему злу. И Посошковъ, и правительство находились въ странномъ положеніи. Искренно желая устранить недостатки, защитить и купцовъ, и публику отъ обидъ и „неправды", стараясь всюду проводить реформы, и Посошковъ, и правительство усложненіемъ административныхъ, полицейскихъ учрежденій и отправленій рождали новыя стѣсненія, новыя преграды болѣе успѣшному развитію народно-экономической дѣятельности. Лѣкарство создаетъ новыя болѣзни. Тѣ, которымъ поручается надзоръ, должны сами находиться подъ надзоромъ. Тѣ, которые наказываютъ, часто сами достойны наказанія.

Прочія мысли Посошкова относительно промышленности.

Посошковъ не имѣлъ основанія быть особенно довольнымъ состояніемъ промышленности въ Россіи. Промышленность сосредоточивалась не столько въ среднемъ, городскомъ сословіи, какъ было на западѣ, сколько въ рукахъ низшаго класса сельскаго населенія. Ремеслами занимались, какъ и до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ, крестьяне. Сельскій трудъ едва ли гдѣ-нибудь находился въ столь тѣсномъ соединеніи съ промышленнымъ трудомъ, какъ въ Россіи. То обстоятельство однако, что промышленность была дѣломъ мужиковъ, между тѣмъ какъ посадскіе люди занимались охотнѣе торговлею, чѣмъ ремеслами, имѣло слѣдствіемъ, что ни общество, ни государство не обращали особеннаго вниманія на эти занятія, которыя не были поддерживаемы болѣе значительными капиталами и не пользовались уваженіемъ публики.

Между тѣмъ Русскіе считались весьма способными къ промышленному труду, и въ настоящее время состояніе кустарной промышленности доказываетъ, что простолюдины въ Россіи отличаются необыкновенною ловкостью, расторопностью и умѣлостью. Иностранцы, бывшіе въ Россіи, восхищались нерѣдко этими качествами Русскихъ. Такъ, напримѣръ, полякъ Самуилъ Маскѣвичъ, бывшій въ московскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка, пишетъ: „Всѣ русскіе ремесленники превосходны, весьма искусны и такъ смышлены, что все, что̀ съ роду не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ мало-

[1]) П. С. З., № 2382.

лѣтства привыкли, въ особенности турецкія вещи: чепраки, збруи, сѣдла, сабли съ золотою насѣчкою. Всѣ эти вещи не уступаютъ турецкимъ" [1]).

Однако, русскіе ремесленники, не пользуясь особеннымъ покровительствомъ правительства, не имѣя стройной организаціи, и не располагая средствами, не могли имѣть особеннаго успѣха. Недоставало имъ солиднаго техническаго образованія; не имѣли они того общественнаго, нравственнаго значенія, которое имѣли цехи въ западной Европѣ [2]).

Цехи.

По мѣрѣ того, какъ городское сословіе въ до-Петровскую эпоху боролось съ страшными затрудненіями, заключавшимися, главнымъ образомъ, въ жестокомъ характерѣ администраціи и судопроизводства, города не могли сдѣлаться особенно важными центрами промышленности. Характеризуя безчеловѣчное обращеніе чиновнаго люда съ жителями городовъ, г. Хлѣбниковъ приходитъ къ слѣдующему весьма справедливому заключенію: „Если мы пріймемъ во вниманіе всѣ приведенныя условія, то для насъ станетъ понятно, что народонаселеніе стремилось не въ городъ, а изъ города" [3]). Начертивъ устройство и характеръ русскихъ городовъ въ XVII столѣтіи, г. Корсакъ замѣчаетъ: „Наши деревянные, непрочные города имѣли мало притягательной силы для окрестнаго народонаселенія". На западѣ городское населеніе, окрѣпнувъ въ борьбѣ съ старинными родами, вскорѣ составило свободныя общины со своимъ управленіемъ, самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Городскія общины имѣли политическое значеніе, пользовались большими привиллегіями въ сравненіи съ сельскими и могли защищать ихъ сами. Въ Россіи же настоящая городская жизнь выразилась только въ тѣхъ немногихъ городахъ, которые, благодаря удобству положенія для торговли или особеннымъ историческимъ условіямъ, сдѣлались главными дѣятелями нашей торговли. За то многіе другіе города были чисто земледѣльче-

---

[1]) Дневникъ Маскѣвича въ Сказаніяхъ иностр. о Самозв., V, стр. 54.

[2]) См. довольно дѣльную монографію: Zur Geschichte der Handwerke in Russland und deren Vergleichung mit den analogisch. Erscheinungen in Deutschland въ журналѣ: *Archiv f. wissensch. Kunde von Russland*, Herausg. v. *Erman*. Berlin. 1843, III, стр. 246 ff.

[3]) О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, стр. 290.

скія поселенія: жители другихъ были только чернорабочими въ огородахъ, занимались извозомъ и т. п. Иногда сельскіе жители находили главный сбытъ своихъ ремесленныхъ издѣлій въ городахъ, между тѣмъ какъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жители села Иванова, Владимірской губерніи, получали огородныя овощи лукъ, огурцы и пр., изъ города Суздаля, отстоящаго отъ него на 76 верстъ. Въ большей части случаевъ городскія сословія, если можно ихъ такъ назвать, составляли безразличную массу въ числѣ прочаго народонаселенія страны. Переходя безпрерывно изъ города въ село и обратно, находя тамъ и здѣсь почти одинаковыя условія жизни, оно осталось чуждо того духа корпораціи, который былъ столь могущественнымъ орудіемъ успѣховъ гражданственности на западѣ [1]).

Не смотря на все это, ремесла были довольно развиты въ Россіи и до начала XVIII вѣка. Какъ мы знаемъ изъ Домостроя, частное хозяйство каждаго зажиточнаго человѣка представляло собою что-то въ родѣ микрокосма, въ которомъ трудились ремесленники всѣхъ видовъ, такъ что не особенно часто приходилось обращаться за промышленными товарами къ общему рынку. Царское хозяйство, какъ мы знаемъ изъ сочиненія Котошихина, также отчасти имѣло характеръ хозяйства по правиламъ Домостроя. Тутъ было множество мастерскихъ и фабрикъ, доставлявшихъ необходимыя для потребленія двора издѣлія. Зато при производствѣ промышленныхъ продуктовъ для потребленія массы народа замѣтно чрезвычайное раздѣленіе труда, и до нынѣ сохранившееся въ деревняхъ и нерѣдко вызывавшее удивленіе путешественниковъ-иностранцевъ, напримѣръ, Гакстгаузена. Уже въ XVII вѣкѣ нѣкоторыя отрасли промышленности сосредоточивались въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Казани были кожевенные заводы; мыло варили въ Костромѣ; производствомъ поташа занимались въ Каргополѣ; войлочные товары дѣлали въ Калугѣ; деревянные ящики — въ Холмогорахъ; мелкія серебряныя вещи—въ Устюгѣ и пр. При всемъ томъ, однако, издѣлія русской промышленности были непрочны; при ихъ производствѣ господствовала рутина. Вывозъ ихъ за границу въ большей части случаевъ оказывался невозможнымъ вслѣдствіе недоброкачественности ихъ.

Нельзя отрицать, что въ западной Европѣ усовершенствованію

---

[1]) *Корсакъ*, О формахъ промышленности вообще и пр. Москва. 1861, стр. 105—111.

ремеслъ содѣйствовало значительно устройство цеховъ. Они зиждились на томъ понятіи, что городъ, какъ нравственное цѣлое, долженъ заботиться и объ умственномъ, и о матеріальномъ благосостояніи принадлежавшихъ къ нему лицъ. Такимъ образомъ, произошла искусственная организація труда, отчасти даже и потребленія. Городское начальство, въ видахъ обезпеченія интересовъ потребителей, наблюдало за доброкачественностью товара, опредѣлялъ способъ производства его и надзирало надъ солиднымъ обученіемъ молодыхъ людей мастерству. Съ другой стороны, такое устройство обезпечивало и производителей. Число послѣднихъ было ограничено: они не могли страдать отъ чрезмѣрной конкурренціи; размѣры производства каждаго мастера часто были ограничены; обнаруживалось стремленіе сохранить нѣкоторое равенство между членами каждой корпораціи [1]). Все это со временемъ измѣнилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія промышленности фабричной; надзоръ правительства въ отношеніи къ техникѣ труда оказался, съ одной сторвны, невозможнымъ вслѣдствіе усложненія самой техники, а съ другой — лишнимъ вслѣдствіе развитія большей самостоятельности публики. Рынки для сбыта промышленныхъ продуктовъ принимали все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры; явились постепенно хорошіе пути сообщенія, кредитныя учрежденія, тѣсная связь между промышленностью и торговлею, такъ что ремесленники въ то же время сдѣлались купцами; бо́льшее раздѣленіе труда, ограниченіе домашняго производства продуктовъ промышленности и пр. [2]), все это не могло не имѣть слѣдствіемъ отмѣну цеховаго устройства, состоявшуюся впрочемъ, какъ извѣстно, въ бо́льшей части европейскихъ государствъ лишь въ текущемъ столѣтіи.

Въ то время, когда писалъ Посошковъ, на западѣ существовали еще въ полной силѣ цеховые порядки. Въ Россіи до того времени ихъ недоставало, хотя изрѣдка въ историческихъ источникахъ и упоминается о нѣкоторыхъ отношеніяхъ между мастерами и учениками, сходныхъ съ опредѣленіями западно-европейскихъ цеховъ. Корпораціи ремесленниковъ были извѣстны въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ. Одна изъ лѣтописей разказываетъ, что въ XIV

---

[1]) *Schönberg*, Zur wirthschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter. Berlin, 1868.

[2]) *Schmoller*, Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19-ten Jahrhundert. Halle, 1870.

вѣкѣ, Новгородскій епископъ Василій повелѣлъ расписывать церковь Греку Исаю *съ други*; другая, повѣствуя о подобномъ предпріятіи, дѣлаетъ различіе между *старѣйшинами, начальниками иконописцевъ* и ихъ *дружиною*. Въ документахъ встрѣчается различіе между „записными и незаписными мастерами" [1]). Тѣмъ не менѣе, хотя г. Лешковъ и видитъ во всемъ этомъ несомнѣнное доказательство, что въ Россіи съ давнихъ поръ существовали цехи наравнѣ съ западноевропейскими, мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, между прочимъ потому, что русскія артели, какъ говоритъ самъ г. Лешковъ, всегда сохраняли для членовъ свободу вступленія, выхода и перехода, наравнѣ съ другими русскими общинами, и никогда не были замкнутою, исключительною корпораціей запада. Русскія артели, складчины, ватаги [2]) скорѣе могутъ быть сравниваемы съ ассоціаціями новѣйшаго времени, чѣмъ съ средневѣковымъ учрежденіемъ цеховъ въ Германіи, хотя нѣкоторыя черты состоянія ремесленнаго класса въ Россіи и имѣютъ кое-какое сходство съ западно-европейскими учрежденіями. Такъ, напримѣръ, обученіе молодыхъ людей какому-нибудь ремеслу производилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ Россіи такимъ же образомъ, какъ обученіе молодыхъ людей за границею.

Правительство, вызывая съ запада иноземныхъ мастеровъ, возлагало на нихъ обязанность учить русскихъ людей ихъ ремеслу. До насъ дошли акты, изъ которыхъ видно, что иноземные мастера, выполнявшіе эту обязанность съ какимъ-либо видимымъ успѣхомъ, имѣли право просить прибавку жалованья и получали ее. Такъ, одинъ изъ подобныхъ актовъ говоритъ объ часовщикѣ Аникѣ Кезелѣ, что онъ просилъ и получилъ прибавочное жалованье на томъ основаніи, что въ противность примѣру прежнихъ иноземныхъ часовщиковъ, училъ двоихъ мальчиковъ своему мастерству и съ такимъ успѣхомъ, что одинъ изъ нихъ ужь умѣетъ сдѣлать *указные часишки*—первое ученье, первый курсъ ученія; да и другой скоро тоже сработаетъ. Но преимущественно русскіе ремесленники учились одинъ отъ другаго. Сохранились нѣкоторыя подробности о томъ, какъ это происходило, напримѣръ, договоръ *объ учебѣ*, заключенный между *серебрянникомъ* и крестьяниномъ, который отдаетъ къ нему „своего сына Анисимка, учиться мастерству серебряника на 8 лѣтъ, съ тѣмъ, что мастеръ въ эти годы научитъ Анисимка всему, что

[1]) См. *Лешковъ*, Русскій народъ и государство, стр. 368.

[2]) См. соч. *Калачева*, Артели въ древней и нынѣшней Россіи.

самъ знаетъ". Отецъ обязуется заплатить посадскому за это 20 рублей, да снабжать сына во все время ученія бѣльемъ и отвѣчать предъ мастеромъ за поврежу, сносъ и другія потери, если сынъ въ томъ виновать будетъ. Пить и ѣсть будетъ Анисимъ на счетъ хозяина, равномѣрно отъ него же будетъ онъ получать верхнее и исподнее платье: „А живучи тому моему сыну Анисимку въ томъ учебномъ промыслѣ быть во всемъ послушну и покорну, и безотвѣтну, дѣлати дѣло безотступно и быть въ послушаніи и покореніи" [1]) (1684 г.). Во всемъ этомъ, по справедливому замѣчанію г. Корсака, еще нельзя видѣть цеховаго устройства. Никакихъ корпоративныхъ постановленій объ ученьи мастерству, какъ у западныхъ цеховъ, мы не видимъ въ Россіи [2]).

Доказательствомъ, что такого цеховаго устройства въ Россіи до Петра, то есть, до двадцатыхъ годовъ восемнадцатаго вѣка, не было, служатъ выраженное и Крижаничемъ, и Посошковымъ желаніе устройства цеховъ и попытка Петра Великаго подражать западу и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ.

Крижаничъ пишетъ на этотъ счетъ слѣдующее. Говоря о процвѣтаніи промышленности у Венеціанцевъ и Нидерландцевъ, онъ замѣчаетъ о Германіи: „Наиболѣе у Нѣмцевъ цвѣтутъ и въ совершености стоятъ ремества. А тому есть причина, что имають нѣкія слободины и законоставія, пристояща къ совершенію ремествъ. А уставы суть сицевы: 1. Всяко ремество имаетъ свою дружину и своего назорника. Тѣ имають слободину или мочь судить межу собою распри къ реместву пристоящія. То есть, аще реместникъ господарь дѣлавцу отъ дѣла не поплатитъ или аще другъ друга обезчеститъ. 2. Всякій ученикъ есть повиненъ ученіе свое докончать у єднаго учителя: и служить му даромъ два, три или ваще годовъ; какъ есть время отлучено во всякомъ реместву. 3. Ученикъ изполнивши ученіе треба есть да возметъ свѣдочество отъ дружины въ письму: яко есть вѣрно служилъ, время изполнилъ и ремества ся научилъ. Тогда ся назоветъ товарушъ; и повиненъ есть путовать по градехъ, да увидитъ и да изкуситъ знаніе многихъ иныхъ майсторовъ. 4. Товарушъ, пришедшій въ кій градъ, повиненъ есть явиться назорнику своего ремества. Назорникъ му укажетъ станъ и обвѣститъ братомъ, аще

---

[1]) *Лешковъ*, 368 и 369.

[2]) *Корсакъ*, 111: «Ремесло не имѣло корпоративный, а скорѣе семейный характеръ».

бы кому потребенъ былъ дѣлавецъ: и приметъ го онъ, коему будетъ потребенъ. Аще ли никому не будетъ потребенъ, не дадутъ му въ оном градy жить: но вскорѣ го отправятъ. 5. Когда товарушъ хочетъ постать майсторомъ и держать свою лавку, либо дворъ, и не иному майстору помогать, но самъ на свою руку дѣлать ремество: тогда мораетъ показать свѣдочество своего ученія и повѣдать объ своемъ путованію: и мораетъ здѣлать кое нарочито изящное дѣло во своемъ реместву, кое зовутъ майсторское оказаніе: и майсторы судятъ оно дѣло и ухвалятъ е. А онъ имъ приправитъ пиръ и дастъ нѣколико вѣнязь въ общую казну, и возметъ отъ нихъ свѣдочество майсторства въ писму. Тогда можетъ въ своей лавкѣ дѣлать, и на стѣнѣ своего дома вывѣситъ доску писану или знамя, да будетъ вѣдомо каковъ реместникъ тамо живетъ" [1]).

Какъ видно, Крижаничу, много путешествовавшему по западной Европѣ, были извѣстны самымъ точнымъ образомъ мельчайшія подробности цеховыхъ учрежденій. Онъ считалъ ихъ весьма полезными и предлагалъ разныя мѣры, какимъ образомъ слѣдуетъ учить Русскихъ и размѣстить иностранныхъ „майсторовъ учителей въ разныхъ городахъ" [2]).

Посошковъ зналъ о цеховыхъ учрежденіяхъ западной Европы лишь по наслышкѣ. Однако то, что̀ онъ зналъ о нихъ, заставляло его желать введенія оныхъ и въ Россіи. Онъ пишетъ: „И въ художественныхъ мастерствахъ весьма дѣется у насъ въ Россіи неисправно; въ началѣ, егда кой человѣкъ отдается въ ученіе къ мастеру, и поставитъ срокъ, къ которому ему выучиться, и аще мастеръ не скроется и научитъ его скоро, то онъ не доживъ срока и станетъ прочь отбиваться, и отшедъ, станетъ дѣлать собою; и аще хуже мастерскаго станетъ дѣлать, то онъ цѣны сбавитъ, да и мастерство все погубитъ. И за такимъ порядкомъ въ Россіи у насъ нѣтъ самого добраго мастерства" [3]).

Вотъ именно, въ чемъ заключалась разница между состояніемъ ученія ремесламъ въ Россіи и цеховыми порядками въ западной Европѣ: въ Россіи срокъ ученія зависѣлъ отъ благоусмотрѣнія каждаго; общихъ правилъ, обязательныхъ для всѣхъ, не существовало. На западѣ, напротивъ того, строго соблюдался извѣстный срокъ уче-

---

[1]) Соч. *Крижанича*, I, 32.
[2]) Тамъ же, 32 и 39.
[3]) Соч. Пос., I, 5.

нія, требовалось испытаніе учившагося до вступленія въ цехъ и т. п. Подробнѣе Посошковъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ другомъ мѣстѣ: „Въ художникахъ аще не будетъ добраго надзирателя и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими дѣлы обогатитися не возможно, ниже славы себѣ доброй получить, но до окончанія вѣка будутъ жить въ скудости и безславіи. А если бы о нихъ учиненъ былъ гражданскій указъ, если бы имъ изъ самого начала учитися постоянно жить, давшись къ мастеру въ наученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отходить, и не взявъ отпускнаго письма, и послѣ сроку со двора не сходить, то бы всѣ мастеры ни въ томъ бездѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми мастерами бы были. А прежде такой порядокъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять или на шесть, и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, да и цѣну опуститъ, и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ—ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ. А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ о семъ гражданской указъ такой твердой, что буде кто не доживъ до сроку хотя единаго дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ человѣкъ не будетъ добрымъ человѣкомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускнаго, никто де его не возьметъ, и того ради у нихъ и мастеры добры и похвальны. А у насъ такого запрещенія гражданскаго нѣтъ, чтобы, не доживъ до сроку и совершенно не научась, отъ мастеровъ ученики не отходили; и того ради и быть мастеромъ добрымъ у насъ не возможно“ [1]). И далѣе въ другомъ мѣстѣ: „Такожде и о художественныхъ дѣлахъ гражданскій уставъ надлежитъ учинить, и ежебы надъ всякими мастерствы устроить надзирателей, а наипаче надъ иконописцами, и надъ всѣми ими главнаго правителя приставить, и за всѣми мастерами и надзирателями прилежно ему смотрѣть, и мѣсто ему дать, гдѣ тѣ дѣла ему управлять, дабы всѣ мастеры дѣла свои дѣлали самымъ тщательнымъ художествомъ безпорочно. И во ученіи ихъ уставъ положить недвижимый: аще кто пойдетъ къ мастеру мастерства какого учитися, и аще и добрѣ научится, а безъ отпуску отъ мастера своего отойдетъ, то учинить ему наказаніе— отдать въ солдаты; а буде кто изъ офицеровъ или изъ иныхъ лицъ

---

[1]) Соч. Пос., I, 159—141.

мочью своею и письмо отпускное у мастера возьметъ, а мастеръ шедъ къ командиру своему объявитъ, и то письмо по обличенію будетъ отставлено, а заступщика по указу оштрафовать, каковъ о такихъ людяхъ указъ состоитъ". И если такъ будетъ устроено, то, какъ ожидаетъ Посошковъ, „и мастерству уже учиться будутъ прилежнѣе, а и мастера будутъ учить ихъ охотнѣе; и за таковымъ уставомъ и по неволѣ будутъ учиться добрѣ, и совершенно выучась и взявъ у мастера отпускъ вышшему художественныхъ дѣлъ командиру покажетъ свое мастерство и отпускъ, то какъ ему той командиръ опредѣлитъ, еще-ль ему доучиваться, или у иныхъ мастеровъ изъ найма работать, или уже и самому ему можно быть мастеромъ, то такъ тому и быть. И аще кой ученикъ уже совершенно научился и въ разумѣ уже совершенномъ, и освидѣтельствовать командиру съ товарищи и съ мастерами, и аще мастерство его чисто и честно, и порока никакого не имуще, то дать ему указъ полный, чтобъ ему и дѣлать было свободно, и домъ мастерской имѣть, и учениковъ учить" [1]).

Есть основаніе думать, что Посошковъ уже и въ „Отеческомъ завѣщаніи" говорилъ о болѣе солидномъ обученіи ремесленниковъ, но глава „о художествѣ" въ изданіи г. Попова очевидно не окончена. Трудно предположить, чтобы Посошковъ въ завѣщаніи, писанномъ для сына, не сказалъ ни слова о необходимости продолжительнаго и правильнаго ученія ремеслу; вѣроятнѣе, что въ спискѣ Завѣщанія, имѣвшемся у г. Попова, есть въ этомъ отношеніи пробѣлъ.

Какъ бы то ни было, и въ отношеніи къ ремесламъ Посошковъ оказывается сторонникомъ опеки, строгаго наблюденія за частными лицами со стороны правительства. Онъ хвалилъ учрежденія западной Европы, которыя уже тогда именно, вслѣдствіе преобладанія въ нихъ чрезмѣрно мелочной регламентаціи, вызывали оппозицію со стороны лицъ просвѣщенныхъ. Такъ, напримѣръ, современникъ Посошкова, извѣстный лейпцигскій профессоръ Томазіусъ, былъ того мнѣнія, что въ Германіи ремесла не развиваются успѣшно вслѣдствіе существованія слишкомъ многихъ правилъ и запрещеній. По его мнѣнію, ремесла и искусства наиболѣе процвѣтаютъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ каждому предоставлена полнѣйшая свобода работать совершенно по своему усмотрѣнію и умѣнію [2]). Такой либерализмъ,

---

[1]) Соч. Пос., I, 142—143.

[2]) См. *Roscher*, Gesch. d. N. Oek. in Deutschland, стр. 346.

напоминающій воззрѣнія такъ называемой Манчестерской школы, долженъ считаться въ началѣ восемнадцатаго вѣка исключеніемъ. Такъ, напримѣръ, знаменитый философъ Вольфъ требовалъ, чтобы каждый ремесленникъ былъ подвергнутъ испытанію и доказалъ бы, что знаетъ свое ремесло въ совершенствѣ [1]).

При понятіяхъ, господствовавшихъ въ Россіи относительно главныхъ началъ администраціи вообще, и Посошковъ, и Петръ Великій раздѣляли скорѣе мнѣніе Вольфа, нежели мнѣніе Томазіуса. Въ то самое время, когда писалъ Посошковъ свою главу „о художествѣ“ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, въ которой онъ предлагалъ подражать западной Европѣ въ отношеніи къ цеховымъ порядкамъ, Петръ Великій энергично занялся рѣшеніемъ этого вопроса.

Въ „Регламентѣ или уставѣ главнаго магистрата“ послѣднему вмѣняется въ обязанность заботиться о размноженіи „мануфактуры“, то-есть, не только большихъ заводовъ, но и ремеслъ („необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебряники“). Каждое ремесло должно было имѣть „свои особливыя цунфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ), и свои книги, въ которыхъ регулы или уставы, права и привилегіи ремесленныхъ людей содержаны“. Мануфактуръ-коллегіи было поручено составить такіе уставы [2]). Все это было начато, „понеже всякое каждаго города изобиліе при Божіей помощи и доброй полиціи, въ началѣ отъ корабельнаго морскаго хода, також отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ купечествѣ и искуснаго рукодѣлія, собственную свою имѣетъ силу и умножительное дѣйство“. Все это однако было лишь началомъ, проэктомъ. Многое зависѣло отъ разработки тѣхъ „регулъ“ или уставовъ для цеховъ. Трудъ былъ продолжительный. Не ранѣе какъ въ апрѣлѣ 1722 года вышелъ именной указъ „о цехахъ“, въ которомъ заключались слѣдующія правила: кто желаетъ вступить въ цехъ, обращается къ старшинѣ цеха; кои достойны „быть мастерами, тѣмъ давать письма, что имъ быть мастерами, и за ремесленными людьми смотрѣть, дабы всякой свое рукодѣліе дѣлалъ добрыми мастерствы“. Каждый ремесленникъ обязанъ на свой товаръ положить „свое пятно“, а потомъ приносить для свидѣтельства того мастерства къ старшинѣ, а старшинѣ то сдѣланное буде явится добраго мастерства, пятнать своимъ пят-

---

1) *Roscher*, тамъ же, стр. 353 и 356.

2) П. С. З., № 3708, въ январѣ 1721 года.

номъ.... а безъ того отнюдь никому продавать и въ ряды покупать не держать"; товаръ негодный уничтожается или конфискуется; за нарушеніе того правила слѣдуютъ разныя наказанія. Старшина, одобрившій негодный товаръ, послѣ „жестокаго наказанія", ссылается на галеры. Мастера могутъ имѣть подмастерьевъ и учениковъ. Въ отношеніи къ ученикамъ точь въ точь исполнено желаніе Посошкова; въ указѣ сказано: „ученикамъ ранѣе семи лѣтъ не отходить, а по семи лѣтахъ давать свидѣтельствованныя письма и освидѣтельствоватѣ такъ, какъ въ чужихъ краяхъ". Указъ оканчивается повелѣніемъ и въ столичныхъ городахъ, и въ другихъ „сочинить цехи наискорѣе, немедленно же" [1]).

Посошковъ, какъ мы уже иногда имѣли случай видѣть, былъ оптимистомъ. Предлагая довольно сложныя реформы, онъ считалъ исполненіе своихъ предложеній возможнымъ и удобнымъ и часто обманывался въ отношеніи къ тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми правительство, дѣйствуя въ духѣ и направленіи его же мыслей, по необходимости должно было встрѣтиться. На этотъ счетъ весьма полезно прослѣдить за сравнительно медленнымъ успѣхомъ разныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Мы видѣли, что уже въ январѣ 1721 года въ регламентѣ о магистратахъ является мысль о цехахъ. Цѣлымъ годомъ позже, 19-го января 1722 года, встрѣчается такой указъ оберъ-президенту магистрата: „Понеже давно имѣется указъ и регламентъ о исправленіи дѣла вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и такъ въ протчихъ, но по се время никакого успѣху въ томъ не дѣлается: того ради симъ опредѣляемъ, что ежели въ Питербурхѣ сихъ двухъ дѣлъ, то-есть, магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы". Въ то время трудно было приступить такъ скоро къ исполненію предположенія Петра. Даже, какъ видно изъ слѣдующаго обстоятельства, самое учрежденіе западно-европейскихъ цеховъ было мало извѣстно. Въ апрѣлѣ 1722 года, по выходѣ изъ сената, велѣно Дмитрію Соловьеву „учинить съ иностранныхъ учрежденій о цехахъ извѣстіе и внесть въ сенатъ", и Соловьевъ, извѣстный купецъ, жив-

[1]) П. С. З., № 3980.

шій долго въ Амстердамѣ, обѣщалъ сдѣлать это къ завтрешнему утру [1]).

Не смотря однако на всѣ такія мѣры правительства, характеръ нашей ремесленности, какъ говоритъ г. Корсакъ въ своемъ сочиненіи „о формахъ промышленности“ [2]), въ сущности измѣнился мало. Цехи не имѣли того характера, какимъ они отличались на западѣ. Въ остальныхъ городахъ, кромѣ Петербурга и Москвы, каждый имѣлъ право осѣдлости и могъ заниматься всякимъ ремесломъ. Тамъ, гдѣ были въ значительномъ числѣ иностранцы, они, правда, основали свои цехи, учрежденіе которыхъ однако совершенно было имъ предоставлено. Русскіе ремесленники были въ прежнемъ положеніи. Наибольшее ихъ число состояло изъ крѣпостныхъ, изъ такъ-называемыхъ „подлыхъ“ людей, которые отдавались на обученіе нѣмецкимъ мастерамъ, и по окончаніи срока, или должны были работать на своихъ господъ, или получая отъ нихъ паспорты, занимались ремесломъ въ городахъ и платили оброкъ помѣщикамъ. Нѣкоторые могли записываться въ цехъ, но тѣмъ не менѣе оставались крѣпостными. Самые цехи не имѣли никакой правильной организаціи или строго опредѣленныхъ правилъ; каждый могъ свободно въ нихъ записываться. Хорошихъ ремесленниковъ они не произвели; значительные города наполнялись только людьми, которые, работая кое-какъ и занимаясь то тѣмъ, то другимъ промысломъ, записывались въ цехи, чтобъ избавиться отъ земледѣльческихъ работъ [3]).

Такимъ образомъ, правительство ограничивалось собираніемъ данныхъ о ремесленныхъ и мастеровыхъ людяхъ, требовало строго, но безуспѣшно, чтобы всѣ ремесленники „объявляли о себѣ, кто какого ремесла“ и т. п. [4]) или въ инструкціи магистратамъ, въ 1724 году, обѣщало особенныя привиллегіи тѣмъ, которые заведутъ какую либо „мануфактуру“ и поручало магистратамъ принуждать „гулякъ“ къ „какимъ возможно художествамъ и ремесламъ“ [5]).

Вскорѣ послѣ смерти Петра относительно магистратовъ произошли въ законодательствѣ существенныя перемѣны. Наконецъ, городовое положеніе Екатерины, въ отношеніи устройства ремесленнаго сословія, хотя имѣло характеръ, нѣсколько напоминающій подобныя учрежденія запа-

---

1) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XVIII, стр. 178.
2) Стр. 113—114.
3) *Корсакъ*, 114.
4) П. С. З., № 4102.
5) П. С. З., № 4624.

да, но также не могло измѣнить прежняго состоянія ремеслъ въ Россіи. Ремесло въ селахъ было изъято отъ всякаго вліянія цеховъ: поселяне по прежнему могли свободно имъ заниматься и продавать свои издѣлія въ городахъ. Законодательство, создавъ управленіе ремеслами, по справедливому замѣчанію г. Корсака, не создало ремесленнаго класса и городскаго сословія въ истинномъ значеніи этого слова [1]).

Контроль доброкачественности товара.

Въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ Посошковъ даетъ сыну слѣдующее наставленіе: „Тщися всякое свое мастерство дѣлати тщательно, самымъ добрымъ и искуснымъ мастерствомъ, за что бы тебѣ при иныхъ художникахъ быти похвалену, и того ради дѣлай неспѣшно самымъ неспѣшнымъ тщаніемъ. И здѣлавъ на всякой своей работѣ клади своего званія клеймо, дабы кто инъ не могъ твоего мастерства нарещи своимъ или своего худаго твоимъ, и аще твое мастерство и плохо будетъ, обаче за своимъ клеймомъ отпускай. А того, сыне мой, не моги учинить, еже бы ты поддѣлатца подъ чужое, русское или иноземное, клеймо, велми бо сіе правѣ противно, а по гражданскому правому суду подъчинишся жестокому наказанію..... Каково что возмеши доброе или худое, изъ того и дѣлай, и примѣсу никакова отнюдь не дѣлай. Аще золото возьмеши: ни мѣди ни серебра въ него не примѣшивай, и золота своего плохова не прилагай: но каково возмеши, изъ того и дѣлай. Такожде и серебро каково возмеши изъ такова и дѣлай, а мѣди въ него и плохова серебра своего не примѣшивай. Такожде и олова доброе или плохое возмеши, изъ того и дѣлай: а свинцу въ него, ни плохова олова, не примѣшивай. Подобнѣ и желѣзо, или и иную какую вещь, отъ древесъ или отъ каменей: каковы у кого возмеши, таковы и въ дѣло клади, а измѣнити не моги не единые искрицы. И всякое свое дѣло дѣлай правдиво, безъ всякаго фальшивства, чтобы въ работѣ твоей никакова и малаго поврежденія не было, и чтобы тебѣ худово не отдать за доброе, и никакова дѣла своего мастерства, совершенно не осмотря не отдавай, чтобы не было въ немъ никакова порока. А такова безумія не учись глаголати, яко нѣцыи невѣгласы глаголютъ, мнѣ буде съ рукъ, а тамъ хотя все пропади, но тщися ты тако дѣлать, чтобы твоя работа и по смерти твоей была славна“ [2]).

---

[1]) О формахъ промышленности, стр. 115.

[2]) Отеч. Зав., 185 -187.

Правительство старалось разными административными мѣрами обезпечивать интересъ потребителей, устраивая нѣкоторымъ образомъ контроль въ отношеніи къ качеству покупаемыхъ публикою издѣлій. Къ такимъ мѣрамъ можно отнести „учиненіе для пробы золотыхъ и серебряныхъ вещей пробныхъ клеймъ". Въ указѣ объ этомъ предметѣ велѣно „мастеровымъ людемъ здѣлавъ держать у себя съ назначеніемъ имени своего клейма и всякія своего мастерства прежде клеймить своимъ клеймомъ, и потомъ приносить къ старостамъ" [1]). Вскорѣ послѣ того было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: „буде кто въ дѣлѣ серебро къ клейменью принесетъ ниже учиненныхъ пробъ въ первыя, и такое въ дѣлѣ серебро старостамъ ломать", а кромѣ того взимается денежная пеня [2]). Въ 1709 году велѣно, чтобъ у торговыхъ и мастеровыхъ людей серебрянаго ряда были вѣсы и фунты у всѣхъ правдивые и заклеймены годовымъ клеймомъ и пр. [3]). Въ 1722 году было приказано устроивать на всѣхъ желѣзныхъ заводахъ разныя „пробы желѣза", и обозначать клеймами на желѣзѣ, выдержало ли желѣзо пробы или нѣтъ; безъ клейменія же было запрещено продавать желѣзо [4]).

Какъ Кольберъ, въ своихъ регламентахъ и мануфактурахъ и ремеслахъ давалъ Французамъ подробныя наставленія по этимъ предметамъ, такъ и Петръ самъ опытный техникъ, знавшій спеціально подробности разныхъ ремеслъ, былъ учителемъ своего народа въ своихъ подробныхъ предписаніяхъ, какъ должно заниматься тѣмъ или другимъ рукодѣліемъ. Въ бумагахъ Петра находились мнѣнія разныхъ мастеровъ: Ивана Кочетова о парусномъ мастерствѣ, Фолія или Фроріа о якорномъ, Максима Микулина о канатномъ, неизвѣстнаго о купоросномъ [5]). Правительство старалось слѣдить строго за доброкачественностью печенаго хлѣба [6]) и наблюдало за извѣстными правилами при постройкѣ судовъ. Всюду оно старалось водворять честность и солидность въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Однако эти старанія оставались часто безуспѣшными, и Посошковъ не даромъ старался возбуждать въ сынѣ своемъ любовь къ честности и нѣкоторую добросовѣстность въ про-

---

[1]) П. С. З., № 1752.
[2]) П. С. З., № 1843.
[3]) П. С. З., № 2779.
[4]) П. С. З., № 3952.
[5]) *Афанасьевъ*, IV, 13.
[6]) *Marperger* 277.

изводствѣ такихъ работъ. И тутъ онъ надѣется на успѣхи надзора, страшныхъ наказаній и пр. Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ онъ пишетъ: „Иніи мастеры будутъ именитые и домами мастерскими владѣть будутъ, то всѣмъ имъ, коемуждо имѣть у себя клеймо свое особливое, а и надзиратели такожде имѣли бы свои особливыя жъ клеймы. И егда кой мастеръ сдѣлаетъ своего мастерства какую вещь, то мастеръ положилъ бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будетъ въ свидѣтельствѣ предъ надзирателемъ, и буде оно добро, то бы на той вещи приклеймилъ и онъ своимъ надзирательскимъ клеймомъ. И тѣ бы именитые мастера за учениками своими за наимниками смотрѣли накрѣпко, чтобы на мастерство его похульи какой не навели; потому что тѣ дѣла будутъ за его клеймомъ, и аще какая вина въ той вещи, въ матеріи или въ мастерствѣ явится, то оштрафованъ будетъ тотъ мастеръ, чье клеймо на немъ будетъ. А штрафъ брать кромѣ оружейныхъ дѣлъ десятерично въ десять цѣнъ проданныя вещи. А буде кой мастеръ оружейный сдѣлаетъ какую либо пищаль изъ ломкаго желѣза или изъ мягкаго, да худо проваритъ, и въ стрѣльбѣ ее разорветъ, то на томъ мастерѣ, чье клеймо, взять штрафу во сто цѣнъ той пищали, да ему же учинить наказаніе. А аще пищаль тверда и мастерствомъ добра, а въ стрѣльбѣ не цѣльна, то взять штрафъ десятеричный — за рубль десятъ рублевъ. А аще кто сдѣлаетъ замокъ пищальный плохъ и неогнистъ, или шпагу, или палашъ, или копіе, или какое ни есть ружье рукобитное безъ укладу, или желѣзо положитъ ломкое, то взять на немъ штрафъ два десятеричный — за гривну два рубля. А за прочія всякія желѣзныя мастерства, кои дѣлаются въ домовое строеніе, буде что сдѣлано будетъ изъ ломкаго желѣза, то за тѣ дѣла брать штрафъ десятеричный — за гривну по рублю. А буде лавочникъ купитъ на продажу не разсмотря пороку, и будетъ продавать за доброе, то онъ заплатитъ штрафъ подлежащій купеческаго регула, каковъ положенъ будетъ. И аще мастеровымъ людямъ безъ свидѣтельства и безъ гражданскаго управленія не повелѣно будетъ своевольно дѣлать, то всѣ художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иноземцы; иноземцы же такіе же люди, что и мы, да они гражданскимъ уставомъ тверды и въ мастерствѣ добры, а егда и у насъ гражданскій уставъ будетъ твердъ, то могутъ наши художники и превышить ихъ. И тако годствуетъ учинить, чтобы безъ вѣдома художественныхъ правителей и пришлый никакой мастеръ русской или иноземецъ никакого рукодѣ-

лія не дѣлалъ бы; но егда его освидѣтельствуютъ командиры съ товарищи, и какъ ему опредѣлять, такъ и быть“ [1]).

У Крижанича также встрѣчаются замѣчанія о необходимости правительственнаго надзора за доброкачественностью издѣлій и товаровъ [2]).

Требованіе столь строгаго надзора правительства надъ дѣйствіями частныхъ лицъ вполнѣ соотвѣтствовало воззрѣніямъ самихъ правительствъ въ Европѣ въ то время. И прежде въ отношеніи къ доброкачественности товаровъ существовали чрезвычайно строгія постановленія. Такъ, напримѣръ, въ XV столѣтіи тѣхъ лицъ, которыя продавали шафранъ поддѣльный, сожигали или зарывали живыхъ въ землю. Никогда однако до Кольбера правительства столько не заботились о частностяхъ ремеслъ и мануфактуръ, какъ въ періодъ такъ называемаго просвѣщеннаго деспотизма. Регламенты на этотъ счетъ Кольбера или Фридриха Великаго могутъ считаться чуть ли не учебниками технологіи. Во многихъ случаяхъ правительство оказывалось болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ была публика. Такъ напримѣръ, русское правительство не только имѣло основаніе, но даже нѣкоторымъ образомъ обязано было требовать отъ своихъ подданныхъ производства болѣе широкаго полотна, потому что сбытъ слишкомъ узкаго полотна за границею былъ невозможенъ. За то правительства въ подобныхъ вопросахъ иногда и ошибались, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Когда въ 1669 году во Франціи предписана была ширина и длина всѣхъ выдѣлываемыхъ тканей, то слѣдствіемъ такой регламентаціи было затрудненіе сбыта французскаго камлота въ Италію, гдѣ желали другихъ размѣровъ этой матеріи. Бывало, что правительства опредѣляли, напримѣръ, сколько вѣсу должна имѣть пара шелковыхъ чулковъ и т. п. Такихъ законовъ отмѣнено, напримѣръ, въ Англіи въ новѣйшее время весьма большое число. Въ настоящее время размѣры сбыта всѣхъ товаровъ. техническое образованіе производителей, осмотрительность покупателей представляютъ собою гораздо болѣе сильное ручательство за доброкачественность товаровъ, нежели административныя мѣры правительствъ. Даже въ отношеніи къ требованіямъ иностранныхъ покупателей въ настоящее время ремесленники и фабриканты обыкновенно имѣютъ болѣе основательныя свѣдѣнія, нежели органы правительства. Поэтому въ послѣднее время

---

[1]) Соч. Пос., I, 143—144.

[2]) *Крижаничъ*. I. стр. 37.

во многихъ мѣстахъ были устранены учрежденія для осмотра товаровъ и освидѣтельствованія ихъ доброкачественности (Schauanstalten), такъ какъ правительства убѣдились, что лучше предоставить частнымъ лицамъ, а именно покупателямъ, быть судьями качества товара и чрезъ ограниченіе сбыта менѣе доброкачественнаго товара принуждать производителей обращать вниманіе на желанія и выгоды публики. Иного мнѣнія были въ свое время Крижаничъ и Посошковъ.

Впрочемъ и до настоящаго времени нѣкоторый контроль въ отношеніи въ доброкачественности товаровъ со стороны правительствъ оказывается не только не лишнимъ, но даже необходимымъ, напримѣръ, на основаніи гигіеническихъ или другихъ полицейскихъ соображеній. Далѣе, въ такихъ случаяхъ, когда само правительство бываетъ покупателемъ, напримѣръ, при поставкѣ оружія и, т п., оно имѣетъ полное право опредѣлять разныя правила надзора и даже, въ случаѣ недоброкачественности товара, строгаго взысканія.

Мѣры поощренія промышленности.

Посошковъ считаетъ необходимымъ обезпечивать интересъ изобрѣтателей въ области промышленности. „Аще кто что вымыслитъ вновь", говоритъ онъ,—„отъ своего разума или и научась отъ кого, да начнетъ дѣлать, а прежде такого мастерства не бывало, то таковому по иноземческимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускаютъ того мастерства дѣлать до смерти его. И аще тако устроено будетъ у насъ въ Руси, то такожде, что у иноземцевъ, много будутъ вымышленниковъ: многіе бо острые люди и нарочно стали тщатися, како бы что новое вымыслить, отъ чего ему поживиться. А нынѣ у насъ за непорядочное гражданство гніетъ добра много.... И тако есмь я, а и у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что. Вельми бо годствуетъ о вымышленникахъ опредѣленія учинить гражданское, твердое, то многіе вымышленники явятся" [1]).

Посошковъ считаетъ необходимымъ законъ о патентахъ. Онъ зналъ о таковыхъ „иноземныхъ уставахъ". И дѣйствительно, именно въ XVII столѣтіи въ Англіи и въ другихъ странахъ появилось болѣе или менѣе сложное законодательство о патентахъ. Въ 1628 году, во

[1]) Соч. Пос., I, 141—142.

время царствованія Іакова I, англійскій парламентъ постановилъ разныя правила о патентахъ. Въ другихъ государствахъ, а также и въ Россіи, законы о патентахъ появились гораздо позже, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ въ 1787 году, въ Пруссіи въ 1815 году. Въ настоящее время вездѣ, за исключеніемъ Швейцаріи и нѣкоторыхъ частей въ Германіи, существуютъ законы о патентахъ. Въ послѣднее время со стороны многихъ экономистовъ были выражены однако сомнѣнія относительно пользы патентовъ. Лишними или даже вредными они признаны, напримѣръ, Эммингаузомъ (Emminghaus), Принсъ-Смитомъ (Prince-Smith), Макфіемъ (Macfie), Ренцшемъ (Rentzsch) и др. [1]). Вопросъ о патентахъ нынѣ еще можетъ считаться открытымъ, а при Посошковѣ онъ могъ считаться только что поднятымъ.

Далѣе Посошковъ требуетъ поддержанія фабрикантовъ денежными ссудами. Онъ пишетъ въ главѣ „о царскомъ интересѣ": „А буде у коихъ людей есть промыслы большіе, а деньгами недовольны, и ради расширенія того своего промысла востребуютъ взять изъ прибыли, то смотря по промыслу давать сотъ по пяти-шести и по тысячѣ и больше, чтобъ промыслы купецкихъ людей расширялись, и промышленные богатились. И о таковыхъ дачахъ послать во всѣ городы указы, чтобы торговымъ людямъ, у коихъ заводы промышленные есть, земскіе бурмистры изъ ратушъ своегородныхъ людямъ на промыслъ давали бы деньги, по промыслу ихъ смотря, ста по два-три. А буде у коихъ людей заведены заводы большіе суконные или полотнянные или бумажные или стеклянные или желѣзные или иные, подобные симъ, то таковымъ, буде они люди добрые, а не замоты, и промышленники прямые усердные, то для расширенія промысловъ давать и по тысячѣ рублевъ и больше... И мнится съ большихъ промысловъ больше шести рублевъ на годъ не надлежитъ имать, потому что у большаго промысла множество людей питаться будетъ, и то станетъ быти пополненіе царственное" [2]).

Какъ видно, особенно изъ послѣдняго замѣчанія, Посошковъ ставилъ интересъ народнаго хозяйства гораздо выше интереса казны. Истинно высокая идеальная точка зрѣнія Посошкова въ отношеніи къ обязанностямъ правительства на счетъ поддержанія промышлен-

---

[1]) См. напр. статью въ соч. «Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre», Leipzig, 1866, стр. 625—636.

[2]) Соч. Пос., I, 237—238.

наго класса матеріальными средствами характеризуетъ его какъ патріота и гражданина, какъ способнаго и одареннаго теплою душою питомца западно-европейскаго просвѣщенія. Петръ Великій дѣйствовалъ въ этомъ же духѣ. Нельзя однако отрицать, что такія мѣры иногда оказывались нецѣлесообразными, что онѣ довольно часто подавали поводъ къ злоупотребленіямъ и имѣли слѣдствіемъ обремененіе бюджета лишними расходами въ ущербъ тѣмъ сословіямъ, которыя главнымъ образомъ платили подати. Быть можетъ, и на этотъ счетъ, какъ въ другихъ отношеніяхъ, законодательство и администрація Кольбера имѣла нѣкоторое вліяніе на мѣры, принимаемыя другими правительствами, и между прочимъ, на характеръ распоряженій Петра Великаго. Кольберъ обѣщалъ фабрикантамъ за устройство каждаго ткацкаго станка для шелковыхъ матерій по 2000 ливровъ. Вообще во Франціи промышленный классъ привыкъ разчитывать на всякаго рода поддержку со стороны правительства. Наполеонъ I, какъ видно, между прочимъ, изъ документовъ, изданныхъ въ послѣднее время (Correspondance de Napoléon) тратилъ большія деньги на такого рода вспоможенія. Въ Англіи промышленность гораздо менѣе ожидала въ такихъ случаяхъ помощи со стороны правительства. Тамъ само общество путемъ ассоціаціи старалось поддерживать промышленныя предпріятія, какъ показываютъ общество Society for the encouragement of Arts въ Лондонѣ, учрежденное въ 1753 году, или the British and foreign Patent association и the British-Invention and Discovery-Company [1]).

Посошковъ, какъ мы видѣли уже при разныхъ случаяхъ, не любилъ иностранцевъ. Однако онъ, равно какъ и Петръ Великій, смотрѣлъ на нихъ какъ на наставниковъ. Онъ предлагалъ устраивать цехи въ Россіи по образцу нѣмецкихъ, онъ требовалъ законовъ о патентахъ наравнѣ съ англійскими и французскими; мало того, онъ также, какъ и Петръ Великій, считалъ необходимымъ приглашеніе мастеровъ изъ-за границы для обученія Русскихъ разнымъ ремесламъ. Вотъ что̂ онъ пишетъ на этотъ счетъ въ главѣ „о художествѣ“: „А буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, и такому надлежитъ дать домъ и отдать ему въ наученіе человѣкъ десятокъ-мѣста или и больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкій, чтобы онъ

[1]) См. нѣкоторыя подробности по этому вопросу въ соч. *Rau*, Grundsätze der Volkswirthschaftsplege. Heidelberg, 1828, стр. 235 слѣд.

тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрытно. И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучитъ противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрытно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, чтобы на то воздаяніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали. А буде кой иноземецъ, по древнему своему обыкновенію иноземческому, будетъ шмонить, о ученьи учениковъ нерадѣть, но чтобы, деньги выманивъ, за море уѣхать,—и то его лукавство и правду мочно и въ полугодѣ узнать, — то съ чѣмъ онъ пріѣхалъ съ тѣмъ и назадъ выслать его нечестно, и чтобы онъ въ Руси не шатался, дабы на то зря впредь для обману въ Руси къ намъ не пріѣзжали. И кои ученики будутъ переимчивы и мастерства какого совершенно научатся, еже противо заморскаго дѣлать, то учинить таковыхъ мастерами, и кормъ имъ учинить довольный, чтобъ могъ онъ обогатиться" и пр. [1]). Посошковъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Русскихъ иногда считали менѣе способными чѣмъ иноземцевъ. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Русскіе могутъ быть столь же искусными рабочими и мастерами, какъ и иностранцы, между тѣмъ какъ послѣдніе обыкновенно получали гораздо большую плату въ сравненіи съ Русскими. Посошковъ сильно ропщетъ на русскихъ сановниковъ, не поддерживающихъ русскихъ ремесленниковъ. „Во всякихъ дѣлахъ", пишетъ онъ,—„правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублевъ пропадаютъ, то ни во что поставляютъ и размножатися доброму художеству не допускаютъ" [2]).

И Крижаничъ раздѣлялъ это мнѣніе о необходимости приглашенія иностранцевъ-наставниковъ, а также и мнѣніе о способности русскихъ-учениковъ [3]). Мы знаемъ, что правительство еще въ XVII столѣтіи возлагало на иностранныхъ мастеровъ обязанность учить русскихъ людей ихъ ремеслу. Такъ, напримѣръ, изъ одной грамоты, относящейся къ 1645 году, видно, что иностранный часовщикъ обязался выучить двоихъ мальчиковъ своему мастерству и дѣйствительно выполнилъ эту обязанность [4]). Вообще, однако, въѣздъ иностранцевъ въ Россію былъ затрудненъ. Когда въ 1689 году, по ходатайству бранденбургскаго посланника Чаплича, было дозволено французскимъ

---

[1]) Соч. Пос., I., 146.
[2]) Соч. Пос., I., 149.
[3]) *Крижаничъ*, I, 31.
[4]) *Лешковъ*, 368, 370.

эмигрантамъ-гугенотамъ пріѣзжать въ Россію, то такая мѣра могла считаться нѣкоторымъ образомъ исключеніемъ [1]). Въ манифестѣ 1702 года „о вызовѣ иностранцевъ въ Россію съ обѣщаніемъ имъ свободы вѣроисповѣданія“ прямо сказано, что правительство отмѣнило и уничтожило „древній обычай, посредствомъ котораго совершенно воспрещался иноземцамъ свободный въѣздъ въ Россію“; такая мѣра вызвана искреннимъ желаніемъ правительства „какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“; для достиженія такой цѣли правительство „учинило нѣкоторыя перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться по нынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ“ [2]).

При каждомъ случаѣ Петръ старался пріобрѣсти таковыхъ наставниковъ для Русскихъ. Извѣстно, какъ онъ для этой цѣли воспользовался множествомъ Шведовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Полтавской битвѣ [3]). Въ 1721 году въ продолженіе одного мѣсяца прибыло въ Москву около тысячи молодыхъ Татаръ, которыхъ, по приказанію Петра Великаго обучали разнымъ ремесламъ [4]). Еще въ концѣ царствованія Петра были выписаны „изъ Брабантіи“ кружевныя мастерицы [5]) и пр.

Однимъ словомъ, правительство дѣйствовало совершенно сообразно съ предложеніями Посошкова, а послѣдній мыслилъ вполнѣ въ духѣ реформъ Петра. И въ высшихъ сферахъ администраціи и между простолюдинами встрѣчается убѣжденіе, что улучшеніе быта Россіи значительною долею обусловливалось такимъ ученіемъ въ школѣ западной Европы.

Иконопись.

Посошковъ, какъ человѣкъ набожный и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный техникъ, не могъ не обратить вниманія на одну отрасль промышленности, имѣвшую характеръ ремесла весьма распространеннаго, а именно, на иконопись. Онъ былъ крайне недоволенъ современнымъ состояніемъ этого искусства и предлагалъ разныя мѣры для улучшенія его. Уже въ

---

[1]) П. С. З., № 1331.

[2]) П. С. З., № 1910.

[3]) *Weber*, I, 161. *Storch*, III, 18.

[4]) *Storch*, III, ч. 1.

[5]) *Афанасьевъ*, см. также соч. *Марпергера*, 128.

„Отеческомъ Завѣщаніи“ онъ коснулся этого вопроса и писалъ въ главѣ „О художествѣ“ слѣдующее: „А аще будеши моляромъ: то наипаче тщися еже бы ти не погрѣшить предъ Богомъ въ рисовкѣ, и во изображеніи лица Спасителева: и знай во всемъ мѣру. Есть бо во иконописцахъ великое неискусство: пишутъ младенцовъ не во младенческой мѣрѣ. И ради примѣра имѣй у себя азбуки размѣра человѣческаго, личные и писменные размѣры. Разумѣй же человѣка сицѣ: возми мѣру съ болшаго палца: и что мѣры въ немъ, то и носу, а въ ноздряхъ ширина таже мѣра безъ трети, и между глазъ тоже безъ трети мѣра, во главѣ четыре мѣры, въ шеѣ поперегъ двѣ мѣры, отъ плеча до плеча седмъ мѣръ, отъ плеча до локтя шесть мѣръ, отъ локтя до запястья пять мѣръ безъ четверти, отъ запястья въ ладони двѣ мѣры безъ трети, отъ длани средней перстъ мѣра съ третью, а отъ запястья со дланію три мѣры. Сидящему человѣку отъ сидѣнья до плеча 10 мѣръ, а до поясницы отъ плеча (полъ осмы мѣры отъ поясницы же до колѣна 7 мѣръ безъ, отъ колѣна до“) [1])... Означенное скобками въ подлинникѣ зачеркнуто и, какъ видно, вся эта статья не была докончена.

Итакъ, Посошковъ не ограничивался предложеніемъ сдѣлать „азбуку“ для „моляровъ“. Онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и самъ сочинилъ такую „азбуку“. Однако, трудъ его, по всей вѣроятности, ему самому казался не полнымъ; иначе, говоря объ этомъ предметѣ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи, онъ не преминулъ бы указать на свой трудъ какъ на руководство, которое слѣдуетъ напечатать и распространить по всему государству. Предлагая въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ устроить надзоръ надъ ремесленниками, онъ замѣчаетъ, что такой надзоръ необходимъ „наипаче надъ иконописцами“. Въ другомъ мѣстѣ той же главы „О художествѣ“ онъ пишетъ: „А наипаче всѣхъ художествъ научитися надобно иконописцамъ иконнаго мастерства, чтобы имъ всесовершенную мѣру знать всякаго возраста человѣческаго и чинъ надлежащій. А надзирателямъ надъ ними надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ и смотрѣть накрѣпко, чтобы не былъ въ нихъ ни единъ человѣкъ не умѣющій: и кіи иконописатели не весьма искусны, то работали бъ они на мастеровъ, что имъ повелятъ писать, то бы и писали, а егда навыкнутъ, тогда могутъ они мастерами быть. И мнится мнѣ, что надлежитъ и съ великимъ запрещеніемъ закрѣпить, чтобы

---

[1]) От. Зав., стр. 188.

не свидѣтельствованные иконники и не имѣющіе повелительнаго у себя указа еже писать ему святыя иконы, отнюдь бы не писали. Святое Писаніе глаголетъ: яко проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А иконописное дѣло тому присутственно; понеже строятся онѣ ради Божія чести, и тая честь восходитъ на самаго Бога. А такъ небрежительно ихъ пишутъ, что иныя иконы страшно и видѣти: иные отъ недознанія своего пишутъ тако, что аще бы таковымъ размѣреніемъ былъ это живой человѣкъ, то бы онъ былъ страшилищемъ..... И аще у насъ многіе люди знаютъ размѣреніе человѣческое, обаче подлежитъ сдѣлать азбуку русскую, и написать ее русскимъ манеромъ, а не нѣмецкимъ, чтобы она всякому человѣку поемну была, и написать ее надлежитъ сицевымъ манеромъ: (слѣдуетъ изложеніе содержанія проектируемой азбуки).... и всю тое азбуку написать нагими тѣлесы, а потомъ другую азбуку написать въ платьѣ стоящихъ и сѣдящихъ, и всякими разными виды, и состроя ее вырѣзать на мѣдныхъ досках, и напечатать ихъ тысячу мѣста и во всѣ городы разослать, и повелѣть всѣмъ иконникамъ писать противъ той азбуки, и сдѣлать ее во всю десть. А деревенскимъ мужикамъ и безграмотнымъ съ великимъ запрещеніемъ надлежитъ запретить, дабы отъ нынѣшняго времени не токмо деревенскіе, но и градскіе не взявъ о себѣ повелительнаго письма отнюдь бы не писали. И какъ у насъ въ Россіи въ деревняхъ такіе мастеры есть, что въ алтынъ и въ грошъ и въ копейку икону продаютъ, и такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ, да голова; а гдѣ надлежало голову, глаза да уста написать, то тутъ однѣ точечки наткнуты, да то и образъ сталъ. И сего ради паче иныхъ художествъ надлежитъ надъ ними твердое смотрѣніе учинить" [1]).

Церковная живопись въ Россіи сначала находилась въ рукахъ греческихъ иконописцевъ. Скоро, однако, и Русскіе занялись этимъ искусствомъ, довольно часто имѣвшемъ характеръ ремесла. Въ послѣдствіи оказалось нѣкоторое вліяніе западно-европейской живописи на иконопись въ Россіи.

Посошковъ считалъ иконопись скорѣе ремесломъ, чѣмъ искусствомъ. Индивидуальное творчество исключалось догматическимъ схематизмомъ. На западѣ на этотъ счетъ встрѣчалось гораздо болѣе свободы. Посошковъ предлагаетъ устроить „азбуку" для иконописцевъ, впрочемъ, не столько ради догматики, сколько ради вѣрности

[1]) Соч. Пос., I, 146—148.

рисунка. „Азбуку“, предлагаемую Посошковымъ, скорѣе можно сравнить съ руководствомъ, сочиненнымъ въ XVI вѣкѣ знаменитымъ германскимъ художникомъ Альбрехтомъ Дюреромъ: „Vier Bücher von der menschlichen Proportion“ (1528) [1]), чѣмъ съ подлинниками, распространенными въ Россіи и по мѣсту ихъ употребленія названными кіевскими, новгородскими, устюжскими, московскими [2]).

Можно удивляться тому, что Посошковъ въ своихъ разсужденіяхъ объ иконописи вовсе не говоритъ о томъ недостаткѣ русской церковной живописи, на который столь часто жаловались и церковь и свѣтское правительство. Недостатки иконописи состояли не только въ художественной неправильности изображаемыхъ предметовъ, свидѣтельствовавшей о неопытности, но и въ нарушеніи преданій восточной церкви. Весьма часто встрѣчаются указы и распоряженія въ видахъ сохраненія въ чистотѣ этихъ преданій. Такъ, напримѣръ, Стоглавый соборъ строжайше требовалъ, чтобъ иконописцы писали „смотря на образъ древнихъ живописцевъ“, чтобы „гораздыя иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ, а отъ самомышленій бы своими догадками Божества не описывали“. Иконопись считалась дѣломъ священнымъ. Имъ должны были заниматься только тѣ, которымъ „Богъ откроетъ такое рукодѣліе“. „И того бы ради“, сказано въ грамотѣ 1551 года,—„живописцы, учите учениковъ безъ всякаго коварства, да не осуждени будете въ муку вѣчную“. Постоянно повторяется совѣтъ живописцамъ писать „съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали и какъ писали Андрей Рублевъ и прочіи пресловущіи живописцы“ [3]).

Посошковъ, какъ мы знаемъ главнымъ образомъ изъ „Отеческаго завѣщанія“, сильно ненавидѣлъ католиковъ и лютеранъ. Онъ, однако, въ своемъ разсужденіи объ иконописи не упоминаетъ о вліяніи западно-европейской живописи на русскую. При замѣчательномъ развитіи этого искусства въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ въ Италіи, въ Нидерландахъ, въ Германіи, и пр.. въ соединеніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно начиная со второй половины XV вѣка, съ каждымъ десятилѣтіемъ росло число иностранныхъ мастеровъ, прі-

---

[1]) См. монографію *А. фонъ-Эйе* (von Eye) объ Альбрехтѣ Дюрерѣ.

[2]) Не имѣвъ возможности пользоваться русскою монографіей Снегирева объ этомъ предметѣ, мы цитуемъ нѣмецкое извлеченіе изъ нея въ журналѣ *Erman's Archiv*, II, 335.

[3]) См. Матеріалы для исторіи иконописи, сообщ. *Забѣлинымъ* во *Временникѣ*, VII, 1—4.

ѣзжавшихъ въ Россію, консервативный характеръ русской церковной живописи легко могъ находиться въ нѣкоторой опасности, подвергаясь вліянію западной Европы. Были случаи, что въ Россіи начали писать „худо или не по правильному завѣщанію". Художники писали по образцамъ польскимъ и пр. Знатные люди въ Россіи покупали такія картины. Патріархъ Никонъ принималъ довольно крутыя мѣры противъ этого зла. Такія картины зарывались въ землю. Церковь и художникамъ, и покупателямъ ихъ произведеній грозила проклятіемъ. Не смотря на все это, приверженцы западной цивилизаціи, такіе люди, какъ Матвѣевъ или Голицынъ, имѣли въ своихъ покояхъ, въ частныхъ своихъ часовняхъ картины италіанскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ [1]). Мало того: само правительство приглашало иностранныхъ художниковъ для усовершенствованія русской иконописи. Между приглашенными встрѣчаются не только Греки и Армяне, каковы были, напримѣръ, Юрьевъ и Салтановъ но и изъ западныхъ странъ; такъ въ XVII столѣтіи пріѣзжали между прочимъ, изъ Австріи Даніель Вухтерсъ и Іоганнъ Детерсъ, изъ Швеціи — Дерсонъ, изъ Польши—Станиславъ Лопуцкій [2]). Эти иностранцы получали въ сравненіи съ русскими художниками чрезвычайно высокое вознагражденіе за трудъ. Между тѣмъ какъ Русскіе получали по три копѣйки поденной платы, Іоганъ Детерсъ получалъ изъ приказа большаго прихода по 20 р. на мѣсяцъ. За то Русскіе должны были учиться у иностранцевъ „живописному письму"; однако, Русскіе жаловались, что Лопуцкій и др., взявшіе на себя обязанность учить Русскихъ, не учили ихъ писать какъ слѣдуетъ, а развѣ только учили ихъ „по дереву и по полотну золотить" [3]). Посошковъ, какъ видно, не безъ основанія жаловался, что въ Россіи „русскаго человѣка ни во что не ставятъ" и „накормить его не хоцутъ"; но съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что вышеупомянутые иностранцы были, вѣроятно, замѣчательными художниками, тогда какъ ихъ ученики,—Ивашка Безминъ или Доронка Ермолинъ, были только простыми работниками, едва ли имѣвшими понятіе объ искусствѣ.

Не мудрено, однако, что многіе въ Россіи считали вліяніе западно-европейское на русскую живопись ересью. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ окружной царской грамотѣ въ 1669 году объ икон-

---

[1]) *Erman's Archiv*, II, 337.
[2]) *Erman's Archiv*, II, 336.
[3]) См. Матеріалы для исторіи иконописи во *Временникѣ*, VII, 57, 76, 77.

номъ писаніи отличалъ иконописцевъ, яко истинныхъ церковниковъ, и велѣлъ „да честныя и святыя иконы Божія, по преданію Святыхъ и Богоносныхъ Отецъ, по необходимому обычаю Св. Восточной церкви, по приличности дѣлъ и лицъ, писаны будутъ“. Патріархъ Іоакимъ послѣ 1674 года запрещалъ „печатать на бумажныхъ листахъ изображенія Святыхъ и торговать нѣмецкими печатными листами съ таковыми же изображеніями: ибо многіе дѣлаютъ странно и развращенно, а Лютеране и Кальвины неистово и неправо, на подобіе лицъ своея страны и во одеждахъ своестранныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, которые обрѣтаются у православныхъ“ [1]).

И въ то самое время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, въ которой встрѣчаются вышеупомянутыя соображенія объ иконописи, правительство, ссылаясь на прежнія распоряженія, ратовало противъ иконописцевъ, „которые многая ложно ко прелести невѣждъ пишутъ,.... поругаются святымъ иконамъ Христа и Его Богоматере и угодниковъ Его, худымъ и нелѣпымъ письмомъ пишемымъ“. Правительство требовало „да престаетъ всякое суемудріе неправедное“; Петръ, будучи въ сенатѣ, при присутствіи сената и синода приказалъ: „иконное изображеніе исправить по содержанію церковнаго обычая и по оному святѣйшихъ патріарховъ соборному дѣянію и изложенному (1667 г.) тогда разсужденію. А надзирательство надъ живописцами и иконописцами имѣть искусному въ томъ художествѣ Ивану Зарудневу“. Весьма строго правительство требовало, чтобъ иконы писались „самымъ добрымъ мастерствомъ“; весьма рѣзко жаловалось, что „неискусные иконописцы издавна уже начали быть неисправны“ [2]).

Не столько обращая вниманія на ересь въ иконописи, сколько на рутинность и небрежность, Посошковъ, собственно говоря, повторяетъ то, что̀ довольно часто и давно было высказываемо на этотъ счетъ и правительствомъ, и церковью. Такъ, напримѣръ, въ 1551 году было сказано, что если кто займется иконописью не какъ слѣдуетъ, того должно „въ запрещеніи полагати, а отъ дѣла иконнаго отнюдь отлучати и касатись того не велѣти, боящеся словеси реченнаго: проклятъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А которые по се время писали иконы, не учась самовольствомъ и самоловкою, а не по образу, и тѣ иконы

---

[1]) См. статью *С. Д.* объ иконописи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1845, I, 29—30.

[2]) П. С. З., № 4079; см. также, № 4154.

промѣняли дешево простымъ людемъ поселяномъ невѣждамъ, ино тѣмъ запрещеніе положити, чтобы училися у добрыхъ мастеровъ.... Такоже архіепископомъ и епископомъ по всѣмъ градомъ и весемъ и по монастыремъ своихъ предѣлъ испытывати мастеровъ иконныхъ и ихъ писемъ самимъ смотрити“ и т. д. [1]).

Весьма любопытна царская грамота 1667 года слѣдующаго содержанія: „Видно великому князю учинилось, что на Москвѣ и во градѣхъ и слободахъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ объявились многіе неискусные иконописцы, и отъ неискуства воображеніе святыхъ иконъ пишутъ не противъ древнихъ переводовъ, и тому ихъ неискусному ученію многіе послѣдуютъ и у нихъ учатца... и ходятъ по своимъ волямъ... къ тому жъ еще въ нѣкоторой веси Суздальскаго уѣзду, иже именуется село Холуй, и того села Холую поселяне дерзаютъ и пишутъ святыя иконы безъ всякаго разсужденія и страха ...съ небреженіемъ... Которые неискусны иконнаго художества и тѣмъ воображенія святыхъ иконъ не писать. Такъ же на Москвѣ и во градѣхъ учинить заказъ крѣпкой, которые всякихъ чиновъ люди сидятъ въ лавкахъ, и тѣбъ люди у иконописцовъ святые иконы принимали добраго мастерства со свидѣтельствомъ, а безъ свидѣтельства отнюдь не принимать. А которые иконописцы живутъ въ Суздальскомъ уѣздѣ въ селѣ Холую и тѣмъ иконописцамъ впредь воображенія святыхъ иконъ не писать же“ [2]).

Извѣстно, что и до настоящаго времени производство иконъ для простолюдиновъ составляетъ довольно значительную отрасль кустарной промышленности, далеко при томъ не совершенную. И въ настоящее время жалобы Посошкова и правительства имѣли бы основаніе.

Таковы были мысли Посошкова въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности. Онъ былъ меркантилистомъ, какъ и Петръ Великій, не бывъ знакомымъ съ литературой экономистовъ на западѣ. Онъ протестовалъ противъ чрезмѣрнаго значенія иностранцевъ въ русской торговлѣ, считая однако необходимымъ приглашеніе иностранцевъ въ Россію въ качествѣ техниковъ-наставниковъ. Зная нѣкоторымъ образомъ о характерѣ администраціи и законодательства за грани-

---

[1]) Матеріалы для исторіи иконописи, сообщ. *Забѣлинымъ* во *Временникѣ*, VII, 2 и 3.

[2]) *Временникъ*, VII, l. c.

цей, онъ предлагалъ введеніе въ Россіи нѣкоторыхъ учрежденій, съ давнихъ поръ существовавшихъ на западѣ. Говоря о разныхъ видахъ промышленности, онъ обнаруживаетъ изумительную многосторонность, солидность и опытность въ техническихъ познаніяхъ И въ отношеніи къ этому предмету, какъ въ отношеніи къ общимъ началамъ веденія государственнаго, общественнаго и частнаго хозяйства, Посошковъ оказывается глубоко нравственнымъ человѣкомъ, горячимъ патріотомъ, вѣрнымъ подданнымъ и ученикомъ Петровскихъ реформъ.

III.

Мысли Посошкова о земледѣліи.

„Крестьянинъ села Покровскаго", какъ мы уже замѣтили выше, не былъ крестьяниномъ въ тѣсномъ смыслѣ, а скорѣе могъ считаться промышленникомъ, купцомъ, поставщикомъ правительства, финансовымъ чиновникомъ. Главное его вниманіе было обращено не столько на сельскій трудъ, сколько на устройство фабрикъ или на разныя коммерческія предпріятія. Посошковъ не былъ физіократомъ; онъ былъ меркантилистомъ. Сословіе фабрикантовъ и купцовъ, по его мнѣнію, и для государства, и для общества гораздо важнѣе, чѣмъ земледѣльческій классъ. О техникѣ сельскаго труда Посошковъ говоритъ въ своемъ сочиненіи далеко не столь подробно, какъ о промышленности и торговлѣ. Его отзывъ о крестьянахъ оказывается далеко не столь лестнымъ для послѣднихъ, какъ разсужденія о значеніи купцовъ для послѣднихъ.

Крестьяне.

Въ то время, какъ Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ", положеніе крестьянъ на Руси становилось все хуже и хуже. „Сироты", смерды, земяне, черные люди, какъ называли крестьянъ въ древней Россіи, отъ конца XVI до втораго десятилѣтія XVIII вѣка подвергались процессу прикрѣпленія къ землѣ. Бывши прежде свободными членами русскаго общества, крестьяне вслѣдствіе раздачи земель служилымъ людямъ при Іоаннѣ Васильевичѣ, вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе финансовыхъ и другихъ административныхъ соображеній правительства, мало по малу лишались своихъ правъ. Земля болѣе и бо-

лѣе ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Прикрѣпленіе ихъ къ землѣ, начавшееся въ концѣ XVI вѣка, развивается на основаніи разныхъ законодательныхъ и административныхъ распоряженій правительствъ въ продолженіе XVII вѣка. Значеніе и положеніе крестьянъ постепенно падаетъ во время царствованія Петра Великаго, и къ первой ревизіи оно доходитъ до того, что по ревизіи крестьяне отчасти были сравнены съ полными холопами, отчасти еще пользовались нѣкоторыми старыми правами, по которымъ они считались самостоятельными членами русскаго общества, а не частною собственностью землевладѣльцевъ. Ихъ положеніе было неопредѣленное. Власть землевладѣльцевъ получила сильное развитіе и при всякомъ удобномъ случаѣ давила старыя крестьянскія права; она успѣла проникнуть во всѣ крестьянскія отношенія. Господа могли ихъ продавать и закладывать безъ земли, могли переводить въ дворовые люди, судить своимъ судомъ, наказывать тѣлесно, брать ихъ имущество, переводить съ оброка на издѣлье и на оборотъ. Такимъ образомъ крестьяне были уже не далеки отъ того, чтобы совершенно сравняться съ рабами, съ полными холопами [1]).

Таково было положеніе крестьянъ въ то время, когда Посошковъ писалъ свою главу „О крестьянствѣ“ въ своемъ послѣднемъ и самомъ замѣчательномъ сочиненіи.

Въ своемъ „Отеческомъ завѣщаніи“, писанномъ нѣсколькими годами ранѣе, Посошковъ отличаетъ званіе крестьянина отъ званія холопа. Одна глава этого сочиненія трактуетъ „о земледѣльствѣ“, другая — „о рабъскомъ житіи“. Посошковъ считаетъ возможнымъ, что сынъ сдѣлается земледѣльцемъ, преимущественно въ томъ случаѣ, если „весма оскудѣетъ“ [2]). Значитъ, попасть въ крестьянское сословіе считается несчастіемъ, слѣдствіемъ экономическаго упадка. На такой случай Посошковъ даетъ сыну слѣдующій совѣтъ: „Аще отъ твоя скудости чемъ пропитатися не возможеши, то и тогда, сыне мой, въ отчаяніе ни въ уныніе не вдавайся: и ни къ какому воровству и неправедному дѣлу не касайся, и къ воровскимъ людямъ и къ разбойникамъ не прилѣпляйся, и съ мошенниками, ни съ обманщики и ни съ каковыми людьми неключимыми не снимайся, но возложа надежду свою на Бога, иди въ земледѣлную работу, и аще

---

[1]) См. *Бѣляева*, Крестьяне на Руси.
[2]) Отеч. зав., стр. 176.

цѣну велику или малу возмеши, работай всею правдою безъ лѣности и безъ лукавства".

Затѣмъ слѣдуютъ разныя нравственныя наставленія о поведеніи работника, поденьщика, объ отношеніи его къ господину и къ прочимъ работникамъ. Далѣе въ главѣ о рабскомъ житіи сказано: „Аще же тою черною работою прокормити себя не возможеши... отдашися въ рабы" и пр., при чемъ Посошковъ считаетъ весьма легко возможнымъ, что сынъ будетъ рабомъ какого-либо крестьянина. Въ такомъ случаѣ отецъ проповѣдуетъ сыну быть безусловно покорнымъ господину, работать усердно и стараться жить „кротко, беззлобно и християнски" [1]).

Всѣ эти замѣчанія весьма кратки и касаются не экономической, и не юридической стороны вопроса, а только нравственной и религіозной. О свободномъ, независимомъ отъ какого-либо господина крестьянинѣ не говорится. О значеніи сельскаго труда, о производствѣ сырыхъ продуктовъ для всего общественнаго организма — ни слова. За то о характерѣ крестьянскаго сословія въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" встрѣчаются весьма невыгодные отзывы. „Крестьянское житіе скудостно", сказано въ началѣ главы „О крестьянствѣ", — „ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ". По мнѣнію Посошкова, всѣмъ помѣщикамъ должно быть вмѣнено въ обязанность смотрѣть за своими крестьянами, чтобъ они „не гуляли,", „не лежебочили". Онъ требуетъ строгаго наказанія „изгулявшихся" крестьянъ [2]). Они должны постоянно находиться подъ надзоромъ. Посошковъ пишетъ: „А буде кой крестьянинъ хлѣба напахавъ, да станетъ гулять, а впредь ничего не станетъ запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотрѣть и жестоко наказывать, чтобы отъ лѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы ни въ пьянство не уклонялись" [3]).

Двадцать лѣтъ спустя послѣ составленія Посошковымъ его послѣдняго сочиненія, извѣстный историкъ и администраторъ Татищевъ написалъ свои „Краткія экономическія, до деревни слѣдующія за-

[1]) Отеч. зав., стр. 183.
[2]) Соч. Пос.. I, 7 и 171.
[3]) Тамъ же, 185.

писки". Въ нихъ говорится „о поспѣшности къ работѣ" слѣдующее: „Всего наивяще надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы не малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, не торжествовать, понеже лѣнивые крестьяне ни о чемъ больше не пекутца, какъ только узнать больше праздниковъ... И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилежностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянской. Работу же производить сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю, какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, то не смотрятъ за крестьянскою работою, когда они обращаются въ собственной своей работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ произносятъ на судьбу жалобу... А въ зиму ревизуетъ художниковъ, что кто сдѣлалъ для своей продажи и не были ль праздны; понеже отъ праздности крестьяне не токмо въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ, спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ муціону; доброму старостѣ и прикащику всего того смотрѣть надлежитъ, ибо за хорошее смотрѣніе должны получить хорошую заплату, а за нерадѣніе штрафъ и наказаніе... Кто въ работѣ лѣнивъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двои или трои сутки" и пр. [1]).

Такъ писалъ Татищевъ, передовой человѣкъ своего времени, извѣстный своимъ образованіемъ и проникнутый уваженіемъ къ человѣчеству и желаніемъ добра крестьянамъ. Хозяинъ-помѣщикъ смотритъ на крестьянъ не какъ на людей, имѣющихъ право на какую-нибудь свободу, но какъ на безсознательную рабочую силу; онъ прямо отрицаетъ всякое свободное распоряженіе крестьянина даже въ его крестьянскомъ хозяйствѣ. Онъ заботится о крестьянахъ также, какъ онъ заботится о лошадяхъ и о другихъ домашнихъ животныхъ [2]).

И Татищевъ, и Посошковъ считали крестьянъ лѣнивыми, не понимавшими своего собственнаго интереса. Такого же мнѣнія былъ когда-то Катонъ въ отношеніи къ рабамъ, такое же мнѣніе относительно крестьянъ встрѣчается и на западѣ даже въ эпоху литературы просвѣщенія. Когда въ Австріи, во время царствованія Маріи-

---

[1]) *Временникъ М. Общ. Ист.*, VII, Смѣсь, стр. 20—21.
[2]) См. *Бѣляева*, Крестьяне на Руси, 306, 308.

Терезіи, правительство мечтало о реформахъ въ отношеніи къ крестьянамъ, чешское дворянство старалось доказать, что нововведенія такого рода для самихъ крестьянъ сдѣлаются гибельными, потому что крестьяне, освобожденные отъ барщины, станутъ содержать менѣе скота, останутся праздными, будутъ „лежебочить“ и тѣмъ сдѣлаются причиною раззоренія своего и своихъ господъ [1]). И въ другихъ государтвахъ такой пессимизмъ, столь невыгодныя предположенія относительно радѣнія и рабочей силы крестьянъ тормозили реформы, имѣвшія цѣлью освобожденіе крестьянъ.

Русское правительство, впрочемъ, уже въ XVII вѣкѣ считало себя обязаннымъ слѣдить нѣсколько за сельскими работами крестьянъ и принуждать ихъ къ исполненію своихъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, относительно Сибири сохранилось нѣсколько наказовъ къ тамошнимъ воеводамъ, въ родѣ слѣдующаго: „вновь пашенныхъ крестьянъ изъ гулящихъ и охочихъ вольныхъ людей призывать; надзирать по часту, чтобъ крестьяне землю пахали всю сполна, зерныо и карты не играли, на винѣ не пропивались, а въ комъ свѣдаютъ какое воровство и старостамъ, и цѣловальникамъ, и десятскимъ про то сыскивать и чинить крестьянамъ наказаніе“ [2]). Указъ 1723 года февраля 27-го предписываетъ „помѣщикамъ и прикащикамъ смотрѣть за крестьянами, чтобъ они подъ хлѣбный сѣвъ землю хорошенько снабдѣвали и болѣе хлѣбнаго всякаго сѣву умножали“ [3]). Указомъ 11-го мая 1721 были отправлены изъ Остзейскаго края крестьяне въ разныя мѣстности Россіи для обученія русскихъ мужиковъ снимать хлѣбъ съ полей косами, а не серпами [4]).

Посошковъ также составилъ хотя лишь весьма краткую инструкцію о занятіяхъ крестьянъ. Онъ пишетъ: „Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить. А буде при дворѣ своемъ никакой работы пожиточной нѣтъ, то шелъ бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя, никакой крестьянинъ не оскудѣетъ“ [5]).

---

[1]) См. *Sugenheim*, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. St.-Petersburg, 1861, стр. 388.

[2]) *Лешковъ*, 860.

[3]) П. С. З., № 4175.

[4]) П. С. З., № 3781.

[5]) Соч. Пос., I, 171—172.

Посошковъ желаетъ, чтобы правительство обращалось съ крестьянами какъ съ несовершеннолѣтними. Такъ напримѣръ, онъ предлагаетъ учить ихъ грамотѣ. Его соображенія на этотъ счетъ достойны особеннаго вниманія. Посошковъ самъ былъ не только грамотнымъ, но даже образованнымъ человѣкомъ. Онъ умѣлъ цѣнить значеніе образованія и для экономическаго состоянія крестьянскаго сословія. Онъ пишетъ: „Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать или тридцать, а грамотнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу пріѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ, а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ. И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать. Я чаю не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ четыре годы дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе. А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и въ пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ. и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ [1]).

Довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ сочиненіи „Отеческое Завѣщаніе“ Посошковъ нѣсколько разъ съ особеннымъ презрѣніемъ говоритъ о „Мордвѣ“, замѣчая, что лютеране, которыхъ онъ обвиняетъ въ страшныхъ порокахъ, нисколько не лучше „Мордвы“. Теперь же, говоря о крестьянахъ, Посошковъ предлагаетъ однѣ и тѣ же мѣры относительно крестьянъ, какъ относительно „Мордвы“. И тѣхъ, и другихъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ принуждать

[1]) Соч. Пос., I, 175—177.

къ ученію грамотѣ. Въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ употребляются однѣ и тѣ же выраженія, что они, какъ безграмотные „беззаступные“, что ихъ обманываютъ и т. п. Только въ отношеніи къ Мордвѣ еще прибавляется, что обученіе грамотѣ можетъ быть удобнымъ средствомъ распространенія между этими язычниками христіанской вѣры. Далѣе къ Мордвѣ и къ крестьянамъ одинаково относится упрекъ Посошкова, что они уничтожаютъ понапрасну множество молодаго лѣсу.

Предложенія Посошкова относительно обученія крестьянъ грамотѣ остались безуспѣшными. Никто не думалъ тогда объ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ на этотъ счетъ. Крестьяне коснѣли въ невѣжествѣ. Ихъ положеніе становилось все хуже и хуже. Ревизіи, рекрутскіе наборы и усложненіе администраціи въ продолженіе XVIII вѣка, все это содѣйствовало къ упадку значенія крестьянскаго сословія и доставляло просторъ тѣмъ продѣлкамъ грамотныхъ людей, о которыхъ говоритъ Посошковъ. Съ одной стороны, они весьма часто бывали жертвами приказныхъ людей, пріѣзжавшихъ „или съ указами или безъ указовъ“; съ другой, они, какъ видно между прочимъ изъ Пугачевскаго бунта, нерѣдко бывали обманываемы революціонными агентами, пріѣзжающими въ деревни съ поддѣльными грамотами объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія и т. п. Полтора-столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ Посошковъ предлагалъ принять мѣры для обученія крестьянъ грамотѣ, и развѣ только въ нынѣшнее время, послѣ великой реформы 1861 года, при содѣйствіи земскихъ учрежденій, мало по малу предположенія Посошкова приводятся въ исполненіе.

И до Посошкова, и послѣ него крестьяне при извѣстныхъ случаяхъ становились весьма опаснымъ элементомъ въ государствѣ: отчаянное экономическое положеніе, въ которомъ они находились, разныя притѣсненія со стороны администраціи, насилія воеводъ и приказныхъ людей, междоусобныя войны въ смутное время и т. д. все это оказывало весьма гибельное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на крестьянъ. Они часто обращались въ большія разбойническія шайки, доставляли обильный матеріалъ для казачества и въ періоды смуты, какъ напримѣръ, во время возстаній Стеньки Разина, Болотникова и т. п., дѣйствовали за одно съ бунтовщиками противъ органовъ власти.

Въ продолженіе XVII вѣка разбойники нерѣдко ходили толпами. Разбойничали приказчики мелкихъ помѣстій съ своими крестьянами,

и стрѣльцы при удобномъ случаѣ становились разбойниками; бѣглыхъ крестьянъ, не смотря на множество строгихъ указовъ противъ этого зла, была безчисленная масса. Тяжкая подать, воевода, подъячій, земскій староста, разбойникъ, выживали крестьянъ, заставляя ихъ уходить дальше въ Сибирь. „Крестьяне бредутъ врозь“, было обыкновенною жалобою въ XVII вѣкѣ.

И въ то время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, разбойническія шайки продолжали быть какъ-бы хронической болѣзнію русскаго общества. Посошковъ прямо обвиняетъ крестьянъ въ солидарности съ разбойниками [1]). Противъ этого зла Посошковъ предлагаетъ введеніе весьма сложной и чрезвычайно строгой паспортной системы. Если принять въ соображеніе, что подобныя мѣры противъ перехода крестьянъ главнымъ образомъ лишили ихъ свободы и правъ, то нельзя не удивляться тому, что Посошковъ не предвидѣлъ слѣдствій усложненнаго надзора надъ крестьянами. А между тѣмъ эти новые законы и распоряженія оказались чрезвычайно тягостными для крестьянъ; они продолжали бѣгать и часто кончали дѣло грабежами и убійствами. Сыщики, отправляемые правительствомъ и ѣздившіе по уѣздамъ изъ селенія въ селеніе пересматривать и переспрашивать крестьянъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и наказывать ихъ „кнутомъ нещадно“, не помогали. Въ слѣдующія десятилѣтія побѣги крестьянъ и приниманіе бѣглыхъ усилились болѣе прежняго. Отысканіе и возвращеніе бѣглыхъ оказалось почти невозможнымъ, не смотря ни на какія строгости законовъ [2]).

Предложенія Посошкова противъ бродяжничества крестьянъ согласны, съ одной стороны, съ духомъ правительственныхъ распоряженій на этотъ счетъ, съ другой—съ образомъ мыслей вельможъ-помѣщиковъ, каковы были Татищевъ или Волынскій. Послѣдній, въ составленномъ имъ наказѣ для управляющаго имѣніемъ, требуетъ, чтобы крестьяне для своихъ нуждъ отправлялись на ближніе торги не иначе, какъ съ дозволенія прикащика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго; и ежели десятскій за кѣмъ изъ отправившихся на торгъ замѣтитъ пьянство, или мотовство, или какое-нибудь непотребство, то въ тотъ же день долженъ о томъ объявить прикащику, который, при собраніи лучшихъ крестьянъ, долженъ о виноватомъ розыскать и по ро-

[1]) Соч. Пос., I, 207.
[2]) *Бѣляевъ*, стр. 196—199.

зыску учинить по винѣ наказаніе. Далѣе Волынскій пишетъ: „По вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отъ чего онъ обѣднялъ, и ежели не отъ лѣности и не отъ пьянства припала ему скудость, такихъ ссужать хлѣбомъ всякимъ; а когда потомъ поспѣетъ хлѣбъ, оный данный отъ него взять, а прибыль ему отдать. Также хотя которые отъ своего непотребства и отъ лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать однако съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ ѣсть неповадно было. Буде же и за тѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ, то такихъ брать въ конюхи или въ пашенную работу на мой дворъ, и такихъ лѣнивцовъ или непотребцовъ кормить мѣсячиною невѣяннымъ хлѣбомъ и чтобъ онъ былъ къ непрестанной работѣ и подати за нихъ моими деньгами платить“ [1]).

Такимъ образомъ изъ замѣчаній Посошкова, Волынскаго, Татищева видно, что въ то время обращеніе съ крестьянами было главнымъ образомъ борьбою противъ лѣности, пьянства, наклонности къ разбою и грабежу въ крестьянскомъ сословіи. Постоянно встрѣчается опасеніе, что крестьянинъ станетъ не только вредить интересу помѣщика, но отсутствіемъ всякой добродѣтели будетъ содѣйствовать своему собственному оскудѣнію. Поэтому считается необходимою строжайшая опека надъ крестьянами, самый бдительный полицейскій надзоръ, принужденіе всякаго рода, разныя мѣры для предохраненія крестьянина отъ присоединенія къ шайкамъ разбойниковъ. Такъ напримѣръ, Татищевъ въ своей „Духовной“, составленной для сына Евграфа, совѣтуетъ ему заботиться о пріисканіи хорошаго священника для деревни: „Крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подведя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когдажъ гдѣ есть ученый попъ, и добраго поведенія человѣкъ, къ томужъ не имѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ“.

Громадное число указовъ о мѣрахъ противъ „гулящихъ людей“ и разбойниковъ также свидѣтельствуетъ о распространеніи этого зла. Изъ нѣкоторыхъ распоряженій видно, въ какой тѣсной связи состояло сельское населеніе вообще съ разбойниками [2]). Иногда впрочемъ

---

[1]) *Бѣляевъ*, I. с. 270

[2]) См. напр. П. С. З. № 1678 и 2439.

и сами помѣщики разбойничали со своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ и пр. [1]).

Не даромъ и публицисты и правительство считали необходимымъ усиленіе полицейскаго надзора надъ низшимъ классомъ русскаго общества. Волынскій желалъ, чтобы въ его имѣніи десятскіе наблюдали за тѣмъ, чтобы всѣ крестьяне каждую ночь были дома, а если имѣли надобность отлучиться на разстояніе отъ 10 до 20 верстъ, то брали бы отпускные листы; по его мнѣнію, на болѣе чѣмъ на три мѣсяца вообще нельзя было давать отпуска крестьянину; всѣхъ должно принуждать къ общимъ дѣйствіямъ противъ разбойниковъ и проч. Правительство также распорядилось, чтобы крестьяне, когда они хотѣли удалиться болѣе нежели за 90 верстъ отъ своего села, получали паспорты отъ коммиссара, отъ земли и отъ полковника квартировавшихъ у нихъ войскъ. Посошковъ предлагалъ совершенно сходныя мѣры, замѣчая при этомъ: „И аще сперва повидится сіе дѣло и трудновато, а егда обыкнетъ, то и тягости никакой не будетъ“ [2])

Посошковъ считаетъ далѣе необходимымъ, чтобы крестьяне помогали другъ другу противъ разбойниковъ. Но и для этой цѣли онъ предлагаетъ принудительныя мѣры, наказанія. Онъ пишетъ: „Нынѣ такъ дьяволъ ихъ (разбойниковъ) умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и, допытываясь денегъ, многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ и ворамъ даютъ волю. И ради охраненія отъ таковыя гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ окольныхъ селъ и деревень и дворяне изъ своихъ усадьбъ, аще услышатъ шумъ или повѣстку, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдей бить кнутомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ по болѣе, да на нихъ же доправить того грабленнаго крестьянина убытокъ, колико тѣ воры взяли, сугубо и отдать грабленному“ [3]). И въ другомъ мѣстѣ Посошковъ разказываетъ подробно о великомъ раззореніи, которое „чинилось“ крестьянамъ отъ разбойниковъ. По его мнѣнію, „того ради не можно никакому крестьянину

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Рос., XV; 105, XVI, 19 и 251; XVIII, 183 и пр.
[2]) Соч. Пос., I, 168 и 169.
[3]) Соч. Пос., I, 166.

богатому быть". Онъ приходитъ къ такому заключенію: „Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было, ежели бы ихъ нагло пріѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и другъ другу обидъ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житіе ихъ святое [1]).

Но не высоко ставя нравственныя качества крестьянскаго сословія, требуя множества строгихъ мѣръ для содержанія ихъ въ порядкѣ и подчиненіи, Посошковъ въ то же самое время жалуется на притѣсненіе крестьянъ помѣщиками. Онъ пишетъ: „А и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовые мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублевъ была, только бы не воровалъ, и безявочно не торговалъ; что крестьяне богаты, то бы и честь помѣщику [2]).

Этими соображеніями Посошковъ затронулъ самую существенную сторону крестьянскаго вопроса. Именно произволъ въ отношеніи къ оброкамъ и повинностямъ, со стороны помѣщиковъ на крестьянъ возлагаемымъ, былъ самымъ гибельнымъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Въ прежнее время подробности отношеній крестьянина къ землевладѣльцу, порядокъ крестьянскихъ работъ, оброки и

[1]) Пос. Соч., I, 175.
[2]) Соч. Пос., I., 182—183.

повинности у большихъ землевладѣльцевъ излагались обыкновенно въ особыхъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. Хотя и общихъ правилъ на счетъ этого не существовало, однако все зависѣло отъ взаимныхъ условій крестьянина и землевладѣльца, особенно въ мелкихъ владѣніяхъ, гдѣ едва ли и были какія уставныя грамоты. При свободномъ переходѣ крестьянъ слишкомъ большой разницы въ отношеніяхъ не было и не могло быть: взаимная нужда въ рабочихъ и въ землѣ естественно установляла приблизительно одинакую цѣну на трудъ и на землю [1]). Послѣ прикрѣпленія крестьянъ оброки и повинности крестьянъ нигдѣ не были прямо опредѣлены, ни Уложеніемъ, ни какимъ-либо другимъ извѣстнымъ указомъ, а въ послушныхъ грамотахъ предписывалось крестьянамъ въ общихъ выраженіяхъ: „пашню на помѣщика или вотчинника пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить", или „чтить и слушать такого-то и пашню на него пахать и доходъ платить" [2]). Понятно, что было много простора для злоупотребленій, для чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ оброками и повинностями. Господская полевая работа производилась смотря по нуждѣ и по соображеніямъ или самого помѣщика, или приказщика. Управленіе было самовластно и чрезвычайно строго. Имѣя со времени Уложенія полное право наказывать своихъ крестьянъ тѣлесно, помѣщики безпощадно располагали и рабочею силою крестьянъ въ свою пользу. Андрей Ильичъ Безобразовъ, помѣщикъ, въ 1681 г. пишетъ въ одномъ своемъ приказѣ: „бить кнутомъ старосту и бочаровъ (за то, что по ихъ недосмотру сгорѣлъ господскій домъ), водя по деревнямъ, только бы чуть живы были, и оковавъ прислать къ Москвѣ на ихъ подводахъ" [3]). Если въ отношеніи къ суду и расправѣ были возможны столь вопіющіе факты, въ барщинѣ, разумѣется, легко могло проявляться то безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами, противъ котораго возстаетъ Посошковъ. Нельзя отрицать, что именно въ послѣднее время до составленія Посошковымъ „Книги о скудости и богатствѣ" ревизія много способствовала развитію владѣльческаго произвола, ибо она, по началамъ своимъ, отрицала прежнія права крестьянъ.

И въ западной Европѣ неопредѣленность отношеній между крестьянами и землевладѣльцами, произволъ со стороны послѣднихъ, осно-

---

[1]) *Бѣляевъ*, 93 и 95.

[2]) Тамъ же, 191.

[3]) *Бѣляевъ*, стр. 249.

ванное на слишкомъ общихъ началахъ право помѣщиковъ относительно барщины — все это заставляло иногда правительство путемъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ дѣйствовать въ пользу крестьянъ. Такъ, напримѣръ, несмотря на общую неудачу возстанія крестьянъ въ Германіи въ XVI столѣтіи, эти бунты имѣли хотя одно благопріятное слѣдствіе: правитель Германіи (намѣстникъ императора Карла V), Фердинандъ (впослѣдствіи императоръ Фердинандъ I), принудилъ въ нѣкоторыхъ областяхъ дворянство и духовенство обратить неопредѣленный барщинный трудъ крестьянъ въ точно опредѣленный. Сравнительно цвѣтущее состояніе крестьянскаго сословія въ Англіи главнымъ образомъ обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этой странѣ уже съ XIII вѣка были точно опредѣлены повинности крестьянъ.

Жалкія условія, въ которыхъ находились крестьяне въ Россіи вслѣдствіе возможности произвола въ дѣлѣ барщины, встрѣчаются, впрочемъ, и въ другихъ государствахъ въ продолженіе XVIII вѣка. Въ Австріи также случалось, что въ самую пору жатвы помѣщики заставляли работать крестьянъ на барщинѣ въ продолженіе цѣлой недѣли. Немедленно послѣ перваго раздѣла Польши, Фридрихъ Великій въ присоединенныхъ къ Пруссіи польскихъ земляхъ значительно улучшилъ состояніе крестьянъ превращеніемъ неопредѣленныхъ повинностей въ опредѣленныя. За то можно было считать непростительною ошибкой образъ дѣйствія прусскаго правительства при наслѣдникѣ Фридриха Великаго, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II; въ уставѣ о крестьянахъ 1791 года законъ предписывалъ опредѣлить *по возможности* точнымъ образомъ размѣры повинностей крестьянъ, и нигдѣ не было сказано, кому принадлежало право рѣшенія о мѣрѣ возможности; далѣе въ этомъ же уставѣ было сказано, что землевладѣльцы имѣютъ право по своему усмотрѣнію возлагать на крестьянъ *умѣренное* тѣлесное наказаніе, но никто не имѣлъ возможности опредѣлить различіе между умѣреннымъ и неумѣреннымъ тѣлеснымъ наказаніемъ [1]).

Посошковъ былъ правъ, требуя точнаго опредѣленія повинностей и оброковъ крестьянъ путемъ законодательства. Но его предложенія остались тщетными. Правительство до этого только въ видѣ исключенія принимало мѣры къ обезпеченію интересовъ крестьянъ. Такъ,

[1]) См. мою статью «Die Hauptmomente der Geschichte des Bauernstandes», въ журналѣ *Baltische Monatsschrift* 1864 года.

напримѣръ, Котошихинъ пишетъ: „А какъ бояромъ и инымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины: и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегати и стояти, а подати съ нихъ имати по силѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстей и вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть, и насилствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати“ и пр. [1]).

При характерѣ законодательства, болѣе и болѣе лишавшаго крестьянъ всѣхъ правъ, административныя мѣры, внушенія, надзоръ, не могли имѣть успѣха. Контролировать господскія распоряженія не было законной возможности. Можно было видѣть владѣльческія злоупотребленія со стороны, можно было дѣйствовать на нихъ нравственно, но при отсутствіи законныхъ опредѣленій въ защиту крестьянъ, какихъ желалъ Посошковъ, всѣ старанія правительства на этотъ счетъ не могли имѣть успѣха.

Весьма любопытно въ этомъ отношеніи, что какъ разъ въ то время, когда Посошковъ готовился написать свое сочиненіе „О скудости и богатствѣ“, правительствомъ были приняты мѣры для обезпеченія благосостоянія крестьянъ. Въ инструкціи воеводамъ въ январѣ 1719 года встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее распоряженіе—наказъ (№ 31): „Понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или инаго какаго непостояннаго житія (sic) вотчины свои не токмо (не) снабдѣваютъ или защищаютъ въ чемъ, но и раззоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка, того ради воеводѣ и земскимъ коммисарамъ смотрѣть того накрѣпко, и до такого раззоренія не допускать, и ежели подлинно явятся въ ихъ вѣдѣніи такіе разорители, и о такихъ разсматривать, и когда для денежныхъ и другихъ сборовъ поѣдутъ въ уѣзды земскіе коммисары, и гдѣ наѣдутъ прямую пустоту, или великое умаленіе, передъ переписнымъ числомъ, крестьянъ, тогда оному коммисару объявлять ему, воеводѣ, которому то обыскивать и свидѣтельствовать съ нимъ, коммисаромъ, тутошними ближними сосѣдями и другими о тѣхъ помѣщикахъ знаемыми людьми и явными свидѣтель-

---

[1]) *Котошихинъ*, стр. 113—114.

ствы, отъ чего оная пустота явилась, и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ такаго наглаго разоренія; а тѣ обыски съ достовѣрными свидѣтельствы присылать въ сенатъ, и буде по сыску и по свидѣтельству такіе разорители своихъ имѣній явятся подлинно, и тѣхъ исправлять велѣть ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ, и велѣть до исправленія вѣдать ихъ деревни онымъ сродникамъ и свойственникамъ; также изъ тѣхъ деревень довольствовать доходами тѣхъ помѣщиковъ, а которые не исправятся, и тѣхъ посылать подъ началъ до исправленія, а которые не исправятся и подъ началомъ будучи, тѣхъ не освобождать, докелѣ же исправятся" и пр. [1]).

Такія мѣры не могли быть цѣлесообразны. Уже самое открытіе злоупотребленій, насилій, какъ видно, было дѣломъ случая; оно стало возможно лишь послѣ того, какъ раззореніе крестьянъ дошло до столь громадныхъ размѣровъ, что убыль населенія бросалась въ глаза разъѣзжавшимъ по округу чиновникамъ; безконечная процедура слѣдствія нисколько не обезпечивала улучшенія состоянія крестьянъ въ ближайшемъ будущемъ; правительство, какъ видно, даже и не надѣялось на исправленіе раззорителей, считая весьма легко возможнымъ, что впервые принятыя противъ нихъ мѣры не достигнутъ желанной цѣли; наконецъ, какъ видно, правительство заботилось о всемъ этомъ не столько изъ общихъ полицейскихъ соображеній, и еще менѣе изъ особеннаго желанія защитить несчастныхъ крестьянъ, сколько руководимое мыслью о доходахъ государства. Именно казенныя выгоды, финансовыя соображенія заставляли правительство принимать мѣры къ прикрѣпленію крестьянъ. Землевладѣльцы, аккуратно выплачивавшіе суммы, слѣдуемыя казнѣ, всегда могли разчитывать на снисходительность правительства. Такимъ образомъ, правительство, не смотря на желаніе, не имѣло вѣрныхъ средствъ къ пресѣченію владѣльческихъ злоупотребленій. На это нѣкоторымъ образомъ намекаетъ указъ отъ 15-го апрѣля 1721 г.: въ этомъ указѣ государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, говоритъ слѣдующее: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малой вопль бываетъ; и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь".

[1]) П. С. З., 3294, № 31.

Но правительство сомнѣвалось въ возможности прекратить таковую продажу, и потому тотчасъ послѣ приказанія „пресѣчь оную продажу", оговаривается: „а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь". Очевидно, все это было лишь предположеніемъ, а не дѣйствительнымъ распоряженіемъ, ибо въ заключеніе сказано: „и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ" [1]). Значитъ, желаніе государя легко могло оставаться лишь предположеніемъ. Положеніе крестьянъ становилось все хуже и хуже. Слѣдующія за Петромъ Великимъ правительства путемъ законодательства содѣйствовали дальнѣйшему упадку крестьянскаго сословія. Постепенное уменьшеніе правъ, которыми еще при Петрѣ пользовались крѣпостные дворовые люди и крестьяне, дошло до того, что въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны они толпами уходили отъ помѣщиковъ. Вторая ревизія утвердила всѣ стѣсненія крѣпостныхъ людей и ввела многія новыя. За помѣщиками было утверждено право продавать дворовыхъ людей и крестьянъ кому бы то ни было для отдачи въ рекруты; помѣщики получили право ссылать неугодныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь. Хозяева распоряжались ими какъ безгласною частною собственностью. Крестьянинъ не имѣлъ никакихъ правъ какъ человѣкъ, какъ лицо; личность его совершенно была подавлена и закрыта властью помѣщика; вся жизнь, всѣ способности крестьянина нераздѣльно принадлежали помѣщику. При Екатеринѣ II законодательство довершило бѣдствіе крестьянъ. Жалобы отъ крестьянъ на помѣщиковъ не принимались, и даже сами жалобщики наказывались кнутомъ и ссылкою въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ. Крѣпостные люди покупались, продавались, дарились сотнями и тысячами, оптомъ и въ розницу. Въ Малороссіи крѣпостныхъ людей выводили для продажи вмѣстѣ съ баранами и другими животными на ярмарки [2]). Только въ видѣ исключенія правительство имѣло возможность защитить крестьянъ отъ такихъ лицъ, какова была Салтычиха. Такія лица встрѣчаются и во время Петра Великаго. Въ 1721 году Василій Головинъ былъ сосланъ на каторгу на 10 лѣтъ за то, что

[1]) Именный указъ, объявленный сенату кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ. П. С. З. №3770. См. также *Бѣляева*, 258.

[2]) *Бѣляевъ*, 279—325.

билъ человѣка своего и тотъ во время побоевъ умеръ [1]). Но часто ли дурное обращенiе помѣщиковъ съ крестьянами дѣлалось извѣстнымъ правительству?

Посошковъ хотѣлъ быть защитникомъ крестьянъ. Онъ предлагалъ законодательныя мѣры въ пользу обезпеченiя хотя бы нѣкоторыхъ ихъ правъ. Его записка не дошла до того, для котораго она была назначена. Петръ, не узнавъ о мысляхъ Посошкова, скоро умеръ, да и самъ Посошковъ не дожилъ до самаго печальнаго перiода развитiя крѣпостнаго права на Руси.

Подобно Посошкову и иностранцы, находившiеся въ Россiи при Петрѣ Великомъ, замѣчали, что положенiе крестьянъ становилось невыносимымъ. Такъ, напримѣръ, ганноверскiй резидентъ Веберъ говоритъ, что безчеловѣчное обращенiе помѣщиковъ съ крестьянами имѣло слѣдствiемъ убавленiе производства и общее унынiе въ низшемъ классѣ. Крестьяне, хотя бы сколько-нибудь зажиточные, содержали въ тайнѣ свои денежныя средства изъ опасенiя лишиться ихъ чрезъ сребролюбiе дворянства. Веберъ прибавляетъ къ этому, что нѣкоторыя лица совѣтовали Петру отмѣнить рабство, но что Петръ, будто, возразилъ на это: „такимъ народомъ нельзя управлять иначе, какъ съ крайнею строгостью“ [2]).

Посошковъ, какъ мы видѣли, раздѣлялъ и это мнѣнiе Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, считалъ необходимымъ болѣе гуманное обращенiе съ крестьянами уже въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ. Онъ пишетъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель—Всероссiйскiй самодержавецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство—богатство царственное. И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить распоряженiе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣ-

---

[1]) *Соловьевъ*, XVIII, стр. 278.

[2]) *Weber*. Neuverändertes Russland, II, 174.

щики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили“ [1]).

Изъ такихъ соображеній человѣка, который самъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, видно, что въ то время личность крестьянина считалась гораздо болѣе полноправною, чѣмъ впослѣдствіи, чѣмъ, напримѣръ, въ то время, когда Татищевъ составлялъ свои экономическія записки.

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство послѣдующаго времени развивалось именно въ направленіи, указанномъ Посошковымъ. Въ отношеніи же къ крестьянамъ законодательство послѣ Петра Великаго пошло на перекоръ соображеніямъ, желаніямъ, надеждамъ Посошкова. Онъ желалъ болѣе точнаго опредѣленія обязанностей крестьянъ, и тѣмъ самымъ, обезпеченія остальнаго времени крестьянъ, остатка ихъ свободы. „О крестьянахъ“, говоритъ онъ,—„мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатить, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ничѣмъ бы таковыхъ не тѣснилъ, токмо смотрить за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно въ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ такого порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить“ [2]). Такого закона не только не было издано, но даже все законодательство послѣдующаго времени имѣло противоположный характеръ и достигало противоположной цѣли, то есть, давая просторъ произволу помѣщиковъ, раззоряло крестьянъ.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ былъ настоящимъ посредникомъ между обществомъ и государствомъ, какъ тщательно онъ занимался разборомъ такого рода вопросовъ, видно изъ слѣдующихъ его замѣчаній. Для опредѣленія повинностей и оброковъ крестьянскихъ онъ считаетъ необходимымъ самое точное опредѣленіе размѣровъ крестьянскаго двора. Онъ спрашиваетъ: что̀ должно считать крестьянскимъ дворомъ? Что должно служить предметомъ налога? Онъ занимается этимъ вопросомъ весьма основательно, и притомъ замѣчаетъ: „Я, истинно, о семъ много размышлялъ како бы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ

[1]) Соч. Пос., I, 183—184.
[2]) Соч. Пос., I, 185.

кой владѣетъ, и колико онъ на то своей землѣ хлѣба высѣетъ про себя“ [1]). Не безъ основанія онъ въ нѣсколько сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ именно дворянъ за то, что они еще не позаботились о болѣе раціональномъ устройствѣ податной системы. По мнѣнію Посошкова и „высокія господа“ и „мелкіе дворяне“ должны были давно мѣстѣ всесторонне обсудить эти вопросы и представить о результатахъ своихъ совѣщаній докладъ Государю, „чтобы крестьянству было не тягостно“; Посошковъ, такъ сказать, считалъ возможнымъ нѣчто въ родѣ assamblée des notables; онъ мечталъ какъ-бы о зачаткахъ парламентаризма; при содѣйствіи дворянства и по утвержденію Государемъ долженъ былъ, по его мнѣнію, состояться законъ о крестьянахъ, законъ, которымъ рѣшилась бы судьба громаднаго большинства русскаго народа.

Тѣ самые вопросы, которые занимали Посошкова, и не были рѣшены въ продолженіе всего XVIII вѣка, и въ настоящее время принадлежатъ еще отчасти къ важнѣйшимъ задачамъ законодательной дѣятельности правительства. Введеніе болѣе раціональныхъ началъ въ податную систему и нынѣ служитъ предметомъ заботъ законодателей, которые при этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, руководствуются тѣми же соображеніями, которыми полтора столѣтія тому назадъ руководствовался Посошковъ. Послѣдній возстаетъ противъ бывшаго тогда въ ходу способа опредѣленія крестьянскихъ податей. Онъ пишетъ: „Я невѣмъ, что господа дворяне смотрятъ: крестьянами владѣютъ, а что то именовать крестьянина ничего того не разумѣютъ, но токмо ворота да городьбу числятъ; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаю жъ я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни по что; ибо поборъ сей несостоятеленъ“ и пр. [2]). Такимъ образомъ, подвергнувъ нѣкоторымъ образомъ критикѣ ревизію и подушную подать, Посошковъ продолжаетъ: „Крестьянамъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямаго у нихъ нѣтъ: кои сильные помѣщики, тѣ пи-

[1]) Соч. Пос., I, 182.
[2]) Соч. Пос., I, 185.

шутъ дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, то тѣмъ легко и жить, а кои средніе могуты, тѣ дворы по два и по три вмѣстѣ сваливаютъ, а одними воротами ходятъ, а прочія ворота заборомъ забираютъ, то и тѣмъ крестьянамъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ таковаго порядка тыи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходятъ, а богатые и сильные бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ, а о прочихъ не пекутся" [1]). Объясняя затѣмъ весьма подробно, какимъ образомъ должно поступать при опредѣленіи размѣровъ двора, онъ приходитъ къ тому заключенію, что слѣдуетъ, „расположить дворы не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ. И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому, ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить" [2]).

Какъ видно, соображенія Посошкова имѣютъ нѣкоторое сходство съ мыслями его знаменитаго современника, строителя и защитника крѣпостей и экономиста Вобана, (*Vauban*, Projet d'une dîme royale). Во всѣхъ государствахъ опредѣленіе предмета, съ котораго собиралась подать, въ теченіемъ времени становилось все болѣе и болѣе точнымъ. Но лишь въ новѣйшее время были усовершенствованы способы составленія кадастровъ. Посошковъ именно требуетъ такого усовершенствованія въ финансовой администраціи относительно крестьянъ и относительно поземельной собственности вообще. При этомъ онъ надѣется на достиженіе двухъ цѣлей. *Вопервыхъ*, онъ желаетъ „охраненія крестьянъ отъ помѣщиковъ", желаетъ, чтобы крестьянамъ было „сносно"; онъ до такой степени считаетъ личность крестьянина полноправною, что предлагаетъ давать свободу тѣмъ крестьянамъ, которые донесутъ судьямъ о взиманіи съ нихъ лишнихъ поборовъ, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, крестьянъ, умалчивающихъ о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, слѣдуетъ наказывать кнутомъ—„колико ударовъ уложено будетъ" [3]). Посошковъ хочетъ, чтобы поборы были „легкостнѣе" онъ требуетъ слѣдующее: „Буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать и наложитъ сверхъ указаннаго числа

¹) Соч. Пос., I, 185—186.
²) Тамъ же, I, 187—188.
³) Соч. Пос., I, 188.

или излишнюю работу наложитъ, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на государя и землю, то на то смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станетъ" [1]). *Вовторыхъ* же, Посошковъ разчитываетъ на гораздо большіе доходы для казны: „Интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множиться". *Втретьихъ*, онъ надѣется на уравненіе экономическаго положенія крестьянъ, принадлежавшихъ бѣднымъ, и крестьянъ, принадлежавшихъ богатымъ помѣщикамъ. „Аще по вышеписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лицы будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить" [2]).

О деревенскихъ постройкахъ.

Страшное зло, отъ котораго страдало въ Россіи и городское, и сельское населеніе, были частые пожары. И въ лѣтописяхъ, и въ сказаніяхъ иностранцевъ встрѣчаются многія данныя о страшно опустошительныхъ дѣйствіяхъ огня. Уже довольно рано были приняты кое-какія мѣры противъ этой опасности. Были опредѣлены нѣкоторыя правила осторожности, были въ Москвѣ введены объѣзды, было запрещено топить мыльни лѣтомъ; было предписано ставить на избахъ бочки съ водой у дымницъ и т. п. Далѣе законъ старался предписывать нѣкоторыя правила о частныхъ зданіяхъ [3]).

Впрочемъ, въ отношеніи къ мѣрамъ предупрежденія почти ничего не было сдѣлало до Посошкова. Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаютъ его соображенія на этотъ счетъ, свидѣтельствующія опять-таки о необыкновенной наблюдательности и солидности его сужденія. „Къ крестьянскаго житія охраненію", говоритъ онъ,—„надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ аще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда одного и двора не останется. Итакъ погораютъ, что у инаго ни хлѣба, ни скота не останется. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Аще бо селитьбою ихъ

---

[1]) Соч. Пос., I, 190.

[2]) Тамъ же, 188.

[3]) См. нѣкоторыя данныя о полиціи относительно пожаровъ у *Лешкова*, Русскій народъ и государство, и 527—537, *Erman's Archiv*, X, и т. п.

не тѣснили, то бы гибели имъ такой не было. И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ велѣть строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія на пространныхъ мѣстахъ сажень по тридцати шириною, а и гдѣ тѣсное мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати сажень улицъ не дѣлать: того ради, аще у кого загорится, то всѣ бы сосѣди бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободные, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе горѣть не дадутъ, потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никоими дѣлы во время запаленія сосѣдамъ помощи подать не можно, понеже всѣ мечутся за своими уборы; обаче не вся убратися могутъ, но у всѣхъ не безъ погибели бываетъ. И тако вси погибаютъ, а отъ того и въ самую нищету приходятъ". Затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе подробныя соображенія о способѣ построекъ „гнѣздами". Къ этому Посошковъ даже прибавилъ рисунокъ [1]).

Мысли Посошкова встрѣчаются и въ законодательствѣ того времени. Посошковъ требуетъ перестройки всѣхъ деревень „какъ мочно хотя не вдругъ, но помаленьку" и предлагаетъ весьма точный чертежъ, изъ котораго видно, что, по его соображеніямъ, между дворами должны были оставаться „промежки", а за дворами должны были находиться „конопляинники". Извѣстно что какъ разъ въ то самое время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ", правительство обнародовало относительно сельскихъ построекъ предписаніе точь въ точь сходное съ предложеніями Посошкова. Изъ сенатскаго указа 3-го апрѣля 1724 года видно, что 26-го іюля (7-го августа 1722 года было „опубликовано во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ о строеніи въ погорѣлыхъ селахъ и деревняхъ по чертежу, и чертежи при указахъ разосланы". Въ 1724 же году правительство жалуется на то, что не смотря на такое предписаніе, крестьяне погорѣлыхъ мѣстъ строятъ дворы „по старому обыкновенію,

[1]) Тутъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующую, впрочемъ, незначительную несообразность въ текстѣ, изданномъ г. Погодинымъ. Въ концѣ VIII-й главы въ двухъ словахъ еще разъ упомянуто (стр. 189) о постройкѣ гнѣздами «якоже о томъ во осьмой главѣ изъявится», между тѣмъ какъ въ восьмой главѣ, объ этомъ предметѣ не говорится, а только въ VII главѣ, стр. 172—173.

не оставляя между дворовъ огородовъ и конопляниковъ". Поэтому предписывается строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „до прежняго строенія сплошь дворовъ отнюдь не допускали [1]).

Къ сожалѣнію, указъ съ чертежемъ отъ 26-го іюля 1722 года не сохранился. Именно сравненіе чертежей могло бы представить доказательство, что Посошковъ состоялъ въ нѣкоторой непосредственной связи съ правительствомъ. Или онъ могъ находиться подъ прямымъ вліяніемъ вышеупомянутаго указа, или же онъ какимъ-либо путемъ внушилъ правительству мысль о необходимости такого указа и сдѣлался такимъ образомъ виновникомъ этой весьма важной, хотя, и какъ видно не только изъ указа 1724 года, но также изъ характера сельскихъ построекъ нынѣшняго времени, совершенно безуспѣшной законодательной мѣры. Рѣшить этотъ любопытный вопросъ мы пока не въ состояніи. Принимая, однако, во вниманіе, что Посошковъ, весьма хорошо знакомый съ современными ему законами, на этотъ разъ не говоритъ ни слова о существованіи такого закона: поэтому мы можемъ считать вѣроятнымъ, что мысль Посошкова о реформѣ сельской архитектуры сдѣлалась въ частностяхъ извѣстною кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ и превратилась въ указъ. Этотъ указъ явился 26-го іюля 1722 года. Посошковъ писалъ книгу „О скудости и богатствѣ" отъ 1721 до 1724 года. Когда именно онъ писалъ главу „о крестьянствѣ"—неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, ни старанія Посошкова, ни мѣры правительства для обезпеченія успѣха борьбы съ „Вулканусомъ", какъ выражался въ то время Виніусъ о частыхъ пожарахъ,—не имѣли успѣха. И до сихъ поръ дома въ деревняхъ не строятся гнѣздами, какъ предлагалъ Посошковъ. Деревянные дома представляютъ собою непрерывную цѣпь горючаго матеріала. Въ губерніяхъ Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской, главнымъ образомъ вслѣдствіе этого обстоятельства, на каждый пожаръ приходится среднимъ числомъ отъ 10 до 13 домовъ [2]). Мнѣніе Посошкова и досихъ поръ еще вѣрно въ томъ отношеніи, что „и тако вси погибаютъ, и отъ того въ самую нищету приходятъ".

О межеваніи.

Посошковъ уже до составленія книги „О скудости и богатствѣ" занимался вопросомъ о межеваніи. Ему приписывается составленіе не-

[1]) П. С. З., №4490.

[2]) См. соч. *Вильсона*, Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи (С.-Петербургъ, 1865), стр. 4 и 12.

большаго сочиненія, списокъ котораго находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Книга о размѣреніи земли пашенной по росписанію крестьянскаго тягла десятинъ, пятинъ, четвертей, получетвертей и полъ-полчетвертей и меньши, описанное какъ государевыхъ селъ, такъ и черныхъ волостей, помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по качеству къ плодоносію доброй, средней и худой земли“ [1]). На какомъ основаніи это сочиненіе приписывалось Посошкову—покуда остается неизвѣстнымъ. По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ не имѣвъ возможности заняться чтеніемъ и разборомъ этой рукописи, мы не можемъ ничего сказать по этому вопросу; но такъ какъ, впрочемъ, Посошковъ о межеваніи говоритъ весьма подробно въ восьмой главѣ своего сочиненія „О скудости и богатствѣ“, и изъ этихъ соображеній видно, что онъ былъ весьма хорошо знакомъ съ этимъ предметомъ; то мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что Посошковъ былъ авторомъ того сочиненія, о которомъ упомянуто въ V томѣ *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*. Если-жъ авторомъ этой записки былъ Посошковъ, то по всей вѣроятности, выраженныя въ восьмой главѣ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ мысли по крайней мѣрѣ значительною долею могутъ считаться повтореніемъ того, что̀ было сказано въ вышеупомянутой рукописи. Посошковъ въ отношеніи ко многимъ предметамъ любилъ въ разныхъ сочиненіяхъ повторять однѣ и тѣ же мысли. Такъ, напримѣръ, его доношеніе къ Яворскому отчасти сходно съ первою главою сочиненія „О скудости и богатствѣ“, а доношеніе къ боярину Головину сходно со второю главою этой книги; глава „о приказныхъ порядкахъ“ въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сходна нѣкоторымъ образомъ съ содержаніемъ главы „о правосудіи“ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ и т. п.

Вопросъ о межеваніи и о составленіи кадастра могъ считаться весьма важнымъ предметомъ заботъ правительства во время Посошкова. Это видно, между прочимъ, изъ множества указовъ „о размежеваніи пустошей“, „о межеваніи спорныхъ земель“ и т. п. По мѣрѣ того, какъ развивалось сознаніе о значеніи поземельной подати, правительство должно было стараться усовершенствовать пріемы межеванія, болѣе точно опредѣлять доходность земель, однимъ словомъ—заняться составленіемъ кадастра для всей имперіи.

Восьмая глава сочиненія Посошкова „О скудости и богатствѣ“

---

[1]) См. *Записки Императорской Академіи Наукъ*, т. V, 62—63.

имѣетъ по одному списку заглавіе „О дворянѣхъ, о крестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ“, по другому только „О земляныхъ дѣлахъ“. Тутъ прежде всего говорится о вредѣ чрезмѣрнаго дробленія помѣщичьихъ земель. „Въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ“, говоритъ Посошковъ,—„кромѣ ссоры да бѣды, иного нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустѣютъ и дернѣютъ и лѣсомъ поростаютъ. И въ томъ запустѣніи царскій интересъ малится, потому что отъ пустой земли никакого дохода не бываетъ. А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ навоживаетъ, и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, такожде и сѣнные покосы раскашиваютъ, и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается“. Посошковъ предполагаетъ положить предѣлъ чрезмѣрному дробленію земель; такъ какъ однако общія владѣнія не бываютъ „безъ вражды и другъ другу безъ обиды“, то Посошковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже считаетъ необходимымъ продажу такихъ имѣній и распредѣленіе вырученныхъ денегъ между родственниками. Въ такомъ случаѣ „и браниться будетъ не о чемъ“, потому что на деньгахъ и малыя дробинки раздѣляютъ часто“.

Далѣе Посошковъ жалуется на писцовъ, переписчиковъ и дозорщиковъ, которые, относясь къ своей обязанности весьма недобросовѣстно, „пишутъ и пишучи, не то чтобъ ее смѣрять, но и глазами не видавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей 50 въ полѣ, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ“. Посошковъ по собственному опыту зналъ, въ какой степени такія показанія чиновниковъ бывали случайными, произвольными, неправильными и несправедливыми. Онъ говоритъ: „А въ иной пустоши, видѣлъ я, написано 6 четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакѣ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову положа дернину, да отводятъ землю, и въ такомъ отводѣ смертне грѣшатъ, и много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ“ [1]).

---

[1]) Соч. Пос., I, 191—193.

Можно представить себѣ, что подобный образъ дѣйствій чиновнаго люда долженъ былъ казаться дикимъ, вопіющимъ Посошкову, строгому защитнику правосудія, любившему во всемъ правильность, аккуратность, добросовѣстность. Потому-то онъ, порицая образъ дѣйствій писцовъ и дозорщиковъ, не ограничивался этимъ, но самъ занялся составленіемъ руководства для межеванія земель. Его подробное объясненіе этого предмета показываетъ въ немъ отличнаго знатока дѣла. Мы намѣрены представить лишь образчикъ этихъ правилъ, предлагаемыхъ Посошковымъ. Онъ пишетъ между прочимъ: „А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жилымъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижимыя, а буде съ кѣмъ не раздѣлила ни рѣка, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотрить какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было, а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижимая признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полну каменья и накласть бугромъ, чтобъ матерыя земли выше было, и на то копанье насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ вѣковый утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки, и подъ ту вервь поставить мореходный компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки сажень, то такъ и записать“ и пр.—Далѣе Посошковъ предлагаетъ на межахъ посадить „деревцовъ“: „около коей земли сажены березки, то березы бъ тутъ и были, а около коей земли сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около тоя земли одни бы они и были..... и деревье кое насажено такъ и записать, а другаго рода къ тѣмъ деревьямъ не присаживать... И буде кое деревье посаженое подсохнетъ, та паки посадить такоежъ... и годы два-три или пять-шесть перемѣшкавъ, паки всякому межевщику межъ своихъ осматривать, нѣтъ ли межамъ какое повреждение“.... Затѣмъ слѣдуютъ весьма подробныя указанія о наказаніяхъ тѣмъ, которые портятъ межи, объ осмотрѣ деревьевъ на межахъ, и о разныхъ пріемахъ межеванія [1]). Любопытно слѣдующее предложеніе Посошкова: „Аще и съ трудностью потрудиться о семъ, обаче въ роды родовъ безсорно бъ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершитъ, то мнитца мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ сотницу другую и по городамъ ра-

[1]) Соч. Пос., I, 193—196.

зослать. И аще гдѣ пожаръ учиниться, то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевальный трудъ не погибнетъ, и смятенія о землѣ нигдѣ и ни укого не будетъ: она будто въ зеркалѣ всѣмъ зрима". Объяснивъ подробно, какимъ способомъ должно составлять чертежи отдѣльнымъ участкамъ, Посошковъ замѣчаетъ: „И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣрѣ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ колико въ ней десятинъ и коликія четвертныя пашни". Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы были „написаны всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бъ была на особливомъ листу"; затѣмъ онъ продолжаетъ: „И аще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоятся всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, аще убогъ, и аще кто и ябедоватъ и нахиловатъ, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все, и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣлъ и буде кто и покусится межу заровнять, или холмъ на чужую землю перенесть, то всякой человѣкъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человѣку, и того ради будетъ славно и явно. И буде бы кто и сдѣлалъ, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги всѣ пропадутъ, то тогда мочно обида чинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москвѣ, а другую въ Санктпетербургѣ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна [1]).

Все это Посошкову кажется необходимымъ ради кореннаго измѣненія податной системы.

О поземельной подати.

Поземельная подать существовала съ давнихъ поръ. Земля была опредѣлена по *десятинамъ*, *четямъ*, *сохамъ* и *вытямъ*. Величина этихъ мѣръ была различна въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Впрочемъ, поземельная подать не имѣла большаго значенія въ финансовомъ управленіи. Другіе доходы казны преобладали. Посошковъ желалъ привлечь преимущественно поземельную собственность къ участію въ платежѣ налоговъ [2]). Онъ пишетъ: „И тако всѣхъ гос-

[1]) Соч. Пос., I, 198 и 199.

[2]) См. Исторію финансовыхъ учрежденій Россіи гр. *Д. Толстаго*, стр. 7 и слѣд.

водъ, великихъ и мелкихъ дворянъ дачи обмѣрить подлинною правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобы ни лишку и ни недомѣру противъ дачь не было. Вельми надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да аще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душегубства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому обиды не было“ [1]).

Такимъ образомъ Посошковъ позволяетъ себѣ строгую критику существовавшей при немъ податной системы. Онъ называетъ подушную подать „душегубствомъ“ и желаетъ замѣнить ее поземельною податью; онъ обвиняетъ финансовое управленіе въ томъ, что при прежней системѣ, при отсутствіи строгихъ порядковъ межеванія и кадастра было много „обидъ“.

Всѣ эти вопросы не разъ съ тѣхъ поръ занимали экономистовъ и правителей. Наука политической экономіи и теорія финансовъ совершенно въ духѣ мыслей Посошкова высказалась противъ подушной подати [2]). Физіократы, писавшіе немногимъ позже Посошкова, также указали на необходимость существенной перемѣны податной системы, обращая особенное вниманіе на поземельную подать. Въ новѣйшее время принципъ взиманія налоговъ съ дохода получаетъ все большее и большее значеніе въ финансовомъ управленіи, совершенно соглаcуясь съ убѣжденіями, высказанными Посошковымъ. Къ такимъ же заключеніямъ приходитъ и администрація у насъ въ Россіи, особенно послѣ тщательныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ состояніемъ крестьянскаго сословія въ новѣйшее время.

Посошковъ, по своему обыкновенію, не ограничивается общимъ предложеніемъ реформъ въ законодательствѣ. Онъ входитъ въ частности. „И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россійской, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ пашню ихъ и подъ сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ тоя земли

---

[1]) Соч. Пос., I, 200.

[2]) См., напримѣръ, *Rau*, Lehrbuch der polit. Oekonomie, Bd. III. 2-te Hälfte. стр. 192. (Heidelberg, 1877); также Эммингаузъ (Emminghaus) въ *Rentzsch*, Handwörterbuch. Leipzig, 1866, стр 517.

будутъ платить крестьяне по дворовому своему окладу, и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ. И буде положить мѣра десятинѣ длиннику 80 саженъ, а поперечнику 40 саженъ [1]), и съ такой десятины, мнится мнѣ, что можно съ пахотныя земли по осьми копѣекъ взять на годъ, а съ сѣнокосной по шти копеекъ, а съ лѣсныя по четыре копѣйки, а съ болотныя по двѣ копѣйки. И я чаю, что на каждый годъ денежнаго сбору тысячъ ста по два-три рублевъ будетъ приходить, или и гораздно больше, и тотъ земляной сборъ будетъ прочень, и нивогда онъ не умалится, токмо годъ отъ году прибывать будетъ. Буде кто лѣса расчиститъ и пахотными полями устроитъ, то у того дачи прибудетъ, а буде кто лѣсъ вырубя, да хлѣбъ снявъ паки запуститъ, и на землю прибавливать дачи не для чего, потому что она паки подъ лѣснымъ угодьемъ будетъ. И аще кто и болото обсушитъ и устроитъ сѣнокосъ, то и тамо прибудетъ же сбору. И того ради земскимъ коммисаромъ на всякой годъ надлежитъ осматривать, буде кто прибавитъ пашни или сѣнокосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить. И по тому расположенію никто даромъ землею владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики" [2]).

И при этомъ случаѣ Посошковъ оказывается вѣрнымъ подданнымъ и горячимъ патріотомъ. Онъ хорошо понимаетъ необходимость финансовыхъ пожертвованій со стороны каждаго подданнаго. Поэтому онъ, въ видѣ обезпеченія общихъ интересовъ, столько же желаетъ привлечь другихъ къ усиленному платежу налоговъ, сколько и самъ былъ готовъ платить болѣе прежняго, лишь бы распредѣленіе податей было раціонально, то-есть, соотвѣтствовало бы имуществу и доходамъ каждаго. И тутъ, какъ при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, обнаруживается нѣкоторое нерасположеніе Посошкова къ высшимъ классамъ общества: „А нынѣ есть много таковыхъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ пустоши отдаютъ подъ пахоту и подъ сѣнокосъ изъ найма, и на кійждо годъ десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не даетъ онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моему нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить де-

---

[1]) 3200 квадр. саж., нынѣ десятина 2400 кв. с.

[2]) Соч. Пос., I, 202.

сятинами, то я чаю, десятинъ милліоновъ десятка два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячь сотъ пять шесть будетъ того сбору, и того платежа никому потаить или въ платежѣ похитрить будетъ не возможно; потому что не единыя десятины утаить будетъ не возможно“ [1]).

Изъ этихъ соображеній мы видимъ, въ какой солидарности съ интересомъ казны находился Посошковъ. То обстоятельство, что при платежѣ податей публика столь часто относилась недобросовѣстно къ выгодамъ казны, стараясь утаить предметъ налога, кажется Посошкову доказательствомъ сильной нравственной порчи общества. Всею душою желая помочь государству въ достиженіи цѣлей послѣдняго, онъ не разчитываетъ на содѣйствіе самаго состоятельнаго класса Русскаго народа. „Только чаю“, замѣчаетъ онъ,—„сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей волѣ жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять“. Въ качествѣ ревностнаго сторонника правительства, Посошковъ ожидаетъ, что „сильныя лица... будутъ препятся чинить“, но въ то же время онъ надѣется, что „Великій Государь переломитъ ихъ древнее упрямство“ [2]).

Посошковъ хорошо понимаетъ, что такая реформа сопряжена съ значительными затрудненіями. Онъ ожидаетъ, что особенно въ первое время даже будетъ недостатокъ въ людяхъ опытныхъ въ межеваніи. Онъ признаетъ, что трудно всю землю размежевать, по „послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ“. За то онъ надѣется, что земляная подать „тверже подушнаго сбору“, что она „постоянна и прибыльна“. „Землю“, онъ замѣчаетъ,—„сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обача она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ“ [3]). Затѣмъ онъ старается опредѣлить точнѣе финансовый результатъ предлагаемой имъ операціи.

Посошковъ, опытный въ вычисленіяхъ, считая десятину въ 3200 квадратныхъ саженей, находитъ, что въ каждой квадратной верстѣ по $78^1/_8$ десятинъ. Считая „кругомъ съ пахатныя и съ сѣнокосныя и съ болотныя земли по грошу съ десятины“, онъ ожидаетъ сбору „милліонъ мѣста другой во всякій годъ, и тотъ сборъ не оскудѣетъ,

---

[1]) Соч. Пос., I, 20, 3.
[2]) Тамъ же, 204.
[3]) Соч. Пос. I, 203—204.

но токмо мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполнятися". Сбору отъ 1 до 2 милліоновъ рублей по 2 копѣйки за десятину соотвѣтствуетъ количество 50 до 100 милліоновъ десятинъ. Разумѣется, эта цифра есть результатъ приблизительной оцѣнки, а не точнаго измѣренія, однако она довольно хорошо согласуется съ дѣйствительностью. Тенгоборскій насчитываетъ въ Россіи 90 милліоновъ десятинъ пахатныхъ полей и 60 милліоновъ десятинъ луговъ. Принимая въ соображеніе, что съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Посошковъ, до Тенгоборскаго территорія Россія расширилась чрезъ пріобрѣтеніе различныхъ земель, напримѣръ польскихъ, татарскихъ и турецкихъ цифра у Посошкова оказывается довольно близкою къ дѣйствительности.

Посошковъ желаетъ, чтобы были измѣряемы и обложены всѣ, безъ исключенія, земли: имѣнія дворянъ, дворы „крестьянскіе и всякихъ чиновъ людей и прочихъ у градскихъ жителей и у приказныхъ канцеляристовъ и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей.. дабы на землѣ Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ". Такимъ образомъ, по мнѣнію Посошкова, всѣ землевладѣльцы считаются какъ бы откупщиками государю. Поземельная подать, такъ сказать, имѣетъ значеніе арендной платы. Такой взглядъ на отношеніе подданныхъ къ государю, собственнику всѣхъ земель, соотвѣтствуетъ еще нынѣ господствующему на востокѣ, въ Турецкой имперіи.

Посошковъ считаетъ главнымъ основаніемъ поземельной подати количество земли. Онъ говоритъ прежде всего о межеваніи, а затѣмъ только обращаетъ вниманіе на доходъ съ земли. То обстоятельство, что онъ предлагаетъ брать иную подать съ пахатныхъ полей, иную съ сѣнокосовъ и т. д., уже показываетъ, что онъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ кадастра. Особенно замѣтенъ этотъ взглядъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Посошковъ говоритъ о поземельной подати съ такихъ земель, гдѣ происходятъ занятія садоводствомъ. Онъ замѣчаетъ: „А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и сѣютъ, и сады загородные разведены, такожде измѣрять въ дробныя сажени, и мнится, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти сажень по копѣйкѣ можно имать" [1]). Значитъ, въ то самое время, когда Посошковъ считалъ достаточнымъ, чтобы съ каждой десятины пахатной земли уплачивалось по 8 копѣекъ, съ сѣнокосной

[1]) Соч. Пос., I, 207—208.

по 6 копѣекъ и пр., съ такихъ „огородныхъ и подгородныхъ“ земель онъ предлагаетъ взимать по 320 копѣекъ, то-есть, въ пятьдесятъ разъ больше, чѣмъ съ пахатныхъ земель.—Какъ видно, Посошковъ имѣлъ болѣе или менѣе точныя понятія о теоріи поземельнаго дохода, хотя въ наукѣ развитіе этой теоріи послѣдовало гораздо позже, благодаря изслѣдованіямъ Рикардо, Тюнена и проч.

Что касается до примѣненія въ практикѣ предложеній Посошкова относительно поземельной подати, то и въ настоящее время русское законодательство занято рѣшеніемъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, которыми довольно тщательно занимался когда-то Посошковъ. Раньше или позже, но сколько можно судить при настоящемъ положеніи дѣла объ этомъ предметѣ, главныя основанія предложеній Посошкова должны осуществиться. Отмѣна подушной подати должна считаться лишь вопросомъ времени. Болѣе тщательное распредѣленіе поземельнаго налога, привлеченіе всѣхъ къ участію въ платежѣ онаго, развитіе значенія этого налога между доходами государственными, все это, мало по малу, уже съ нѣкотораго времени составляетъ весьма важный предметъ заботъ правительства. Посошковъ въ этомъ отношеніи понималъ не только нужды и потребности своего вѣка, но и слѣдующихъ за нимъ поколѣній.

Напротивъ того, крестьянскій вопросъ былъ затронутъ Посошковымъ лишь слегка, главнымъ образомъ потому, что развитіе крѣпостнаго состоянія относится значительною долею ко времени послѣ Посошкова. Между тѣмъ какъ въ отношеніи къ крестьянамъ онъ скорѣе былъ консерваторомъ и не ожидалъ еще бо́льшаго упадка крестьянскаго быта, по вопросу о поземельной подати онъ былъ прогрессистомъ, далеко опередившимъ свой вѣкъ.

IV.

Мысли Посошкова о финансахъ.

Разбирая понятія Посошкова о состояніи земледѣльческаго сословія, мы ужь имѣли случай видѣть, въ какой мѣрѣ Посошковъ понималъ необходимость всѣхъ пожертвованій со стороны и каждаго въ пользу казны, какъ онъ умѣлъ цѣнить значеніе финансовъ для государства, и какъ онъ мечталъ объ устройствѣ по возможности болѣе правильнаго отношенія хозяйства государственнаго къ общественному хозяйству.

Уже въ первой главѣ, въ которой мы подвергали разбору нѣкоторыя обще-экономическія понятія Посошкова, мы указали на то обстоятельство, что скромный крестьянинъ-экономистъ постоянно имѣлъ въ виду тѣсную связь между выгодами казны и экономическимъ состояніемъ общества. Едва ли многіе современники Посошкова въ Россіи столь ясно понимали необходимость доставленія казнѣ весьма значительныхъ средствъ для покрытія издержекъ государства. Едва ли многіе государственные люди, а также и представители публики, платящей налоги, столь ясно, какъ Посошковъ, сознавали необходимость весьма осторожнаго и раціональнаго взиманія податей.

Мы имѣли случай видѣть, что Посошковъ былъ во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ посредникомъ между правительствомъ и обществомъ въ области хозяйственной полиціи. И при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ, онъ постоянно старался согласовать интересъ государственнаго бюджета съ благосостояніемъ публики. Хотя у него еще не встрѣчается самаго слова „финансы", хотя, и даже весьма часто, онъ смѣшиваетъ понятіе о „царскомъ интересѣ" съ понятіемъ о благосостояніи народа, онъ во многихъ случаяхъ весьма точно и опредѣленно разсуждаетъ о соотношеніи между финансами и экономическимъ бытомъ частныхъ лицъ.

Уже въ первыхъ сочиненіяхъ Посошкова мѣстами затрогиваются финансовые вопросы. Въ донесеніи боярину Головину (1701 г.) довольно подробно говорится о расходахъ для содержанія войска, о военномъ бюджетѣ. Въ не дошедшихъ до насъ „денежныхъ письмахъ" Посошкова говорилось о монетной системѣ и ея значеніи для государственнаго хозяйства. Гораздо подробнѣе однако говорится о разныхъ финансовыхъ вопросахъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ". Послѣдняя глава этой книги, „о царскомъ интересѣ", цѣликомъ посвящена этимъ вопросамъ, а кромѣ того, и въ другихъ главахъ встрѣчаются разныя разсужденія о финансовыхъ предметахъ. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „о правосудіи" говорится о контролѣ надъ цѣловальниками, бурмистрами и сборщиками, въ главѣ „о земляныхъ дѣлахъ" о поземельной подати, въ главѣ „о купечествѣ"—о монетахъ и т. п.

Посошковъ имѣетъ высокое понятіе о значеніи нравственности для матеріальнаго благосостоянія государства. Въ началѣ книги „О скудости и богатствѣ" онъ говоритъ: „То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ земскихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится, и вси, яко богати, тако и убозіи, между собою любовію

имутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочный случится, то не морщася, платить будутъ“ [1]).

Предлагая, чтобы крестьяне при продажѣ скота или хлѣба и т. п. платили десятую часть цѣны государю въ видѣ пошлины, Посошковъ замѣчаетъ въ главѣ „о духовенствѣ“: „И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не таили: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословитъ всякимъ изобиліемъ и пр.“ [2]). Весьма рѣзко осуждаетъ Посошковъ образъ дѣйствій недобросовѣстныхъ людей, занимающихся торговлею и уклоняющихся отъ платежа опредѣленныхъ закономъ пошлинъ. Съ ожесточеніемъ говоритъ онъ о безцеремонномъ обращеніи сильныхъ, богатыхъ людей съ цѣловальниками и сборщиками казны, которые „къ богатымъ людямъ прикоснуться не имѣютъ“, потому что сильные люди „сборщиковъ чуть живыхъ оставляютъ“ [3]).

Еще до Посошкова объ этой обязанности всѣхъ сословій участвовать въ платежѣ налоговъ довольно обстоятельно говорилъ Крижаничъ. Въ тронной рѣчи, составленной послѣднимъ какъ бы для царя Алексѣя Михайловича, царь говоритъ, между прочимъ [4]): „Вы мораете (должны) радо и охотно пріемать всякія наши заповѣди: а именно объ поборехъ: когда коли кратъ мы вамъ заповѣмъ, всегда вы будете повинны давать поборъ: на посилокъ (на поддержку) нашія казны, ко всякимъ потребамъ. А мы вамъ супроть тому обѣщуемъ: яко поборовъ не хочемъ выпрошать безъ нужи. А должны будутъ поборъ давать всѣ посадники и всѣ кметы, никого не изнимая. То есть наипервые наши кралевски посадники и нашихъ кралевскихъ селъ кметы и селяны. А за тѣмъ всяки церковны, княжески, властельски и болярски посадники и кметы“ [5]). Готовностью платить налоги, говоритъ Крижаничъ въ другомъ мѣстѣ, подданные

---

[1]) Соч. Пос., I, 2—3.
[2]) Соч. Пос., I, 23.
[3]) Тамъ же, I, 116.
[4]) *Крижаничъ*, I, 328.
[5]) *Крижаничъ*, I, 328.

лучше всего избѣгнуть всѣхъ бѣдствій финансовыхъ крутыхъ мѣръ, оказывающихъ вредное вліяніе на благосостояніе народа, каковы „кабаки", „злые пѣнязи" и т. п. [1]). Какъ видно, Крижаничъ превосходилъ Посошкова и ясностью понятія объ обязанностяхъ подданныхъ платить налоги, и точностью указанія на вредныя финансовыя мѣры.

О расходахъ государства.

Посошковъ говоритъ лишь въ одномъ мѣстѣ и къ тому же въ одномъ изъ самыхъ раннихъ сочиненій, а именно въ донесеніи боярину Головину „О распутномъ поведеніи". Тутъ онъ нѣсколько подробнѣе занялся составленіемъ военнаго бюджета. Весьма тщательно вычисляетъ онъ, дорого ли обойдется предложенная имъ организація войска. Онъ полагаетъ устроить пѣхоты 50.000 чел., по 10 руб. жалованья каждому, далѣе 10 четвертей хлѣба на человѣка (по 50 к. четверть) и подъемныхъ три рубля на человѣка. Такимъ образомъ, расходы на содержаніе пѣхоты, по его мнѣнію, должны быть: 500.000 р. + 250.000 р. + 150.000 р. Итого 900.000 р. Затѣмъ:

ружье по 2 руб.	100.000 р.
богинеты по 50 коп.	25.000 „
пороху 5 фунт. по 10 к. фунтъ .	25.000 „
пулекъ 5 „ „ 3 „ „	7.000 „
	157.500 р.

Кормъ на три мѣсяца, по рублю на человѣка, Посошковъ считаетъ 150.000 руб. Значитъ, всѣ три суммы вмѣстѣ: 900.000 + 157.500 + 150.000 = 1,207.500 р.

Не довольствуясь этимъ, Посошковъ вычисляетъ, сколько стоило бы содержаніе 10.000 человѣкъ пѣхоты, еслибы каждый стрѣлецъ получалъ по 30 рублей и хлѣба — 20 четвертей и подъемныхъ 5 рублей. Это составило бы . . . . 450.000 р.

ружье по 6 рублей	60.000 „
бердыши или богинеты по 60 к. .	6.000 „
ножи „добрые" по 20 коп. . . .	2.000 „
пороху по 3 фун. по 20 к. фунтъ .	6.000 „
„пулей" по 3 фунта.	900 „
корму	45.000 „
Итого	569.000 р.

[1]) *Крижаничъ*, I, 370.

Такими выкладками Посошковъ старается доказать, что содержаніе менѣе многочисленнаго, но состоящаго изъ лучшихъ стрѣлковъ и снабженныхъ лучшимъ оружіемъ войска обходится дешевле, чѣмъ содержаніе войска многочисленнаго даже въ томъ случаѣ, когда жалованье солдатамъ, умѣющимъ стрѣлять въ цѣль, будетъ стоить втрое дороже содержанія обыкновенныхъ солдатъ.

Въ концѣ записки, составленной для Головина, Посошковъ возвращается къ этимъ финансовымъ вопросамъ, и въ особенномъ приложеніи сообщаетъ „исчисленіи казны, что иметца противъ вышеписаннаго расположенія". Мы позволимъ себѣ привести краткое извлеченіе изъ этой смѣты въ доказательство того, какъ подробно Посошковъ занимался вопросомъ о нуждахъ государства.

20.000 человѣкъ пѣхоты по 25 р. жалованья и по 4 руб. подъемныхъ	929.800 р.
20.000 копейныхъ солдатъ по 16 р. жалованья .	320.000 „
хлѣба по 16 четвертей, по 50 коп. четверть . .	160.000 „
подъемныхъ по 3 рубля	60.000 „
копьи съ бердышами и пр. по 1 рублю . . .	20.000 „
	560.000 р.
„работнымъ" людямъ 20.000 руб. по 8 р. жалованья, хлѣба по 8 четвертей, подъемныхъ рублей по 2 рубля	280.000 р.
кирки, топоры и пр. по 50 коп.	10.000 „
„для нужной обороны" по рогатинѣ, по 30 коп.	6.000 „
	296.000 р.
конницы 10.000 человѣкъ по 60 рублей . . .	600.000 р.
хлѣба ему и коню по 40 четвертей	200.000 „
на коня по 10 рублевъ	100.000 „
ружье по 8 рублей.	80.000 „
пара „пистолей" по 4 рубля	40.000 „
„остръ" по 1 рублю	10.000 „
пороху и пулекъ	31.500 „
	1,061.500 р. [1]

[1]) У Посошкова, по ошибкѣ, 1,171.500 р.

конейщиковъ и лучшихъ стрѣльцовъ 10.000, по		
40 рублей годоваго жалованья	400.000	р.
хлѣба по 40 четвертей	200.000	„
на коня по 8 рублей	80.000	„
на подъемъ по 8 рублей	80.000	„
на оружіе по 5 рублей	50.000	„
	810.000	р.

Значитъ, расходы на содержаніе войска въ 60.000 чел. составляютъ сумму около $3^1/_2$ милліоновъ рублей и т. д. [1]).

Устройство финансовъ въ то время, когда Посошковъ писалъ о военномъ бюджетѣ, при критическомъ положеніи, въ которомъ находилось государство, было дѣломъ самымъ важнымъ. Правильной финансовой организаціи еще не существовало. Правительство всѣми мѣрами старалось умножить доходы государства, которые весьма значительною долей употреблялись на содержаніе войска и флота. Къ сожалѣнію, о тогдашнемъ состояніи финансовъ имѣются лишь отрывочныя данныя. Такъ напримѣръ, цифры, сообщенныя въ сочиненіи г. Соловьева, еще не могутъ дать намъ яснаго понятія о финансовомъ состояніи Россіи въ то время. Вотъ что́ сказано тамъ на счетъ финансовъ въ 1710 году: „27-го января 1710 г. государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу 3,051.796 рублей; по табелямъ губернаторскимъ среднихъ доходовъ 3,016.590 р., изъ общаго сложеннаго трехъ годовъ перечня треть 3,133.879 р. Расходъ на армію простирался до 1,252.525 рублей, на флотъ до 444.288 р., на артиллерію и припасы до 221.799 р., рекрутамъ 30.000 р., на оружейныя дѣла 84 104 р. и т. д.“ [2]). Какъ кажется, фактическіе расходы, какъ видно изъ этихъ офиціальныхъ данныхъ, были менѣе значительны, чѣмъ цифры, встрѣчающіяся въ военномъ бюджетѣ, составленномъ Посошковымъ. Это обстоятельство удивляетъ насъ тѣмъ болѣе, что смѣта Посошкова относится къ 1701 году, тогда какъ офиціальныя цифры о расходахъ въ сочиненіи г. Соловьева относятся къ 1710 году. Въ какой мѣрѣ, однако, въ продолженіе царствованія Петра увеличивались размѣры бюджета, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1710 году доходы составляли сумму около 3 милліоновъ, въ 1722 г. — 7,859.833 руб., а въ 1725 г.—10,186.707 р.

---

[1]) Соч. Пос., I, 289—291.

[2]) *Сол.*, Ист. Рос., XVI, 44.

Къ этому же времени относится чрезвычайно значительное увеличеніе размѣровъ бюджетовъ и прочихъ европейскихъ государствъ; главнымъ образомъ причиной этого явленія были войны Людовика XIV и громадные расходы Франціи для содержанія двора и войска. Въ Англіи въ 1685 г. доходы составляли сумму 1,400.000 фунт. ст.; въ 1709 году они достигли уже цифры 7 милліоновъ фунт. ст. Въ Австріи при Фердинандѣ доходы были 7 1/2 мил. гульденовъ; въ 1733 году мы встрѣчаемъ цифру 42 милліоновъ гульденовъ и т. п.

Результатомъ такого усиленія потребностей, нуждъ, расходовъ государствъ, а главнымъ образомъ, слѣдствіемъ развитія системы постоянныхъ войскъ было усложненіе финансовой системы, изобрѣтеніе новыхъ средствъ для доставленія казнѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ, во многихъ случаяхъ повреждeніе экономическихъ интересовъ общества посредствомъ чрезмѣрной строгости при взиманіи налоговъ, обусловливаемой недостаточнымъ пониманіемъ общественно-хозяйственнаго организма.

Въ настоящее время развитіе государственнаго права, гласность, печать, сила и вліяніе общественнаго мнѣнія, все это содѣйствуетъ болѣе просвѣщенному, болѣе раціональному управленію финансами. Въ эпоху Посошкова такихъ способовъ къ финансовымъ реформамъ не существовало. Поэтому такія болѣе или менѣе подробныя записки о финансовыхъ вопросахъ, какъ глава „о царскомъ интересѣ“ въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“, могутъ считаться драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи мнѣній, господствовавшихъ въ нѣкоторой части общества относительно тогдашняго управленія финансами. Тутъ мы встрѣчаемъ мнѣніе благонамѣреннаго, вѣрнаго подданнаго, понимающаго необходимость доставленія казнѣ весьма значительныхъ денежныхъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отзывъ публициста, желающаго обратить вниманіе правительства на всѣ неудобства финансоваго управленія и предлагающаго существенныя реформы, даже коренное преобразованіе податной системы. Такая перемѣна кажется необходимою Посошкову и ради умноженія казны, и ради обезпеченія интереса частнаго богатства. Онъ и тутъ является настоящимъ посредникомъ между обществомъ и государствомъ.

О собираніи налоговъ.

Уже въ главѣ „О политико-экономическихъ понятіяхъ Посошкова“ мы имѣли случай указать на старанія его убѣдить правительство въ томъ, что при солидарности государственнаго и общественнаго

хозяйства необращеніе вниманія на интересы общества при собираніи налоговъ по необходимости должно вредить и интересу казны. Наполнить казну, не обращая вниманія на народное богатство и его сохраненіе, Посошковъ считаетъ дѣломъ нетруднымъ: гораздо болѣе сложною задачей кажется ему обогащеніе народа путемъ разумнаго и гуманнаго управленія, путемъ просвѣщеннаго законодательства и энергическаго, но притомъ либеральнаго полицейскаго надзора.

Петръ Великій, какъ мы видѣли, раздѣлялъ эти мнѣнія Посошкова. Онъ зналъ, что при собираніи налоговъ чиновники иногда поступали безчеловѣчно. Поэтому въ именномъ указѣ отъ 25-го августа 1713 года Петръ, „милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищеніе лукавыя государственныя казны“, изъявилъ сожалѣніе о томъ, что „возрастаютъ на тягость всенародную, и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность“. Поэтому Петръ изъявилъ намѣреніе „искоренить повредителей интересовъ государственныхъ и во всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тягости, а именно въ сборахъ“ и т. д. Онъ приказалъ при сборахъ поступать „съ великимъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ лукавыхъ вымысловъ и безпосульно, ища государственной прибыли безъ тягости народной“. За нарушеніе этого указа Петръ ослушникамъ грозилъ смертною казнію и конфискованіемъ имущества [1]). Въ другомъ указѣ того же года предписывается строго, чтобы при сборѣ подушной подати съ сибирскихъ мастеровыхъ людей, ихъ „ни въ чемъ не привлекали и не волочили и не убытчили и нигдѣ бъ ихъ не держали, потому что безъ нихъ... пробыть не возможно“ [2]).

Искоренить зло грабежа въ финансовомъ управленіи оказалось невозможнымъ. Поэтому Посошковъ не переставалъ говорить о необходимости принятія мѣръ для „истребленія обидниковъ... и явныхъ и потаенныхъ грабителей“ [3]).

Посошковъ проповѣдуетъ въ интересѣ казны крайнюю осторожность не только въ отношеніи къ плательщикамъ податей, но даже

---

[1]) П. С. З., № 2707.
[2]) П. С. З., № 2727.
[3]) Соч. Пос., I, 3.

и въ отношеніи къ лицамъ, состоящимъ въ нѣкоторой офиціальной связи съ финансовымъ управленіемъ. Онъ самъ когда-то находился въ такомъ положеніи. Онъ былъ „у водочнаго строенія“ въ Москвѣ, и тутъ именно, какъ писалъ Меншиковъ, „приличился въ ратушѣ въ воровствѣ“ [1]). Не имѣя возможности судить о томъ, на сколько такое обвиненіе было справедливо, мы, однако, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Посошкову, по собственному опыту, была извѣстна вся затруднительность положенія бурмистровъ, цѣловальниковъ, весьма часто раззоряемыхъ несправедливымъ привлеченіемъ къ суду и носившихъ страшную отвѣтственность за недоимки.

Въ главѣ „О правосудіи“ онъ пишетъ: „Я и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ и недочеты безвременно правятъ? Буде какой человѣкъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратитъ или и на свою потребу взялъ, и у отчету въ платежѣ не достанетъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвременно раззорить его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ. И отъ того великому государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отдадутъ; а безвременные платежи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное раззореніе, царству—истощеніе, а не собраніе. Царская собранія не истощатися, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнятъ, а крутое собраніе не собраніе, а раззореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнѣ великаго государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе, понеже никто раззоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу за недоимку дворъ и пожитки отберутъ, да оцѣнивъ вполъ или втреть или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако совсѣмъ его раззорятъ“ [2]).

Все это легко объясняется точкою зрѣнія Посошкова, его личнымъ опытомъ, однако audiatur et altera pars. Изъ писемъ знаменитаго прибыльщика Курбатова видно, какая безграничная недо-

[1]) *Устряловъ*, Ист. Петра Вел., I, стр. IX.
[2]) Соч. Пос., I, 72.

бросовѣстность господствовала среди бурмистровъ и прочихъ представителей финансоваго управленія. Въ 1705 году Курбатовъ писалъ о безпорядкахъ въ финансовомъ управленіи Москвы, что „отъ бурмистровъ премногія явились кражи вашея казны", что „бурмистры пишутъ въ книги съ великимъ уменьшеніемъ". Курбатовъ спрашиваетъ: „И такимъ клятвопреступникамъ, крадущимъ вашу казну, что чинить? Да повелитъ мнѣ ваше величество, въ страхъ прочимъ о самыхъ воровству производителяхъ учинить указъ, да воспріимутъ смерть, безъ страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство. Подъячіе ратушскіе превеликіе воры и всякое вышеозначеннымъ ворамъ чинятъ въ ихъ поползновеніяхъ помоществованіе и берутъ премногія взятки". При этомъ Курбатовъ приводитъ разные примѣры, какія средства употребляли частные люди для собственныхъ выгодъ противъ выгодъ казны. Въ слѣдующемъ году Курбатовъ опять повторилъ свои жалобы Изъ его донесеній видно, какія чувствительныя потери для казны были сопряжены съ этою недобросовѣстностью служащихъ. „За градскими бурмистры", пишетъ: онъ,—„премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усиліе сыскано: въ одномъ Ярославлѣ украдено до 40,000 рублевъ. На Псковичей Никифора Ямскаго и Михаила Сарпунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей доносятъ, что во время точію Шведской войны украдено ими пошлинъ и питейной прибыли съ 90,000 рублевъ и больше... Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20,000 рублевъ, чтобъ только избѣгнуть обличенія отъ меня". Безпрестанно доносилъ Курбатовъ о нерадѣніи бурмистровъ, притѣсненіи ими убогихъ, казнокрадствѣ и пр. [1]).

Положеніе было весьма затруднительное: съ одной стороны, Курбатовъ обвинялъ подданныхъ, что они неохотно платятъ подати, и что „кому мочно платить сто рублевъ, тотъ платитъ пятнадцать, а убогіе отягчены" [2]); съ другой — отчаянная борьба, которую началъ Петръ Великій съ казнокрадами, дѣйствительно легко могла повести къ разнымъ лишнимъ притѣсненіямъ, гибельнымъ для народнаго благосостоянія, и къ несправедливому обвиненію и привлеченію къ суду невинныхъ. Съ одной стороны, учрежденіе новыхъ должностей прибыльщиковъ и фискаловъ было вызвано необходимостью умноженія государственныхъ доходовъ, а съ другой — обличенія, доносы,

---

[1]) *Соловьевъ*, XVI, стр. 10—13.
[2]) *Соловьевъ*, XVI, 10.

подметныя письма давали просторъ произволу чиновниковъ и не могли не оказывать вреднаго влiянiя и на нравственный и матерiальный бытъ народа. Въ какой мѣрѣ недовѣрiе, съ одной стороны, и нечестность, съ другой, были общимъ явленiемъ, видно изъ того обстоятельства, что иногда фискалы доносили другъ на друга, — что столь замѣчательные сановники, какъ Нестеровъ, Винiусъ и Курбатовъ были подъ судомъ,—что и самъ Посошковъ, столь твердо стоявшiй за „правду" и за „царскiй интересъ", былъ компрометированъ и считался „обличившимся въ воровствѣ". Не даромъ Петръ Великiй жаловался: „Нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть, и дѣло тщатся всякiя мины чинить подъ фортецiю правды" [1]). Впрочемъ, и самъ Петръ сознавалъ, что обвиненiя въ воровствѣ бывали иногда несправедливыми. Такъ, напримѣръ, къ Меншикову Петръ однажды обратился съ упрекомъ: „Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами" [2]).

Поэтому были необходимы, съ одной стороны, строгость, съ другой—осторожность: строгость въ преслѣдованiи виновныхъ, осмотрительность въ обвиненiи. Посошковъ также требовалъ строгости: „Безъ страха", говоритъ онъ,—„не думаю, чтобы можно было тотъ злой корень истребить: если какая-нибудь земля сильно задернѣетъ, то нельзя на ней сѣять пшеницы, пока этого тернiя огнемъ не выжгутъ; такъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надобно и истреблять". Финансовыя реформы Петра Великаго, по мнѣнiю ганноверскаго резидента Вебера, должны были встрѣтить многiя затрудненiя вслѣдствiе такой закоренѣлой „неправды" въ народѣ, на которую такъ часто и такъ сильно жаловался Посошковъ [3]). Однако, въ то же время Посошковъ требовалъ осторожности въ обращенiи съ народомъ, именно въ финансовомъ управленiи. Весьма краснорѣчиво онъ говоритъ въ главѣ „О правосудiи": „Въ поборѣхъ за гривну изъ человѣка хотятъ душу вытянуть, а гдѣ многiя тысячи погибаютъ напрасно, того нимало не смотрятъ, не внимаютъ тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненiю царственнаго интереса богатства; но токмо то считаютъ, что на лицо принимаютъ; то и въ прибыль почитаютъ. А кто тѣмъ собиранiемъ своимъ бѣдъ надѣлаютъ людямъ, понеже са-

---

[1]) *Сол.*, XVIII, 137.

[2]) *Сол.*, XVI, 251.

[3]) *Weber*, I, 57.

мому великому государю надѣлають убытковъ множество, то ничего того не смотрятъ и не радѣютъ о томъ. Самое основаніе собранія то радѣтельное, еже Его Императорскому Величеству кто потщится казну собирати, а людей не разорить" [1]).

Изъ множества данныхъ видно, въ какой мѣрѣ низшія сословія страдали отъ такой излишней строгости финансовыхъ чиновниковъ и до Посошкова, и при немъ. Въ 1618 году съ Бѣлоозерцевъ взыскивались таможенныя недоборныя деньги, и взысканіе производилось съ такою суровою строгостью, „что многіе лутчіе съ правежовъ разбѣглися безвѣстно съ женами и дѣтьми, покиня домы свои пустые". Въ 1673 году было постановлено, что если головы и цѣловальники не были замѣчены въ воровствѣ и утайкахъ, то недоборныхъ денегъ на нихъ не взыскивать. Ежегодно до 3.000 лицъ во всѣхъ городахъ исполняли городскія таможенныя службы; эти 3.000 лицъ принадлежали къ самымъ богатымъ гражданамъ, но и они весьма часто при этомъ случаѣ раззорялись, какъ видно весьма ясно изъ челобитной Нижегородцевъ 1674 года, въ которой они писали слѣдующее: „По указу великаго государя служатъ они въ Нижнемъ Новгородѣ и Нижегородскомъ уѣздѣ въ таможняхъ и на крупичныхъ дворахъ въ головахъ, и въ земской избѣ въ старостахъ, и въ приказной избѣ для всякой покупки, и на уксусномъ дворѣ, и великаго государя у оханной низовой рыбной ловли, и въ ловцахъ, и про великаго государя изъ посадовъ у рыбнаго выбору и за отдачами, и у свѣжія рыбы, и на конской площадкѣ, и у Пермскаго лодейнаго солянаго промысла, и у бань въ цѣловальникахъ, и у тюремъ въ сторожахъ, ... *и отъ того-де многіе посадскіе люди изъ Нижняго врозь бредутъ, а достальные въ конецъ погибаютъ*" [1]).

Не даромъ Посошковъ требовалъ болѣе осторожнаго обращенія съ бурмистрами и цѣловальниками, жалуясь на то, что служившихъ въ Новгородѣ заставляли ѣздить въ Петербургъ для представленія отчетовъ по нѣскольку лѣтъ сряду, и что „отъ того людемъ чинится великое разореніе и народное оскудѣніе". Далѣе онъ жалуется на то, что такіе отчеты требуются иногда по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. „Десять лѣтъ спустя", замѣчаетъ Посошковъ,—„я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ покормки; а въ скоромъ отчетѣ и разоренія бы не было служителемъ, и отслу-

¹) Соч. Пос., I, 106.
²) *Хлѣбниковъ*, 287.

всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы" [1]).

Еще яснѣе эта мысль о необходимости щадить экономическія силы народа выражена въ слѣдующемъ: „И кои люди держатъ на откупу кабаки или что и иное, и аще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по порутчиковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержаніи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинятъ великія убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинятъ, но токмо препятіе Его Величества интересу. Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да къ скорости не нужное, то мочно ему и просрочить. Во всякомъ дѣлѣ надобно смекать, что ему великому государю прибытокъ былъ, а напраснобъ ничего не пропадало" [2]). „Мнится мнѣ", говоритъ Посошковъ далѣе,—„паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ уставится, то всѣ люди будутъ боятся неправды: всему добру основаніе—нелицепріятный судъ! Тогда и собраніе казны будетъ сугубо" [3]).

Иностранцы, находившіеся въ Россіи при Петрѣ Великомъ, также довольно часто сожалѣли о томъ что, чиновники слишкомъ мало обращали вниманія на народное богатство при собираніи налоговъ. Такъ, напримѣръ, Перри въ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о разныхъ продѣлкахъ губернаторовъ и цѣловальниковъ, о произволѣ и насиліи при собираніи налоговъ, о вредѣ дѣятельности прибыльщиковъ и т. п. [4]). Страленбергъ замѣчаетъ, что губернаторы всевозможными способами раззоряли ввѣренныя ихъ управленію страны; такъ, напримѣръ, чиновники, отправляемые ими для сбора податей, являлись съ требованіями казны обыкновенно въ то время, когда крестьяне, въ самую горячую рабочую пору, не имѣли наличныхъ денегъ и вслѣдствіе того должны были продавать своихъ лошадей и коровъ, и свой хлѣбъ въ половинную цѣну. Лишенные скота и возможности продолжать хозяйство, крестьяне поэтому бѣжали иногда даже за границу. Страленбергъ насчитываетъ до 100.000 человѣкъ бѣжавшихъ въ Польшу, Литву, Турцію и Татарію и т. д. [5]).

---

[1]) Соч. Пос., I, 70—71.
[2]) Тамъ же, I, 72.
[3]) Тамъ же, I, 73.
[4]) *Perry*, 300, 403.
[5]) *Strahlenberg*, 238.

Не даромъ впослѣдствіи италіанскій экономистъ Дженовези довольно наглядно и остроумно объяснилъ значеніе разумнаго и справедливаго распредѣленія налоговъ слѣдующимъ образомъ: „На спинѣ человѣкъ можетъ носить довольно тяжелое бремя, тогда какъ носить на носу предметъ хотя бы въ одинъ фунтъ вѣсу было бы невыносимо“ [1]).

При Петрѣ Великомъ правительство придумывало разныя новые источники для доставленія казнѣ матеріальныхъ средствъ. Задачей прибыльщиковъ было открытіе новыхъ источниковъ дохода. Слѣдствіемъ того было весьма значительное усложненіе финансовой системы. Посошковъ жалуется на такую многосложность и пестроту разныхъ поборовъ. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ онъ говоритъ: „И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольныя, съ судовъ водяныхъ посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборы наполнится казна можетъ, токмо людемъ турбацыя великая; мѣлочной сборъ мѣлокъ онъ и есть“ [2]).

Посошковъ былъ правъ. Число разныхъ новыхъ налоговъ, введенныхъ при Петрѣ Великомъ, было весьма значительно. Изобрѣтательность правительства на этотъ счетъ была изумительна. Прибыльщики указывали новые источники дохода, и правительство брало вездѣ, гдѣ только можно было взять, чтобы вынести тяжелую Шведскую войну. Рыбныя ловли, бани, хомутный сборъ, мачтовыя деревья и пр. были отданы на откупъ; были введены сборы на дубовые гробы, пошлина на бороду и усы; съ извозчиковъ велѣно брать десятую долю съ наемной платы [3]); явились и мельничный сборъ, и мостовыя деньги, и гербовая бумага, и повышеніе цѣны на соль, и проч. [4]) Безконечный рядъ распоряженій, инструкцій, указовъ, относящихся къ финансовому управленію, указываетъ на усиленную дѣятельность правительства въ этомъ отношеніи. Все это весьма легко могло сдѣлаться чрезвычайно тягостнымъ для общества, между

---

[1]) *Wirth*, Nationalökonomie, II, 348.

[2]) Соч. Пос., I, 212—220.

[3]) П. С. З., № 2032. «Съ подводчиковъ десятую», говоритъ Посошковъ.

[4]) П. С. З., №№ 1176, 1353, 1426, 1 00, 1501, 1514, 1528, 1570, 1580, 15.. 1607, 1628, 1637, 1773, 1789, 1816, 1965, 1994, 1995, 1999, 2001, 2002, 20.. 2014, 2045, 2123, 2350, 2411, 2558, 2786, 2832, 4193, 4196 и пр.

тѣмъ какъ финансовый результатъ этихъ многочисленныхъ сборовъ былъ не особенно важенъ.

Посошкову, между прочимъ, не нравится налогъ, собираемый для содержанія самого государя. „Еще же“, пишетъ онъ,— „къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ, иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому великому монарху, и на весь свѣтъ славному, и великому императору, собираютъ ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгѣ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнію противенъ; понеже царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ государь подобенъ Богу, еже восхощетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснутися его не можетъ“ [1]).

О такомъ налогѣ, составлявшемъ полпроцента всѣхъ сборовъ, мы нигдѣ не нашли указаній. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что расходы на содержаніе русскаго двора, по показанію Фокеродта, составляли сумму 50.000 рублей [2]). Такъ какъ мы знаемъ, что доходы простирались въ концѣ царствованія Петра до 10 милліоновъ, то стало быть, расходы на содержаніе двора дѣйствительно составляли полпроцента всего бюджета. Это отношеніе соотвѣтствуетъ показанію Посошкова о собираніи на нужные расходы государя „со всякаго сбора по деньгѣ на рубль“.

Что касается до отдѣльныхъ налоговъ, то Посошковъ обращаетъ особенное вниманіе на поземельную подать, на пошлину при продажѣ и покупкѣ разнаго рода товаровъ, на соляную регалію и на доходъ съ хлѣбнаго вина.

Поземельная подать.

О поземельной подати, на сколько она сдѣлалась предметомъ наблюденій и соображеній Посошкова, мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Можно удивляться тому, что его замѣчанія на этотъ счетъ встрѣчаются исключительно въ главѣ „о земляныхъ дѣлахъ“, между тѣмъ какъ въ главѣ „о царскомъ интересѣ“, посвященной именно вопросамъ финансоваго управленія, ни слова не сказано о поземельной подати, хотя ея значеніе во всемъ бюджетѣ, по мнѣнію Посошкова, было весьма

---

[1]) Соч. Пос., I, 220.

[2]) *Herrmann*, Zeitgenössische Berichte. Leipzig 1872, стр. 117.

большое. Посошковъ ожидаетъ, что поземельная подать будетъ весьма важною доходною статьею. Въ введеніи въ книгу „О скудости и богатствѣ“ онъ пишетъ: „А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою монарха нашего есть, а платежа съ нее и малаго нѣтъ. Дворяне накупаютъ пустошей да въ наймы отдаютъ. и многія деньги на каждой годъ кортомы (sic) съ нея берутъ, а великому государю ни по деньгѣ на годъ не платятъ. Россійское царство на пространнѣйшемъ мѣстѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны въ царскія сокровища весьма негобзовито собирается, ибо въ военное время не достаетъ того собранія на военные расходы; а пространства земли въ немъ толико, еже исчислити неможно, а нѣтъ съ нея ни малаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежъ по ней самой малой, чтобъ лише никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа милліонное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему великому нашему монарху была бы и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирати, то тако мочно нашему великому государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждый годъ милліона по два-три за всякими расходы въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ“ [1]).

Посошковъ, какъ мы видѣли, хотѣлъ замѣнить подушную подать поземельною. И самъ Петръ сталъ замышлять о введеніи кадастра, желая собирать налоги сообразно съ доходами плательщиковъ оныхъ. Это стремленіе, напримѣръ, обнаруживается въ указѣ 1705 года, въ которомъ предполагалось ввести переписныя книги для купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей; правительство старалось узнавать, кто какимъ ремесломъ или какою работою промышляетъ, сколько кто нанимаетъ земли, и сколько каждый наемщикъ платитъ найма [2]). Какъ видно, тутъ было начало проекта о сборѣ съ обывателей податей соразмѣрно съ промысломъ каждаго, соразмѣрно и съ поземельнымъ владѣніемъ. 5-го февраля 1722 года Петръ приказалъ: „посадскихъ переписать и которые вышли въ деревни и иныя мѣста въ дворцовыя и помѣщиковы для укрытія, всѣхъ взять въ посады; а платить сверхъ промысловъ, учинить анштальтъ, примѣняясь

---

[1]) Соч. Пос., I, стр. 8.
[2]) П. С. З., № 2076.

къ другимъ государствамъ, и свое мнѣніе предложить“ [1]). Для сельскихъ обывателей Петръ предполагалъ учредить подать, соразмѣрную съ поземельнымъ владѣніемъ. Посему въ регламентѣ камеръ-коллегіи онъ вмѣнилъ въ обязанность этому высшему финансовому управленію—позаботиться о составленіи земскихъ или грунтовыхъ переписныхъ книгъ, которыя могли бы служить прямымъ основаніемъ распредѣленію и взиманію податей съ уѣздныхъ жителей. Такія книги долженствовали быть составлены, начиная съ отдѣльныхъ помѣстій или погостовъ и восходя отъ нихъ къ дистриктамъ, а отъ послѣднихъ ко всей провинціи. Для единообразія въ составленіи особенныхъ или частныхъ и общихъ земскихъ книгъ, высшее финансовое управленіе должно было снабдить мѣстныя управленія (земскія конторы) образцами переписныхъ книгъ. Книги, составленныя мѣстнымъ управленіемъ, должны были поступить на ревизію и регулированіе высшаго управленія. Подати на земскихъ обывателей долженствовали быть налагаемы по состоянію почвы, по климату и особеннымъ обстоятельствамъ и хозяйственнымъ отношеніямъ каждой провинціи, по цѣнѣ полевыхъ плодовъ въ той мѣстности, и по другимъ основаніямъ, опредѣляющимъ различіе въ доходѣ съ поземельнаго владѣнія [2]).

Все это вполнѣ соотвѣтствовало духу предложеній Посошкова въ главѣ „о земляныхъ дѣлахъ“. Но все это осталось проектомъ. Скоро послѣ того Петръ умеръ. Осуществленіе мысли о кадастрѣ и о поземельномъ налогѣ осталось дѣломъ будущности.

О пошлинѣ съ продажи и покупки разныхъ предметовъ.

Уже въ среднихъ вѣкахъ Кастильскій король Альфонсъ XI ввелъ въ своихъ владѣніяхъ пошлину, уплачиваемую въ видѣ извѣстной доли цѣны каждаго продаваемаго предмета. Въ 1342 г. она составляла 21 часть цѣны предмета или около 5%, а въ 1742 г. достигла 10% цѣны предмета. Эта подать, извѣстная подъ названіемъ „alkavala“, оказалась чрезвычайно гибельною для всего экономическаго быта народа, затрудняя на каждомъ шагу мѣну и вредя такимъ образомъ промышленности и торговлѣ. Тѣмъ не менѣе это учрежденіе сохранялось въ Италіи до XIX вѣка [3]).

---

[1]) П. С. З., № 3898.

[2]) См. соч. *Краниxфельда*, Финансовая система и учрежденія Петра Великаго, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1845, ч. XLVII, стр. 52—53.

[3]) *Rühs*, Mittelalter, стр. 560.

Нѣчто въ этомъ родѣ существовало и въ Россіи. Сборъ, состоявшій въ извѣстныхъ процентахъ съ цѣны товара, встрѣчается въ разныхъ видахъ. По новоторговому уставу 1667 года, съ продажи товаровъ вѣскихъ опредѣляется окладъ пошлинъ въ 5% съ цѣны, а съ невѣскихъ по 4%. По наказу большой Московской таможнѣ, со всякихъ вѣскихъ товаровъ съ покупателей взимались перекупныя пошлины по $1\frac{1}{2}$ деньги съ рубля; ежели же товаръ купленъ у иноземцевъ, то по 2 деньги съ рубля. Съ хлѣба и другихъ удобоизмѣряемыхъ произведеній сельскаго хозяйства взималась помѣрная пошлина въ 5%. Въ отвращеніе злоупотребленій по сбыту хлѣба и недобора помѣрной пошлины, продажа дозволялась только на торгахъ, и отнюдь не на дворахъ. За утайку же хлѣба или за показаніе цѣны ему ниже настоящей, для уменьшенія самаго платежа пошлинъ, полагалось наказаніемъ взятіе хлѣба въ казну безповоротно. Первая покупка товаровъ въ уѣздѣ у производителей, бывшая прежде безпошлинною, обложена Петромъ Великимъ тѣми же сборами. Покупатели въ семъ случаѣ должны были платить за первыхъ продавцовъ или производителей, свободныхъ отъ платежа пошлинъ. За утайку этой пошлины правительство грозило страшными наказаніями. Такія пошлины назывались зауѣздными уставными пошлинами. Онѣ составляли 5% съ цѣны товара за уѣздныхъ продавцовъ и 5% за покупателя [1]). Очевидно, такая пошлина, вопервыхъ, тормозила нѣкоторымъ образомъ торговые обороты; вовторыхъ, она весьма часто подавала поводъ къ продѣлкамъ разнаго рода. Утайка этой пошлины не представляла особенныхъ затрудненій. Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ въ разныхъ главахъ говоритъ объ этой пошлинѣ, которую онъ находитъ вполнѣ цѣлесообразною. Однако изъ замѣчаній его, дающихъ намъ возможность подробнѣе узнать о частностяхъ этого финансоваго учрежденія, видно, что пошлина платилась особенно неохотно, и что поэтому примѣры утайки ея были весьма часты.

Посошковъ выражаетъ въ главѣ „о духовности“, желаніе, чтобы духовенство оказывало нравственно вліяніе на общество, убѣждая всѣхъ и каждаго платить добросовѣстно эту пошлину: „А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣляли бъ десятую часть великому государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ тоя цѣны

[1]) П. С. З., № 2033, *Кранихфельдъ*, 41 и 42.

такожде отдѣлять десятую часть въ пошлину, а кую скотину употребитъ кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлить десятую долю на церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣльни, такожде и въ меду, и въ маслѣ, и рыбѣ, и въ яицахъ, и во всякихъ прибыткахъ, отъ всего неизмѣнно при себя употребляемаго отдѣлять въ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять великому государю въ пошлину десятая же часть“ [1]).

Во главѣ „о царскомъ интересѣ“ говорится объ этомъ же предметѣ гораздо подробнѣе, а именно съ финансовой точки зрѣнія. „А въ сборѣ царскаго интереса“, пишетъ Посошковъ,—„не весьма право дѣется; ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинной правдѣ не могутъ и единыя кожи цѣлыя содрати, и елико не нудятся, токмо лоскутье содираютъ, и въ томъ царскаго величества интересу поврежденіе чинится великое, понеже хощутъ излишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою потеряли. Ибо, по торговому уставу, въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повелѣно съ крестьянъ пошлинъ брать по пяти копѣекъ съ рубля, а кто собираетъ, то съ тѣхъ велѣно явочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; и того станетъ по гривнѣ съ рубля, и куды тотъ товаръ отвезутъ и продадутъ, то паки съ продажи берутъ по пяти копѣекъ съ рубля. Нынѣ вмѣсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ ни по деньгѣ съ рубля не сойдется, потому что многіе покупаютъ у себя на дому, а иные покупаютъ отъѣхавъ. И тако первая пять копѣекъ, кое было надлежало взять съ крестьянства и пропадаетъ, а тотъ купецъ продаетъ тайно же, та и другая пять копѣекъ пропадаетъ, и тотъ вторый купецъ, привезши въ свой городъ тайно, въ свою лавку или по инымъ расскладетъ. Итако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копѣекъ пропадетъ. А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выпись на свое имя, и кто у него купитъ, и тотъ по той чужой выписи повезетъ, и буде удастся продать безпошлино, то тое выпись назадъ отвозитъ, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выпись о земь. И того ради многіе отпускныхъ выписей и въ книги не записываютъ. А буде кто тайно товару своего продати не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копѣекъ съ продажи, а та вся пропала; а буде кто и тайно избудетъ, а откуду тотъ

[1]) Соч. Пос., I, 26 и 27.

товаръ поднять нельзя платежной выписи не явивъ, то возьметъ платежную выпись гдѣ въ маломъ городѣ или въ селѣ, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копѣйки, а съ правдивыя продажи едва и по копѣйки съ рубля сойдется ли. И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошлинъ пятикопѣечныхъ никому одной пятикопѣечной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копѣйкѣ съ рубля. И того ради нельзя быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ" [1]).

Изъ этихъ замѣчаній Посошкова видно, что предметъ, о которомъ онъ говоритъ столь подробно, былъ весьма хорошо извѣстенъ ему по собственному опыту. И въ качествѣ купца, а также и въ качествѣ представителя „царскаго интереса", Посошковъ испыталъ всѣ неудобства этой запутанной системы внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, всю произвольность, которую она часто допускала, всѣ злоупотребленія, вызванныя этимъ изобрѣтеніемъ сравнительно низкой степени культуры [2]).

Однако Посошковъ, подвергая критикѣ существовавшее при немъ весьма неудобное финансовое учрежденіе, не былъ въ состояніи предложить коренную реформу его. Соображенія на этотъ счетъ Посошкова оказываются неудовлетворительными. Онъ предлагаетъ нѣкоторое упрощеніе существовавшей системы, но въ сущности тутъ нѣтъ ничего новаго. „По моему мнѣнію", пишетъ онъ,—„вышеупомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мѣлочные сборы отставить, да уставить единъ самый государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія установленный, то есть, десятинный же имать пошлины по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынъ. И учинить бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товару взять пошлины

---

[1]) Соч. Пос., I, 219.

[2]) Уже множество названій этихъ пошлинъ показываетъ намъ степень многосложности и запутанности этого сбора; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій: тамга, вѣсчее, контарное, подъемное и припускъ, рукознобная пошлина, померное, восмичное, пятенное, писчее и поводное, гостиное, поворотное и анбарное, порядное, головщина, отвозъ и т. д.; между заставными пошлинами: мытъ, побережное, отводъ, шестовина, перевозъ, мостовщина и т. д. См. о происхожденіи этихъ сборовъ въ сочиненіи графа *Дм. А. Толстаго*, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, стр. 72 и слѣд.

единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда нигдѣ не имать“ [1]). Посошковъ ожидаетъ, что при такомъ устройствѣ пошлины будетъ вдвое или втрое больше „настоящаго сбору ея“.

Нѣсколькими страницами дальше онъ говоритъ подробнѣе объ этой пошлинѣ: „Еже бы брать пошлина всякая по вышеписанному на корню, то всѣ тѣ сборы управитъ одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станетъ подымать, и почему онъ будетъ тутъ на торгу купленъ, или на дому у себя, или въ деревню отъѣхавъ, обаче по прежнему уже пошлины утаить нельзя будетъ; почему онъ ни купитъ, а пошлину дастъ полную по гривнѣ съ рубля, и уже никоими дѣлы и отбить отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежныя выписи [2]) нельзя ему никогда того товару повезти. Того ради что аще безъ платежныя выписи куды ни поѣдетъ, то взятъ будетъ тотъ товаръ на великаго государя безповоротно“. Затѣмъ слѣдуютъ у Посошкова многія частности о доносахъ и наказаніяхъ по случаю утайки этой пошлины и о разныхъ правилахъ контроля. Эти подробности менѣе интересны; онѣ однако показываютъ, что Посошковъ былъ столь же опытнымъ купцомъ, какъ и финансовымъ чиновникомъ. Едва ли мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, были вполнѣ цѣлесообразными? Утайка пошлины и при осуществленіи его предложеній была легко возможна. Доносы, награжденіе доносчиковъ, наказаніе кнутомъ виновниковъ, всѣ эти средства азіятско-варварскаго уголовнаго судопроизводства не достигали желанной цѣли, не обезпечивали достаточно интереса казны: тѣмъ не менѣе Посошковъ вновь и вновь предлагаетъ ихъ употребленіе. Болѣе практичнымъ оказывается его предложеніе „пятнать“ товаръ, за который десятипроцентная пошлина была уплачена. Разумѣется, не всѣ товары, а развѣ лишь нѣкоторые, допускали такую операцію „перепятнанія таможеннымъ пятномъ“: „А буде кто соберетъ скота быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бедрѣ выжигать цифирными словами число рублямъ, колико за кое скотину дано рублевъ, а колико за рублями копѣекъ лишку, то тѣми жъ цифирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копѣйками и выжигать такожде на правой лопаткѣ. И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бедрѣ, а копѣйки на правой лопаткѣ. И

[1]) Соч. Пос., I, 220.

[2]) То-есть, акцизная квитанція или бандероль.

за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнавъ оной, ни продать, ни купить; и отпуская ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно колько какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годы писать и примѣты"[1]).

Посошковъ, кажется, не могъ предвидѣть многосложности и запутанности бюрократическихъ пріемовъ, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе его предложенія. Чѣмъ болѣе сложны были операціи контроля, тѣмъ болѣе онѣ могли подавать поводъ, съ одной стороны, къ разнаго рода притѣсненіямъ публики чиновнымъ людомъ, съ другой—къ разнымъ продѣлкамъ со стороны купцовъ и таможенныхъ чиновниковъ. Тѣ самыя неудобства, на которыя такъ часто обращалъ вниманіе Посошковъ, такимъ образомъ не только не устранялись, а усиливались. Проектируемая имъ регламентація контроля надъ уплатою этой пошлины свидѣтельствуетъ, что публика при Петрѣ Великомъ привыкла къ чрезвычайно сложнымъ пріемамъ бюрократическаго организма, считала эти пріемы необходимыми и даже во многихъ случаяхъ видѣла въ усложненіи ихъ удобнѣйшее средство къ разнаго рода реформамъ. Эта система пошлинъ внутри государства оказалась вообще на практикѣ несостоятельною. Впослѣдствіи многіе такіе сборы были отмѣнены правительствомъ, и благодаря такой мѣрѣ торговые обороты внутри государства сдѣлались болѣе свободными, болѣе оживленными. Законодательство послѣдующаго времени развивалось въ духѣ противоположномъ предложеніямъ Посошкова.

Кромѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, Посошковъ предлагаетъ пошлину съ вывозныхъ товаровъ. Его замѣчанія на этотъ счетъ, впрочемъ, весьма кратки. Любопытно при этомъ случаѣ, что о вывозѣ русскихъ товаровъ за границу говорится въ выраженіяхъ, изъ которыхъ видно, что эта операція находилась почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Только въ заключеніе своихъ замѣчаній Посошковъ говоритъ: „А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой либо товаръ везти за рубежъ сами, то и съ тѣхъ товаровъ также брать пошлина накладная неизмѣнно сполна". Значитъ, Посошковъ считалъ не особенно вѣроятнымъ, чтобы русскіе купцы брались, независимо отъ иностранцевъ, за внѣшнюю торговлю.

О способѣ взиманія пошлины съ вывозныхъ товаровъ Посошковъ

[1]) Соч. Пос., I, 227.

не говоритъ подробно. Какъ кажется, онъ ожидалъ, что эта пошлина будетъ уплачиваема не въ самую пору вывоза, то есть, въ пограничной таможнѣ, но гораздо раньше. По крайней мѣрѣ онъ замѣчаетъ: „И почему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всѣмъ купецкимъ людямъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы, прикладывали бъ ту накладную пошлину въ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъяну не было. А будетъ кто продастъ товаръ свой безъ приставки тоя накладныя пошлины, то та пошлина доправлена будетъ на продавцѣ сполна“ [1]).

Соляная регалія.

Соль съ давнихъ поръ служила средствомъ для доставленія казнѣ доходовъ. Именитые люди Строгановы, имѣвшіе соловарни, платили царю ежегодно 23,000 рублей пошлины. Вообще соляные промыслы частныхъ лицъ были обложены пошлинами. Иностранцы разказывали, что правительство получало отъ соляного промысла доходы весьма значительные, какъ при выдѣлкѣ и продажѣ соли внутри государства, такъ и черезъ торговлю ею съ азіятскими народами. Соляной промыселъ сначала не былъ однако монополіей казны. По вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича съ частныхъ соловаренъ взималось съ каждаго пуда по двѣ гривны, кромѣ астраханской и яицкой соли, обложенной половинною пошлиною [2]). Торговля солью была свободна до царствованія Петра Великаго.

Въ началѣ 1705 года въ отношеніи къ соляному промыслу произошла весьма важная перемѣна. Указомъ 1-го января этого года была постановлена продажа соли отъ казны. Торговля солью сдѣлалась регаліей „на Москвѣ и въ городахъ“, сказано въ этомъ указѣ. „У всякихъ чиновъ людей соль описавъ, продавать изъ казны, а у продажи быть выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ добрымъ, за выборами, а надъ ними смотрѣть бурмистрамъ, а впередъ соль ставить въ казну подрядомъ, кто похочетъ. А почему по подряду по истинной цѣнѣ на мѣстѣ станетъ, продавать *вдвое*“ и пр. [3]). Такимъ образомъ, хотя варницы частныхъ лицъ и не были уничтожены, всѣ

---

[1]) Соч. Пос., I, 230.

[2]) См. соч. графа *Дм. Толстаго*: «Исторія финансов. учрежд. въ Россіи», стр. 177 и 178.

[3]) П. С. З., № 2009.

лица, занимавшіяся этимъ промысломъ, были обязаны ставить соль въ казну. Цѣна соли была весьма высокая, *вдвое* выше подрядной цѣны. Въ ноябрѣ 1706 года послѣдовало дальнѣйшее повышеніе цѣны на соль. Тамъ, гдѣ она продавалась по 24 копѣйки, она должна была продаваться по 36 копѣекъ, а гдѣ выше 8 алтынъ, продавать вдвое, и истина и прибыль пополамъ [1]).

Дурная организація управленія соляною регаліей, безпорядки и притѣсненія, почти нераздѣльныя съ торговлею, производимою правительствомъ, въ скоромъ времени обнаружили губительное свое дѣйствіе, преимущественно надъ бѣднымъ классомъ народа. Вотъ что говорится о злоупотребленіяхъ въ указѣ отъ 11-го мая 1722 года: „Не токмо въ городахъ, въ селахъ и деревняхъ, но и въ Москвѣ, при продажѣ соли, цѣловальники воруютъ такимъ образомъ: ежели кому случится купить пудъ или больше, и съ таковыхъ имая нѣкоторыя взятки, продаютъ, а которые подлые люди имѣютъ только купить по малому числу, а именно до 10 копѣекъ, а больше того, чтобъ какую цѣловальникамъ дачу дать денегъ не имѣютъ, и таковыхъ оные цѣловальники, воровствомъ своимъ отсылая другъ къ другу, продажи не чинятъ, чего для оные возвращаются въ домы безъ купли соли, отъ чего многіе бѣдные въ неизцѣлимыя болѣзни впадаютъ, а съ жалобами на такихъ воровъ придтить не смѣютъ, а камеръ-колегія, также и оберъ-фискалъ и фискалы за оными ворами того не смотрятъ, и въ принадлежащихъ мѣстахъ о томъ не доносятъ“. Правительство до того было раздражено такимъ образомъ дѣйствій цѣловальниковъ, что оно грозило смертною казнью и конфискованіемъ имущества такимъ „ворамъ“ и обѣщало доносчикамъ половину конфискованнаго имущества [2]).

Правительство, какъ видно, понимало, сколь вредны могли быть послѣдствія казенной продажи соли; но развѣ только случайно центральная власть узнавала о такихъ страшныхъ злоупотребленіяхъ. Публика нуждалась въ защитникахъ, и вотъ Посошковъ былъ такого рода защитникомъ. Его мысли относительно значенія соли въ общественномъ и государственномъ хозяйствѣ отличаются необыкновенною ясностью и отчетливостью. „А и о соляной продажѣ“, пишетъ онъ,—мнится мнѣ быти не весьма дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ царскаго величества, но вельми пристойнѣе быть ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто

---

1) П. С. З., № 2123.
2) П. С. З. № 4007.

продажныя прибыли положить на всякой пудъ, коя пойдетъ въ продажу, пошлины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ, и гдѣ въ какову цѣну ни купится, хотя гдѣ въ алтынъ или въ грошъ пудъ, обаче имать съ нее по гривнѣ съ пуда или больше или меньше, по колику Его Императорское Величество поволитъ имать съ пуда. И брать бы ту пошлину на кореню [1]), откуда она въ развозку пойдетъ. То со всякія ладьи сойдетъ пошлины по десяти тысячъ рублевъ или больше, такожде и съ бувуну и съ поморки. И гдѣ бы былъ ея пудъ по копейкѣ, а пошлину одиначе имать съ пуда по опредѣленію уставленному, и всякому купцу давать изъ таможни ярлыки свободные, чтобъ ему не токмо въ городѣхъ, но и въ деревняхъ русскихъ, и иноземскихъ и зарубежныхъ, продавать свободно и пошлины съ нея нигдѣ никакой не имать. Тотъ сборъ всегда будетъ цѣлъ: ни вода его не потопитъ, ни огнь пакости тому сбору не учинитъ, и буде гдѣ соль потонетъ или сгоритъ, а царской казнѣ ни малаго помѣшательства не учинитъ“.

Посошковъ былъ свидѣтелемъ важной перемѣны, состоявшейся въ 1705 году. Онъ былъ правъ, когда требовалъ возстановленія прежней свободной торговли солью и указывалъ на гибельныя послѣдствія введенія казенной продажи соли. „И аще“, замѣчаетъ онъ, — соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людей будутъ отъ нея кормитися благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ; понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питатися. И аще соль нынѣшняго и дешевле будетъ; обаче многіе люди и разбогатѣютъ отъ нея, люди отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ. А нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцынжаютъ, и умираютъ; и отъ задержанія соли во иныхъ мѣстѣхъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой безсолицы напрасно люди помираютъ. Аще бы она не заперта была, и былъ бы торгъ ей свободный, то нигдѣ бы безъ соли не было, а въ казну бы Его Императорскаго Величества деньги бы шли чистыя съ тысячи пудъ по сту рублевъ, а ни бурмистровъ, ни цѣловальниковъ, ни надзирателей въ той соли не надобны бъ были, ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якори, ни иные какіе припасы и подводы подъ нее ненадобны бы были, но одна бы таможня управила, и то токмо

[1]) У *Погодина* стр. 223, въ текстѣ «на кормлю», и въ замѣчаніи предположеніе, что должно читать «на кореню», то-есть, на мѣстѣ производства.

въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль купцы розимать будутъ. А гдѣ ее купцы въ разновѣску продавать будутъ, то тамъ ни малаго збору не надлежитъ съ нее имать и записки уже никакой ей ненадобно, кромѣ тое, откуда она поднята и въ развозъ повезена. А наипаче тамъ ее надлежитъ записывать на коренѣ, гдѣ она сварена: тамо надлежитъ двѣ записки имѣть, едина выварная, а другая развозная— и о самосадкѣ тожъ чинить. И торговые промышленники, купя ее, куды похотятъ, туды и повезутъ, и хотя гдѣ какая и шкода ей будетъ, то все ихъ, а Государевъ зборъ всегда будетъ цѣлъ. А люди по нынѣшнему отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ, потому что торговые люди по деревнямъ сами возятъ, и не токмо на деньги продаютъ, но и на хлѣбъ, и на скотину, и на всячину мѣняютъ и въ долгъ отдаютъ. А Государевы купчины и бурмистры безъ денегъ ни на одну копѣйку не дадутъ, а се не вездѣ ее и продаютъ, и кому купить ее ѣхать верстъ сто иль другое, иль и большее, и того ради крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадаютъ, и аще и многіе отъ безсолицы помираютъ, да никто о томъ Великому Государю не доноситъ, а судьи хотя и вѣдаютъ, да о томъ не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были. И въ тѣхъ соляныхъ зборѣхъ, въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ, и въ управителяхъ и въ работникахъ и въ надзирателяхъ тысячъ пять шесть или больше есть, а вси они будто черви точатъ тое жъ соль и пищу себѣ пріобрѣтаютъ отъ тояжъ соли. А если бъ та соль въ свободномъ торгу была, тобъ всѣ тѣ люди были промышленниками, и питались бы отъ своихъ трудовъ. И о семъ мочно и сличиться, колико отъ соляной продажи приходитъ прибыли, и колико на всякіе расходы расходится, и за всѣми расходы, колико чистыхъ денегъ прибыльныхъ останется, и колико пудъ вѣсомъ въ годъ её въ продажу исходитъ; и если со всей продажи обложить по гривнѣ съ пуда имать пошлины, то по исчисленію пудовъ явно будетъ, колико тѣхъ гривенныхъ денегъ будетъ. Я чаю, что не меньше продажныя прибыли будетъ, а все-таки гораздо меньше будетъ, а люди сытѣе будутъ" [1]).

Какъ видно, и правительство, и Посошковъ въ одинъ голосъ говорятъ о гибельномъ вліяніи системы казенной продажи на общегигіеническія условія народнаго быта. Посошковъ жалуется на то, что царю неизвѣстно ничего о смертности въ народѣ вслѣдствіе недостаточнаго потребленія соли, что судьи не заботятся о народномъ

[1]) Соч. Пос., I, 222—225.

благѣ и здравіи. Изъ вышеупомянутаго указа—правда—видно, что царь зналъ о „неизцѣлимыхъ болѣзняхъ" въ народѣ, какъ о слѣдствіи продѣловъ чиновниковъ, но изъ того жь указа мы узнаемъ, что Петръ жаловался на небрежность чиновниковъ, не преслѣдовавшихъ виновныхъ. И Посошковъ, и Петръ понимали, какое громадное значеніе имѣетъ соль какъ питательное вещество для здоровья, хотя имъ не было извѣстно изреченіе Плинія: „Corporibus nihil esse utilius sale et sole" [1]).

Посошковъ весьма справедливо ожидалъ, что при отмѣнѣ казенной монополіи всѣ деревни и даже болѣе отдаленныя мѣста будутъ снабжаемы солью путемъ обыкновенной торговли гораздо легче и удобнѣе. Онъ умѣлъ цѣнить выгоду полной конкуренціи въ торговлѣ для потребителей и гибельное вліяніе всякаго рода монополій. Изъ замѣчаній Посошкова видно, что цѣна соли въ различныхъ мѣстахъ имперіи была различна. Цѣна „выше рубля" за пудъ соли „въ иныхъ мѣстахъ" кажется баснословно высокою, если принять въ соображеніе, что въ то время четверть хлѣба стоила 50 копѣекъ [2]). Посошковъ полагаетъ, что число лицъ, занятыхъ казенною продажею соли, достигало громадной цифры четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ. Весь доходъ съ соли считался въ то время 600,000 рублей [3]). Значитъ, расходы при взиманіи этого чрезвычайно тяжелаго для народа налога были весьма значительны. Едва ли гдѣ-нибудь число чиновниковъ, занятыхъ этою отраслью администраціи, было столь громадно.

Посошковъ имѣлъ основаніе предполагать, что сборъ по 10 копѣекъ съ пуда соли представитъ финансовый результатъ не хуже имѣющагося отъ казенной продажи соли. Если принять въ соображеніе, что по ревизіи 1722 года населеніе составляло 14 милліоновъ, и что въ настоящее время считается потребленіе соли по

---

[1]) См. *Alfred Schmidt*, Das Salz. Eine volkswirthschaftliche und finanzielle Studie, Leipzig, 1874, стр. 9. — Другія монографіи: *Hehn*, Das Salz, eine culturhistorische Studie, Berlin, 1873. — *Bunge*, Über die Bedeutung des Kochsalzes, München, 1873.

[2]) Эта цѣна соли равнялась бы цѣнѣ по 40 копѣекъ за *фунтъ* соли въ настоящее время, потому что четверть ржи въ настоящее время, по 8 рублей; значитъ, пудъ соли по 16 рублей!

[3]) См. *Hermann*, Diplomatische Beiträge zur Russischen Geschichte, St.-Petersburg, 1868.—стр. 201. Записка Лефорта о финансахъ Россіи въ 1727 году.— Мы не знаемъ, считалась ли эта сумма чистымъ доходомъ. Какъ бы то ни было, содержаніе столь значительнаго числа чиновниковъ обходилось едва-ли дешевле. Однако справедлива ли цифра Посошкова?

16½ фунтовъ на каждаго, то правительство действительно легко могло ожидать отъ такого сбора несколькихъ сотъ тысячъ рублей. Справедливо также Посошковъ ожидалъ значительнаго усиленія потребленія соли вслѣдствіе предложенной имъ реформы. Вездѣ въ подобныхъ случаяхъ законодательныя мѣры имѣли благопріятныя слѣдствія. Такъ, напримѣръ, въ Англіи значительно убавилась смертность между дѣтьми, преимущественно бѣдныхъ сословій, вслѣдствіе убавленія цѣны на соль [1]).

Послѣ кончины Посошкова, хотя на краткое время (то есть отъ 1727 до 1731 года) правительство отмѣнило казенную продажу соли, но впослѣдствіи администрація и законодательство дѣйствовали далеко не сообразно съ предложеніями Посошкова. Казенная продажа соли еще весьма долго оставалась на прежнихъ основаніяхъ, при чемъ, впрочемъ, даже финансовыя выгоды были ничтожны. Только въ продолженіе текущаго столѣтія послѣдовали измѣненія, соотвѣтствующія общенароднымъ интересамъ. Реформа 1862 г., отмѣна казенной монополіи, имѣла слѣдствіемъ умноженіе дохода съ соли. Въ 1861 году этотъ доходъ составлялъ сумму 7 милліоновъ рублей, а въ слѣдующихъ годахъ около 12 милліоновъ. Акцизная система была упрощеніемъ администраціи [2]). Такимъ образомъ, мысли Посошкова осуществились, хотя и весьма лишь поздно, въ новѣйшее время.

Винная регалія.

Посошковъ былъ когда-то у водочнаго строенія въ Москвѣ; онъ искалъ мѣста при устройствѣ питейныхъ домовъ въ Ингерманландской губерніи; онъ имѣлъ винокуренный заводъ въ Устрицкомъ погостѣ Новгородскаго уѣзда. Поэтому нельзя удивляться тому, что онъ весьма подробно говоритъ о питейномъ доходѣ. Тутъ онъ былъ полнѣйшимъ спеціалистомъ и знатокомъ дѣла. Онъ могъ считаться экспертомъ и въ качествѣ служившаго въ этой отрасли финансоваго управленія, и въ качествѣ частнаго заводчика, занимавшагося производствомъ водки. Не менѣе 22 страницъ въ главѣ „о царскомъ ин-

---

[1]) *Alfred Schmidt*, 111.

[2]) См. соч. *А. Шмидта*, 84.—Какъ при казенной продажѣ соли во время Петра Великаго администрація была сложна, видно изъ разныхъ указовъ; см. напримѣръ, № 3179, въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ которомъ говорится о разныхъ наказаніяхъ за нарушеніе правъ казны, № 3277—о разныхъ частныхъ предписаніяхъ и постановленіяхъ, №№ 2853, 2878, 2899, 2902, 4521, 4545 и проч.

тересъ" посвящены тщательному и всестороннему разбору этого вопроса, равно важнаго и въ отношенiи къ народному хозяйству, и въ отношенiи къ финансамъ.

Во время Посошкова доходъ съ питей составлялъ развѣ только десятую долю всѣхъ доходовъ [1]), тогда какъ въ настоящее время онъ составляетъ около третьей части всего бюджета, но эта статья считалась уже съ давнихъ поръ весьма важною. Выдѣлка и продажа вина, какъ кажется, съ самыхъ древнихъ временъ были исключительнымъ правомъ князей. Отъ XVI, и, въ особенности, съ XVI вѣка осталось весьма много актовъ, которые совершенно удостовѣряютъ въ томъ, что добыванiе и продажа вина въ Россiи были регалiей. Существовала и система казеннаго управленiя, и система отдачи на откупъ производства и продажи вина. Впрочемъ, казенное управленiе всегда было господствующимъ въ древней Россiи. Въ 1651 году Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ уничтожилъ откупное содержанiе; послѣ этого доходы отъ винной регалiи значительно уменьшились; поэтому въ 1663 году было возстановлено откупное содержанiе. Злоупотребленiя откупщиковъ заставили правительство снова отмѣнить винные откупы въ 1681 году. Послѣ того казенное управленiе установилось и продолжалось до самаго царствованiя императрицы Елизаветы Петровны.

Мы видѣли, что Посошковъ былъ противъ казенной продажи соли. Онъ положительно требовалъ отмѣны соляной регалiи и введенiя совершенной свободы въ торговлѣ солью. Иначе думалъ онъ въ отношенiи къ винокуренiю. Онъ не только желалъ сохраненiя винной регалiи, но и предлагалъ разныя мѣры для обезпеченiя интереса казны при этомъ доходѣ.

Совсѣмъ другаго мнѣнiя на этотъ счетъ былъ Крижаничъ, за полвѣка до Посошкова писавшiй объ этомъ же предметѣ. Въ весьма сильныхъ выраженiяхъ говоритъ онъ о пьянствѣ въ Россiи и обвиняетъ правительство въ томъ, что оно своими административными мѣрами вызываетъ и поддерживаетъ это зло [2]). Измѣну Малороссiи послѣ кончины Богдана Хмѣльницкаго Крижаничъ приписываетъ, главнымъ образомъ, прiемамъ русской бюрократiи въ отношенiи къ винной регалiи [3]).

---

[1]) См. *Herrmann*, Diplomat. Beiträge, стр. 200.
[2]) *Крижаничъ*, I. 297 — 301.
[3]) См. *Крижаничъ*, I, 325.

Посошковъ не считалъ устройства казенныхъ кабаковъ причиною пьянства, хотя и онъ желалъ противодѣйствовать пьянству. „Къ сему же", говоритъ онъ въ Отеческомъ Завѣщаніи, — „приложи и сіе, дабы дѣти твои не пьяницы были о семъ всѣми своими силами тщися, дабы дѣти твои трезвены были и отъ пьянственнаго питія воздержны были"... Аще бо кто напіется допьяна вина, и въ томъ пьянствѣ дни два три пробудетъ, и послѣди того помалу не истрезвится, то таковымъ скорая смерть случается: а вельми многіе отъ перепою не доживъ вѣка умираютъ..." „Наипаче бо случаются скорби отъ преизлишняго питія піянственнаго: велми бо оно человѣка разогрѣваетъ и болѣзнь наводитъ, а множицею и смерть безвременная случается, и я такъ признаваю, яко нѣкоторый человѣкъ вѣку своего прямаго не доживаетъ, которой много упивается, велми бо вельми піанство человѣкн погубляетъ, и въ самую скудость приводитъ. И того ради ты, сыне мой, всячески тщися, еже бы ти до пьяна не упиватися, а сіе бы, и наипаче лучши, дабы тебѣ, и весма его не касатися: понеже пьянство не токмо едино здравіе, но и умъ враждаетъ, и всякое безчестіе наводитъ и въ самое убожество приводитъ. И приточникъ о нихъ тако глаголетъ, яко піяница обнищаетъ, а облечется въ раздранное одѣяніе" [1]).

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", говоря о питейномъ дѣлѣ, Посошковъ, впрочемъ, все-таки нѣкоторымъ образомъ обвиняетъ чиновниковъ, что они споспѣшествуютъ пьянству. „Я знаю, что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле, и чтобъ пили больше, а того не разсудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ и во всякихъ дѣлѣхъ всякаго исправленія больше, а у промышленныхъ промыслы гораздо будутъ больше, а пьяныхъ людей и у приказныхъ все неспоро, а у мастеровыхъ людей и спрашивать нечего; токмо отъ питья люди, а наипаче отъ заморскаго, въ великое оскудѣніе приходятъ, и царскому интересу препятіе немалое отъ излишняго питья чинится". Въ другомъ мѣстѣ: „Я не знаю, что въ томъ благодати или что добра, что много пить или допьяна и людей поить? По моему мнѣнію, ради здравія тѣлеснаго полно человѣку чарки по три или по четыре на день пить, то онъ будетъ добръ и здравъ, а буде ради веселія, мочно и еще толикое жъ число приложить. А безмѣрное питіе ничего добраго не приноситъ, но токмо приноситъ ума порушеніе и здравія повреждені, пожитковъ лишеніе

[1]) Отеч. Зав.», 58, 61—62.

и безвременную смерть. А аще кто непремолчно будетъ пить безвоздержанно, то всего себя погубитъ; и того ради всячески надобно потщатися, како бы піянства изъ народа поубавить“ [1]). Значитъ, Посошковъ желалъ, чтобы вино было подороже. Высокая цѣна хлѣбнаго вина кажется ему удобнымъ средствомъ убавленія пьянства. Но при винной регаліи, при сохраненіи казенной монополіи, цѣна вину легче возвысится. Монополія, исключая конкуренцію, содѣйствуетъ почти всегда нѣкоторой дороговизнѣ.

Совсѣмъ иное было мнѣніе Крижанича. Именно то обстоятельство, что число кабаковъ было ограничено, такъ какъ существовали только кабаки казенные, что кабаки содержались дурно, грязно и находились часто въ далекомъ отъ потребителей разстояніи, казалось ему причиною чрезмѣрной любви народа къ крѣпкимъ напиткамъ [2]).

Посошковъ смотритъ на казенные кабаки съ какой-то идеальной точки зрѣнія. „Всякая вещь“, говоритъ онъ,—„коя носитъ на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной. Того бо ради и о винѣ предъявить, еже бы держать и продавать на кружечныхъ дворѣхъ самое чистое и честное вино, чтобы въ домѣхъ мало такого обрѣталось. Такожe и прочія питья, кои подъ имянемъ Царскимъ, были бъ самыя добрыя, несравненно съ домовыми питьи вкусомъ и чистотою, и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя и ни малыя бы гнусности въ нихъ бы не было; потому что всѣ питейныя продажи носятъ на себѣ имя царское. И по такому наименованію надлежитъ ему быть честну, а не безчестну, и людямъ упившимся было бы въ нихъ охраненіе, а ограбленія при нихъ не было бы. *А у насъ все сіе противно дѣется.* И при кабакахъ зернщиковъ отнюдь не надобно, кромѣ караульщиковъ и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая. А буде кой офицеръ или солдатъ, выпивъ питье, да сосудъ броситъ о землю и разобьетъ, то таковыхъ надлежитъ штрафовать съ нескуднымъ наказаніемъ, чтобъ такого дому питейному руганія и обиды не чинили. Такъ надобно кабаки устроить: буде кто путемъ идучи днемъ или ночью, что до кабака дошелъ, что уже бы безпечаленъ былъ. И аще и товаръ какой случится царской, то и товару тому надлежитъ быть лучше прочихъ товаровъ; и аще кой товаръ лучше простолюдиннаго не будетъ, то не надобно

---

[1]) Соч. Пос., I, 242—245.
[2]) *Крижаничъ*, I, 298, 297.

его и нарицать царскимъ, но такіе товары держать имъ купецкимъ людемъ, а не царю. Царь—судья и подобенъ Богу" и пр. [1]).

Всѣ эти *pia desideria* Посошкова не легко могли осуществиться. Кабаки не сдѣлались образцовыми учрежденіями, въ которыхъ все было бы чинно и опрятно. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность нисколько не соотвѣтствовала высокимъ понятіямъ Посошкова о „царскомъ" кабакѣ. Товаръ, продаваемый въ питейныхъ домахъ, былъ далеко не безукоризненный. Пьяныхъ грабили, игра въ зернь процвѣтала въ нихъ. Безчинства солдатъ и офицеровъ продолжались. Зернь и корчма, какъ извѣстно, уже съ давнихъ поръ были въ тѣсномъ соединеніи. Пить и играть зернью въ корчмахъ собирались бояре, монахи, попы и толпы холоповъ. Стоглавъ приказывалъ, чтобъ „дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пили" [2]). Сначала, вскорѣ послѣ устройства царскихъ кабаковъ, народъ и духовенство просили снести кабаки, потому что „подлѣ государева кабака жить не мочно" [3]). Самъ Посошковъ сознается, что фактическій бытъ кабаковъ противорѣчилъ его идеалу. Онъ въ другомъ мѣстѣ прямо говоритъ, что „уборъ питейныхъ покоевъ плохъ и питья держатъ самыя плохія" [4]).

Особенно не нравилось Посошкову непостоянство цѣнъ на хлѣбныя вина. „А и питейный сборъ", пишетъ онъ,—„весьма неисправно дѣется... что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продаютъ разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣетъ; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство. Нашъ царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелитъ быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и ни мало ни на право, ни на лѣво неподвижно; яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть, и по его царской власти надлежитъ всякой власти вящше быть постоянной и похвальной, и чтобы, яко мѣры вездѣ равныя, и цѣнѣ подобаетъ бытi равной, никогда неизмѣнной; како въ хлѣбородномъ году, тако и въ недородномъ; и какова цѣна въ безхлѣбномъ мѣстѣ, тако подо-

---

[1]) Соч. Пос., I, 256—277.

[2]) *Прыжовъ*, Исторія кабаковъ въ Россіи, стр. 41, 92, 137.

[3]) Тамъ же, 67.

[4]) Соч. Пос., I, 231.

баетъ продавать и въ самомъ хлѣбномъ мѣстѣ; ни питья не измѣнять, ни мѣры, ни цѣны не нарушивать, но имѣть все невредно“ [1]).

Эта теорія Посошкова могла быть примѣнена въ практикѣ лишь при весьма высокихъ цѣнахъ на хлѣбное вино, такъ что и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вслѣдствіе большаго разстоянія отъ центровъ производства или по другимъ причинамъ могли имѣть лишь весьма дорого стоящее вино, расходы правительства были покрыты. Правительство смотрѣло на этотъ предметъ совсѣмъ иначе и постоянно принимало въ соображеніе стоимость вина и цѣну денегъ. Такъ, напримѣръ, въ одной грамматѣ государь приказываетъ кабацкимъ головамъ: „Рассмотрѣти накрѣпко по чему нынѣ на наши кабаки хлѣбъ и хмѣль и иные всякіе запасы покупаютъ, и по скольку ведръ вина и пива изъ вари и меду въ ставкахъ выходитъ, и сколько у котораго питья за расходы прибыли, и мочно ли на какое питье нынѣ для прибыли цѣны прибавити или убавити и какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе“. Въ другой грамотѣ: „А буде въ тѣхъ городахъ вино въ подрядѣ противъ нынѣшней цѣны убавится,—и въ продажѣ вину цѣны по томужъ учинить сбавку“ [2]).

Когда, во время денежнаго кризиса при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ, происходила вообще революція въ цѣнахъ, правительство въ краткое время перемѣняло цѣны на хлѣбное вино. Хотя правительство въ самомъ началѣ операціи мѣдныхъ денегъ и изъявило готовность принимать за кабацкое питье на казенныхъ кружечныхъ дворахъ мѣдныя деньги, тѣмъ не менѣе оно считало себя въ правѣ, при упадкѣ въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, возвысить цѣну на вино, и мы знаемъ о нѣсколькихъ грамотахъ къ воеводамъ, въ которыхъ имъ дается порученіе, „для хлѣбной дороговли“ или „для нынѣшнія дорогія цѣны“ продавать вино по возвышеннымъ цѣнамъ. Между тѣмъ какъ въ 1653 г. ведро вина стоило 75 — 90 коп., въ 1661 году оно возвысилось въ цѣнѣ до 3 рублей, а въ 1662—даже до 5 рублей, а послѣ отмѣны мѣдныхъ денегъ опять платилось только 1 рубль [3]). Изъ приказовъ рассылались намѣстникамъ и воеводамъ указы объ опредѣленной для продажи вина цѣнѣ. Иногда имъ предоставлялось право, по представленію головы и по

---

[1]) Соч. Пос., I, 231.

[2]) *Толстой*, Ист. фин. учр., 157.

[3]) См. мое соч. Мѣдныя деньги въ Россіи и денежные знаки въ Швеціи. Спб. 1864, стр. 40.

собственному разсмотрѣнію, прибавить или убавить цѣну, „чтобы нашей казнѣ учинити прибыль". Иногда допускалась продажа *повольною цѣною*. Неопредѣленность цѣнъ была вынуждена недостаткомъ финансовъ. Войны или прочія неблагопріятныя для государства обстоятельства всегда имѣли своимъ дѣйствіемъ возвышеніе цѣны на вино [1]).

Посошковъ, напротивъ, желалъ, чтобы подрядная цѣна нисколько не вліяла на продажную цѣну вина. „Древній обычай былъ весьма неправедный, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже продавали, а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быть устанщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ".— Такое обстоятельство Посошкову кажется „весьма противнымъ Царскаго Величества самовластію" [2]). Посошковъ требуетъ, чтобы вездѣ цѣна была одинакова „кромѣ Сибири". Изъ указа 14-го марта 1701 года мы знаемъ, что и въ Сибири въ различныхъ городахъ цѣна была различна: въ Тюмени 1 р. 30 коп., въ Мангазеѣ 2 р. 78 коп., въ Якутскѣ по 4 рубля, въ Енисейскѣ по 3 р. 91 коп. и т. п. [3]).

Посошковъ ожидаетъ, что если „вино будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ, потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не станутъ", а затѣмъ тотчасъ же выражаетъ сомнѣніе въ возможности повсемѣстнаго приведенія въ исполненіе предложенной имъ мѣры: „А буде у Черкасъ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дворянъ и офицеровъ отнюдь, купя у нихъ вина и табаку, безъ указу, въ Великороссійскіе городы, ни въ села, ни въ деревни не провозили; и буде кто повезетъ вина больше ведра съ собою, то тѣхъ штрафовать великимъ штрафомъ и съ наказаніемъ [4]).

Въ Малороссіи вино было дешевле. Тамъ даже и при Петрѣ Великомъ еще не была устроена система царскихъ кабаковъ. Поэтому контробандная торговля виномъ изъ Малороссіи въ Великую Россію могла представлять весьма значительныя выгоды. Посошковъ и при

[1]) *Толстой*, стр. 160.
[2]) Соч. Пос., I, 240.
[3]) П. С. З., № 2841.
[4]) Соч. Пос., I, 240—241.

этомъ случаѣ, какъ весьма часто, оказывается ревностнымъ сторонникомъ правительства. Онъ старается доставить казнѣ по возможности болѣе значительныя финансовыя выгоды. Мы видѣли, что даже въ Сибири цѣна вину, по крайней мѣрѣ, въ 1701 году, была въ большей части случаевъ ниже 3 рублей. Посошковъ же пишетъ: „А о продажной цѣнѣ вину какъ воля Его Императорскаго Величества произволитъ, тому никто не извѣстенъ; а мнится простаго вину ведру цѣну мочно положить, ежебы въ продажѣ быть ему по три рубли, а въ розницу по четыре алтына фунтъ; и аще гдѣ будетъ подрядъ и по полтинѣ ведро, а въ продажѣ отнюдь цѣны не сбавливать“ [1].

Мы уже говорили о томъ, что должность бурмистра, головы или цѣловальника иногда была очень тягостна и что Посошковъ въ главѣ „о правосудіи“ предлагаетъ ввести болѣе гуманное и снисходительное обращеніе съ этими блюстителями „царскаго интереса“. Г. Прыжовъ, въ своей „Исторіи кабаковъ“ на этотъ предметъ обращаетъ особенное вниманіе. „Головы и цѣловальники“, говоритъ онъ, — „это были какъ будто закрѣпощенные кабацкіе служители. Оторвутъ его отъ дома, посадятъ въ кабакъ собирать питейную прибыль, а чѣмъ ему питаться — того не спрашиваютъ. Одни бѣжали отъ выборовъ, чтобы не разориться, а другіе, которымъ терять было нечего, а напротивъ представлялась возможность нажиться, шли въ кабакъ и разоряли народъ“. Въ обществѣ мало было охотниковъ поступать въ эти должности. Выборы встрѣчали разнаго рода затрудненія; правительство не дозволяло отбиваться отъ выборовъ очередными службами; если однако была остановка въ выборѣ, или были выбраны дурные люди, то такимъ городамъ грозили: „Быть вамъ въ опалѣ и во всякомъ разореніи“. Изъ нѣкоторыхъ случаевъ переписки городовъ, головъ и цѣловальниковъ съ правительствомъ можно усмотрѣть, въ какомъ отчаянномъ положеніи иногда находились и мѣстное населеніе, обязанное и выбрать голову или цѣловальника, и затѣмъ ручаться за него, — надзирать за нимъ, платить за него недоборъ въ случаѣ воровства или неудачнаго веденія дѣла, а также и самые выборные чиновники. Иногда города били челомъ царю, избавить ихъ отъ кабака, иногда выборные, вступая въ управленіе кабакомъ, и опутанные цѣлою системою обязательствъ и надзора, дѣлались несчастными жертвами „московской волокиты и проѣсти“. Всякій недоборъ ставился въ нерадѣніе и выборные должны были идти на правежъ.

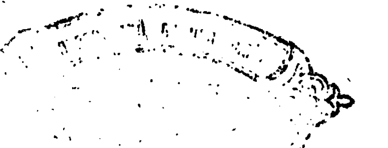
[1]) Соч. Пос., I, 241.

часто они привлекались къ суду вслѣдствіе доносовъ. Доносчикамъ правительство обѣщало „царское жалованье". При контролѣ надъ выборными входили въ малѣйшія подробности. Однако, не смотря на всѣ мѣры предосторожности, весьма часто случалось, что головы, пропивъ и прогулявъ царскія деньги, обращались въ бѣгство, смѣшивали вино съ водою, грабили пьяныхъ и т. п." [1]). Вотъ нѣкоторые пріемы контроля надъ выборными. Полученныя деньги цѣловальники должны были немедленно класть въ ящики, которые голова печаталъ собственною печатью. Предписывалось: „мимо ящиковъ денегъ цѣловальникомъ въ мошны и карманы, и подъ блюда и подъ ставцы и никуды не класть"; запрещалось имъ также бросать деньги въ вино. Въ указѣ 30-го августа 1698 года говорится: „ящики всѣ осматривать, чтобъ у нихъ мимо за печатью крышки неотодвигались, и деньги изъ нихъ не высыпались, и дыръ бы у ящиковъ цѣловальники для воровства не прибавливали"; цѣловальникамъ было запрещено брать „поминковъ съ подрядчиковъ отъ пріема винъ и водовъ"; запрещено было имъ „своего питья на отдаточный дворъ и въ фартельныя избы и въ палаты водочной продажи тайно привозить и продавать" и т. д. Все это было устроено, „чтобы въ деньгахъ хитрости не было",—при каждомъ случаѣ цѣловальникамъ и головамъ грозятъ „жестокимъ наказаніемъ безъ всякія пощады" [2]).

Всякую недѣлю или всякій мѣсяцъ голова, въ присутствіи всѣхъ цѣловальниковъ, вынималъ собранныя деньги и записывалъ въ книгу, сколько какой цѣловальникъ собралъ. Эти деньги по истеченіи года отсылались въ приказъ. Для устраненія всякаго лихоимства со стороны цѣловальниковъ, указомъ 1696 года дозволено было покупщикамъ, по ихъ желанію, самимъ мѣрить покупаемые ими напитки, „чтобъ впредь купцамъ для покупки питей приходить было повадно, и отъ того въ сборѣ денежной казны чинилось пополненіе". Ежегодно назначено было: сколько каждый кабацкій голова долженъ собрать денегъ, соразмѣряясь съ сборами того кружечнаго двора въ прошедшіе годы. Количество, превышавшее сборъ прошедшихъ годовъ предъ настоящимъ сборомъ, называлось недоборомъ, который доправлялся на головахъ, такъ что новый голова подвергался отвѣтственности. Голова, оставившій свою должность, не былъ еще совершенно свободенъ отъ отвѣтственности, ибо стоило новому головѣ собрать

---

[1]) *Прыжовъ*, 72—82.
[2]) П. С. З., № 1622.

болѣе стараго, чтобъ подвергнуть послѣдняго взысканіямъ. Не добравшаго наказывали иногда смертною казнью, иногда сѣкли кнутомъ [1]).

Число бурмистровъ, головъ и цѣловальниковъ было громадно. Каждая отрасль финансовой администраціи, каждый налогъ требовалъ назначенія значительнаго числа таковыхъ чиновниковъ, которые и сами постоянно находились въ опасномъ положеніи и позволяли себѣ разныя продѣлки въ отношеніи къ казнѣ и въ отношеніи къ публикѣ. Не даромъ Посошковъ предлагалъ по возможности ограничить число такихъ служащихъ посредствомъ упрощенія финансовой системы. Говоря о множествѣ новыхъ сборовъ, онъ замѣчаетъ: „Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ въ оскудѣніе, потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли и кормятся тѣми же государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и не споры, а люди всѣ тонѣютъ: ово отъ множества службъ, ово же за преступленіе крестнаго цѣлованія и чрезъ присягу дѣлаютъ нетвердо, деньги сборные крадутъ, тѣмъ себя и и питаютъ, и ради клятвопреступленія не спорится имъ. А егда службу свою отслужатъ, то приказные люди станутъ ихъ считать, да щипать, да въ томъ отчетѣ годъ или два проволочатъ, и тою волокитою и до конца разорятъ ихъ“.

Посошковъ предлагаетъ назначить такимъ людямъ жалованье: „И мнится мнѣ: лучше всякимъ служителемъ учинить указное опредѣленіе, чѣмъ имъ питаться, дабы имъ въ клятву не впадати, и питаться бы благословеннымъ кусомъ; такожде и приказнымъ людемъ надлежитъ указъ учинить, по чему съ какого служителя имать“ и пр. Посошкову кажется весьма неразумнымъ, что „выбираютъ въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ, то какъ ему правда дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба добыть ему негдѣ. И тако вси въ грѣхъ впадаютъ, тѣ служители отъ нужды касаются кражъ, а другіе вѣдаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ, а ко кресту принуждаютъ. И егда увидятъ чье похищеніе, то пытаютъ и кнутомъ бьютъ, и домы ихъ разоряютъ, и за преступленіе клятвы и на томъ свѣтѣ будетъ мучиться.“ Посошковъ предлагаетъ или „клятву оставить“, удовольствуясь единымъ наказаніемъ виновнаго, или же оставить наказаніе и отдать виновнаго на Божій судъ. Во всякомъ

[1]) *Толстой*, 161—162.

случаѣ, по мнѣнію Посошкова, нужно „спросить цѣловальника, чѣмъ онъ у того дѣла будучи будетъ питаться, можетъ ли онъ своимъ прокормиться. И буде скажетъ, что прокормиться ему нечѣмъ, то опредѣлить ему кормомъ, чтобы ему было чѣмъ питаться. И буде кто за опредѣленнымъ питаніемъ сборнымъ деньгамъ коснется, то уже жестоко надлежитъ его наказать“, а если клятву оставить, то виновный „на ономъ свѣтѣ будетъ уже отъ тамошняго мученія свободенъ“ [1]). Посошковъ совѣтуетъ не слишкомъ часто мѣнять бурмистровъ: „Кой бурмистръ впервые сядетъ, то вездѣ потеряетъ: не знаетъ колько чего ему надобно припасти, и купитъ все въ передачу, а гдѣ было найтить, а онъ тутъ потеряетъ. И аще бы бурмистры были нѣкровые, то бы ни гдѣ онъ не потерялъ и лишку бы ни у какой покупки не передалъ, всякіе бы припасы покупалъ во время дешевости“ и пр.

Правительство всегда обращало вниманіе на это обстоятельство. Кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ было предписано отъ имени государя покупать всѣ нужные припасы *порою*, то-есть, когда они бывали дешевле, по самому времени года, или, напримѣръ, по случаю торга, ярмарки, и т. п., „какъ въ которое время бываетъ всякимъ торговымъ людямъ съѣздъ, и запасы всякіе бываютъ дешевы“ и „готовили бъ на кабакъ запасы, какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе“ [2]). Однако, разумѣется, не только честность, но и нѣкоторая опытность въ дѣлахъ была условіемъ удачныхъ операцій головы или цѣловальника. Для этого Посошковъ предлагаетъ „въ бурмистры выбирать людей не весьма богатыхъ, но средніе статьи, токмо разумныхъ и правдолюбивыхъ, и въ дѣлахъ праведныхъ, кои бы были не пьяницы“,... и имъ учинить жалованье годовое, и буде сверхъ настоящаго сбора неусыпнымъ своимъ раденьемъ приберетъ излишнее, то за тотъ приборъ дать ему сверхъ его окладу со всякаго приборнаго рубля по гривнѣ“ и т. д. Слѣдующее обстоятельство характеризуетъ безнравственность приказныхъ людей того времени. Посошковъ предлагаетъ дозволять бурмистрамъ и цѣловальникамъ брать назначенное имъ жалованье изъ собранныхъ ими денегъ и записывать „въ книгу“, прибавляя къ этому: „А буде имъ за жалованьемъ своимъ ходить за судьями и за расходчиками по нынѣшнему, то уже вправдѣ быть нельзя: для излишнихъ расходовъ будутъ лгать“. Не-

[1]) Соч. Пос., I, 220—222.

[2]) *Толстой*, 154.

сошковъ надѣется, что выгода казны будетъ при такой системѣ гораздо болѣе обезпечена: „Что имъ въ жалованье дастся,—возвратится съ лихвою“.

Затѣмъ Посошковъ предлагаетъ разныя мѣры, относящіяся къ бухгалтеріи и къ контролю. Контроль, повторяющійся каждую недѣлю, кажется ему „излишнею турбацiею бурмистрамъ и прямому дѣлу помѣшательствомъ“. Записывать каждую недѣлю остатки, по его мнѣнію, имѣетъ слѣдствіемъ „истрату въ перемѣрянье питью и лишнюю плату писцамъ“. Онъ предлагаетъ ограничиваться ежемѣсячною ревизіею и сокращенными вѣдомостями о припасахъ. Подробности этихъ предложеній заключаютъ въ себѣ доказательство, что Посошковъ отлично былъ знакомъ со всѣмъ дѣлопроизводствомъ по части питейнаго сбора. Впрочемъ, онъ требуетъ весьма строгихъ мѣръ противъ нечестныхъ бурмистровъ: „Буде кой бурмистръ не противъ данныя ему инструкціи учинитъ что, и та учинити ему штрафованіе великое и съ наказаніемъ и съ запятнаніемъ.“ За „похищеніе казны“ Посошковъ предлагаетъ „положить на лицо клеймо, и быть ему при арміи вѣчно въ черной работѣ“ [1]). Посошковъ требуетъ также строгихъ наказаній за порчу продажнаго вина или за принятіе бурмистромъ отъ подрядчика вина „ниже пробы“. „Для совершенныя вѣрности въ винѣ, чтобы воды не примѣшивали“, онъ предлагаетъ ввести у всѣхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ особенные контрольные приборы: „Маленькіе вѣсочки на желѣзныхъ цѣпочкахъ, чтобъ мочно было бъ въ нихъ вина или водки одинъ золотникъ отвѣся вижечь, да у нихъ же бы были Ямбургскаго дѣла хрустальныя фунтовыя или полуфунтовыя сткляночки, самыя чистыя“ и пр. Такимъ образомъ Посошковъ надѣется получить для казны больше доходовъ, и въ то же время „люди трезвѣе будутъ“ [2]). Далѣе Посошковъ предлагаетъ разныя мѣры контроля при пріемѣ вина отъ подрядчиковъ. И тутъ видно, въ какой мѣрѣ онъ обладалъ техникою въ этомъ предметѣ [3]).

Выбирать богатыхъ купцовъ въ бурмистры Посошковъ не совѣтуетъ: „надлежитъ имъ торговать и съ торговъ своихъ пошлины платить... богатому аще на годъ дать и пять сотъ рублевъ, то онѣ такъ неуслужитъ, какъ молотчій и изо ста рублевъ. Богатый аще и

---

[1]) Соч. Пос., I, 237.
[2]) Соч. Пос., I, 242.
[3]) Тамъ же, 239—40.

у сбору какого будетъ, то онъ больше попеченія будетъ имѣть о своихъ собственныхъ промыслахъ. А у кого большихъ промысловъ нѣтъ, то онъ весь тутъ будетъ, и о иномъ не будетъ много мыслить, но токмо то у него и на умѣ будетъ, какъ бы ему управить врученное ему дѣло". [1])

Въ извѣстныхъ случаяхъ дозволялось частнымъ лицамъ курить вино. Такія исключенія въ ущербъ казенной монополіи встрѣчаются весьма часто въ XVII столѣтіи. Въ 1708 году было велѣно положить конецъ частному винокуренію „со всякою жесточью". У всякихъ людей велѣно было отписывать винокуренную посуду—кубы, котлы, казаны и т. д., съ уплатою хозяевамъ цѣны ихъ. Эта мѣра оказалась весьма выгодною въ финансовомъ отношеніи. Цѣловальники доносили, что съ отборомъ посуды въ разныхъ волостяхъ „питейной казнѣ учинилось немалое пополненіе". Тѣмъ, которые утаивали „кубы", грозили страшными наказаніями [2]).

Изъ разныхъ указовъ видно, что было дозволено приготовлять для собственнаго приготовленія только пиво и медъ, а курить вино и для домашняго обихода всѣмъ сословіямъ было запрещено. Однако этотъ указъ не долго оставался въ своей силѣ: въ 1716 году онъ былъ отмѣненъ, и классы, прежде пользовавшіеся дозволеніемъ курить вино для домашняго употребленія, вновь получили на то право, съ уплатою пошлины съ кубовъ [3]). Хотя и при этомъ случаѣ были приняты кое-какія мѣры предосторожности, это позволеніе приготовлять вино для домашняго обихода вскорѣ превращалось въ настоящее корчемство [4]), какъ видно изъ весьма любопытныхъ въ этомъ отношеніи разсужденій Посошкова. Онъ вообще не любитъ привиллегированные классы; на этотъ разъ же онъ былъ крайне не доволенъ такою привиллегіей, которая оказалась весьма невыгодною для казны.

„Въ большихъ своихъ вотчинахъ", говоритъ Посошковъ, — „построены у нихъ (дворянъ) свои кабаки, и называютъ ихъ квасными, а подъ именемъ квасня продаютъ явно пиво, а вино потаенно. А питейная прибыль самый древній интересъ Царскаго Величества, а не помѣщичій. И аще все совершенно у всѣхъ помѣщиковъ самовольство все отнять,

---

[1]) Соч. Пос., I., 237, 239.

[2]) П. С. З., № 2004.

[3]) П. С. З., № 2990.

[4]) *Толстой*, 159.

и во всѣхъ вотчинахъ по пристойнымъ мѣстамъ построить кабаки, то прибыли питейныя тысячъ по сотницѣ или больше въ годъ прибудетъ. А буде же по прежнему Его Императорскаго Величества указу вино дворянамъ курить запретить, и клейменые кубы и котлы оставить, то, чаю, что по двѣсти и по триста тысячъ рублевъ на каждый годъ прибудетъ у питейной продажи". Посошковъ ожидаетъ однако, что въ случаѣ принятія такой мѣры, кто нибудь „самый сильный человѣкъ просить будетъ, чтобы квасни ихъ не разорять", въ такомъ случаѣ онъ уже предвидитъ, что предложенная имъ мѣра не будетъ приведена въ исполненіе. Потому онъ предлагаетъ по крайней мѣрѣ болѣе точно опредѣлить, сколько дворянамъ должно платить за винокуреніе. Вообще же онъ совсѣмъ недоволенъ такою снисходительностью къ дворянамъ и говоритъ: „А дворяне и мелкія статьи многіе накуря вина, въ деревняхъ своихъ продаютъ, а иные и въ городы привозятъ, продаютъ и тѣмъ питейный сборъ вельми повреждаютъ" [1]). Нѣсколько страницъ далѣе Посошковъ возвращается къ этому предмету. Изъ весьма любопытныхъ подробностей его разказа можно видѣть, какимъ образомъ „сильные люди" вліяли на законодательство, не заботились о выгодахъ казны и нарушали существовавшія правила и законы. Поэтому онъ предлагаетъ „отставить клейменье", „велѣть у всѣхъ дворянъ котлы и трубы обрать на государя и по настоящей цѣнѣ за мѣдь деньги заплатить, а олово и свинецъ и всякую грязь на огнѣ выжечь, чтобъ Великому Государю въ томъ изъяну напраснаго не было". Затѣмъ слѣдуютъ разныя предложенія, какимъ образомъ устроить надзоръ, чтобы никто не занимался винокуреніемъ; наказанія за тайное винокуреніе, по мнѣнію Посошкова, должны быть весьма строгія; не только дворяне, но и крестьяне, не донесшіе на своихъ господъ, должны подвергнуться денежнымъ пенямъ и, т. п. [2]). Достойно вниманія слѣдующее предположеніе Посошкова: „Аще бо у дворянъ вина своего не будетъ, то и пить будутъ меньше, и по городамъ и по корчмамъ развозить не станутъ, и приказнымъ людямъ или мастеровымъ за работу виномъ давать не будутъ". Значитъ, дворяне позволяли себѣ такое злоупотребленіе, весьма гибельное для рабочаго класса.

Посошковъ предлагаетъ опредѣлить количество вина, которое можетъ получить изъ кабаковъ каждый дворянинъ по подрядной цѣнѣ.

---

[1]) Соч. Пос. X. 234—235.
[2]) Соч. Пос., I, 243—244.

Онъ желаетъ принятія мѣръ „чтобы одинъ человѣкъ дважды не взялъ. Кто возьметъ излишнее вино, то взять на немъ штрафъ за всякое ведро излишнее по 25 рублевъ, а со свидѣтелей по 5 рублей за человѣка". Полученное такимъ образомъ вино „по подрядной цѣнѣ", значитъ, безъ прибыли для казны,—и въ этомъ заключалась привилегія дворянства, допускаемая Посошковымъ,—отнюдь не могло быть продаваемо кому-либо. И на этотъ счетъ слѣдуютъ у Посошкова разные штрафы, доносы и т. д.[1]).

Спрашивается однако: какимъ образомъ могъ Посошковъ надѣяться на точное исполненіе предложенныхъ имъ правилъ и законовъ. Онъ же лучше многихъ другихъ зналъ, какъ „сильные люди" относились къ закону и къ представителямъ власти. На этотъ счетъ чрезвычайно любопытны замѣчанія Посошкова объ отношеніи дворянъ къ цѣловальникамъ и бурмистрамъ. „Паки" говоритъ онъ и отъ сего интереса Царскаго Величества гніетъ много, что помѣщики сбору казны Его Императорскаго Величества не помогаютъ, но еще и препятіе чинятъ: въ коихъ пристойныхъ мѣстахъ по Его Императорскаго Величества указу повелѣно кабаки построить и собирать бурмистрамъ и цѣловальникамъ питейную прибыль, и гдѣ уже построены были, помѣщики разорили и сборы остановили. Василій Дмитріевичъ Корчминъ, аще добрый человѣкъ и Великому Государю вѣрный слуга, обаче и онъ въ сіемъ вельми погрѣшилъ: ибо въ Бодонецкомъ погостѣ до его владѣнія была питейная стойка построена, и рублевъ по сту и больше на каждый годъ на ней собиралось, а нынѣ приказный его человѣкъ съ питьемъ въ ту стойку не пускаетъ, и въ Государевѣ погребѣ ставитъ свое питье. И отъ того у Великаго Государя рублевъ по сту и больше пропадаетъ. А нынѣ помѣщики и такіе есть, что и цѣловальниковъ бьютъ, и питья отымаютъ, и посуду разбиваютъ, и по такому ихъ озарничеству стали они быть своему Государю противники, а не слуги. Чѣмъ было имъ Государю своему радѣть, и въ собраніи казны чинить вспоможеніе, а не остановку, то они бѣдные (?) забыли, что самая истинная земля, коя и подъ нимъ самимъ, не его, но Великаго Государя; а и самъ онъ не свой, а его жъ Величества, а страха на себѣ ни малаго не имѣютъ. И такое препятствіе чинится въ мелкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего! Тѣ и ногою на ту землю, коя подъ

---

[1]) Соч. Пос., I, 245—246.

временнымъ его владѣніемъ, съ питьемъ Государевымъ не пускаютъ" [1].

Сомнѣваться въ справедливости таковыхъ обличеній Посошкова мы не имѣемъ основанія. Такъ какъ онъ указываетъ мѣсто происхожденія таковыхъ случаевъ и называетъ по имени одного изъ виновныхъ, его разсказъ заслуживаетъ довѣрія. Хотя онъ и не можетъ быть названъ наблюдателемъ вполнѣ безпристрастнымъ, такъ какъ не любилъ сильныхъ людей и былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ уже ревностнымъ сторонникомъ „царскаго интереса", опытность его, частыя путешествія и любовь къ правдѣ доставляли ему возможность сообщить весьма живую картину отношенія дворянъ къ питейному дѣлу.

Въ заключеніе своего подробнаго изложенія финансоваго значенія питейнаго дѣла Посошковъ предлагаетъ прейсъ-курантъ всѣмъ водкамъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ продавать водку по шести рублей ведро, а фунтъ по 20 копѣекъ, аптекарскую водку по 50 копѣекъ, съ сахарною приправою по 60 копѣекъ и пр. Наконецъ, онъ предлагаетъ разныя правила относительно меду и хмѣлю: тутъ показаны и цѣны, по которымъ слѣдуетъ продавать „меды варенные, чистые, малиновые, смородинные и прочіе, кои строятся изъ ягодъ безъ вина и съ виномъ, ставленные, бѣлые меды", далѣе „пиво доброе густое, пиво расхожее". Посошковъ предлагаетъ отставить акцизъ на пивовареніе, потому что „въ явочной запискѣ только однимъ подъячимъ покормка, а Великому Государю вельми не великъ доходъ"; къ тому же „варельщикамъ не безъ грѣха; потому что сваритъ кто четверть и объявитъ тольку одну осьмину, а кто сваритъ осьмину, а явитъ полуосьмину. И то, стало быть, неправда и грѣхъ.... А если явку отставить, то всѣ чины пиво варить и меды ставить будутъ безпечно, потому что вынимать у нихъ того питья никто не станетъ, и сваривъ, не станутъ торопиться, чтобъ скорѣе выпить, но будутъ прочнѣе держать, и ради своего здравія станутъ по малому числу пить, и грѣхъ тотъ минется, что лгать будетъ уже не для чего, и клятвы въ неправдѣ не будутъ чинить. А вмѣсто тѣхъ поторжныхъ явокъ и пивныхъ пошлинъ наложить пошлину на хмѣль, на пудъ хмѣля по четыре рубля" и т. д." Слѣдствіемъ этого будетъ, что „всякаго званія люди будутъ Великому Государю плательщики, и домашняго своего варенья даромъ не будутъ пить". Затѣмъ слѣдуетъ множество пра-

[1]) Соч. Пос., I, 234.

вилъ о контролѣ надъ исправнымъ платежемъ пошлины на хмѣль и о наказаніяхъ въ случаѣ утайки этой пошлины. Такія же правила относятся и къ меду. [1]).

Мѣра, предложенная Посошковымъ, должна считаться цѣлесообразною. Предоставленіе права пивоваренія и медоваренія частнымъ лицамъ подъ условіемъ извѣстной платы, за которую выдавались такъ называемые *позволительные ярлыки*, давало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ [2]). При платежѣ пошлины на хмѣль, какъ надѣялся Посошковъ, „уже ни богатый ни убогій, ни самый сенатъ, не избудетъ того платежа: захочетъ пива, купитъ и хмѣль“ [3]).

Монетная регалія.

Посошковъ въ разное время занимался вопросами, касающимися денежной системы. Изъ донесенія его къ боярину Головину „о ратномъ поведеніи“ мы узнаемъ, что еще до 1701 года имъ была составлена записка по этому предмету. Говоря о военномъ бюджетѣ, Посошковъ замѣчаетъ: „И если-бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма.... И буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мелкою дробью, якожъ прежде явихъ въ денежномъ письмѣ“ [4]).

Къ сожалѣнію, это сочиненіе Посошкова не сохранилось. Что же касается до его содержанія, то изъ словъ: „денежное дѣло управить съ мелькою дробью“ можно заключить, что Посошковъ въ этомъ письмѣ говорилъ о недостаткѣ въ мелкой монетѣ, который именно въ то время былъ столь тягостенъ для обращенія. Въ одномъ современномъ указѣ сказано: „Во многихъ низовыхъ и во многихъ городѣхъ за скудостью денежекъ, на размѣну въ мелкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебреныя копѣйки на двое и на трое и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ, а въ Калугѣ и въ иныхъ городѣхъ вмѣсто серебреныхъ денежекъ торгуютъ же кожаными и иными жеребьями“ [5]). Этимъ предположеніемъ ограничивается наше знаніе о содержаніи этого денежнаго письма. По всей вѣроятности, оно было писано до указа 11-го марта 1700, которымъ правительство распо-

---

[1]) Соч. Пос., I, 246—250.
[2]) П. С. З., № 2074. *Толстой* Ист. фин., 165.
[3]) Соч. Пос., I, 247.
[4]) Соч. Пос., I, 291.
[5]) П. С. З., № 1776.

рядилось о выпускѣ мѣдныхъ денежекъ, полушекъ и полуполушекъ, и можетъ быть, именно по поводу появленія этихъ новыхъ мѣдныхъ денегъ. Въ 1718 году Посошковъ по поводу появленія новыхъ денегъ написалъ еще другое донесеніе о денежномъ дѣлѣ. Въ сочиненіи: „О скудости и богатствѣ" онъ пишетъ: „Нынѣ иноземцы приглашаютъ, чтобы и въ ефимочное серебро на дробныя деньги прилагать мѣди большую часть. И я аще и самый мизирный человѣкъ, усмотря то начиненіе, не могъ утерпѣть, ежебъ не объявить объ нихъ, что въ нихъ прову будетъ. Въ 1718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ нововачинающихся деньгахъ, изъявивъ, что такія деньги вельми къ воровству способны и самое денежнымъ ворамъ предводительство будетъ" [1]). Мы ужъ изъ біографіи Посошкова знаемъ, съ какими затрудненіями боролся онъ, какъ „мизирный человѣкъ" при стараніи доставить эту записку Петру чрезъ кабинетъ-секретаря Макарова. Посошковъ говоритъ, что поводомъ къ составленію этой записки были „новыя деньги". Дѣйствительно, въ 1718 году были чеканены новыя деньги, а именно серебрянныя монеты низкой пробы [2]), и это послѣднее обстоятельство вызвало негодованіе Посошкова. Мы увидимъ, что онъ вообще возставалъ противъ всякой примѣси въ монетахъ. Можно считать вѣроятнымъ, что вопросъ о примѣси былъ главнымъ предметомъ „доношенія" Посошкова въ 1718 году, потому что онъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ: „И тѣ вышепомянутыя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажно и воровскія появилися. И я, присмотря ихъ въ томъ году, двѣ копѣйки да алтынникъ воровской увидѣлъ и взялъ ихъ къ себѣ, доношеніе о нихъ написалъ, и по два дня ходилъ я къ господину Алексѣю Васильевичу Макарову и получить не могъ, еже бы то доношеніе вручить ему; понеже въ то время походъ былъ Царскаго Величества въ Заонежье къ лекарственнымъ водамъ. И я, видя то, съѣхалъ въ Новгородъ, и затѣмъ то донесеніе замотчалось" [3]). Значитъ, попытка Посошкова высказать правительству свои мысли о денежномъ дѣлѣ была неудачна, и рукопись записки пропала.

Къ счастію, въ послѣднемъ сочиненіи Посошкова мы находимъ подробный разборъ главныхъ вопросовъ о монетномъ дѣлѣ. Онъ помѣщенъ въ главахъ „о купечествѣ" и „о царскомъ интересѣ".

[1]) Соч. Пос., I, 251.
[2]) *Chaudoir*, Essai sur les monnaies russes, I, 152; П. С. З., № 3164.
[3]) Соч. Пос., I, 255.

Вотъ главныя мысли, высказанныя Посошковымъ: 1) Основаніемъ цѣнности денегъ служитъ не столько количество содержащагося въ нихъ металла, сколько авторитетъ государя. 2) Деньги должны чеканиться безъ всякой примѣси. Въ связи съ этими мнѣніями мы находимъ: 3) проектъ о выпускѣ легкой мѣдной монеты.

Посошковъ краснорѣчиво говоритъ о подданствѣ русской торговли иноземцамъ. Онъ, какъ мы видѣли, преподаетъ главныя начала меркантилизма и надѣется, что русскіе купцы будутъ въ состояніи освободиться отъ этого перевѣса западно-европейскихъ купцовъ. Предлагая продавать всѣ товары иноземцамъ только по согласію всего русскаго купечества и по точно опредѣленнымъ цѣнамъ, онъ порицаетъ иноземцевъ за высокія цѣны, которыя онѣ требуютъ за свой товаръ, и продолжаетъ: „Такая цѣна уставилась за ихъ непокорство; они на свои товары безъ причины наложили цѣну высокую и тѣмъ насъ вельми изневолили, а имъ изневога не отъ насъ, но отъ своего имъ упрямства. Они въ причину поставили русскія наши деньги, до чего имъ ни малаго дѣла нѣтъ. Деньги наши когда въ ихъ землю придутъ, то хотя они нашу копейку и за деньгу не возьмутъ, то въ томъ они вольны: ихъ земля—ихъ и воля. А въ нашей землѣ нѣтъ имъ ни малыя власти, но воленъ нашъ монархъ, а по его монаршеской волѣ и мы не имѣемъ нѣкую часть воли. А они, пришедъ въ нашу землю, цѣня наши деньги, да всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысили: червонные были безъ гривны по сроку алтынъ, а нынѣ по два рубля; ефимки были по осьминадцати алтынъ, а нынѣ по осьми гривенъ; мѣди пудъ былъ по три, а нынѣ по семи и по восьми рублевъ; олово было не съ большимъ по три рубля, а нынѣ выше шести рублевъ; горючая сѣра была по полтинѣ пудъ, а нынѣ втрое выше продаютъ. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривенъ, ту нынѣ продаютъ по два рубля; оконечныхъ стеколъ ящикъ покупали по три рубля, а нынѣ продаютъ по десяти рублевъ. Колико ни есть заморскихъ товаровъ, на всѣ наложили они цѣну двойную, да и тройную“ и т. д. [1]).

Жалобы Посошкова относительно повышенія цѣнъ на всѣ товары были справедливы. Въ 1671 году червонцы стоили, какъ мы знаемъ изъ сочиненія Кильбургера, 114—125 коп. [2]), что довольно близко подходитъ къ указанію Посошкова: „прежде червонные были 110 коп.“

---

[1]) Соч. Пос., I, 123.

[2]) *Kilburger*, 307.

Уже въ 1688 г. червонецъ стоилъ 142 коп., а въ послѣднее время царствованія Петра Великаго червонцы обмѣнивались за 190 коп. [1]). Ефимки были въ 1671 году 55—56 коп. (Посошковъ: „прежде 54 коп.), а въ 1712 г. правительство полагало купить въ Архангельскѣ ефимки по 80 коп. [2]), что совершенно сходно съ цѣною указанною Посошковымъ. Пудъ мѣди стоилъ въ 1675 г. 4.80 коп. [3]); въ 1669 г. въ Брянскѣ цѣнили на оружейномъ дворѣ посуду мѣдную по 3 и 4 рубля за пудъ [4]). Въ то время, когда Посошковъ писалъ свое сочиненіе „О скудости и богатствѣ“, мѣдь стоила, по словамъ Посошкова, 7—8 р.. и это подтверждается другими данными, напримѣръ, въ 1712 г. правительство желало купить мѣди красной платовой по 7.25 коп., мѣди въ котлахъ по 7 р. [5]).

Посошковъ приписываетъ такую дороговизну ненависти иноземцевъ, желавшихъ „пригнать русское царство къ оскудѣнію“. Ему и въ голову не приходило, что перемѣны въ монетной системѣ могли быть причиною такого повышенія цѣнъ. Въ этомъ отношеніи мы должны удивляться нѣкоторымъ образомъ ограниченности Посошкова.

Подобный же случай незнанія главныхъ основъ теоріи цѣнъ встрѣчается въ XVII столѣтіи. Вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ, упавшихъ въ цѣнѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, началась страшная дороговизна. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые современники, напримѣръ, Котошихинъ, Мейербергъ, Коллинсъ и др. хорошо понимали, что главная причина повышенія цѣнъ было ничто иное, какъ лажъ на мѣдныя деньги, правительство въ октябрѣ 1660 года обратилось къ боярамъ, гостямъ и людямъ гостинныхъ и суконныхъ сотенъ и слободъ и торговымъ людямъ съ вопросомъ: „отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городѣхъ передъ прежнимъ хлѣбу дорогая цѣна“. И правительство, и гости и торговые люди приписывали дороговизну закупщикамъ хлѣба, винокуренію въ чрезмѣрномъ количествѣ, безлюдію, превращенію дачи жалованья натурою въ денежное жалованье и другимъ причинамъ: о разстройствѣ въ монетной системѣ ни слова [6]). Такъ и Посошковъ не могъ усмотрѣть причинъ дороговизны и хулилъ иноземцевъ за „упрямство“, не допуская основательности ихъ жалобъ

[1]) *Gordon*, Tagebuch (изд. *Поссельтомъ*), II, 214.
[2]) *Weber*, Neuverändertes Russland, I, 336.
[3]) П. С. З. № 2606.
[4]) *Временникъ* XV, Смѣсь, 30.
[5]) П. С. З., № 2587.
[6]) См. П. С. З., № 286, и мое сочиненіе — Мѣдныя деньги въ Россіи, стр. 44.

на перемѣны въ русскихъ деньгахъ. Посошковъ не замѣчалъ, что правительство дѣйствовало точно также, какъ и иноземцы, повышая цѣны на кабацкое питье каждый разъ, когда перемѣна въ деньгахъ, то-есть, въ монетной единицѣ, имѣла слѣдствіемъ измѣненіе цѣнъ. Такое измѣненіе цѣнъ, о которомъ говоритъ Посошковъ, было мнимымъ. По мѣрѣ того какъ монетная единица въ Россіи измѣнялась вслѣдствіе порчи монетъ и становилась меньше, цѣны на всѣ товары, выражаемыя въ этихъ деньгахъ, должны были подниматься. Вотъ какимъ образомъ измѣнялась монетная единица при Иванѣ Посошковѣ:

Во время царствованія царя Алексѣя Михайловича

	изъ	1 фунта	серебра	чеканили	921	коп.
1696	„	—	„	„	10¼	руб.
1697	„	—	„	„	10¾	„
1698	„	—	„	„	13⅙	„
1699	„	—	„	„	14⅙	„
1711	„	—	„	„	15⅓	„ [1]).

Деньги становились легче: конечно, такой порчѣ монетъ должно было соотвѣтствовать повышеніе цѣнъ.

Не въ первый разъ этотъ вопросъ о дороговизнѣ и порчѣ монетъ былъ поднятъ въ Россіи въ отношеніяхъ къ иноземцамъ. Когда при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ англійскій посланникъ Мерикъ жаловался, что новыя деньги дѣлаются легче вѣсомъ, бояре отвѣчали: „Послѣ царя Ѳеодора Ивановича въ Московскомъ государствѣ учинилась смута, многое разореніе и земли запустѣніе, царская казна разграблена, а служивыхъ людей умножалось и жалованья дать нечего, государи христіанскіе пограничные помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали легче, чтобъ государство было чѣмъ построить и служивыхъ людей пожаловать; да и на новое то дѣло, во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только золотыя имъ деньги бывали дороже или легче прежняго, во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами, и теперь мѣдными деньгами торгуютъ мало не вездѣ; а какъ скоро которое государство поисправится, то тамъ и деньги поправляются, а укоризны въ томъ нѣтъ никакой“. Такимъ образомъ, возражая англійскому дипломату на сдѣланный имъ русскому правительству

---

[1]) *Chaudoir*, I, 124.

упрекъ, бояре въ свою очередь, очевидно не понимая связи между деньгами и цѣнами, обвиняютъ Англичанъ: „Англійскіе гости всякіе товары стали продавать дороже прежняго: при прежнихъ государяхъ продавали золоченое серебро въ дѣлѣ гривенку по три рубля, а бѣлое и безъ четверти, а теперь продаютъ гривенку по пяти рублей и больше“ [1]). Такая перемѣна въ цѣнѣ какъ разъ соотвѣтствовала происходившей въ Россіи перемѣнѣ въ монетной единицѣ: Англичане жаловались, что „прежній рубль равнялся 14 шиллингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шиллинговъ“ [2]).

Въ отношеніи къ измѣненію монетной системы существовали противоположныя мнѣнія. Иностранцы при возвышеніи цѣнъ на свои товары „поставляли въ причину русскія деньги“, а Посошковъ утверждалъ, что имъ до этихъ денегъ „никакого дѣла нѣтъ“.

Еще рѣшительнѣе Посошковъ высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ онъ говоритъ: „Иноземцы въ своихъ иноземныхъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріалу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имя Его Царскаго Величества назначено, тамо честно и опасно хранимъ“ [3]). А далѣе: „Дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по соизволенію Императорскаго Величества.... Мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ, намъ не мѣдь дорога, но дорого Его Царское именованіе. Того ради мы не вѣсъ въ нихъ чинимъ, но счисляемъ начертаніе въ ней. Есть перваго выхода денежки вѣсомъ по полтора золотника; то она аще вѣсомъ и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдетъ. А на коей цатѣ золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за гривну ходить будетъ. И по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсъ имѣетъ силу, но царская воля. У иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ яко народъ, и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а

---

[1]) *Соловьевъ*, IX, 193.
[2]) *Соловьевъ*, IX, 190.
[3]) Соч. Пос., I, 252.

королевскую персону полагають на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цата имѣеть въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ. И тыи иноземцы хощутъ то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара, того ради прилагаютъ въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стоила матеріяломъ своимъ того, за колико ей ходить" [1]).

Мы видимъ тутъ двѣ совершенно противоположныя теоріи о деньгахъ. Въ одной утверждается, что единственнымъ основаніемъ цѣнности денегъ служитъ государственный авторитетъ, а другая указываетъ на необходимость соразмѣрности между номинальною и реальною цѣнностями монетъ. Долго продолжалась борьба между этими двумя мнѣніями, сопровождаемая безчисленными денежными кризисами, и повлекла за собою громадныя потери.

Всѣ случаи порчи монетъ доказываютъ, что государи раздѣляли мнѣніе Посошкова. Вслѣдствіе того сдѣлалось возможнымъ, что золотыя монеты превращались въ серебряныя, какъ, напримѣръ, гульдены,— серебряныя въ мѣдныя, какъ, напримѣръ, копѣйки въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ,—даже золотыя въ мѣдныя, какъ мараведи въ Испаніи; во Франціи въ продолженіе тысячелѣтія ливръ уменьшился на $^1/_{87}$ своей первоначальной цѣнности.

Въ русской публикѣ мнѣніе Посошкова имѣло приверженцевъ, а именно незадолго до Посошкова мы встрѣчаемъ любопытный примѣръ совершеннаго согласія мнѣній правительства и публики съ мнѣніемъ Посошкова. Алексѣй Михайловичъ, выпустивъ мѣдныя деньги, номинальная цѣнность которыхъ была въ 60 разъ выше чѣмъ реальная, и требуя, чтобъ эти деньги шли наравнѣ съ серебряными, конечно, основывалъ эту операцію на той же теоріи Посошкова, что „ащебъ государь повелѣлъ на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, то бы она за рубль въ торгахъ ходить стала". Хотя упадокъ въ цѣнѣ этихъ мѣдныхъ денегъ до 6% первоначальной номинальной цѣнности [2]) и доказывалъ, что публика не совсѣмъ раздѣляла это мнѣніе, однако иногда и въ публикѣ правительство находило ревностныхъ защитниковъ такой теоріи. Такъ, въ Малороссіи объ этихъ мѣдныхъ деньгахъ былъ

---

[1]) Соч. Пос., I, 253—254.

[2]) См. *Котошихинъ*, стр. 83; П. С. З., № 339; А. А. Э., IV, № 144.

слѣдующій разговоръ между гетманомъ Выговскимъ и полковникомъ Пушкаремъ. Выговскій вынулъ изъ кармана московскія деньги, бросилъ на столъ и сказалъ: „Хочетъ намъ царь Московскій давать жалованье мѣдными деньгами, но что это за деньги какъ ихъ брать?" На это Пушкарь отвѣтилъ: „Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать" [1]).

Наше предположеніе, что въ Россіи многіе раздѣляли тогда мнѣніе Пушкаря и Посошкова объ авторитетѣ государя, какъ о единственномъ мѣрилѣ цѣнности денегъ, подтверждается также и тѣмъ достопамятнымъ обстоятельствомъ, что, какъ разказываетъ Котошихинъ, „тѣ мѣдныя деньги многое время ходили съ серебряными заровно и возлюбили тѣ деньги всѣмъ государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары принимали и выдавали" [2]).

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на порчу монетъ Юрій Крижаничъ, который и въ этомъ отношеніи находился подъ вліяніемъ просвѣщенія Западной Европы. Тамъ, на западѣ, мало по малу получало верхъ мнѣніе, что монетная регалія не должна служить источникомъ доходовъ, и что правительства не имѣютъ права стремиться къ обогащенію въ ущербъ интересамъ общества посредствомъ выпуска легковѣсныхъ монетъ. Говоря о „злыхъ способахъ или промыслахъ", онъ относитъ сюда и монетную регалію въ томъ случаѣ, когда она служитъ обогащеніемъ казны. „Ковачество и лити ковничны прѣметы" [3]), пишетъ онъ, — „гдѣ изъ пѣнязныхъ ковницъ ищутъ прибыли и злые пѣнязи куютъ: сей способъ не токмо есть неправеденъ и полонъ грѣха, но и веле облуденъ. Чаетъ ся быть прибыленъ; а онъ есть сама истая убыль и тщета. Отнюдь и во вѣки не можетъ владатель изъ ковничныхъ прѣметовъ добыть едного пѣнязя, дабы не пріялъ тщеты стократъ толико. У лѣкарёвъ есутъ нѣкои промыслы, кои ся зовутъ *remedia desperata*, отчаяны промыслы, когда лѣкарь больника пріемлетъ за мертва и обсѣчетъ му кусъ мяса или разрѣжетъ тѣло и опять зашіетъ или инако лѣчитъ, да больникъ или здравъ постанетъ, или отъ самаго лѣкарства умретъ. Сицевымъ отчаяннымъ смертнымъ лѣкарствамъ есть подобно злыхъ пѣнязей ко-

---

[1]) *Соловьевъ*, XI, 14 и 15.

[2]) *Котошихинъ*, l. c.

[3]) Переливка металловъ, *прѣметъ* — оборотъ, см. замѣчаніе г. *Безсонова* въ изд. *Криж.* I ч.

ваніе. И равно яко отчаянна лѣкарства не чинятся инако, неже въ крайней нужѣ, и гдѣ никакова иного способа нѣсть мочь добыть, такожъ и злыя пѣнязи нѣмають ся ковать безъ крайной нужи. А престать есть треба что найскорѣе: або ище долго провлекуть, то жъ ся учинить народу, что бы. лѣкарь учинилъ больнику, дабы жилу отворилъ и не заперлъ. Вся кровь бы изтекла и человѣкъ бы умерлъ. Сице и въ народу: все благо (кое ся зоветъ другая кровь) отъ народа изтечетъ" [1]).

Крижаничъ до того умѣлъ цѣнить количество заключающагося въ монетахъ металла, что въ предложенной имъ монетной системѣ мѣдныя деньги — „брояки" — должны были имѣть въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ различную цѣну: „А цѣна да имъ будетъ различна въ кралеству, по томъ како гдѣ мѣдь будетъ дража или дешевна. Вездѣ тако како ся мѣдь кунуетъ на торгу" [2]). Въ тронной рѣчи, составленной Крижаничемъ какъ бы для Алексѣя Михайловича, сказано: „Вяще постановляемъ. . . . лехки, нестойны, скудны и злы всяки пѣнязи да будутъ отселѣ изъ нашего кралевства навѣки неподвижнымъ закономъ скажнены, выклицаны, затерты, завержены и преповѣданы. Да никто не будетъ долженъ пріять пѣнязя никакова, кій бы въ чемъ наимѣнемъ скуденъ былъ отъ уставъ. И аще бы кто въ услобоженые грады пришелъ подъ царскимъ именемъ, провѣдать и удавать таковыхъ пѣнязь; да градомъ будетъ вольно таковыхъ людей и смертію казнить давши имъ перво изповѣдь" [3]). Однако условіемъ такого неупотребленія монетной регаліи въ пользу казны въ ущербъ народному благосостоянію должна быть, по мнѣнію Крижанича, готовность всѣхъ подданныхъ платить налоги; онъ однако не сомнѣвается въ томъ, что всѣ подданные предпочтутъ добровольный платежъ налоговъ столь страшнымъ злоупотребленіямъ, каковы, какъ полагаетъ Крижаничъ „вольно воровство, кабаки, самотержіе, злые пѣнязи и инородные торговцы" [4]).

Совершенно согласно съ Крижаничемъ разсуждали объ этомъ предметѣ въ Западной Европѣ. Когда въ Англіи, во время царствованія Карла I, правительство намѣревалось посредствомъ примѣси мѣди въ серебрянымъ деньгамъ превратить 40.000 фунт. стерл. въ

[1]) *Крижаничъ*, I, 2—3.
[2]) *Крижаничъ* I. 327.
[3]) Тамъ же, I, 328.
[4]) *Крижаничъ*, I, 369.

160.000 фунт. стерл., купечество объявило, что никто не будетъ считать себя обязаннымъ принимать въ торговыхъ оборотахъ и т. п. столь худую монету [1]), и членъ верхней палаты сэръ Робертъ Коттонъ произнесъ длинную рѣчь противъ порчи монетъ, которая впослѣдствіи была издана въ печати неоднократно[2]). Въ Англіи же знаменитый философъ и публицистъ Локкъ замѣтилъ, что посредствомъ порчи монетъ также невозможно помочь недостатку въ деньгахъ, какъ помочь недостатку въ суннѣ посредствомъ уменьшенія аршина [3]). Уже Данте называетъ французскаго короля Филиппа IV, изъ-за порчи монетъ, „поддѣльщикомъ монеты"; въ Аррагоніи короли при вступленіи на престолъ были принуждены давать обѣтъ, что они не перемѣнятъ монетной системы, не смотря однако на это, они позволяли себѣ разныя продѣлки въ этомъ отношеніи, такъ что папа Иннокентій III грозилъ имъ за это проклятіемъ церкви [4]). Еще въ XVIII вѣкѣ деспотическія финансовыя предпріятія Людовика XIV заставляли Монтескье смѣяться надъ его незнаніемъ теоріи денегъ. Въ знаменитыхъ „Lettres persanes" Рика пишетъ къ Иббену: „Французскій король—волшебникъ, онъ имѣетъ даже полную власть надъ умомъ и разсудкомъ своихъ подданныхъ и заставляетъ ихъ думать то, что ему угодно. Нуждается ли онъ въ деньгахъ и имѣетъ въ казнѣ не болѣе одного милліона,—стоитъ ему только объяснить своимъ подданнымъ, что одинъ милліонъ—два, и они тотчасъ же вполнѣ убѣждаются въ томъ. Предстоятъ ли ему значительные расходы на содержаніе войска, и онъ не располагаетъ достаточными для этого суммами, — то ему стоитъ только сказать своимъ подданнымъ, что кусокъ бумаги—деньги, и они вѣрятъ ему" [5]).

Въ различныхъ странахъ экономисты старались распространять то понятіе о монетной системѣ, которое Посошкову казалось столь неприличнымъ. Во время реформаціи въ Германіи Агрикола писалъ о металлахъ (De re metallica) столь дѣльно, что его металлургическія теоріи оставались господствующими до конца XVIII вѣка. Онъ же ратуетъ энергично противъ всякой порчи монетъ. Филиппъ Гессенскій считалъ содержаніе монетной системы въ исправномъ по-

---

[1]) *Raumer's* Briefe r. neuere Gesch., II. 376.
[2]) *Roscher*, Z. Gesch. d. engl. Volkswirthschaftslehre, стр. 101.
[3]) *Roscher*, Zur Gesch. d. engl. Volkswirthschaftslehre, стр. 101.
[4]) *Pecchio*, Storia dell'economia pubblica in Italia, стр. 42.
[5]) Lettres persanes, XXIV.

рядкѣ признаковъ добродѣтели и способности къ управленію въ государствѣ [1]). Чрезвычайно основательныя сочиненія о монетномъ дѣлѣ явились въ продолженіе XVI вѣка въ Саксоніи. Въ нихъ весьма ясно излагается громадное значеніе количества содержащагося въ монетѣ металла [2]). Въ 1592 г. явилось сочиненіе Шпангенберга „Объ употребленіи и злоупотребленіи монетъ“, въ которомъ авторъ замѣчаетъ, что каждое правительство должно считать себя обязаннымъ никогда не приступать къ какой-либо порчѣ монеты. Геттингенскій бюргермейстеръ Тилеманъ Фризенъ въ своемъ сочиненіи „Müntzspiegel“ (1592 г.) утверждаетъ, что цѣнность монеты основана не столько на чеканѣ, сколько на количествѣ содержащагося въ ней металла. Яковъ Борницъ въ сочиненіи „De nummis“ (1608) замѣчаетъ, что примѣсь въ монетѣ должна обусловливаться только техническими, но не финансовыми соображеніями; онъ же говоритъ о необходимости соблюденія извѣстной пропорціи между размѣнною монетой и полновѣсными деньгами и доказываетъ, что порча монетъ всегда должна имѣть слѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ на всѣ товары, и что перемѣна въ монетной системѣ можетъ произойдти только съ согласія публики. Во время Тридцатилѣтней войны, когда и въ отношеніи къ монетной системѣ, какъ и въ области государственнаго быта царствовала анархія, потому что въ Германіи въ то время существовало около 600 денежныхъ дворовъ [3]), — когда каждый мелкій князь старался разбогатѣть чрезъ выпускъ легковѣсной монеты, и въ публикѣ часто встрѣчалось обрѣзываніе монетъ (Kippen und Wippen), такъ что, по мнѣнію современниковъ, всѣ ужасы войны не представляли собою столькихъ неудобствъ, сколько влекло ихъ за собою повсемѣстное разстройство въ монетной системѣ, — возникла цѣлая литература о монетахъ вообще и о порчѣ монетъ въ особенности. Явились повѣсти, бесѣды, проповѣди и ученыя статьи. Богословы и пасторы подробно объясняли, что правительства обязаны сохранять монеты въ чистотѣ и первоначальной цѣнности. Одинъ изъ нихъ сравниваетъ разстройство въ монетной системѣ съ бѣдствіями мороваго повѣтрія, съ неурожаемъ, съ пожаромъ и наводненіемъ и т. д.

---

[1]) Агрикола умеръ въ 1555 г. Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, род. въ 1504, умеръ въ 1567 г.

[2]) *Roscher* Gesch. d. Nat. ok. in Deutschland, стр. 108, 49, 107.

[3]) См. напр. *S. O. Opel*, Deutsche Finanznoth beim Beginn des Dreissigjährigen Krieges. *Historische Zeitschrift* 1866. 4 Heft.

и заявляетъ протестъ противъ мнѣнія, что война и неурожай были причиною дороговизны, утверждая, что ничто иное какъ порча монетъ повлекла за собою это зло; всѣ другія бѣдствія, какъ-то: война и неурожай, кажутся ему какъ-бы карою Божіей за выпускъ легковѣсныхъ монетъ. Факультеты различныхъ университетовъ публиковали сочиненія о деньгахъ. Въ запискѣ, изданной Іенскимъ университетомъ, сказано: Такъ какъ деньги общее мѣрило всѣхъ цѣнностей (communis rerum mensura), то порча монетъ должна непремѣнно привести въ разстройство весь хозяйственный бытъ [1]). Такое же мнѣніе было высказано знаменитымъ современникомъ Посошкова, Лейбницемъ [2]).

Въ Англіи, напримѣръ, Мунъ (Mun, A discourse of trade, 1609) протестовалъ противъ всякаго возвышенія номинальной цѣнности монетъ. Основатель науки о политической ариѳметикѣ, Петти, неоднократно писалъ противъ подобныхъ финансовыхъ предпріятій и подробно объяснялъ, какія бѣдствія должны они повлечь за собою. Онъ утверждалъ, что явное банкротство государства менѣе гибельно для народнаго благосостоянія, чѣмъ порча монетъ. Дудлей Нортъ (*North*, Discourse of trade 1691) называетъ такія перемѣны въ денежной системѣ обманомъ и замѣчаетъ, что единственною основою цѣнности денегъ служитъ количество драгоцѣннаго металла, въ нихъ содержащагося. Локкъ говоритъ, что возвышеніе номинальной цѣнности монеты заключаетъ въ себѣ обманъ и для государя, и для его подданныхъ и т. д. [3]). Эти теоріи въ Англіи имѣли прямое вліяніе на практику, какъ видно ужъ изъ того обстоятельства, что фунтъ стерлинговъ въ Англіи далеко не въ такой мѣрѣ убавился какъ во Франціи монетная единица ливра. Напротивъ того, въ Италіи самыя просвѣщенныя теоріи о раціональномъ управленіи финансовъ не могли спасти этой страны отъ страшныхъ злоупотребленій въ управленіи монетною регаліей. По остроумному замѣчанію графа Пеккіо, въ Италіи были постоянно въ обращеніи самыя худыя деньги, между тѣмъ какъ писались самыя лучшія сочиненія о монетѣ.

---

[1]) *Roscher*, Die deutsche Nationalökonomik an der Gränzscheide des XVI u XVII Jahrhunderts. *Abhandl. d. pol.-hist. Klasse d. Kgl. Säcks. Ges. d. Wiss.*, Bd. IV, № III, Leipzig, 1862, стр. 274, 276, 306, 330, 335.

[2]) *Roscher*, Gesch. d. N. Ok. u Deutschland, стр. 338.

[3]) См. соч. *Рошера*, Zur Gesch. der engl. Volkswirthchaftslehre, стр. 47, 81, 85, 95, 101.

Также разсуждали и нидерландскіе ученые, какъ, напримѣръ, Боксгорнъ, Мирисъ и другіе. Сальмазіусъ прямо замѣтилъ, что правительство никогда не будетъ въ состояніи, единственно въ силу своего авторитета, опредѣлить цѣнность монеты. Другіе писатели краснорѣчиво описывали гибельныя послѣдствія выпуска легковѣсной мѣдной монеты въ Испаніи въ началѣ XVII вѣка [1]. Цѣлью такихъ сочиненій было: убѣдить нидерландское правительство въ опасности подобныхъ предпріятій [2].

Какъ мало практическій бытъ въ Россіи вліялъ на развитіе теоріи, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: когда по случаю операціи съ мѣдными пятикопѣечниками (1723—1756) правительство весьма тщательно занялось вопросомъ о вымѣнѣ этихъ денегъ изъ обращенія и при этомъ случаѣ были собираемы многія статистическія и историческія данныя, никто изъ составителей проектовъ о способѣ окончанія этой операціи не упомянулъ о страшномъ кризисѣ, случившемся въ Россіи вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Съ тѣхъ поръ до мѣръ, принятыхъ правительствомъ для отмѣны пятикопѣечниковъ, прошло менѣе вѣка [3], однако, какъ кажется, никто не зналъ объ ужасныхъ бѣдствіяхъ 1660 — 1663 годовъ. Матеріалы, относящіеся къ этому дѣлу, хранились въ архивахъ. Равнымъ образомъ, и Посошковъ, какъ видно, ничего не зналъ объ этомъ происшествіи.

Въ практикѣ, наконецъ, мало по малу восторжествовала та теорія, противъ которой столь энергично возставалъ Посошковъ. Въ какой мѣрѣ она была извѣстна Посошкову—видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Онъ формулировалъ теорію иноземцевъ слѣдующимъ образомъ: „Тыи купцы по копечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ за свидѣтеля, что та цата имѣетъ въ себѣ толико товару, за что̀ она идетъ“. Эти слова могутъ считаться почти вполнѣ точнымъ переводомъ правила, высказаннаго извѣстнымъ французскимъ экономистомъ Мишелемъ Шевалье: „L'empreinte que reçoivent l'or et l'argent dans les hôtels-des-monnaies, n'est

[1]) См. мое сочиненіе: Ueber das Kupfergeld in Spanien im XVII Jahrhundert въ сборникѣ Kupfergeldkrisen, St.-Petersburg, 1867, стр. 71—77.

[2]) *Laspeyres*, Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederlander, Leipzig, 1863, стр. 14, 285, 286.

[3]) См. мое сочиненіе: Матеріалы для исторіи финансовъ въ Россіи. Пятикопѣечники 1723—56 гг.. С.-Петербургъ, 1867.

pas autre chose qu'une attestation, donnée par le souverain du poids et du titre de chaque pièce"[1]).

Лигатура или примѣсь менѣе драгоцѣнныхъ металловъ къ серебру и золоту бываетъ необходима для большей твердости и прочности монеты. Не всегда однако исключительно техническія соображенія, но иногда и финансовыя, были причиною таковой примѣси. Посошковъ возстаетъ противъ этого образа дѣйствій. „Въ Россіи", говоритъ онъ,— „изначала при великихъ князѣхъ и при первомъ Россійскомъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ были дѣланы деньги изъ самаго чистаго серебра, на кости плавленнаго, чему явное свидѣтельство тыи старыя деньги, и нынѣ въ мірѣ обрѣтающіяся. А при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начали дѣлать изъ ефимочнаго серебра, на кости не переплавливая"... Затѣмъ Посошковъ разказываетъ о появленіи новыхъ денегъ въ 1718 году, которыми онъ былъ крайне недоволенъ, и потомъ продолжаетъ: „И о семъ мнѣніе мое тако лежитъ, еже бы о денежномъ дѣлѣ тщаніе великое приложить, отъ чего царская сокровища могутъ наполнитися, и народъ пользу не малу воспріиметъ. И управить ею годствуетъ твердымъ разумомъ, дабы пороку въ нихъ во вѣки не было, и чтобы никто воровски сдѣлать ихъ не могъ, а во установленіи о томъ ни малыя бъ измѣны не чинить, но яко столпу быть неподвижиму. И о семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми умы, а не вѣтреннными, помыслить о нихъ, како бы ихъ устроити, дабы онѣ прочны и непорочны и похвальны были. И по моему мнѣнію зрится: лучше, еже бы серебряныя деньги привести серебромъ въ древнюю чистоту, или паче чтобъ денежнаго серебра ни въ каковыхъ вещахъ лучше не было. Яко у насъ въ Россіи вѣра содержится христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическаго не имущая, тако требѣ и деньгамъ россійскимъ быть самымъ чистымъ безъ всякаго примѣса, и еже бы имъ ото всѣхъ иностранныхъ отмѣннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра. И аще великій нашъ монархъ Всероссійскій императоръ изволилъ противо древнихъ нашихъ россійскихъ денегъ чистотою или и чище дѣлать, то паки въ вѣчныя роды онѣ будутъ похвальны... И таковыя деньги надлежитъ въ торгахъ русскихъ имѣть, за рубежи жъ отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо одни червонцы отпускать... А въ тѣхъ сумѣсныхъ деньгахъ первый главный и несносный намъ вѣрнымъ Его Императорскаго Величества рабомъ порокъ, еже по цѣнѣ

[1]) *Michel Chevalier*, Cours d'écon. pol., III, Paris, 1850, стр. 24.

въ деньгахъ товару снизить Его Величества именованіе. Другой въ нихъ будетъ, еже вложенное въ нихъ серебро ни за что погибнетъ. Третій порокъ, что воровскимъ деньгамъ будетъ великое предводительство, еже уже и явилося. Въ деньгахъ такъ надобно ухитрить, чтобъ онѣ не токмо Царскому Величеству, но и всему бъ народу полезны были, и чтобъ никто воровски сдѣлать ихъ не могъ. Намъ весьма надобно вымышлять и старатися о томъ, како бы воровство и всякія неправды изъ народу истребити, и правда насадить, и всякое нореченіе отъ Россійскаго народа отлучить. И тѣ вышепомянутыя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажно и воровскія появилися.... И аще тѣ съ примѣсомъ серебра деньги не измѣнятся, то весьма воровства много въ народѣ будетъ; а если отъ воровства убѣжать и прибыли въ деньгахъ поискать, то мочно дѣлать изъ самыя чистыя мѣди легкія“ [1])...

Справедливо Посошковъ говоритъ, что прежде, а именно при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, серебро въ деньгахъ было чище позднѣйшаго. Въ 1830 году на монетномъ дворѣ былъ сдѣланъ химическій анализъ русскихъ монетъ различныхъ временъ, и при этомъ случаѣ оказалось, что копѣйка, относящаяся къ періоду царствованія Ивана Васильевича, была 92½ пробы [2]). Впослѣдствіи, когда русскія деньги чеканились изъ ефимковъ, привезенныхъ иностранцами, это отношеніе нѣсколько измѣнилось. Иностранные талеры были менѣе высокой пробы (85 - 90) [3]).

О „новыхъ“ деньгахъ 1718 года, которыми Посошковъ былъ столь недоволенъ, мы знаемъ чрезъ правительственныя распоряженія слѣдующее: 24-го января 1718 года вышелъ указъ: „Съ 1-го февраля дѣлать копѣйки и алтынники противъ пробы съ мѣдью; а гривенники, полтинники и рублевики дѣлать изъ чистаго серебра, противъ копѣекъ, а мѣдныя дѣлать полушки тонкія, дабы ворамъ отливать было нельзя, и какъ серебряныя, такъ и мѣдныя, по краямъ опечатывать, до которыхъ допустить возможность“ [4]). О пробѣ этихъ новыхъ денегъ мы узнаемъ изъ указа 14-го февраля 1718 года: „Рублевики, полтинники и гривенники дѣлать изъ серебра противъ семидесятой пробы; алтынники и копѣйки дѣлать съ мѣдью противъ три-

---

[1]) Соч. Пос. I, 250—255.
[2]) *Chaudoir*, l. c., I, 126.
[3]) *Chaudoir*, I, 79.
[4]) П. С. З., № 3148.

десяти осьмой пробы; а двурублевики дѣлать изъ золота противъ семдесять пятой пробы“ [1]).

Какъ видно, проба новыхъ денегъ была весьма низкая. Кажется, правительство опасалось, что новыя деньги не будутъ пользоваться довѣріемъ публики. По крайней мѣрѣ, въ указѣ 9-го апрѣля 1719 года сказано: „чтобы новыя деньги ходили по назначеннымъ на оныхъ подписямъ обыкновенными деньгами безъ всякаго спору. А буде кто по означеннымъ на нихъ цѣнамъ имать не станетъ: и тѣ будутъ по свидѣтельству штрафованы“ [2]).

Изъ словъ Посошкова видно, что онъ не столько нападалъ на новыя золотыя и серебряныя монеты, сколько на алтынники и копѣйки 38-й пробы. Онъ недоволенъ тѣмъ, что „иноземцы пригдашають чтобы въ ефимочное серебро на дробныя деньги (то-есть, на размѣнныя монеты) прилагать мѣди большую часть“. Посошковъ видѣлъ фальшивыя деньги 38-й пробы. И въ самомъ дѣлѣ тогда часто встрѣчались поддѣльные алтынники и копѣйки. Въ указѣ 24-го августа 1722 года говорится объ „оловянныхъ и стальныхъ деньгахъ“, и велѣно: „для подлаго народа читать сей указъ во всѣхъ церквахъ и послать воровскія деньги по малому числу губернаторамъ и воеводамъ, дабы священникамъ при чтеніи о томъ сего указа народу объявлять“ [3]). Изъ этого видно, какимъ количествомъ фальшивыхъ монетъ располагало правительство: оно имѣло возможность разсылать по всей имперіи образчики оныхъ [4]).

Выпускъ этихъ скорѣе мѣдныхъ, чѣмъ серебряныхъ денегъ встрѣтилъ противорѣчіе не одного Посошкова, но и другихъ современниковъ. Въ докладныхъ пунктахъ бергъ-коллегіи къ правительствующему сенату въ 1721 году сказано: „Нѣсть полезно нынѣ много денегъ дѣлать, понеже отъ того въ государствѣ уже великія суммы обрѣтаются, и хотя кажется, яко бы сіе на денежномъ дворѣ великую прибыль чинитъ, однакожь коммерціи великой ущербъ содѣловаетъ, когда пропорція мѣдной противъ серебряной монеты гораздо болѣе будетъ, умалчивая, что мѣдныя деньги великими суммами тяжело возить и въ пожарный случай оныхъ можетъ много погибнуть,

---

[1]) П. С. З., № 3164.
[2]) П. С. З., № 3347.
[3]) П. С. З., № 4076.
[4]) Разныя данныя въ доказательство того, что фальшивыхъ денегъ тогда было много, см. въ моемъ соч. о пятикопѣечникахъ стр. 30—31.

а отъ серебряныхъ въ такое время чистое сохранится: полезно есть копѣйки и полушки изъ мѣди чеканить, и оныя къ мелкому расходу или на обмѣнъ большихъ денегъ держать, токмо жъ бы ихъ не излишно, но по опредѣленной пропорціи противъ серебряныхъ дѣлать, а именно 10-ю часть мѣдныхъ или какая пропорція Его Царскому Величеству угодно будетъ. Не худо бъ было алтынники отставить, а вмѣсто ихъ пятикопѣечники по 70-й пробѣ дѣлать; ибо такіе отъ фальшивыхъ скорѣе отличатся, нежели нынѣшняго дѣла, которыя по 38-й пробѣ дѣлаются, къ тому же и въ счетахъ облегченіе будетъ" [1]).

Поддѣлка монетъ 38-й пробы представляла въ самомъ дѣлѣ менѣе затрудненій, чѣмъ поддѣлка монетъ высокой пробы. Уже въ XVII столѣтіи нѣмецкій экономистъ Борницъ утверждалъ, что примѣсь къ монетамъ облегчаетъ поддѣлку. Онъ также, какъ и бергъ-коллегія, въ Россіи, требовалъ точнаго опредѣленія пропорціи между размѣнною монетой и крупными деньгами [2]). Но между тѣмъ какъ бергъ-коллегія ничего не имѣетъ противъ примѣси вообще, что видно изъ ея предложенія выпустить пятаки 70-й пробы, между тѣмъ какъ Борницъ признаетъ необходимость лигатуры ради прочности монетъ,— Посошковъ никакъ не хочетъ допустить какой-либо примѣси. Въ чистотѣ металла для него заключается какая-то поэзія, какой-то идеалъ, такъ что онъ сравниваетъ чистоту монетъ съ чистотою вѣры. Онъ смотритъ при этомъ случаѣ на денежную систему не столько какъ финансистъ или техникъ, сколько какъ философъ или какъ доктринеръ. Его сильно оскорбляютъ, что „червонные состроены маниромъ и мастерствомъ самые честные, а существомъ урочены". И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, золотые двурублевики, выпущенные въ 1718 году, были 75-й пробы и такимъ образомъ чистотою металла далеко уступали прежнимъ золотымъ монетамъ. Червонцы, въ 1701 году чеканенные въ Россіи, были 93-й пробы; червонцы 1712—1716 годовъ—даже $93^1/_2$ пробы; червонцы, привозимые въ Россію изъ Германской имперіи, были даже 95-й пробы [3]).

Согласно съ вышеприведенными соображеніями Посошкова о главныхъ правилахъ монетной системы, написанъ и его финансовый проектъ о деньгахъ, основою котораго служатъ двѣ мысли, о которыхъ

---

[1]) П. С. З., № 3748.
[2]) *Roscher*, Die deutsche Nationalökonomik, 307.
[3]) *Chaudoir*, I, 140.

мы говорили, а именно: мысль о царскомъ авторитетѣ, какъ о единственномъ основаніи цѣнности денегъ, и мысль о необходимости сохраненія чистоты металловъ. „А дѣлать бы", говоритъ онъ,—„не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдныя деньги мочно дѣлать гривенники вѣсомъ по золотнику, алтынники по полузолотнику, а копѣйки по четверти золотника. И аще кто речетъ ми: для чего въ добрыхъ копѣйкахъ золотникъ въ мѣди пойдетъ по четыре копѣйки, а въ алтынникахъ по пяти копѣекъ, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ? Отвѣтствую: мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ" и т. д..... „И аще Его Императорскаго Величества изволеніе сицевое будетъ, ежебъ ради пополненія казны и ради всенародныя пользы дѣлать изъ золотника мѣди по 4 копѣйки, то изъ фунта будетъ ихъ 3 рубля 28 алтынъ, а изъ пуда 153 рубля 20 алтынъ; а алтынниковъ по два изъ золотника дѣлать, то изъ фунта ихъ будетъ 5 рублевъ 25 алтынъ съ копѣйкой, а изъ пуда выйдетъ ихъ 230 рублей 4 гривны; а гривенниковъ по одному изъ золотника, то изъ фунта будетъ ихъ 9 рублевъ 20 алтынъ, а изъ пуда будетъ ихъ 384 рубля. И по тому развѣсу аще пудъ мѣди передѣлать въ копѣйки, то прибыли у пуда будетъ 140 рублевъ. А алтынниковъ у пуда будетъ прибыли 220 рублевъ; а у пуда же гривенниковъ прибыли будетъ 370 рублевъ, и въ годъ если мѣди передѣлать 15000 пудъ [1]) и въ томъ числѣ 5000 пудъ передѣлать въ копѣйки, то прибыли у нихъ

въ годъ будетъ	70.000 рублевъ.
„а алтынники, если передѣлать 3.000 пудъ, то прибыли будетъ	66.000 „
„а въ гривенники если передѣлать 2.000 пудъ то будетъ у нихъ прибыли	37.000 „ [2]).
„и всего у 10.000 пудъ мѣди за всѣми расходы будетъ прибыли.	184.000 рублевъ [3]).

„И ради истребленія воровства прежнія мѣдныя деньги надлежитъ всѣ передѣлать въ такіяжъ деньги, то сверхъ прежнія прибыли будетъ и отъ нихъ приплоду милліона три-четыре или больше. А если

[1]) Ошибка вмѣсто 10.000, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ цифръ.

[2]) Ошибка: вдвое больше, то-есть, не 37.000 р., а 74.000 руб.

[3]) Ошибка: 183.000, или если принять въ соображеніе послѣднюю ошибку 37.000 р. вмѣсто 74.000 р.)—210.000 р.

старыхъ не передѣлать, то и воровства изъ нихъ не искоренить; понеже много явилось въ нихъ отливныхъ. И буде ихъ не окончить, то и впредь отливать ихъ будутъ, а сихъ новыхъ ни отлить, ни запечатать воровски будетъ невозможно“ [1]).

Проектъ Посошкова можетъ быть названъ чрезвычайно смѣлымъ. Въ его глазахъ несоразмѣрность между реальною и номинальною цѣнностями ничего не значила, потому что, по его мнѣнію, сія послѣдняя поддерживается не столько „въ цатѣ положеннымъ товаромъ, сколько царскимъ именованіемъ“. Однако ужъ изъ вышеупомянутой записки бергъ-коллегіи видно, что въ то время не всѣ раздѣляли мнѣніе Посошкова. Тамъ говорится о такой мѣдной монетѣ, въ которой встрѣчается несоразмѣрность между реальною и номинальною цѣнностями, доставляющая „денежному двору прибыль“. И въ самомъ дѣлѣ въ алтынникахъ и копѣйкахъ 38-й пробы мы встрѣчаемъ такую несоразмѣрность, какъ видно исъ слѣдующей смѣты;

Пудъ мѣди стоитъ около 8 рублей; пудъ серебра 488 рублей [2]). Такъ какъ алтынники и копѣйки чеканились по 38-й пробѣ, то въ пудѣ этихъ монетъ было:

серебра . .	15 фунтовъ	80 золотниковъ	
мѣди . . .	24 „	16 „	
	40 фунтовъ.		

15 фунтовъ 80 золотниковъ серебра по 488 руб. за пудъ стоили	193 руб. 17 коп.
24 фунта 16 золотниковъ мѣди по 8 руб.	4 „ 83 „
	198 руб.

Въ фунтѣ алтынниковъ и копѣекъ было $7.08^{12}/_{13}$ коп. [3]), слѣдовательно, въ пудѣ 283 руб. 57 коп.

Такъ какъ въ пудѣ алтынниковъ и копѣекъ номинальная цѣна была	283 руб. 57 коп.
а реальная	198 „ — „
прибыли при каждомъ пудѣ было	85 руб. 57 коп.

При сравненіи прибыли, которую имѣло правительство, выпустивъ

[1]) Соч. Пос., I, 250—256.

[2]) Какъ видно изъ П. С. З., 3748 «серебра 2,000 пудовъ цѣною на 976,000 рублей».

[3]) *Chaudoir*, I. 156.

алтынники и копѣйки 38-й пробы, съ прибылью, которую Посошковъ обѣщаетъ правительству при исполненіи своего проекта, мы получаемъ слѣдующій результатъ.

Въ пудѣ гривенниковъ Посошкова прибыли	. . . . .	370 руб.
„ „ алтынниковъ „ „	. . . . .	220 „
„ „ копѣекъ „ „	. . . . .	140 „
„ „ алтынниковъ и копѣекъ 1718 года	. . . .	85 „

Въ 1723 году правительство выпустило мѣдные пятикопѣечники, которые чеканились по 40 руб. изъ пуда мѣди. Въ этомъ случаѣ правительство выигрывало у каждаго пуда 32 рубля.

При Алексѣѣ Михайловичѣ были выпущены мѣдныя деньги съ нарицательною цѣною серебряныхъ. Такъ какъ пудъ мѣди тогда стоилъ 4.80 коп., а пудъ серебра 288 руб., правительство у каждаго пуда выигрывало 283 руб., что почти достигаетъ самаго смѣлаго соображенія Посошкова.

Мы видимъ, какъ ни оригинальны, какъ ни наивны могутъ казаться предложенія Посошкова о монетной системѣ,—подобныя мнѣнія были примѣняемы въ практикѣ, хотя такія финансовыя предпріятія оказывались чрезвычайно опасными.

Не понятно, какъ Посошковъ могъ предполагать, что послѣ появленія легковѣсныхъ мѣдныхъ монетъ не будетъ никакихъ случаевъ поддѣлки ихъ. Въ Россіи именно это преступленіе встрѣчалось весьма часто: множество указовъ и распоряженій правительства свидѣтельствуетъ о распространеніи этого зла. На чемъ же основывалъ Посошковъ свое предположеніе, что такой опасности нѣтъ въ отношеніи къ мѣднымъ деньгамъ? Поддѣлка мѣдныхъ денегъ не представляла даже особенныхъ техническихъ затрудненій. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ сословія участвовали въ поддѣлкѣ мѣдныхъ денегъ. Поддѣлка монеты до того была распространена, что чеканы и маточники сдѣлались предметомъ торговли. Даже крестьяне и нищіе были покупателями маточниковъ [1]).

Къ тому же Посошковъ предполагалъ дать предложенной имъ финансовой операціи нѣсколько болѣе значительные размѣры. Онъ приглашалъ правительство передѣлать всѣ мѣдныя деньги, находившіяся въ обращеніи, въ такіе гривенники, алтынники и копѣйки, обѣщая „приплоду три-четыре милліона“. Для полученія такой прибыли нужно было выпустить этихъ монетъ на сумму четырехъ мил-

---

[1]) См. мое соч. Мѣдныя деньги и пр., стр. 31.

ліоновъ. И въ этомъ отношеніи его соображенія довольно сходны съ образомъ дѣйствій правительства. О количествѣ выпущенныхъ алтынниковъ и копѣекъ мы не знаемъ. Пятикопѣечниковъ же въ 1723—1730 годахъ было выпущено на сумму 3.500,000, при чемъ прибыли было почти 3.000,000 рублей [1]).

Весьма сходенъ съ проектомъ Посошкова о выпускѣ легковѣсной мѣдной монеты проектъ директора С.-Петербургской типографіи Аврамова, составленный приблизительно въ то же самое время [2]).

О личности Аврамова не много извѣстно. Онъ состоялъ въ связи съ разными знатными лицами, имѣлъ мѣдный заводъ въ Казанской губерніи, составлялъ разныя записки о церковныхъ дѣлахъ и т. д. [3]). На заводѣ было выплавлено до 10,000 пудовъ мѣди. Озабочиваясь сбытомъ ея, Аврамовъ подалъ царю просьбу о принятіи отъ него на денежномъ дворѣ 500 пудовъ мѣди. При этомъ было присоединено „нижайшее мнѣніе" о пользѣ умноженія въ народномъ обращеніи мѣдныхъ денегъ. По словамъ Аврамова, всѣ платежи изъ казны удобнѣе могли производиться не серебряною и золотою монетою, а мѣдною. „А нынѣ (то-есть, въ декабрѣ 1723 г.), за недовольствомъ серебряной монеты, какъ отъ неполученія въ подобныя времена повсягоднаго жалованья, такъ и торговые и работные нижнихъ чиновъ люди имѣютъ великія скудости, а оное все отъ мѣдной монеты конечно пресѣчено будетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Аврамовъ предлагалъ, для удержанія въ Россіи золота и серебра, выѣзжающимъ за границу иностранцамъ, вмѣсто имѣющихся у нихъ золота и серебра въ деньгахъ и вещахъ, выдавать по настоящей цѣнѣ русскими товарами" [4]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1726 или 1726 г., онъ обратился къ верховному тайному совѣту съ такимъ же предложеніемъ [5]). Его

---

[1]) См. мое соч. о пятикопѣечникахъ, стр. 27.

[2]) Г. Купріяновъ открылъ рукопись его въ Новгородѣ и напечаталъ ее въ *Отечеств. Запискахъ* (т. CV) подъ заглавіемъ «Два неизвѣстные проекта Посошкова». Погодинъ помѣстилъ ее также въ II-мъ т. сочиненій Посошкова. См. мои замѣчанія объ этомъ предметѣ въ изслѣдованіи о сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, августъ 1874 года.

[3]) См. нѣкоторыя данныя объ Аврамовѣ въ соч. *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 498—514.

[4]) *Пекарскій*, 499.

[5]) См. мои соображенія, почему можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что записка была составлена для верховнаго тайнаго совѣта и между 1726 и 1727 гг., въ моей статьѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, августъ 1874 года.

записка дѣлится на двѣ части: 1) о любви Божіей; 2) о любви ближняго. Во второй части заключается проектъ о мѣдныхъ деньгахъ. Аврамовъ указываетъ на недостатокъ въ деньгахъ вообще. По его мнѣнію, слѣдуетъ чеканить 600.000,000 рублей. Особенно же онъ предлагаетъ умножить „мелкую мѣдную монету“: „Отъ придѣлу оныхъ мелкихъ мѣдныхъ денегъ государству польза и народу помощь такая: при удовольствованіи оныхъ, какъ морскимъ адмиралтейскимъ, такъ и сухопутнымъ армейскимъ полкамъ и штацкимъ служителемъ будетъ дача по окладамъ ихъ жалованья повсягодно, безъ задержанія, мелкою мѣдною монетою, со всякимъ благодареніемъ, понеже подлей народъ, какъ купечество, такъ и поселянство, оную монету пріемлютъ благодарно паче мелкихъ серебряныхъ денегъ“.

Аврамовъ предлагаетъ чеканить пятикопѣечники вѣсомъ по 1 золотнику, то-есть, 192 рубля изъ пуда мѣди. За прибыль, получаемую при этомъ случаѣ, онъ считаетъ возможно купить „множество золота и серебра“, а изъ этихъ металловъ онъ предлагаетъ чеканить самые лучшие „золотые и ефимки“. Двѣ трети этихъ денегъ должно „имѣть въ капиталѣ, а на нужные расходы употреблять токмо одну треть, а вмѣсто капитальной суммы вездѣ употреблять вышерѣченную легкую мѣдную монету, а наипаче на покупку изъ странъ и въ своемъ государствѣ серебра и золота, такожде и на вымѣнъ ходячей серебраной и золотой монеты“. Затѣмъ предлагается учредить банкъ, въ которомъ всегда будетъ находиться большое количество наличныхъ денегъ, и который будетъ „всякаго званія людемъ давать деньги взаймы безъ процентовъ (!)“.

Аврамовъ ожидаетъ, что мелкая мѣдная монета *по обычаю всего свѣта* (?) при лучшей нижнею монетою безъ всякаго порока останется“, что и торговля и промышленность станутъ процвѣтать болѣе, чѣмъ когда-либо, что правительство будетъ имѣть средства къ устройству громадныхъ хлѣбныхъ „магазейновъ“, что на мѣдныя деньги можно будетъ отвсюду покупать „алмазы и другое каменіе драгое, жемчугъ и прочія вещи драгія, что приходятъ изъ другихъ краевъ, и накупя, паки отвозить за море“. Онъ радуется, что всѣ эти „товары пришли на даровую монету, и чрезъ такой способъ со всѣмъ свѣтомъ имѣетъ быть въ торгахъ славная комерція. Оттого же фабрики и рудные заводы будутъ въ Россіи сильны и весьма умножатся“. Впрочемъ, Аврамовъ все-таки считалъ возможнымъ поддѣлку такой легковѣсной монеты за границею. Онъ предлагаетъ, чтобъ „офи-

церы на заставахъ и у портовъ накрѣпко стерегли, дабы въ Россію мѣдныхъ и серебряныхъ фальшивыхъ денегъ не возили“ [1]).

Мы видѣли, что Аврамовъ считалъ возможнымъ купить иностранные товары мѣдными деньгами. На этотъ счетъ правительство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дѣйствовало болѣе раціонально по случаю выпуска легковѣсной мѣдной монеты. Въ нѣсколькихъ указахъ встрѣчается запрещеніе торговать съ иноземцами мѣдными деньгами [2]), хотя и само правительство нарушало это правило, уплачивая иностранцамъ жалованье мѣдными деньгами [3]).

Посошковъ, при составленіи своего проекта, вовсе не входитъ въ такія частности. Онъ, какъ кажется, не былъ въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о явленіяхъ международныхъ денежныхъ сношеній. За то Аврамовъ коснулся этого вопроса въ слѣдующихъ соображеніяхъ: „А и о векселѣ ни малаго имѣть сумнѣнія не надлежитъ, понеже онаго не болѣе трехъ сотъ тысячъ въ годъ бываетъ, и мочно для него употребить одну вышерѣченную серебряную и золотую хорошую монету, которую и купцамъ, кто вексельную потребу заподлинно докажетъ, давать изъ капиталу на обмѣнъ мѣдной монеты рубль за рубль безъ всякаго задержанія. А хотя бъ вексель и повысился, и тогда неприлично считать и ровнять малую кроху убытка съ великою горою прибытка“.

Значитъ, Аврамовъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ размѣннаго фонда, находящагося въ банкѣ. Такой „капиталъ“ могъ дѣйствительно содѣйствовать удержанію въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ. Но для этого было необходимо еще другое условіе: чтобы мѣдныя деньги оставались лишь размѣнною монетой и вообще не играли бы первенствующей роли на денежномъ рынкѣ Россіи. Однако желаніе Аврамова мѣдными деньгами покупать золото, серебро, алмазы и т. д. не согласуется съ слѣдующими мыслями: „И за вышеписаннымъ сумнѣніемъ для настоящей нужды передѣлу мѣдной монеты отставливать не надлежитъ, но до нѣсколько милліоновъ умножить надобно, понеже нижней монетѣ быть мѣдной не противно: ибо древній сей обычай и во многихъ государствахъ ведется безпереводно, за нѣсколько сотъ лѣтъ дѣлаютъ въ прибавокъ повсягодно, и потому вездѣ у нихъ надѣлано

---

[1]) О привозѣ фальшивой мѣдной монеты въ Испанію послѣ выпуска въ этомъ государствѣ легковѣсной мѣдной монеты см. мое сочиненіе: Kupfergeldkrisen, стр. 71.

[2]) См. мое соч. Мѣдныя деньги, стр. 26.

[3]) Тамъ же, стр. 27.

много милліоновъ, отъ которыхъ великая помочь народу, и оное заблагоразсуждается быть истинною, безъубыточною помощію, противъ чего и въ Россіи въ государственную помочь и въ народную пользу мѣдной нижней монетѣ быть и умножать оную надлежитъ даже до многихъ милліоновъ".

Какъ видно, Аврамовъ не имѣлъ яснаго понятія о свойствѣ размѣнной монеты. Въ одно и то же время онъ называетъ золотую и серебряную монету „хорошею", мѣдную „нижнею" и все-таки предлагаетъ дать операціи выпуска легковѣсной мѣдной монеты большіе размѣры. Очевидно, Аврамовъ слыхалъ о мѣдныхъ плитахъ, бывшихъ въ употребленіи въ денежномъ обращеніи Швеціи. Онъ предлагаетъ слѣдующее: „Когда Богъ дастъ рудные заводы умножатся", то можно купить легковѣсными мѣдными деньгами много мѣди, то есть, за 40 милліоновъ рублей мѣдными деньгами 4 милліона пудъ мѣди и эту мѣдь передѣлать въ „плиты". Этими плитами можно вымѣнять 40 милл. легковѣсныхъ мѣдныхъ денегъ и т. д. „И тако 40 милліоновъ рублевъ внутренней цѣны въ государство войдутъ безъ казеннаго и народнаго убытку". Эти „плиты", по мнѣнію Аврамова, могутъ служить предметомъ вывоза.

Любопытно, что Аврамовъ все-таки считаетъ желательнымъ вымѣнъ мелкихъ мѣдныхъ денегъ, замѣнъ ихъ „плитами" съ „внутреннею цѣною". Онъ предлагаетъ еще другой „способъ убавки изъ народа мелкихъ мѣдныхъ денегъ": Изъ 10,000 пудовъ сибирской мѣди (по 4 руб. пудъ) сдѣлать 2 милліона рублей легкой монеты; на эти 2 милліона купить серебра, сдѣлать рублевиковъ 70-й пробы и этими серебряными монетами вымѣнять легковѣсныя мѣдныя деньги, затѣмъ повторить эту операцію, и такимъ образомъ „сколько потребно будетъ серебряной монеты скоро и безубыточно ввесть въ государство".

Все это Аврамову кажется легко возможнымъ и удобнымъ. Онъ нисколько не думаетъ о какомъ-либо возвышеніи цѣнъ. Онъ желаетъ, чтобы правительство покупало драгоцѣнные металлы химерными мѣдными деньгами, не подозрѣвая вовсе, что продавцы золота и серебра не возьмутъ такихъ денегъ. Его главнымъ образомъ интересуетъ вопросъ о размноженіи рудниковъ. Лишь было бы достаточно мѣди — все остальное не представляетъ, по его мнѣнію, никакихъ затрудненій [1]).

---

[1]) См. записку Аврамова въ соч. Пос., II, 304—311.

Все это было возможно въ силу того убѣжденія, которое, какъ мы видѣли выше, было высказано Посошковымъ, что цѣнность монеты обусловливается лишь авторитетомъ государя.

Какъ бы то ни было, правительство дѣйствовало въ духѣ Посошкова и Аврамова, именно въ то время рѣшаясь на выпускъ легковѣсной мѣдной монеты. Даже можно спросить: не имѣли ли какого-либо вліянія на правительство мысли Аврамова? Сходство между последними и мѣрами правительства бросается въ глаза. Аврамовъ считаетъ предложенную имъ операцію какъ бы временною мѣрою для снабженія казны и публики деньгами и для введенія хорошей денежной системы распространеніемъ въ концѣ концовъ серебра и золота и вымѣномъ легковѣсной мѣдной монеты. Такая же мысль встрѣчается въ указѣ 27-го января 1727-го года, въ которомъ сказано: „Понеже мы, имѣя матернее милосердіе и разсужденіе о томъ, что подданные наши, а наипаче крестьяне, отъ великой подати и разныхъ многихъ непорядковъ въ великой нуждѣ обрѣтаются и отъ того подушнаго сбора многая доимка допускается.... (считаемъ нужнымъ) изъ двухъ одно выбирать: или денегъ умножить, или расходы убавить. Объ убавкѣ армейскихъ расходовъ опасно и думать,—того ради для облегченія подданныхъ при платежѣ сборовъ необходимая нужда требуетъ, чтобы умножить деньги; а понеже въ серебрѣ имѣется нужда, а мѣди получить мочно—сдѣлать пятикопѣечниковъ два милліона р.; сіе дѣло едино для облегченія народнаго въ податяхъ производится; но производить его во всемъ тайнымъ образомъ, дабы въ другихъ государствахъ прежде времени о томъ вѣдать не могли; а дѣлать тѣ пятикопѣечники подъ тѣмъ видомъ, что готовятся они только на перемѣну старыхъ копѣечниковъ, а что сверхъ того сдѣлано будетъ, чтобы о томъ никто вѣдать не могъ. Но чтобы оная монета не вовсе въ народѣ осталась, того ради трудиться надлежитъ серебряныхъ денегъ *капиталъ* запасать, на что серебро на мѣдныя деньги мочно покупать съ прибавкою цѣны; также мѣдные заводы распространить, мѣдь умножать, изъ которой дѣлать плиты, и когда государственный капиталъ во всемъ исправится, и подданные облегчены будутъ и въ доброе состояніе придутъ, тогда всѣ мѣдныя деньги изъ народа выкупить въ казну, за которыя платить серебряными деньгами и плитами“ [1]).

О проектахъ Посошкова мы имѣемъ основаніе думать, что они

---

[1]) П. С. З., № 5003.

не были извѣстны правительству до его катастрофы. Что касается до проекта, то мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что правительство, какъ видно изъ вышеупомянутаго указа, приняло предложеніе Аврамова хотя и не цѣликомъ, но въ главныхъ основаніяхъ.

Неизвѣстно, какимъ образомъ чрезъ выпускъ легковѣсныхъ пятикопѣечниковъ правительство надѣялось помочь народу. Или оно полагало, что умноженіе денегъ вообще поможетъ народу уплачивать подати, или оно надѣялось чрезъ выгоду при выпускѣ пятикопѣечниковъ миновать необходимости умноженія податей. Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій видно, что правительство считало свою операцію въ нѣкоторой степени опасною. Оно, по видимому, желало устранить извѣстную долю этой опасности своего рода размѣнностью пятикопѣечниковъ. Конечно, впослѣдствіи оказалось невозможнымъ собрать такой *капиталъ*; но во всякомъ случаѣ любопытно, что правительство ласкало себя такою мыслію о благополучномъ окончаніи дѣла. Правительство, кажется, хорошо понимало, что выпускомъ легковѣсныхъ монетъ нарушались главныя основанія денежной системы. Поэтому оно надѣялось, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, извлечь изъ обращенія эти новыя монеты. Поэтому оно и желало совершенно тайнаго производства всего дѣла. Публика не должна была знать, въ какой опасности она находилась [1]).

Впрочемъ, нельзя не замѣтить различія между понятіями Посошкова, Аврамова и правительства въ отношеніи къ денежной системѣ. Посошковъ къ этому вопросу относится столь же наивно, какъ когда-то, нѣсколько десятилѣтій раньше, администрація при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Осуществленіе его предложеній, безъ сомнѣнія, повело бы къ такому же ужасному кризису, къ какому повели мѣдныя деньги 1656—1663 гг. Аврамовъ уже мыслитъ осторожнѣе, глубже, онъ уже имѣетъ въ виду что-то въ родѣ кредитной операціи; онъ имѣетъ нѣкоторое понятіе о различіи между размѣнною монетой и „хорошими“ деньгами. Правительство относится къ этому вопросу еще осторожнѣе, высказываетъ, хотя косвенно, разныя опасенія и—главное—не рѣшается выпустить столь легковѣсную монету, какую предлагалъ чеканить Аврамовъ.

Въ заключеніе сообщаемъ слѣдующую таблицу отношенія реаль-

---

[1]) См. подробности по этому вопросу въ моемъ изслѣдованіи о пятикопѣечникахъ, а также въ моемъ изложеніи: «Ein Finanzproject in Russland 1726» въ журналѣ *Baltische Monatsschrift*, въ апрѣлѣ 1866 года, стр. 152.

ной и номинальной цѣнностей во всѣхъ этихъ проектахъ и операціяхъ. Если принять номинальную цѣнность за 100, то реальная цѣнность была:

въ мѣдныхъ деньгахъ царя Алексѣя	.	1,6%
„ гривенникахъ Посошкова	. . . . .	3,6 „
„ алтынникахъ Посошкова	. . . . .	4,4 „
„ пятикопѣечникахъ Аврамова	. . .	5 „
„ копѣйкахъ Посошкова	. . . . . .	8,2 „
„ пятикопѣечникахъ 1723—56	. . .	20 „
„ алтынникахъ 1718 г. 38-й пробы	.	60 „

Такіе проекты, составленные частными лицами, такія финансовыя предпріятія правительства доказываютъ, что вопросъ о денежной системѣ и въ Россіи занималъ многихъ и былъ весьма важнымъ моментомъ въ исторіи развитія политико-экономическихъ понятій. Нельзя не замѣтить при этомъ случаѣ, что въ то самое время, когда высказывались всѣ эти мысли, денежный вопросъ въ Россіи и на западѣ стоялъ на первомъ планѣ. Къ этому времени относятся и торговый кризисъ въ Англіи, и черезъ чуръ смѣлыя операціи Шотландца Ло во Франціи, и выпускъ легковѣсныхъ мѣдныхъ„ денежныхъ знаковъ“ въ Швеціи.

Заключеніе.

Таковъ былъ Посошковъ какъ экономистъ. Во многихъ вопросахъ онъ былъ прогрессистомъ, въ нѣкоторыхъ—консерваторомъ. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ понятіямъ обще-экономическимъ и къ разнымъ явленіямъ народно-хозяйственнаго быта онъ опередилъ многихъ современниковъ; иногда онъ оказывается даже болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ геніальный преобразователь, Петръ, котораго мы назвали наставникомъ Посошкова; въ отношеніи къ другимъ вопросамъ государственнаго или общественнаго хозяйства онъ оказывается ограниченнымъ, наивнымъ, даже ретроградомъ. Его сочиненія имѣютъ особенное значеніе какъ матеріалъ для изображенія экономическаго быта Россіи; что же касается до его предложеній, то реформы, о которыхъ мечталъ Посошковъ, были отчасти утопическими, неудобоосуществимыми. Въ нихъ царствуетъ безусловный оптимизмъ, онъ чрезмѣрно увлекается своими идеалами. Онъ не государственный человѣкъ, а диалетантъ. Онъ постоянно надѣется, что только стоитъ примѣнить къ практикѣ его предложенія, чтобы спасти Россію, обезпечить народное богатство и положить начало новой эры во всѣхъ отношеніяхъ. „Аще

Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичъ", думаетъ онъ, — „по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелить, то я чаю... преизлище царская сокровища наполнятся"; или: „если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится"; или: „аще вышесказанныя дѣла исправятся, и утвердятся, то я крѣпко на Божію милость надеженъ, что Его Императорскому Величеству на каждый годъ милліоновъ по пяти-шти и больше сверхъ нынѣшнихъ сборовъ приходить будутъ" и т. п. [1]).

Главная черта всѣхъ разсужденій Посошкова, свидѣтельствующихъ о многостороннемъ знаніи, о необыкновенной опытности въ дѣлахъ,—глубокая нравственность. И въ области народно-экономическаго быта, какъ и, вообще въ жизни общества и государства, онъ прежде всего боролся съ „неправдою". И на этотъ счетъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ былъ какъ-бы товарищемъ, сотрудникомъ Петра.

Современники почти не знали Посошкова; горькая судьба постигла его; есть даже основаніе думать, что его „Книга о скудости и богатствѣ" считалась преступленіемъ. Потомство, напротивъ, безпристрастно можетъ судить о заслугахъ „мизирнаго" крестьянина села Покровскаго", занимающаго довольно важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и особливо въ исторіи развитія политической экономіи въ Россіи.

[1]) Соч. Пос., I. 3, 116, 258,

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	11	строк.	11	св.	его	ею
»	19	»	9	сн.	ротномъ	ратнюмъ
»	36	»	3	сн.	записяхъ	мѣрахъ
»	66	»	9	сн.	царевомъ	царскомъ
»	99	»	1	св.	Webs	Volks
»	100	»	15	сн.	уврушецъ	украшецъ
»	101	»	18	сн.	истопчиваютъ	истончеваютъ
»	101	»	13	сн.	оттопчеваютъ	оттончеваютъ
»	102	»	7	св.	лишь	лицъ
»	111	»	7	сн.	сихъ	силъ
»	114				выноска 2-я: прибавить къ заглавію сочиненія о нищихъ имя автора *Прыжовъ*.	
»	118	»	9	св.	Посошкомъ	Посошковъ
»	119	»	22	св.	Іонненфельсъ	Зонненфельсъ
»	119	»	24	св.	звѣрищевъ	звѣринцевъ
»	121	»	7	сн.	работа	забота
»	132	»	14	св.	ея	ся
»	140	»	11	св	Берга	Бэра
»	142	»	1	св.	aodo	dodo
»	171	»	7	св.	ревелю	ревеню
»	175	»	12	св.	въ	къ
»	182	»	4	сн.	Мупъ	Мунъ
»	183	»	5	св.	1696	1646
»	187	»	13	сн.	преобраданіи	преобладаніи
»	192	»	2	св.	Галей	Ралей
»	194	»	7	сн.	хвосты	хвасты
»	211	»	7	сн.	гумсфальтушъ	гумсфальтумъ
»	214	»	4	св.	домахъ	деньгахъ
»	223	»	10	сн.	въ 1711 года	въ указѣ 1711 года
»	224	»	7	св.	мочи	могли
»	132	»	10	св.	распутномъ	ратномъ
»	145	»	1	сн.	Италіи	Испаніи